

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Малорусскіе рассказы, сказки и пр.

Б. Д. Гринченко.

Черниговъ, 1901.
Земская Типографія

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	V—VIII
I. Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ	1— 18
II. Примѣты и повѣрья	19— 42
III. Знахарство, заговоры и проч.	43— 87
IV. О сверхъестественныхъ существахъ	89—128
V. О мертвецахъ	129—142
VI. О людяхъ съ чудесною силою	143—176
VII. О кладахъ	177—188
VIII.	189—206
IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.	207—283
X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ	285—306
XI. Преданія о иѣстностяхъ	307—328
XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія	329—376
Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги	377—401
Прибавленіе: Старая рукопись	402—420.
Примѣчанія и параллели	421—454
Указатель содержанія	455—488

---

1 46

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга должна была-бы составлять новый, четвертый, томъ изданныхъ мною раньше „Этнографическихъ Матеріаловъ, собранныхъ въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. Но, подобно предыдущимъ, и этотъ томъ долженъ первоначально появиться въ видѣ приложения къ „Земскому Сборнику Черниговской губерніи“, и форматъ какъ приложения, такъ и отдѣльнаго оттиска всецѣло зависить отъ формата „Сборника“. Между тѣмъ послѣдній въ настоящемъ году своей внѣшней видъ измѣнилъ, и если-бы я оставилъ старое заглавіе, то новый, четвертый, томъ настоящаго формата выглядѣлъ-бы довольно странно рядомъ съ тремя своими, очень высокими, старшими братьями. А такъ какъ, кромѣ того, прежнее, слишкомъ длинное, заглавіе не вполне отвѣчало содержанію книги и появилось на ней въ силу случайныхъ причинъ, то этотъ томъ и получилъ новое имя, болѣе краткое и болѣе точное.

Какъ и прежнія, настоящая книга составлена изъ матеріаловъ, сообщенныхъ разными лицами. Болѣе всего доставлено было г-жею *М. С. Чудновскою* (свыше ста рассказовъ, не считая мелкихъ примѣтъ, заговоровъ, пословицъ и проч.), а затѣмъ г-жею *М. Н. Гринченко* (болѣе сорока рассказовъ, кромѣ прочаго), принявшей на себя также подборъ части малорусскихъ параллелей. Кромѣ того,

въ книгу вошли еще записи слѣдующихъ лицъ: *В. Т. Андриевскаго* (сообщившаго также и записи *Я. Бондаренко*), *В. В. Боржковскаго*, *Н. Д. Билоконя*, *Е. Н. Гаврилея*, *В. П. Горленко*, *Е. С. Грибенюки*, *Н. Б. Г...*, *Ю. Н. Долмской*, *Г. В. Дорошенко*, *А. В. Заблочнаго* (отъ г-на *В. Г. Кравченко*), *г-жи Наталіи Кобринской*, *И. Е. Коновала*, *Ө. Кондратовича*, *М. М. Коцюбинскаго* (сообщившаго и запись *А. Дуляка*), *В. П. Кошоваго*, *М. Л. Кропивницкаго*, *Д. К. Лебеда*, *А. П. Лукашевича* (отъ *В. П. Горленко*), *Г. С. Неводовскаго*, *В. В. Полуботко*, *И. М. Руденко*, *г-жи Одарки Романовой*, *В. Ф. Степаненко*, *В. П. Цымбала* (сообщившаго и записи *Т. Галушки*), *В. Г. Шевченко* и, наконецъ, составителя книги. Нѣсколько неизвѣстно кѣмъ записанныхъ номеровъ найдено было мною въ случайно доставшемся мнѣ собраніи разныхъ бумагъ.

Кромѣ этихъ, вновь появляющихся, матеріаловъ, читатель найдетъ въ книгѣ, по большей части въ видѣ вариантовъ къ печатаемымъ впервые записямъ, нѣсколько перепечатокъ изъ двухъ-трехъ старыхъ изданій, сдѣлавшихся такой большой библіографической рѣдкостью, что, напр., даже въ самомъ Черниговѣ я не могъ найти полного экземпляра „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“ за всѣ годы. Такимъ образомъ все, напечатанное тамъ, является совершенно мертвымъ капиталомъ, недоступнымъ для научнаго изслѣдованія. Простое указаніе варианта, помѣщеннаго въ такомъ изданіи, въ сущности было поэтому бесполезнымъ. Вслѣдствіе этого уже и раньше гг. Рудченко, Номисомъ и П. П. Чубинскимъ перепечатано было изъ упомянутыхъ „Вѣдомостей“ все, что попало въ руки составителямъ „Южно-русскихъ народныхъ сказокъ“, „Украинскихъ приказокъ“ и томовъ „Трудовъ этн.-стат. экспедиціи“, посвященныхъ юго-западному краю. Слѣдуя ихъ примѣру, и я внесъ въ свою книгу нѣсколько такихъ перепечатокъ, между которыми есть имѣющія большой интересъ записи П. С.

Ефименко, П. Кузьменко и др. Одна или двѣ небольшихъ перепечатки изъ современныхъ газетъ объясняются желаніемъ сохранить сообщеніе отъ обычнаго для такихъ извѣстій исчезновенія вмѣстѣ съ истребленіемъ газетныхъ листовъ. Всѣ перепечатки отмѣчены или при текстѣ ихъ, или въ отдѣлѣ „Примѣчаній и параллелей“.

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ 369 номеровъ съ десятокъ записей, быть можетъ, могли бы и не появляться въ печати, такъ какъ представляютъ слишкомъ близкіе варианты уже раньше опубликованнаго. Но условія изданія книги были таковы, что я долженъ былъ или совсѣмъ отказаться отъ опубликованія ея, — по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время, — или начать печатаніе въ то время, когда матеріалъ подвергся только первой, предварительной провѣркѣ по печатнымъ сборникамъ. Впрочемъ, эти записи взяли не много мѣста, и я постарался вознаградить читателя, обставивъ ихъ возможно обширнымъ указаніемъ параллелей.

№ 112 и „Прибавленіе“ (стр. 402) не подходятъ подъ избранное для книги заглавіе, потому что являются воспроизведеніемъ рукописей; но такъ какъ изученіе фольклора и подобныхъ рукописныхъ произведеній тѣсно между собою связано, то мнѣ и показалось не лишнимъ опубликовать ихъ здѣсь.

Систематизація матеріала осталось та-же, что и въ первыхъ двухъ томахъ моихъ „Этнографическихъ Матеріаловъ“, а относительно правописанія я придерживался тѣхъ-же основаній, которыя изложены мною на стр. XVI—XVII предисловія къ третьему тому помянутаго моего труда. Прибавлю только, что при перепечаткахъ изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ я сохранялъ правописаніе оригинала, стараясь объ этомъ даже тамъ, гдѣ приходилось переводить установленное фонетическое правописаніе на употребленное въ настоящей книгѣ, крайне неудобное для малорусской фонетики. Нѣсколько записей въ отдѣлѣ третьемъ (онѣ всѣ отмѣчены) напеча-

VIII

таны съ рукописей со всѣми неправильностями правописанія — за невозможностью установить съ точностью текстъ. Относительно передачи двухъ вышеупомянутыхъ старыхъ рукописей сдѣланы примѣчанія въ соответствующихъ мѣстахъ. Извиняюсь за искаженіе чешскаго и польскаго правописанія (въ „Примѣчаніяхъ и параллеляхъ“): оно обусловлено недостаткомъ соответственныхъ буквъ въ типографіи.

Всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ приношу мою глубокую благодарность за оказанную ими, въ составленіи настоящей книги, помощь, вызванную ихъ благороднымъ сочувствіемъ дѣлу народонзученія.

1900. XI. 24.

Черниговъ.

Б. Гринченко.

I.

Представленія и разказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. Сонце.

Убытойи гадюкы не кыдай на видноци—сонце плататыме.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

---

2. Змiй летивъ (метеоръ).

Я уже не докажу, куды той змiй летивъ и кому винъ нисъ гроши,—кажуть люде, що винъ носыть тому шевцю, що на краю села,—а що своимы очыма бачыла, якъ винъ летивъ. Я йшла додому, колы летыть—дoвгый, довгый, икразь якъ коромысель; стала я къ плетню и нагнулась, бо винъ такъ низенько летивъ, та усе и хыляється, та блестыть же такъ! Чуть-чуть не зачепывъ мене и пролетивъ удовжъ села.

М. С. Чудновская отъ крестьянки г. Березнаго Черниг. у. 1898.

---

3. Змії носять гроши.

Багато насъ, хлопцівъ, йшло на ночлигъ и бачылы, шо змії, увесь красный та блискучый, то подыметься вгору, то зновъ опустыться и такъ до трохъ разъ, а у третейте пиднявся и полетивъ. Мы бачылы, якъ винъ пролетивъ скрызъ церкву и повернувъ до П-ча. Кажуть, шо сьому чоловіку змії носять гроши.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, Чернягов. у., отъ Демьяна Конопки въ 1898 г.

4. Змії якъ куль соломы.

Одинъ чоловікъ ишовъ селомъ и бачывъ, якъ надъ його головою пролетивъ змії—икразъ якъ куль соломы, а зъ того куля такъ и сыплються искры, и винъ такъ увесь и сяе. Чоловікъ дуже злякався, та все такы хотивъ подывыться, кому се змії несе гроши. Ажъ винъ такъ и полетивъ на кутокъ, и якъ долетивъ до Б. хаты, то де и дився, тилькы дымъ пиднявся вгору.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Захарія Леуса, въ 1898.

5. Змії видьми гроши носять.

Мій батько бувъ разъ обходчыкомъ. Иде винъ зъ другимъ и бачыть, шо на стреси у одній бабы шось блищыть, наче жару насыпано. Пидойшылы вони бльжей, шобъ розглядить, шо воно таке, ажъ изъ хаты выйшла хавяйка, шось промовыла, и тее блискуче загуло такъ страшенно и провалылося. Кажуть, шо се змії носять гроши сій бабы, а баба та—видьма: вона и змія прымае до себе, и зъ нечыстою сылою знаеться.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, 1898.

6. Змії скидає своїи крыла.

У одній хати зависылась молодыця, и ставъ туды шо ночи литаты змії. Прылетыть було, покладе коло хаты крыла, а самъ зробіться чоловікомъ и йде у хату. Постеригъ разъ челядникъ, якъ змії скинувъ крыла, и зробивъ такъ, якъ раелы люде: перехрыстывъ йихъ (крыла). Выйшовъ чоловікъ той зъ хаты, да не може узятъ крыль, и давай винъ кланяться та просить наймыта податъ йому крыла.

—Насыпъ,—каже наймытъ,—мени повну шапку грошей, тоди подамъ.

Ставъ змії сыпать у шапку гроши, а шапка да була зъ диркою. Насынавъ уже стилько, шо ажъ пидъ самыи бовдуръ.

— Ну,—каже тоди наймытъ,—нѣ твойи крыла, та бильшь до насъ не летай, бо останешся безъ крыль.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Владимира Ковпыты, въ 1898 г.

7. Одуреный змії палывъ чоловіка.

Ученые не вирять, шо сатана може зробіться чымъ завгодно и йиздыть, чы тамъ летать до того, кого вже уподобае, адже жъ сьому правда. Мени самій хоть и не траплялось бачыть, а багато людей розказують, якъ у опивничъ вельчезный, якъ коромысель, та блыскучый, блыскучый, мовъ золотый, змії летавъ до Б., того чоловіка, шо живе на конци села. Не скажу вже, якъ вони потоварышылы, и змії помився сьому чоловіку наносыть мирку грошей. Б. забажалось грошей ще бильшь видъ миркы; выкопавъ винъ у хливи глыбоку яму и всунувъ туды бездонну зелизну мирку. Ставъ

змій що ночы летать до того чоловіка и насыпать ту мирку грошыма; тилькы якъ винъ не старається насыпать повну,—ніякъ та й годи!

А дали змій якось то уже прыдывывся, що мужыкъ його одурывъ и що грошей тамъ уже багато, не миркою пахне.

Росердывся тоди змій, звеливъ мужыку уризать палца и кровью рослысаться, що гроши винъ получывъ; а тоди спалывъ того мужыка разъ, спалывъ удруге, и давай його що году палыть.

Люде и примытылы, що якъ уже усе кончытьса, позалывають, бере тоди сей чоловікъ заступъ, выкопае гроши и клункамы тоди уже зъ сынамы й носыть у друге мисто. Опротывело чоловікови горить та таскаться зъ тымы грошыма, и давай винъ хвалытьса людемъ, що «такъ и такъ, каже, наносывъ мени змій грошей, а теперь палыть,—що його въ свити діять?»

Ну, звисно, у кажномъ сели е таки людн, шо видъ усього знають, и пораялы воны йому каженъ рикъ робыть яку небудь нову прыстройку, чы тамъ хливъ який, чы повитку, чы покрывлю перекрыть, абы то шо небудь нове.

И съ тыхъ поръ переставъ той чоловікъ горить. Винъ и теперь живъ, палець у його и доси не зрися и робыть винъ такъ, якъ йому раялы люде; тилькы, звисно, уже збиднивъ, бо килькы разъ горывъ, подилывся зъ сынамы, къ тому жъ и дорогу до шынку добре знае, та такы, правду кажучы, де то вже дывавольскымы грошыма й забагатіешъ?..

М. С. Чудновская отъ Хведоры Непомнящей въ с., Выбляхъ Черингов. у.

8. Визь (зиркы).

Когда «визь» перевернется «до горы ногамы», т. е., когда «кони» будуть впереди—начинаеть свѣтать.

В. П. Горленко, Прилуцкій уѣздъ, Полтавской губ.

---

9. Витерь.

Якъ витерь дуже великий, такъ люде кажуть:

— Це десь йому жинка товсту сорочку дала, такъ винь сердиться та й рве ййи.

А якъ маненький, такъ кажуть:—О, це десь жинка тонку сорочку дала.

Записала Н. Г. С. Жевель, Черниговск. у.

---

10. Грядь.

Грядь того буває, шо въ празникъ люде на поли роблють,—се Божа кара. Щобъ грядь переставъ,—выкдають на двирь, тоди якъ винь иде, лопату або сокыру. А то святу вербу кыдають на огонь, якъ грядь або гроза.

С. Жевель, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

---

11. Зима стае теплиша.

Се видно уже земля поворачується другимъ бокомъ, бо колысь, кажуть, булы таки холода, шо хай Богъ мылуе. Птыци, кажуть, на лету замерзала, одмерзала у скотыны хвосты, а якъ лынуть було угору воду, то вона за-

разъ и замерзне, не вспившы упасты на землю. А тепрь, бачте, якъ тепло, и не похоже, шо зима. А мо скоро у насъ и зовсимъ не буде зимы!

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Петра Мушкаго, въ 1898.

12. Чомъ зима безснижна.

I.

Бачьте жъ яка сей рикъ зима—нема снегу та й годи. Се, кажуть люде, тому, шо у одній слободи родылось якесь дытя. Повезлы його хрестыты, и куды не привезуть—нема попа дома. И такъ багато зъ йимъ попойздылы, помы вже десь засталы. Ставъ той пипъ хрестыты и саме якъ умочывъ його у воду, воно якъ закрычыть:

— Йисты хочу!

— Оце,—каже пипъ,—яке! Не давайте жъ йому хлиба, бо буде голодь, а давайте йому тилькы снегъ, то буде симъ рокивъ безснижна зима.

Сталы тее дытя годувать снегомъ и не ставъ снегъ иты, або колы хочъ и упаде, то де й динеться.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

II.

Отъ я сьогоднѣ чула, шо, кажуть, десь оце вродыласе дытына, и поиеслы йѣи до попа, хрестыть, значыть. Несуть, а воно просыть іѣсты. Значыть, говорыть: «Іѣсты!» Сталы хрестыть, а воно зновъ: «Іѣсты!» Батюшка каже:

— Отъ, Боже мой, шо йѣ дать іѣсты?

А кумъ пошовъ та грудку снѣгу зліѣпывъ да й давъ йѣи, у рота пхнувъ. Такъ уже якъ перехрестылы, такъ вона, та дытына, вже й каже:

— Ну, шастя ваше, що дали сніґу! А якъ бы дали хлїба, то три годы хлїбъ бы не родивъ.

А теперь, кажуть, три годы отака зима буде безъ сніґу, шо значыть кумъ давъ тій дытнини сніґу ззіґсты.

с. Жевель, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1898 г.

13. Обизяны.

А обизянь, кажуть, такъ ловлють. Вони жъ у ліґси жывають, такъ бабы пойдуть по абабкы (грыбы) та й поскыдають постолы. А обизянамъ антыресно. Вони повбувають постолы и почиуть ліґзты на хвою, та ніякъ не зліґзуть, а бабы йихъ и поберуть. Та ото йихъ тоди и водють.

М. Н. Гринченко. С. Жевель Черниг. у. въ 1899 г.

14. Вовкамъ св. Юрій роздае шо йисты.

I.

Правду кажуть, шо вже якъ найменше яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмутъ. Отъ и намъ була разъ така прыдыбачка. Оралы мы и тилькы шо выпрягли воливъ зъ плуга, вони одійшы одъ насъ може сажнивъ пъять,—колы наскочылы вовкы и задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

II.

У насъ було прудке славне лоша. Якъ нападуть звыры, то воно завсегда впереди; а то якъ судылась йому

смерть, то воно зосталось позаду и не тика; вовкы вхопылы й задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

III.

Йихавъ одынь ганчаръ зъ Рипокъ, прыйихавъ у долину, остановывся, колы бижыть сыла вовкывъ. Винъ бачыть, шо беда и злизъ на дуба. Потимъ того прыйшовъ якыйсь чоловикъ (а то бувъ Егорій святой).

— А злизь,—каже,—якъ тоби смерть, то й на дуби буде смерть. Злазь, ничего тоби не буде, лягай!

Той чоловикъ злизъ и лигъ. Винъ (св. Юрій) ставъ йихъ расправлять: тому туды, тому туды, а дванадцять чоловика у двиръ до знахаря, кажучы:

— Колы винъ знахаръ, то я лучный за його знахаръ.

А въ того знахаря та була *саросня* (сорокъ) коней. Такъ вони йихъ усихъ до свита й выложиылы. А той чоловикъ уставъ уранци й поихавъ.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

IV.

Ночувалы ночлижники тридцять чоловика. Вовкы выють та й выють коло одного дуба. Отъ воны й кажуть, шо якъ бы найшовся такый, шо переночувавъ на тому дуби. Отъ одынь и каже:

— Я переночую.

Согласылысь даты йому одъ души по рублю. Отъ той прыйшовъ до дуба, злизъ, сивъ мижъ роскаракамы; колы прыйижжа на билимъ кони св. Георгій и вовкывъ передъ нымъ чоловика тридцять; тому каже вивцю зисты; тому—ягня, тому—гуса, «а тоби, крывый—шо на дуби». Тилькы прыходять парубкы на другой день, ганияють, ганияють вовка, винъ не йде, насылу одбылы. Отъ злазныть той и каже:

— Вже мени, братця, не животиты.

Винь и не бере тыхъ грошей, и каже, шобъ похоронъ одправылы. На другу ничу полягали, посередыни положиылы його, и вси головами на його ляглы. Свитомъ прокынулысь ночлижнныкы — нема товариша — хто його зна, де й дивсь.

Записалъ С. Д. Носъ въ Черниговской губ.

V.

Заночувавъ разъ польованныкъ въ лиси на деревита й чувъ, шо його назначено вовкови. «Не злизу жъ — миркуе,— зъ дерева, хочъ умру тутъ — не злизу». Лежавъ, лежавъ вовкъ биля древа, а дали й пишовъ. Тоди польованныкъ зъ древа та додому. Приходять, ажъ дома въ брата хрыстыны. Братъ його просыть выпыты горилкы. А винь:

— Ни,— каже,— братику, не хочу: вже мени не животиты.

Та й полизъ на пичь. Вранци зшукалысь брата. Колы глянулы на пичь, ажъ тамъ тилько кисткы,— а то вовкъ зкынуувсь котыкомъ, вбигъ у хату да, якъ вси поснулы, и ззивъ його на печи.

Городнищкій у. Черниговск. губ. А. А. Тишинскій.

Разказы этого № номера I—IV взяты изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1859, № 23, а разказъ V-й — изъ № 38.

15. Вовчый богъ Полисунъ.

Крестьянинъ разказывалъ записывателю сказку, напечатанную у Рудченка, I, № 2. Сказка начинается словами: «Не давъ богъ прокорму вовкови». Записыватель спросилъ: «Що то за богъ?» Разказчикъ отвѣчалъ:

У вовкивъ есть пастырь Полисунъ. Винь, значить,

гоне йихъ якъ овецъ; де война, то винъ туды й турять йихъ на прокормъ. Винъ увечери якъ свисне пугою, то й чуты. Винъ великый и похожъ на чоловика; безъ його ярмарка никола не буде, винъ на все цину зводить.

Х. Николаевъ, Борзненскаго у. П. С. Ефименко.
Изъ № 23-го «Черниг. губ. вѣдомостей» 1859 г.

16. Лисунъ годуе вовкивъ.

Було колысь два браты. Одынъ багаты, другы бидны, бо въ сього (бидного) нишо не велось. Оце було посіе що,—на помижній ныви вродить таке, що любо й мыло; на його жъ ныви голе якъ колино, неначе ничого й не сіяно. Терпивъ винъ, сердека, терпивъ, а дали годи й господаруваты.

— Колы,—каже,—нищо мени не ведеться, кыну все й пиду свить за очыма.

Отъ и пйшовъ тыняться по лисахъ,—не то щобъ тамъ зробивсь розбышакою, або що, а такъ—пишовъ, щобъ и помижъ мыромъ не жыты... Чы довго, чы коротко винъ тынявся—не скажу; тилькы разъ и зустріла його ничъ у лиси, такъ саме якъ разъ передъ Юрьемъ. Злизъ винъ на дуба ночуваты... Колы такъ опивничъ якъ загуде въ лиси, якъ пиде гоминъ, та все ближче, ближче... Жде винъ, шо зъ сього буде. Ажъ бачыть, якыйсь чоловикъ гонить сылу звіря, а позаду другы чоловикъ йиде на вози. Отъ прыгнавъ Лисунъ (се винъ бувъ самый), звіря, да якъ разъ пидъ того дуба, де сьидивъ чоловикъ, и почавъ роздильаты вовкамъ ти крайци хлиба, шо булы на вози. Эге, бакъ! я й забувъ сказаты, шо визъ бувъ накладены крайцями хлиба,—такъ кулыдка переризана навхрестъ, на четверо,—дакъ отакымы то крайцями и бувъ накладенъ увесь визъ. Визьмие зъ воза окраецъ та й дасть вовкови. Вси чысто роздавъ, зоставсь на вози тилькы одынъ. Отъ Лисунъ и каже:

— Кому його виддаты? Виддамъ,—каже,—хочь отому чоловикови, шо на дереви... А ну,—каже до нашего сердцеки,—годи тоби тамъ седиты, злазь, беры свою дильню та йды додому!

Злизь, узявь. Ти люде пишы своєю дорогою, а винь пишовъ своєю.

Прыходьтъ додому, хвалыться брату та жинци про сей окраець. Братъ и каже:

— Се тоби давъ Господь щасте. Зь цього окрайця ты вже певне шо розживешся.

Ажъ и взаправду—такъ розживсь, шо ставъ багачный надъ брата. Ажъ брату стало завьдно. Окрайця жь того нѣкъ не можно ззисты: оце шо надѣидяты до половины, на завтре винь зновъ и стане такы, якъ бувъ,—нѣкъ його не ззидяты, усе прыростае. Завьдно братови:

— Пиду,—миркуе,—й я проты Юря въ лись, чы не дасть Богъ и мени такого окрайця.

Дождалы Юря. Роспытавсь винь, де те древо. Прышовъ, злизь, дожыдае... Такъ, зновъ прыходяты ти люде, зачалы роздильяты звирюкъ; роздильлы,—одному й не стало.

— Ну, вовче, колы тоби не стало хлеба, нехай тоби оте, шо на древи.

Почувъ мѣй багатырь сю ричь, да такъ злякавсь, шо ажъ не вдержевсь на древи, та якъ снпѣ и скотывсь додолу. Вовкъ його заразь и розирвавъ. Оттакъ Господь завсегда дае тымъ, въ которыхъ ажъ зь глоткы преться, а ймъ ще мало *).

Городницкѣй у., Черниг. губ. А. А. Тишинскѣй.

---

*) Кромѣ того, рассказчикъ сообщил мнѣ, что Лисуна въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ, а что онъ живеть только въ литовскихъ. Онъ же сообщилъ, что узнать Лисуна на ярмаркѣ можно только потому, что у него лѣвая пола свитки наверху, а всѣ обыкновенно носятъ одежду правою полою наверхъ. *Примч. записывателя.*

17. Лисунка выкупила свою дытыну.

Колысь баба ходыла въ гай по грибы да знайшла Лисункыне дытя. Взяла його и пишла додому. Ажъ ось чуе, шось доганя ййи. Гляне—ажъ то Лисунка. Догнала.

— Жиночко,—каже,—голубочко, оддай дытя! Кажы, що тоби треба, всього дамъ тилькы оддай!

— На, беры! Мени жъ опричь хлиба святого бильшь ничего не треба.

— Иды жъ додому,—буде все, чого забажаешъ.

Прыйшла баба додому. Якъ же глянула въ комору, ажъ жажнулася: повнисеньки засики борошна, а не було ничогисенько. И було оце, чого схоче, такъ и вродыться. Багата така зробылася, що страхъ. Якъ преста-вылася ся баба, Лисунка ажъ тры дни ходыла пидъ хату тужыты. Оце прыде, ходыть кругомъ хаты, да такъ жалибно тужыть, що ажъ сумно. Тры дни тужыла, а дали взяла та й запалыла и двирь, и все.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну.

Лисунъ такы, якъ чоловікъ, тилькы въ його нема тини. Усе мае тинь, а винъ—ни. Въ його й жинка е. Колысь мій батько носывъ лысты изъ Бречи въ Тополивуку. А Лисунка да вкрала въ соннойи жинкы дытыну да й держала його въ лиси. Небагато жъ вона його держала: висимъ недиль держала... Дакъ ото, кажу, носывъ батько лысты въ Тополивуку, до ейи жъ треба йты лисомъ. Отъ батько, увійшовшы въ лисъ, лигъ спочыты. Колы чуе шось голосыть. Схопывсь та й угледивъ бия драва дытыну. Винъ до його:

— Чого ты,—каже,—туть?

Мовчуть. Удруге—ни пары зъ усть, усе тильки пхыка. Тоди винъ узявъ те дытя на руки, укутавъ його въ свытну, бо воно, безшасне, зовснмъ голе, тильки ковнирець zostався зъ сорочки да рубчыкы съ пазухы, а то вся на йому сорочка попадала. Якъ то його ще не зайилы комари,—звисно вже вона його зоберегла... Принись його батько въ Тополивуку да й пытае:

— Чи не чутно, щобъ хто дытну загубивъ? Осб я знайшовъ у пуши.

-- Чулы,—кажуть,—його вже давно шукають, вже й обидь по йому становылы. Несы ты його въ Погорильци до оттакого й такого чоловіка.

Отъ батько й понись. Ради булы и чого то вже не надавалы батьку! Господы! и пыты, й йнсты— всього, всячыны.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тишинскій.

19. Виль и кинь.

Виль съ конемъ заспорылы—хто швыдче бига. Кинь каже, що винъ швыдче, а виль: «Я бъ ище дужшей за тебе побигъ, да въ мене сылы багато, дакъ боюся, щобъ земля не провалылася.»

Ну, а такы побиглы вдвохъ наввыпередкы. Отъ виль бигъ-бигъ, та набигъ на ривъ та такъ и загурчавъ туды. Лежить та й думает: «Оце жъ уже земля провалылася!»

Такъ съ того часу волы вже й не бигають, тилькы бигають зъ дроку.

Черниговск. у. 1900 г. Б. Д. Грияченко.

20. Чомъ ежеакъ схожый съ свынею.

На Велькдень нись чоловикъ изъ церкви паску и порося. Хата його була за селомъ на хутори; чоловику треба було иты гаемъ, а у тимъ гаю стояла хата. Доходять чоловикъ до хаты и бачыть, що у йій свитыться. Поставывъ винъ те, що нись, а самъ зайшовъ у хату, а у хати та всякого краму розложено. Не прыдумае чоловикъ, за що й узяться. Думавъ винъ, думавъ и узявъ нижъ. Выходыть зъ хаты, узявъ ящыкъ, а въ ящыци тилькы паска, а порося де й дияось. Прыходыть винъ додому, жинка седыть уже за столомъ, — жде розговляться.

— Ты,—каже,—тутъ седышь, а порося зъ ящыка утекло.

— Такъ выдно онде воно прыбигло,—каже жинка—я бачыла, що щось бигло у хливъ.

Пошлы воны у хливъ, а тамъ седыть ежеакъ.

Такъ выдно порося тее, що нись чоловикъ зъ церкви, було заколдоване—стало ежакомъ, и зъ того часу и пошлы ежы.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, Чернигов. у. отъ Петра Муцкаго, въ 1898 г.

21. Сорока.

На Хресте сорока починое гниздо, положывшы на-вхрестъ палкы.

М. Веркѣвака Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

22. Бусоль.

— Ну, нехай уже це й брехня, а оце такъ уже правда. У насъ у слободи есть ясенъ и такой же старый та высокій-высокій. И на йому гнздо було: жылы бусель и буслыця. И хлопци взяли, зробылы довгый-довгый штыхъ и тыхъ штыхомъ поранылы йихъ: и бусла, й буслыцю. И вони попадады и попропадады, бо вони йихъ дуже поранылы штыхомъ. И тоди впять бусоль на тому ясени осельвся. Такъ отъ же кажуть мужыкы наши и божуться, шо правда. Оце, кажуть, по весни возьме винъ и выкыне зъ гнзда хочъ бусленя таке, шо трошкы тилькы пиръямъ обросте, хочъ яйце. Уже неодминно шо небудь выкыне, и мужыкы знайдуть. Такъ, кажуть, якъ бусленя выкыне, такъ гарный годъ буде, и хлибъ уродыть, а якъ яйце выкыне, такъ голый годъ буде. Це такы правда. Отъ винъ уже годъ 15 жыве, и шо году хочъ яйце, а хочъ бусленя выкыне.

С. Жеветь, Черниг. у. М. П. Гринченко въ 1899 г.

23. Дятель.

Боже бороны всякого хрещеного робыть всяку роботу у светую недѣлю: Буогъ покарае за це и въ полѣ и въ домѣ. Колы хочте, хлопцѣ, декъ послушайте мене, я вамъ раскажу про бѣднаго дятла, шо нема ему, бѣднязѣ, угомону: всякій Божкій день товче носомъ объ дуба, а къ вечеру и головы своѣ не чуе; ни годна птица такечкы не трудитця, якъ той бѣдны дятель. А за шо жъ такъ Буогъ ему давъ? Отцей дятель бувъ колись чалавѣкомъ. Чалавѣкъ сей усе було рубает дрова;

чы то празныкъ еки, чи светая недѣля, усе вуонѣ рубае; декъ Буогъ его и накоривъ: коли, каже, ты усе рубаешъ дрова, а недѣлѣ моѣ не почитаешъ, то будь же ты дятломъ; коли ты усе рубаешъ, то рубай носомъ дуба до вѣку вѣшнаго. — Отъ якъ, братцѣ, буде тому, хто светоѣ недѣлѣ не почитае и Божихъ праздникоуъ за святость не считае.*)

Черниговскій у. Записаль Г. Лѣвевичъ.

24. Журавли.

I. На дванадцятій вылітають журавли зъ ырія.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка, Нѣжинск. у.

II. Якъ летять журавли, дакъ стань оце да кажы: «Веселокъ, веселокъ, колесомъ, перевъязы дорогу краснымъ поясомъ!» Такъ шо люблють! Заразъ такъ и почнуть кружкомъ, кружкомъ надъ головою. А якъ скажы: «Журавель»,—такъ не люблють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

25. Лыпа та осыка.

(Де дивається жоноча влятьба.)

Не дай Богъ якъ бы те ставалось, шо жинкы бажають чоловикамъ у лайци! Звелыся бъ чоловикы не

---

*) При чтеніи разсказа о дятлѣ должно произносить букву ѣ нѣсколькo какъ и (ѣе), е—тверже, почти какъ э, ѡ и и нѣсколькo мягче русскаго ѡ; т передъ с и ѣ выговаривается почти какъ ѣ.
Примѣч. записывателя.

знать на шо; та Богъ зробивъ такъ, шо вся та нечысть-дурныця прыстае не до чоловікивъ, а до лыпы, та до осыкы й наростае наростнямы, а чоловікы ще й користуються—роблять наростневи люльки.

Е. Н. Гаврилей, въ м. Веркiевкѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

26. Чого стали неврожайи.

Колысь, якъ не було ученыхъ, та люде глядили на примиты,—яки булы урожайи, Господы, яки булы жыта, яки булы лены гарни,—высоки, высоки! А теперь перестали гледить на примиты, та стали насъмнхаться съ того, шо робылы диды, ну и урожайи стали плохи. Колысь було молодыця якъ несе обидъ ратаямъ, то убересться якъ на Велькдень: надине плахту гарну, роспустыть намитку предовгу. Отъ и жыто и лены родылы такi гарни, высоки. А теперь повыводылысь и намиткы, и плахты выводятыся. Теперь иде молодыця, просты Господы, якъ та расамаха: у однимъ чепци, ще й начосы повыпускае, а замисть плахты—задрипана спидныця. Учени усе понаставалы, не вирять ничому, усе у йихъ пустякы. Ни, се не пустякы! Якъ бы не заводылы нового, та слухалысь старыхъ людей, то й жылось бы луччей!

М. С. Чудновская отъ дида С. Муцкаго, въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

II.

Притъты и повѣрья.

27. Яка колы годына бувае.

1. Грыбы якъ чорни растуць—буде ранняя осінь, а жовти—пуізна.

2. Якъ до Стритення пивень напьеться воды пидъ стрихою, то писля Стритення вже нескоро побаче воду.

3. Якъ зима холодна, то литомъ жара буде и на-впакы.

4. Грыбы якъ растуць на гори весною—буде моча влитку, а якъ на ныву—буде суша.

5. Якъ напьеться на Стричанья пивень съ калюжи—буде лито мочлыве.

6. Въ дець Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1-го октября, съ которой стороны повѣть вѣтеръ, то должно ожидать, что по большей части и во всю зиму съ той стороны будетъ вѣтеръ, и если въ этотъ день погода будетъ благопріятна, хороша, то наступающая зима должна быть постоянна; если-же въ этотъ день погода будетъ подвержена различнымъ перемѣнамъ—это вѣрный знакъ непостоянности зимы.

7. Треба на Стричення до схиць сонця набраты мыску вщертъ снугу, не натоптуючы. Якъ зъ його багато воды буде, то велика вода прыбулна по весни буде, а якъ мало, то й по весни вода мала буде.

8. Если дворовыя птицы—гуси, утки, сидя зимою на снѣгу, машутъ крыльями, какъ будто плещутся на водѣ,—то предсказываютъ этимъ значительную оттепель; то-же предвѣщаетъ и собака, качаясь по снѣгу.

9. Кишка лягае на доливци—буде тепло.

10. Если дымъ, выходящій изъ трубы, идетъ столбомъ вгору къ облакамъ,—означаетъ наступленіе сильныхъ морозовъ, ибо передъ оттепелью онъ всегда стелется, клубится по землѣ.

11. Попиль у печи збывается у грудки,—буде морозъ, а розсыпается—одлыга.

12. Жабы у болоти почнуть крычать, буде вода одбувать.

13. Въ зимнее время часто видимъ луну въ кругѣ, что въ народѣ называется—*мисляць обгородывся*. Это—вѣрный признакъ вѣтра.

14. Когда вороны и галки, при закатѣ солнца летая стаями, кричатъ и садятся на верху деревьевъ, то надобно ожидать вѣтра и съ той стороны, куда онѣ будутъ обращены головами. Предъ наступленіемъ же мятели, вьюги—*фищи*, онѣ всегда садятся на половинѣ деревьевъ, между вѣтвями.

15. Жаръ самъ соби розжеврїеться на витерь.

16. Гайворонье крикае—буде витерь, а взимку—хвыща.

17. Гайворонье сидае по деревьяхъ угори—буде годына.

18. Цвиркунъ цвирчыть—на годыну, а мовчыть—на дошь.

19. Лягушки при началѣ весны, по вскрытіи земли отъ снѣга, крикомъ своимъ возвѣщаютъ наступленіе теплой погоды; а лѣтомъ крикъ ихъ предъ закатомъ солнца предсказываетъ дождь.

20. Куры рано сидають на сидало,—буде дошь.

21. Якъ не бувае цилу весну дошу, то сподивайся вже къ десятуси п'ятныци, або на Купального Ивана.

22. Якъ на жныва лаштуешся, то не внось у хату серпивъ,—зорвешъ дощъ.

23. Во время дождя, когда пузырьки вздуваются и плавают на водѣ,—это означаетъ продолжительность дождя.

№№ 1, 3—5, 15, 21 и 22 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ 1897—1898 г.г. въ м. Веркѣвкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2—А. А. Тишинскимъ въ Черниговской губ.; №№ 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23—священникомъ Петромъ Огіевскимъ въ Данинѣ Нѣжинскаго у.; № 7—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у.; №№ 9, 11, 12, 16—18 и 20—М. С. Чудновскою въ с. Выбляхъ Черниговск. у.

28. Весилля.

1. Якъ на Покрову пройиде по селу ганчаръ, буде багато веселивъ, а якъ дьогтяръ, то будуть дивкы сидиты ще рикъ.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

2. Посватавшысь купуе молоды молодій чоботы, насыпае одынъ жытомъ, а другый горихамы и дае, и якъ вуизьме молода попереду зъ жытомъ, то жытте буде злагodne, а якъ зъ горихамы, то нещасне.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркѣвка Нѣжинск. у.

29. Дытына.

1. Вагуити жуинци не треба на празныкъ рубать мяса и сорочокъ качать—дытына буде калика.

2. Вагуитни жуинци Боже храни, воду бравшы, надлывать у колодязь—дытына блеватыме.

3. Если перемѣнить имя при крешеніи (священникъ дасть одно, а потомъ, во время крещенья, по

просьбѣ родителей или кумовей — дадутъ другое), то тогда мѣняется счастье того человѣка.

4. Якъ кто хрестить дивчину, въ того кобылы плодымуться.

5. По заходи сонця не вынось мытлю съ пидъ дытны, якъ купалы — не спатыме вночи.

6. Не годиться дытны рыбы давать, щобъ зубы швидче росли.

№№ 1, 2, 5 и 6—записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.; №№ 3 и 4—В. П. Горленко въ Прилуцкомъ у. Полт. губ.

30. Здоровле. Хвороба.

1. Наканунѣ Рождества Христова, Богоявленія Господня и Новаго Года, т. е. *на вст три кути*, если ночи свѣтлы, и на небѣ будутъ видны звѣзды, то наступающій годъ, по увѣренію стариковъ, будетъ благополучный—здоровый на людей; а когда, напротивъ, всѣ эти три ночи будутъ пасмурны, и звѣздъ на небѣ не будетъ замѣтно,—то въ наступающемъ году должно ожидать свирѣпствованія разнаго рода болѣзней.

Данина Нѣжинск. у. Свящ. Петръ Огіевскій.

2. Не потягайсь на людыну—не ростыме.

3. Не переступай людыны—не ростыме.

4. На заходи сонця не спы—поганка нападе.

5. Въ зеркало проты ночи не выдывляйсь—лице зминытьса.

6. Не можна мочытьса на дров'яный трусокъ—на пальцяхъ задьоры будуть.

№№ 2—6 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у.

7. Не годиться росчисуваты голову, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

8. Якъ кажанъ голову вмаже, такъ голова облизе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

31. Сонъ,

Якъ лягаешъ спаты, такъ треба спершу на ливый бикъ хочъ трохи полежаты, бо зъ ливого боку нечистый, а съ правого янголь-хранитель. Такъ треба, щобъ винъ зверху бувъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

32. Поганый на езыкѣ.

Ни, вы бо уже мени не кажить, а поганы очи и езыки е у людей, се я вже по соби знаю.

Служыла я у попа, ну, зависно, у батюшкы усякого народу за день перевернется. А я була до работы охоча, такъ було коло работы проворно поворачуюсь. Ну було якый поганымы очыма гляне, чы то шо скаже,—и почне тебе ламать, та м'яять,—хавкаешъ, хавкаешъ, чутъ рота не роздерешъ.

Або хочъ и се: одного году у насъ такы, у батюшкы, та такъ гарно утенята вывелись, утенягъ изъ сто вылупылось и уже такы булы гарненькы. Коны прыйизжае якыйсь генераль, чы тамъ охвыщерь якый зъ золотымы кгузыкамы; погостювавъ и выходить уже садыться у свiй хвайтонъ, щобъ йихать. А я тутъ саме утеня-

токъ году. Глянувъ винъ на птыцю, та й каже: «Ого каже, какъ у васъ этой птыци много!» И шо жъ бы вы думалы?—тильки шо генераль зъ двора,—якъ стали наши утенята дохты: перевернется догоры, дрыгне нижкамь, та й нема. И такъ до вечера одно однимъ осталось. Зъ чого жъ бы воно такъ стало? Звисно генераль бувъ поганый на языкъ.

М. С. Чудновская отъ бабы Хвеськи, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

33. Смерть.

1. Якъ у пасци въ середины буде дирка, такъ той руикъ у симйи шось умре.

2. Якъ обручъ на пекельній дижн лопне—хазяйка умре.

3. Колы прыснутья колодязь або зубъ выпавъ, або въ хати вуголь розвалывся—такъ умре шось изъ родины.

4. Якъ выносятъ мерця зъ двора и стринеться хто йидучы, то зновъ у туый хати той руикъ умре хтось.

5. Курка якъ заспивае, то треба ею перемирать хату видъ покутя до прывалка и чымъ упаде, чы головою, чы хвостомъ, то треба одрубать хочъ голову, або хвистъ; а якъ сього не зробишь, то кому небудь у сій хати прыйдется скоро умерты.

6. *Кажуть-говорають*, что какъ прійдетъ священникъ къ больному да положить палку, такъ ужъ не вставать больше съ постели той *людьни*; а если поставитъ, то можетъ быть еще и выздоровѣть.

7. Не годыться пересажувать дуба, а то якъ пересадышь и дубъ вырасте зъ того чоловіка, который його садывъ, тоди винъ умре.

№№ 1, 3 и 4 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркѣвкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2, 5 и 7—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у.; № 6—священникомъ Федоромъ Боровскимъ въ с. Кру-

8. Не можна стояты на межи або на порови, якъ гримъ гремыть, а то вбѣе.

М. Н. Гринченко. С. Коты Черниговск. уѣзда.

34. Мрець.

I.

Лубокъ. Першого вечора, якъ тило лежить на лавыци, люды сходяться на *Лубокъ*, переважно дивчата й хлопци. Посидають коло стола та й граються:

1) «Перстенця».

2) Беруть такожь кусень патычка, запалюють и борзо подае одень другому, ажъ докы патычокъ не згасне. У чыйихъ рукахъ згасне, той найскорше вмере.

3) Такожь выпыхають михъ соломою. Одеиъ лягае на той михъ зъ завязанымы очыма, а вси идуть його быты; якъ згадае, хто його ударывъ, тогда той мусыть на михъ лягаты.

4) Старшійи чоловикоы и жинкы, що сыдять пры мерци, спивають:

Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе отець,
Бо вже прыйшовъ мій конець.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе маты,
Бо прыйшовъ вже часъ вмираты.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій.
Не поможе ридный братъ,
Бо прыйшовъ часъ акурать.
Ой же ой, Боже мій! и. т. д.

Якъ мають выносыты мерця зъ хаты, тогды мае буты цила родына въ хати; колы вынесуть до синей, то борзо замыкають двери, и вси сидають, де хто попаде, на лаву, подушкы, де лежавъ мертвецъ. Найстарша жинка бере зъ стола прылаженный хлибъ и силь, подае найстаршому зъ родыны и жычыть въ имены помершого щаслывого поводження. Одна зъ жинокъ замитае хату и выносыть смитте на те, абы уже ништо бильше въ тій хати не умеръ, и ажъ тогды идуць за умершымъ.

У хати, съ котройи вынеслы мерця, горыть цилу ничъ свитло и ставляють въ горнятку молока або воды и хлибъ. Звычайно пры тимъ сыдыть якась стара жинка. Рано дывляться, чы була душа и чы пыла и йила, що для нейи було прызначене.

Похоронъ гразды и жинкы однакый. Колы однакъ трафыться, що жинка въ тяготи умре, то тогды якій бидній жинци у вику помершойи дають курку зъ яйцемъ, а бо, якъ у богацтви дїеся, то китну вивцю.

Шнурокъ, шо byly звязани ноги мерця, ховають, а тымъ потому колы кого щось болыть—перевязують; такожъ ховають той шматокъ, шо бороду пидвязують, и тымъ видъ переполоху пидкурують.

Якъ тато або мама умре, то донькы (дивкы) идуць зъ розплетенымы косама за трумною. На цвынтари жинкы заплитають йимъ косы на те, щобы довго не тужылы.

Про душу покійныка говорять, шо вона доты держыться тила, докы грибъ не запечатаный.

Наталія Кобрынська. С. Белелуи (подъ Снятиномъ, на границѣ Буковины, Коломійщина, Восточная Галиція).

II.

У насъ якъ умре удова, такъ подаркы якъ за дїѣвкою дають. Отъ я за маткою, якъ вона вмерла, такъ

35. Той свить.

1. Однимъ рушныкомъ не можна утыраться удвокъ разомъ—на тимъ свити не побачышся.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

2. Щобъ побачыться на тимъ свити—писля пры-
частя обдилюються бублыкамы.

Г. С. Неводовскій, с. Евминка Остерскаго у. Е. Н. Гаврилей, м.
Веркіевка Нѣжинскаго у.

3. Скуилькы сeditymешъ не йившы за столомъ, по-
киль инши ще йидять, стуилько въ райи сeditymешъ,
хочъ и гришенъ.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у. и Г. С. Неводов-
скій въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

4. Выбравшы хлибъ зъ печи, вкынь ломаку дровъ
на те мисце, де вуинъ седивъ, и чымъ товща, то краще:
скоришъ загатышъ пекло, идучы въ рай.

Е. Н. Гаврилей, м. Веркіевка Нѣжинскаго у.

36. Йижа, напыткы.

1. Колы кусокъ *хлиба* падае до долу, треба пид-
нять, обдуть, поцилувать и звисты.

2. Якъ неруивны *хлибъ* печешъ, такъ шо менчи вже
выпикся, а той ише въ печи, то Богъ храны ризать но-
жемъ выпечены, а ламны рукамы, якъничого бильше
йисты, а то отой, шо въ печи, буде глызавый.

3. Якъ печуть *млынцы*, такъ первого хлопцямъ не
годыться йисты—сокрыра ламатыметься, а хай йидять див-
чата—хлопци хапатымуться *).

*) Въ с. Жеведи, Черниг. у., иначе: «На вечерныцякъ вечерня мат-
ка первый млынень рве на шматочки и кожній дивци й парубкови

4. *Варыво* треба класты у третю середу и на сходнихъ дняхъ, не бачывшы ни старого, ни молодого, або у посны дни.

5. Дивчата одъ Семена (IX. I.) не йдять свижихъ *огиркивъ*, щобъ за пряжею не дрималося.

6. *Гурки* треба солить на молодыку и крайними днями, а якъ положить у третю недилю, то будуть м'яки.

7. Не нальвай *квасу* у четвергъ, щобъ нищо не топылось.

8. Якъ зайде сонце, не точы *соку*, *чы квасу*—зминыться.

9. Не тягай зъ *квасу яблукъ* уночи—почорніють.

10. Одъ обиду *по воду* до колодязя не ходы—нечысть буде заводыться.

11. *Колы обидаютъ*—не кладуть ложки такъ, щобъ держално лежало на столи, а другый кинень на пругу мыскы, щобъ злыдни не лазылы въ мыску.

12. *Дойимъ кусокъ*, щобъ слидомъ за мною не бигъ, а то и вночи спокою не дасть. Якъ я була малою, такъ мене страшылы: якъ не дойисы куска, то буде за тобою ганяться. Такъ мени хочъ и не хочеться, то я вже дойимъ—боюся. (1899 г.).

ММ 1 и 11 записалъ Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерск. у., 2, 3 и 8—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у., 4, 6 и 7—М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., 5—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниг. у., 12—Б. Д. Гринченко въ с. Жеведи Черниговскаго у.

13. Кто обидаетъ або вечерае у шапци, у того буде теща глуха.

(С. Голенка. М. Исаенко).

14. Попойившы не облазь кругомъ стола—блудытьмешъ и вдень.

15. Не годыться дивчатамъ йисты яйца оти, шо восталысь розбовтнями—засыдяться на вики.

дае по шматочку: щобъ парубокъ першу высватавъ, до якои пиде, а дивку щобъ першый той посватавъ, кого вона хоче». Записалъ М. Н. Гринченко.

16. Вечеряючи на голодну кутю и обидаячи на Велыкдень не пий воды, щобъ на жнывахъ не хотилось.

17. Огришывшысь не годиться проскуры йисты—напасть буде.

18. Якъ сяту паску йисы, такъ живо въ ротъ не несы—вдавшыся.

19. Не лузай насинного насиння—останешся на насиння.

20. Не втырайся обь настуылныкъ—напасть буде.

№№ 14—20 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркѣвкѣ Нѣжинск. у.

21. Въ насъ на сели на *кутю* навить и слово бояться вымовыть: «макъ». Зроду не йидять кути зъ макомъ, якъ отугъ у Києви. Знаете чому се такъ? Бо хто побаче у сей день макъ, на того блохы нападутъ таки дрибни, якъ макъ, и ниякъ йихъ не выведешъ.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

37. Одежа, обува.

1. Снувать треба на сходнихъ дняхъ, або у другий овторокъ—пиде меншъ пряжи, а якъ на молодыку, то пиде бильшъ, бо молодыкъ на рижкы бере.

2. Якъ надумашъ сновать уснову на що тамъ и внесешъ у хату зайвыхъ клубкуивъ, такъ мерщій накрый чымъ небудь йихъ, щобъ вони не дывылись на уснову, бо буде вона плутаться, та ще й пряжи не хопыть на скуилько хочешъ основать.

3. У той день, колы снуешъ уснову, не перенось ейи у другу хату, бо якъ стринешъ важку жуинку, такъ у нейи вродыться дытына зъ сухотамы. Та й ква-

суль тыхъ, чы гороху, що пидъ клубкы пидсыпалыся, не йижъ—голова крутытymesя.

4. Шыючы сорочку, не йижъ ничего надъ нею, а то буде вошыва.

5. У понедилокъ не берутъ чистой сорочки, бо не шастытyme ни въ чому.

6. У сухой четвергъ годытсы просушуваты одежу на двори.

7. У кого къ празныку не буде новынкы, тому горобецъ голову вмаже.

8. Якъ вертыть кравецъ на столи ножнцы, то не буде въ його роботы.

9. Якъ хто зъ дивчатъ виддае квиткы з-за головы подругамъ носыть—женыха перелюблять.

10. Не клады ношеного постола на огонь—пидошвы свербитымутъ.

№№ 1 и 5 записала М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Чернигов. у. 2—4, 7—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у., № 6—М. Н. Гринченко въ с. Исаковѣ Славяносербск. у. Екатер. губ.

38. Хата. Погрибъ.

1. Строить хату нельзя въ высокосный годъ, оттого наканунѣ высокоснаго года строится больше хатъ, чѣмъ обыкновенно. Если хата *заложена* въ простой годъ то въ высокосный можно доканчивать, но начинать нельзя. Другія хозяйственныя постройки можно строить и въ высокосный годъ.

В. П. Горленко. Прилуцкій у. Полтавской губ.

2. Якъ зробишь хату, то першого году не годытсы билыты з-окола.

Б. Д. Гринченко. Харьковъ 1898.

3. Не замитай хаты, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. с. Выбли Черниговск. у.

4. Якъ будуть на Велькдень веретена у хати,—плотытумуться гадюкы.

С. Голенка Конотопск. у. М. Исаенко.

5. Не свысты въ хати—черты заведуться.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинскаго у.

6. До погреба съ кускомъ хлиба не ходы, бо мыши та жабы заведуться.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговскаго у.

39. Урожай.

1. Якъ на шедруху буде иней, то буде й урожай.

2. Якъ выпадуть проводы у старому мисяци,—держись старого хлиба.

3. Якъ на голе дерево груимъ загремыть,—буде й руикъ голы—на все незрожай.

4. Якъ багато сморшкуивъ або рыбы,—буде недоруидь.

5. Якъ на Велькдень иде дощъ,—незрожай буде на все.

6. Якъ журавли вылитають зъ ирiя по одному, а не нызкамы, такъ чекай умолотного жыта той руикъ—по однуимъ снопу носытymesъ.

7. Якъ не вбачышь до Микола (9 мая) колосу,—буде плачу й голосу.

8. Якъ на пару росте лобода, то й жатыmeshъ лободу.

9. Если май мѣсяцъ будетъ дождливый, то ожидать должно урожаю болѣе сѣна, чѣмъ хлѣба; если же напротивъ—сухой, погодный,—то будетъ много хлѣба, а мало сѣна.

10. Де на поли на Благовищення буде лежать снигъ,—на тому мисци хлиба не буде.

№№ 1—8 записаль Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.,

№ 9—священникъ Петръ Огiевскiй въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у.,

№ 10—А. А. Тишинскiй въ Черниговской губ.

40. Колы и якъ ораты й сіяты.

1. Йидучы уперше ораты, дывысь, щобъ хто, бо-ронь Боже, не перейшовъ дороги зъ пустыми видрамы, а то у клуни буде пусто.

2. На дванадцятуй пахаръ уже наореться, та й удовынъ плугъ уже выходе.

3. Не носы на правуй руци каблучокъ,—не роды-тыме жыто, якъ сіятымешъ.

4. Не сій жыта у дощъ, бо буде зъ метлыцею.

5. Жыто сій у той день, у який бувъ першый снігъ.

6. Якъ гречку сіешъ, такъ не можна йисты, ажъ помы досіешъ, бо порожня буде. Одынъ чоловикъ везе гречку съ поля, такъ на двохъ возахъ добра гречка, а на одному сама половка. А якась жинка пытае:

— Чого це въ тебе така гречка вродыла?

— Та то,—каже,—я проснидавъ гречку: сівъ та здо-рово отощавъ, та й иззивъ манесенькый шматочокъ; такъ ото та, що до сніданья сівъ, а оце та, що писля сні-данья.

Дивчына, чуючы сю розмову, озвалася:

— Бачъ, а я й не знала, чого то воно такъ, що було якъ пойдемо зъ братомъ на поле, винъ сіе, а я волочу, то винъ дасть мени хлиба, а самъ не йистъ. Я пытаю: чому жъ ты не йисы? А винъ каже: «Та я ще не хочу». И якъ досіе, тоди вже снідае.

7. Гречку сій у той день, у який бувъ першый иней.

8. Конопли сій у середу на молодыци—гарни будуть и нищо симъя не пытыме.

9. Конопли сій иадъ вечиръ, и того дня вже ни-чого не робы, особлыво въ землю ничего не забывай, бо й конопли въ землю пидуть.

10. Якъ сіешъ льонъ, такъ терпы, не сидай на ныви про себе—вродыть серуха.

11. Примичай, откуль на Евдохы две витерь: якъ зъ горы—сїѣ льонъ на гори, а якъ зъ долины—сїѣ у долини.

12. Якъ ще въ себе льонъ не посїяный, такъ не можна никому давати, бо въ себе зведеться.

№№ 1, 4, 5, 7 и 11 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 2, 3, 8—10—Е. Н. Гаврилеємъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинск. у., № 6 и 12—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Чернигов. у. въ 1899 г.

41. Садъ.

1. Не сады дерева тоди, якъ свитыть мисяць, бо буде пустоцвить.

2. Кто хоче заводыть садъ,—не клады мерця въ труну.

3. На родючы садъ—на яблонку, чы грушу, якъ полIZESШЪ у чоботяхъ, и найпаче жуинка, то на другый руикъ не вродыть, або й зовсимъ посохне.

4. Яблукъ шыягаця (??) пидъ яблунею не можно, бо на друге лито не вродяты.

№ 1 записанъ М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., №№ 2 и 3—Е. Н. Гаврилеємъ въ м. Веркїевкѣ Нѣжинскаго уѣзда, № 4—Г. С. Неводовскимъ въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

42. Городъ

1. Не *полы* у сухой четвергъ, бо будутъ сохты городы.

2. Якъ до сїидъ сонця на Благовищенне потрусить качана, то зъ його посыплеться насинне. Зъ сїей *росады* якъ посїешъ, добра буде капуста.

3. *Гарбузы* треба садыть тоди, якъ скотына лежыть.

№№ 1—3 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

4. У грядци не можно йисты *гуркивъ*. Не можно чыстыть у грядку гурка.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

5. *Опирки* садить у той день у тыжни, въ котрый на весни першый разъ гремило.

Наталія Кобрынська. «Зъ Бойківщины зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиція).

6. На Велькдень не лузають *сонешныку*, щобъ не пылы горобци його на городи.

Е. Н. Гаврилей. М. Верківка Нѣжинск. у.

43. Свѣйска тварь.

1. Яку шерстыну найдешъ на пасци, прынисшы ййи съ церкви—такойи масты й *скотъ* держы.

2. Якъ пры торзи та *скотына*, що купуешъ и зидесся вже на цину, каляе, то на таланъ, а якъ мочыть—лучче касайся ейи або переторгуй.

3. Оти *подарункы*, що дарують на весилли молодымъ, ведуться туйлько симъ рокивъ, а тоди вже зводтымутъся.

4. Стари люде кажутъ, шо якъ погнать *скотыну* на Юрѣву росу, то вона буде увесь годъ лучча и гладчѣйша, и жыто пиде лучче. У насъ на Юрѣя скотыну выганяють вси хазяйины, несуть хлибъ и дрибокъ соли. Хлопци складаються, пьють и йидять на жытахъ.

5. Щобъ у *скотыны* не заводылись червы, не треба шыть видъ Риздва до нового году и по усейдныхъ середяхъ и пятныцяхъ.

6. Моя сестра ходыла въ степъ грошей зароблять. Такъ каже, шо тамъ у Полтавщыни и дали туды, такъ у дворѣ привъязжуть *корову*, або й такъ непрывъязану доють и ничого. Ну, а въ насъ такъ не можна.

— Чому?

— У насъ якъ здоить такъ, такъ другого дни молоко пропаде, а тамъ ніѣ. Тамъ, видно, люде добріѣйши.

7. Не крышы надъ молокомъ хлиба ножемъ—*корова* не стоятыме въ дойинню.

8. Я скруозъ чысту сметану продаю. Бувае, шо якось тамъ бабы ростырають сырѣ та жовтокъ изъ яйця та съ того сметану роблють, кажуть, шо ѣ крохмаль сыплють, а я ничего не роблю: и не знаю якъ, та ѣ не хочу, бо кажуть, шо то *корови* погано та ѣ гриѣхъ.

9. Боханця, помазаного сметаною, не рижъ ножемъ бо въ *корови* дѣйки порепаються.

10. На перву кутю пиды рано до *корови*, якъ тильна, и куда лежатыме мордою, въ таку добу ѣ теля знайдеться.

11. Якъ корова отелыться бычкомъ, такъ бильше молока даватыме, нижъ якъ телычкою. И молозыва тоди бильше.

12. У той день, якъ найдеться *теля*, никому ничего не давай, а то буде блудыты.

13. Не бый *теляты* ганчуиркою—жоватыме одижъ.

14. Надовго *коню* хвоста не завязуй—схудае.

15. Якъ у хазяйина шыя товста, то въ *коняки* його певно тонка.

16. Проты ночи писни не кинчають—вовкъ *поросѣ* зйисть.

17. Якъ *тыця* сыдыть на яйцяхъ, то не можна пекты у печи ни яецъ, ни картопли, а то позапикаються яйця.

М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у. (1900), М. С. Чудовская въ с. Выбляхъ Черниг. у., Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинскаго уѣзда.

18. На Стричення дають *цусакамъ* та *пивнямъ* перецъ, щобъ зли булы та посылювали чужыхъ гусакивъ та пивнивь.

19. Якъ порве собака *цуску* зъ табуна, то ти гусы вже зведуться.

20. Пчиль пидрижують у чыстый четверь, щобъ булы чысти.

№№ 1—3, 7, 9, 10, 13—16 и 19 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у., № 4—П. С. Ефименко въ с. Напоровкѣ, №№ 5, 12 и 20—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 6, 11 и 18 (с. Жеведь Чернигов. у.) и № 8 (Сядричи Чернигов. у., 1899)—М. Н. Гринченко.

44. Колы не треба роботы.

1. У п'ятницю Хрыстось страждавъ и тому у сей день не слидъ роботы нiякои чорнойи роботы: ни пряс-ты, бо летыть кострыця, ни золыть, бо попилъ трусуться, ни трусуть сажу, ни иншойи такойи роботы.

Записала въ с. Выбляхъ Чернигов. у. М. С. Чудновская.

2. Одна молодыця потрусыла сажу у п'ятницю и похвалылась на вулицы. Сусидкы ажъ полякались, почувшы, що вона таке зробыла. «Якъ, кажуть, у такый день, та трусуть сажу? За се Богъ покарае тебе и на симъ свити и на тимъ не простыть. Сама ще не тямышь чого, то треба пытаться людей,—а то за се велькый одъ Бога грихъ».

Бидна перелякана молодыця такъ зажурылась, ждучы кары за свiй велькый грихъ, що чысто высохла и на третiй тыждень Богу душу оддала.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ с. Буды Черниг. у.

3. У Велькодну субботу найменчъ роботы дила, щобъ литомъ спуирно роботылось.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

4. Понедилокъ и среда—важки дни.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у.

5. Якъ идешъ куды за диломъ, та куотъ перебижыть дорогу, то луччей вернысь.

М. С. Чудновская. С. Выбли Нѣжинск. у.

6. Якъ перебижить куйтъ дорогу, або перейде хто съ порожнимъ видромъ, такъ лучше ворочайся назадъ— нещастя буде; хыба вже куды пыльно треба, такъ не инакъ иды, якъ перекинувши черезъ те мисце хочъ паличкою.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

45. Съ краденого швидче заведешъ.

У насъ кажутъ, шо съ краденого швидчей заведешъ, нижъ ись купованого. Я колысь ище якъ малою була та почула це, такъ и нарвала въ Мыны повну хустку проса, а тоди вымъяла його, ссыпала въ торбынку и матци оддала. Такъ братъ клынчыкъ на новыни засiявъ тымъ просомъ. И таке гарне вродыло. И съ того вже й стали мы сiяты. И льону два снопы вкрала, такъ гарный и въ насъ льонъ ставъ. А сестра моя гуску вкрала. Подумайте, верстовъ за петнадцять, чы мо й за симнадцять въ однею дивчыною ходылы и такы вкралы по гусци. Такъ дуже добре гусы выводылись и въ тiйи дивчыны и въ насъ.

— Значыть шобъ гарне шо въ хазяйстви було, такъ треба все съ краденого заводыты?

— Ни, всего не можна. Уже жъ коровы чы кобылы не вкрадешъ. А такъ шо посiять, чы птыцю—такъ лучше съ краденого.

С. Жеведъ Чернигов. у. отъ дивчыны. М. Н. Гринчеико. 1899.

46. Даваты.

1. Съ того чоловика, кому дарышъ шо небудь изъ хазяйства, треба узять килькы небудь копiюкь, а якъ будешъ давать такъ, то можно у себе позводыты.

2. Якъ зайде сонце, не годяться давати шо небудь зъ двора, а найпаче не давай молока.

М. С. Чудновская. С. Выбли Чернигов. у.

---

47. Жылавый понедилокъ.

У жылавый понедилокъ (першый понедилокъ у великый листъ) бабы не продають бурякового квасу.

Прымичають, хто першый у цей день увиде въ хату: якъ шо чоловикъ, то це добре, а якъ шо жинка, такъ погано въ симьи буде.

Цей понедилокъ зветься жылавый черезъ те, шо ничого не варють, а йидять редьку та коржи на самій води мишени—*жыляныкы* звуться.

У цей понедилокъ не можна шыты, бо пучкы обирве.

Богодуховскій у. Харьковск. губ. и Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

---

48. Зустрічь.

Якъ идуть проты тебе два чоловикы, дакъ николы не йды усередыну, хоть бы вони й нарочыто розступались передъ тобою.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

---

49. Що вищуче.

1. Ньохти цвितуть—жды подарунка.

2. Якъ заплитаешъ косу та останеться пасмо—дорога.

3. Очи або нисъ свербыть—плакать.

4. Борода свербыть—горилку пыть.
5. Права долоня свербыть—гроши получать, лива—
одавать.
6. Павукъ спустыться—почуешъ висть.
7. Якъ сиренькый павучокъ спустыться—добра бу-
де звистка, а якъ чорненькый—погана.
8. Қить умывається—гостей сподивається.
9. Вугиль скаче съ печи—буде гисть.
10. Якъ пивень на покути спивае—будуть гости.
11. Якъ кунть умывається на який край, звидтиль
будуть гости.
12. Якъ забудешъ по обиди ложки—будуть гости.

№№ 1—6, 8—9 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

№№ 10—12—Е. Н. Гаврилець въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у., а № 7
М. Н. Гринченко въ Харьковск. губ.

---

50. Злодій.

На злодія пануе—на голе дерево груомъ загре-
мівъ. (Тобъ то: не знаходытymesъ крадене).

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговскаго у. 1899.

III.

Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго прожывешъ.

Назбиралы мы на Ёвана Купала купальнычкивъ и позастыркалы у хати на усихъ: и на батька, й на матку, и на бративъ, на усихъ. На другый день подывылысь, ажъ батькивъ и старшого брата купальнычки повъялы, а наши уси порозывалысь. Такъ скоро батько и умерлы, а послаи батька скоро и старшого брата на поли гримъ убывъ. А мы уси, слава Богу, и по сей день живи.

Записала отъ Уляны Килочницкой, въ с. Выбляхъ, Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

---

52. Угадать, чы вси у симйи будутъ живи.

Нарижъ трейчи по девъять гиллючокъ глоду и звары; якъ що вода буде сыва,—хтось скоро умре, а якъ вода буде жовта, то вси будутъ живи.

Записала отъ Трыхвона Кныша изъ д. Песокъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

---

53. Щобъ быть здоровымъ.

1. Почувшы перный гримъ, стань коло печи и скажы: «Дай, Боже, быть такой здоровый, якъ пичь, щобъ було биганне заече, волова сыла, щобъ не болила ни голова, ни спына».

Записала М. С. Чудновская отъ крест. Курской губ. Рыльск. у.

2. На Велькдень попередъ паскы годыться извисты хрину, щобъ быть крипкымъ да здоровымъ.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

3. У чысты четверъ умывайсь на бегучей води—чысты будешъ.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжин. у.

---

54. Щобъ щастыло на войны и на суди.

Иноди трапляється бачыть, якъ вужака нападе на жабу, щобъ извисты ййи. Возьмы тоди ломачку и розбороны, та тилькы не убывай и тую ломачку ховай: чы прыдеться иты на войну, чы на судъ—беры зъ собою: на войны не убъють, а на суди завсегда будешъ правый.

Записала отъ Арины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

---

55. Одъ усякыйи болizienzи.

а) Передъ тымъ днемъ, у который случыться Сри-тенне, узять соли, завернуть у тряпычку да й укынуть у жаръ, а до схида сонця вынять. Хто занедужае чымъ, тому и йисты сюю силь.

б) Якъ хто нездоровъ чымъ, дакъ нехай у чыстый четверъ, чуть свитокъ, пійде на ричку, поky нхто ище воды не бравъ да й умыеться; тоди й болизнь усяка пройде.

М. Исаенко. С. Голенка Конотопскаго у. Черниговской губ.

56. Передать болизнь другому.

Щобъ изличыть лышай, чы другу яку болизнь, возьмы обмый водою болюче мисто и увечери, або вранци перелый тїєю водою вулицю. Хто первый перейде черезъ перелыте мисто, той прыйме и болизнь.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниг. у.

57. Одъ урокивъ.

I.

Ой дай, Боже, ой дай, Боже, щобъ день та й недиля:

Щобъ тая Маруся робыты не вмила.

А щобъ вона, молодая, конопель не мняла,

Ой щобъ ййи головонька пыломъ не прыпала.

Ой мы везлы, ой мы везлы зъ новымъ медомъ бочку;

Ой мы взяли, ой мы вкралы въ нашойи свахы дочку.

Бабська прымова, урокы, урочыны!

Я васъ прыклякаю, господа мылосердные.

Въ помощь прыклякаю! Господь зъ помощама,

А я зо словами, я васъ вышептую,

Выклякаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, изъ нигъ,

Изъ сымдесяты жылъ, изъ румьяного лыця, изъ шырокого сердца.

Тутъ вамъ не буты, тутъ вамъ не гуляты,
 Буйнойи головонькы та й не ламаты,
 Румьяного лыця та й не палыты;
 Широкого серця та й не нудыты;
 Семьдесяты жылъ та й не стягаты
 И пидь серденько та й не пидпираты.
 Поты вы нудылы,
 Покры я Господа мылосердного та на помощь не пры-
 клыкала:

Господь зъ помощама, а я зо словама.
 Я васъ вышептую, выкылаю на очерета, на болота.
 Вызываю—йдить соби та й на очерета
 Та й на болота,—
 Тамъ вамъ столы застеляи,
 Чаркы пональвани.
 Тамъ вамъ пыты, гуляты и роскоши маты,
 А одъ рожденнойи, мольтвованойи, хрещенойи
 Рабы Божойи Маруси уतिकаты.

Подольск. г. А. В. Заблоцкій-изъ альбома.

II.

Видкиля сонце сходять, видтыля помощь прыхо-
 дить; видкиль свить наставъ видтиль Богъ помощь
 пославъ. Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща, лыхо-
 радкы-лыхорадчыща, тутъ вамъ не буваты и не ходыты,
 червонойи кровы не пыты, серденька не сушыты, жов-
 тойи косты не ломыты, билого лыченька не вьялыты. Я
 васъ высылаю, вымовляю, вышиптую; я васъ посылаю на
 очерета, болота, на густы лиса, де дивка косы не носыть,
 де парубокъ коня не сидлае, де цивень не спивае. Баба
 золотовыда, котора Хрыста прыймала, людяма помощь
 посыдала, я вызываю, я вышиптую изъ ручокъ, съ пучокъ,
 изъ очей, съ плечей, зъ семьдесяты суставовъ. Я вымов-
 ляю, Маты Божу на помощь прызываю. Я словама,

Маты Божая диламы; я хухомъ (дуетъ на крестъ), Маты Божа духомъ. Уроки-урочыша зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ, бурыхъ и понурыхъ, чоловичыхъ и жиночыхъ, парубочыхъ и дивочыхъ. Колы буду сыне море переплываты, тоди буду на уроки и на прыстриты горюваты. Сама соби сорочку мыла, сама и зносыла, сама соби прыстрить одходыла.

Изъ бумагъ П. А. Лукашевича.

III.

Щобъ диты byly неврочлыви, то треба умывать йихъ зъ помыйныци.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣзда.

58. Видъ прыстриту.

1. Прыстриче, прыстриче, добрый чоловиче! Сядь соби на мистечку, на золотимъ крислечку, тутъ тоби не бушавать, не воевать и костей не ломыть. Иды соби на море, на тимъ мори камень, на камени зрубъ стоявъ, самъ тамъ Богъ по имени называвъ, а тоби, мій малый, (чы мала), щобъ прыстрикъ бильшь не упомынавсь.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Евдокии Чирковой М. С. Чудновская.

2. Якъ хто тебе изурочыть, то возьми здымы зъ себе сорочку и положъ, звернувшы, пидъ камень. Пройде. Отъ Уляны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

3. Навыворотъ сорочку носы, прыстрить не нападе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркиевка Нѣжинск. уѣз.

59. Одъ простуды.

Узявъ живыци такъ якъ изъ куряче ейце, изтерты яйи да й укынуть у пляшку зъ пивквартою горилкы, да тоди поставыть у тепле мисто, поky добре настойить-ся да й пыть по тры чаркы на день.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговск. губ. М. Исаенко.

60. Одъ лыхоманкы.

1. Узять печене яйце да облупыть його такъ, щобъ шкурка цила зосталась на йому, да тоди и завязать у ластку пидъ ливою рукою, та й держать його тамъ, поky оно зовсимъ изсохнеться.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговской губ. М. Исаенко.

2. **Одъ хынди.** Треба мовчки йты за домовыною мертвого до могилокъ, и якъ коло ямы уже уси попрощаются, поцилуй мертвого у мызынци на рукахъ и на ногахъ и йды до дому, ни съ кымъ не балакаючы.

Записала въ с. Гусавкѣ Черниг. уѣз. отъ крестьянки Христини Губки М. С. Чудновская.

3. Узять шматокъ хлиба, солы и яйце и треба питы до мосту, зъ мосту кынуты тее усе черезъ плече у воду, проговорывшы: «вась, титочки, симдесять симъ, прынесла я вамъ полуднувать усимъ». Додому йшовшы, не треба озыраться назадъ и балакаты. Писля сього хынды безпреминно покыне.

Записала отъ крест. с. Гусавки, Черниг. уѣз. Катерины Васьковой. М. С. Чудновская.

4. **Молитва отъ лихорадки.** «Взбунтовалося море взвольновалася вода, отъ туда выходить четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходить отъ царя Ирода

святой Мохнованій и спрашиваетъ ихъ, куда вы идете. Мы идемъ къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтїи кости ломити сердца вялити бѣлаго тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлагїй свой прїострїй мечъ и вдаривъ ихъ по четыре раза а они по отвѣчали ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будимъ на шесть лѣтъ минати». (Ореографія подлинника).

Полтавск. губ.

61. Одъ жовтяныци.

На зори уранци треба пойти на ричку изъ суденцемъ изъ жовтойи миди, набратъ у його воды, поставыть на верхъ хаты да ѣ прыговорювать: «Зори зоряныци, возьмиь раба Божого № жовтяныци—ранни ѣ пивранни, денни ѣ пивденни, вечерни ѣ пиввечерни, ночнійи ѣ пивночнійи». Якъ пройде тры дни, тоди изнять да ѣ умывать жовтяныци, прыговорюючи те саме.

С. Голенка Конотопскаго у. Чернїговск. губ. М. Исаенко.

Одъ жовтяныць треба купаты у злоти: у купель кыдаты золотый перстинь.

Богодуховск. уѣз. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

62. Голова.

1. Острыгшысь, не кыдай чуба въ пичь, або скуилько чубъ горитыме, стуилько голова болитыме, а кыдай чубъ пидъ вербу—буде скоро рости, якъ верба.

2. Мертяковымъ черепомъ давять свою голову, щобъ не болила, а щелепы на ротъ надивають одъ зубуивъ.

3. Изъ сятои вербы назбирай у церкви потерти й бережы, шобъ на злучай, якъ заболыть голова, такъ парыться тымъ окропомъ, шо нагріешъ зъ тою потертю.

№№ 1—3 М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣз. Е. Н. Гаврилей.

4. Учадившы, треба положыты у вуха калыны (ягидъ), —вытягне чадъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

5. Шобъ булы довгы косы, треба на молодыку стать на порози и трохи пудризать.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

63. Одъ болячбы у вуси.

Пидкурюють льономъ—лушыкомъ. (Насиння зъ льону, шо саме высыпається). Насыпають у черепокъ жару и сыплють льонъ, а хворый нахылытьса вухомъ до дыму, та ще й рядомъ його прыкрыють. Якъ добре пидкурыты, такъ болячку прорве, и вона вытече.

С. Жеведь Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко. 1899.

64. Одъ зубивъ.

1. Якъ уперше побачышь молодыка, зупынысь и трейчи скажы: Молодыкъ молодой, чы бувъ ты на мори? Чы бачывъ ты морськыхъ людей? Чы болять у йихъ зубы? Хай у йихъ болять, а мени (им'я) не знать. Промовывшы, иды не озыраючысь.

Записала отъ бабы шептухи Вар. Мулочовой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

2. Побачывшы уперше молодыка, зупынысь, прокажы трейчи «Оче нашъ», трейчи плюнь черезъ ливе

плече и йды не озыраючысь. Щобъ не болилы зубы, треба такъ робыть шо молодыка.

Записала отъ Лук. Новиковой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

65. Якъ охрыпнешь.

Якъ охрыпнешь, то пый сыри яйца, чы йижъ гречани крупы.

М. Веркiевка Нiжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

66. Видь очей.

1. На Благовищення идуть люде дывытыся до рикы на дрибну рыбу, та й кажуть тры разы: «абы мене тогда очи болилы, якъ рыбу».—Ходять такожь дывытыся на другый день Велыкодна.

Наталя Кобрыньска. «Зъ Бойкивыщны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиция).

2. Въ страсны четверь годытыся вмываться бегучою водою, щобъ слепота не напала.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нiжинск. у.

3. Молодыця, якъ мае ще тилькы одно дытя и хлопця, нехай своимъ молокомъ капне у очи у кого болять.

Совитуйте: вирне средство. Видь сього и бильма проходить.

Записала отъ Л. Новиковой въ с. Выбляхъ, Черниговск. у. М. С. Чудновская.

4. **Отъ бильма.** Ехаль святiй Ерий на биломъ конѣ набѣломъ сидлѣ въ бѣлой одеждѣ съ бѣлыми слугами вилѣлъ бѣлимъ слугамъ бѣлое бильмо сикти рубати

мютламы смитаты тугь тобы небуваты жольтой косты червоной крови не ламаты. (Правописаніе подлинника).
Изъ рукописи «Примѣты разныхъ примовъ Просто-народія», со-
общенной М. Л. Кропивницькимъ.

---

67. Одъ грудной боли.

а) Узять того сала, що якъ бьютъ кабана або свыню да хрестъ ножемъ пышутъ, прыжарыть трохи да й мазать груди.

б) Потерты на тертушку чорну редьку да й выжать изъ ййи сокъ; сокъ той измишать изъ меншою часткою горилкы да й пыть по тры маленьки стаканы у день.

в) Весною, якъ ище мале бувае жыто, ходыть по йому уранци босымы ногамы часивъ два.

г) Узять кинського гною, якъ перепріе добре, да й прыкладувать до грудей.

д) Запекать йоловыйи шышкы у горилци да й пыть.

С. Голенка Черниговскаго у. М. Исаенко.

---

68. Одъ жывота.

1. Якъ йисты гориле, то жывить не болитыме.

Б. Д. Гринченко. Черниговск. у.

2. Одъ жывота росколоты чарку солы чы попелу та й выпый, або иды на двирь (про себе), хочъ и не хочеться.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Отъ затверденія желудка. На весни, до грому, нарвы деревію съ кориннемъ, горыщвиту съ кориннемъ, да возьмы вербы свяченойи и, зварывшы, пый и плечи мажъ.

4. Употребленіе горьцивиту противъ серозныхъ скопленій. Въ перви десять днівъ лику: узять кварту воды, налить у полывъяный горщокъ и положить туды тры коринци горьцивиту, закрыть горщыкъ покрышкою та й замазать и варыть поты, помы выварыться съ кварты пъята частка, и давать сього зилля на тры чашкы (чайныхъ) рано, въ обидь и ввечери. На други десять днівъ лику узять тилько воды, якъ и перше, да тилько положить чотыри корини и выварыть стилько, якъ и перше, и пыть по тры чашкы въ день. За часъ передь ликарствомъ и писля ликарства не можно йсты ничего. Писля двадцаты днівъ лику пыть первого ликарства (що по тры коринци) по дви чашкы. Во вси разы, якъ сечи мало, прибавляють у горщокъ лысту въяленого изъ калачыкывъ, такъ якъ у пучкы взять, та й варыть разомъ. Рыбы и мясного жириого не можно йсты, зилля держать въ холодному мисти (у погреби) не бильше трьохъ днівъ (бо почне портыться). Якъ сечь дуже пиде, то й можно перегадыть одынъ день зъ ликарствомъ.

Черниговск. г. (№№ 3 и 4 взаты изъ «Черниговск. г. вѣдомостей» 1860, № 6 С. Д. Носъ).

69. Якъ нудно.

Якъ нудно, то перекусы въ соломыни колинце.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

70. Одъ печайкы.

Одъ печайкы лыжы праву долоню на тимъ мисти, де пысавъ хресты на голодну кутю, або крейду йижъ.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

71. Одъ піяцтва.

1. Щобъ п'яныця кынувъ пыты, треба назбирать пины изъ утомленого коня такойи масты, якого цвиту косы у п'яныци, и дать выпыть зъ водою.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

2. Щобъ не воняла горилка зъ рота—жуй бумагу або гречани крупы, а щобъ не п'яны бувъ—выпы чарку карасину.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

72. Щобъ не болилы руки и ногы.

Вытягны зъ пояса красну шерстяну нитку и пере-
вежы болочу руку, чы ногу,—перестане.

Записала отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

73. Отъ бежа, бешыхы и прыстриту.

I.

Отъченашъ: Богородице Дѣво: Честный Кресте. Иоане Крестителю и Всѣ Небесни Сили, и Св. Апостоли, Пророки, Пророчицы св: Святители Приподобныи Отци, св: Мученики Священо Мученики, и Преподобни Мученики св: Мученици. Преподобни жени, Преподобно Мученици и Сповѣдникъ и Безсребреники и Христароди Юродиви и вси въ Кіево Печерскѣ и Ерусалимской Почаевскѣ, и Перижловскѣ и Вси Святїи Станьте Мени въпомочи Господу Богу помолюся Пречистѣй святїй Матери Божїй Поклонюся ковсѣмъ Святимъ Станьте мѣнѣ въ помочи Бежа бишиху или пристрѣтъ тоже такъ само: 1 вызвать—2 Вишиптать Зѣмову Висняну Лѣтню

Осѣнну Гадину мѣсячну дену полудену, ночну, полуночну Часову, Чоловѣчу, Жоночу, Парубочу, Дѣвчачу, Хлопячу, Огнену Вѣтряну, Водяну, попѣвску, Паньску Лядьску наслану Подуману Погадану, Тута Тобѣ Небуваты Тута тобѣ небуяти Жовтои кости неламати Червонои Кровѣ, неспивати Бѣлого тѣла невялити Сердца не нудити кости и Составъ некрушити теперъ тебе Визиваю зъ Три Девяти Составъ Вишѣптую Викликаю на Пуши и Нетри Отсилаю Де Сонце Праведне не Грѣе, де мѣсяць не свѣтитъ де люди не ходять и де христьянскый Глазь не заходитъ тамъ Собѣ Гуляй, тамъ Собѣ Буай,—

Пречистая Богородица, Обѣдъ Становила склепина и склепенивъ, въ Сѣхъ наобѣдъ звала бежа и бишиху незвала бежъ и бишиха сами пришли, Господня помѣщъ (дальше слово неразобрано) немѣй Духъ Господнѣй Духъ помагае Рожденному и хрещеному Рабу Божому Филиппу на помѣщъ Ставаеи тогда Духомъ подуть навхрестъ 3 рази говоря Си Слова, начиная отъ словъ не мѣй Духъ Господнѣй Духъ, Это одинъ штихъ, тогда начинай и Другой и третій разъ отъ Словъ Пречистиі Богородици и Всѣхъ св: призывать на помощь, акогда три рази переговоришь То начинай опять Сначала Отъченашъ: Богородице Дѣво— такимже порядкомъ 3 рази якъ и Сначала отъ Слова до слова то будетъ шесть разъ тогда Возьми Красный плетеный поясъ Розложи на пухлое мѣсто въ одно Сталь и запали лянне либо и просто пачоски и тожъ другою сталкою пояса прикрой легко чтобы пламя помало зъ тухало и когда на Поясѣ на чинаешъ Это Дѣйствовать то знову начинай отъ Отъченашъ: Богородице Дѣво: и всѣ Слова, отъ Слова До слова какъ Сначала прописано, атолько Якъ Вишептуешъ Визиваю Вишептую Викликаю прибавъ и Спалюю инапуши и нетри, отъ Силаю: и такъ дали Доконця какъ и прежде отъ Слова До слова, и такимъ Способомъ 3 рази переговорить и 3 рази спалить тогда кончитъ—Отче

нашъ Достойно—Воимя Отца 3 рази—+.+.+. — Это Значить 9-ть разъ а Еще нужно такъ Само Дварази по Девять разъ тозначить будетъ 3-ри Девять разъ, Этии Дварази (слово не разобрано) послѣдніи наветъ можно и позаглаза шептать, Звѣсно Лучше Быть при Болящому нежели заглаза. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

II.

Простое лѣкарство отъ Рожѣ которое принять то нетѣлько что она и Счезнетъ и Виздоровѣтъ Больное мѣсто А наветъ доказуютъ получивше или принявше Этое Лѣкарство то и никогда nebudeтъ болѣе Возобновляться на Этому Человѣку, нетолько На Этомъ Мѣстѣ.

взять на Ставетъ въ Чайникѣ, въ переваренной Водѣ, тоестъ какъ изъ Самовара, и Дать въ Этогъ Чайникъ Кофїи съ паленой припорцію какъ Слѣдуетъ, Чтоби на Стояла тогда въ штаканъ налить тоже воды зъ Самовара съ хорошъ Кѣлѣшокъ и вложить туда Секретнаго Лѣкарства, необявленнаго Болящому какое потому что Другой Болящій не захочитъ Може принять въпользованіе взять въ Чистую холстинку завинуть кусочекъ конячого г. и завязать и вложить въ Этогъ штаканъ чтобы натягло потомъ иемножко поколотить Этуя Завеніонку и тогда Этое винуть прочъ А настояна вода пусть одъ Стоитъ, и тогда Еще процедитъ можно на холстинку и чистое Клярвное Употребить въ шклянку До лить на Стояною кофїю Для приятнїишаго Духу или вкусу До Дать Сахару попринадлежности и Дать Болящому Принять Добраго Апетиту (Правописаніе подлинника).

Изъ старой рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

74. Опухъ.

Дивчына пisle скарлатыны опухла. Баба порадыла таки лыкы: узаты гостройи водкы, вкнуты туды дванадцять товстыхъ голокъ. Воны рогтануть, бо гостра водка йихъ пойистъ. Тоди пыты це по скылькысь тамъ крапель съ простою горилкою.

С. Алексѣвка Славяносербскаго у. М. Н. Гринченко. 1893.

---

75. Огныкъ.

Якъ нападе *огныкъ*, треба спалыты ганчирку и тымъ попиломъ затопуваты.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

---

76. Одъ бородавокъ.

Щобъ зогнать бородавки, треба на тоненькій нытопци навязать стыльки вузлыкывъ, скылькы е бородавокъ и закопать у землю. Якъ нытка перегные,—и бородавки пропадутъ.

Можно ще такъ зогнать бородавки: узать девять гороховынь, покачать йимы бородавки, загорнуть йихъ у чопурненьку латочку и кынуть на вулицю. Хто пудыме сіе гороховыны, до того перейдутъ и бородавки.

Записала отъ Ульяны Половецкой въ с. Выблякъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

77. Раны.

1. Якъ урижешъ палець, то треба на трапочку ввяты нагидковойи горилкы та й примочыты уризане мисце—заразь стягне.

2. Якъ попечешъ пальци зализомъ чы тамъ обь горщыкъ, такъ треба взятись за вухо и сказаты: «сьогодни пгятныця»—не такъ пектыме.

№ 2 записала въ с. Жеведи Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко въ 1899 году.

78. Кровъ замовляты.

1. Щобъ перестала иты кровъ, треба сказаты: «За сынимъ моремъ бувъ камень, на камени сьдило чотыри дивыци: одна голку держыть, друга нитку сажает, трейтя жылы зашывае, четверта кровъ замовляе.» Треба сее промовыть трейчи и кровъ перестане.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Троф. Атрощенко М. С. Чудновская.

2. Разъ на ночлизи одынъ хлопецъ, стругавшы пуговье, поризавъ соби руку; кровъ такъ и побигла. Що мы не робылы—ніякъ не перестает. «Постойте жъ,—каже Омелько,—мени колысь дидъ казавъ, якъ треба замовыты кровъ, я знаю що треба казаты.» Тутъ Омелько перехрестывся и трейчи промовывъ: «Гуляю, гуляю, кровъ замовляю.» И кровъ заразъ же перестала текты зъ поризанойи руки.

М. С. Чудновская отъ Митрофана Шульги тамъ-же.

3. Калыновымъ мостомъ йшло тры сестри: калына, малына и шпышына. Не вмѣлы йены ни штыты, ни прятъ, туольки вмѣлы сѣкты рубаты, рѣкы пропускаты—одна рѣка водяная, друга рѣка огненная, третя рѣка кровъяная. Водяною огонь зальваты, кровъяною кровъ суниматы (трейчи).

С. Осняки Черниговск. у. В. В. Полуботкова.

4. Замовляніе Кровы Двухъ Сортвъ.

1-й Въ неделю рано Причиста Дѣва плугомъ небо орала небо орала руту сияла Рута незшла чтобъ Кровь нешла. — Сей пунктъ виговариваетца заоднімъ духъ. аговорить Его Дольжно трижды.

2-й Ишла баба Камьяная Камьянимъ мостомъ съ Камяною Доюнкою Камяную Корову Доить какъ той бабы нельзя Коровы доиты щобъ такъ неможно схрещенного порожденного какого имя кровы итить трижды нада говорить. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

79. Дытячи хворобы.

1. Вагуйтна жинка, якъ що вкраде, нехай лапнеться за шо деревъяне, або за прыпечокъ, туилько жъ не за свое тило, бо въ дытны буде родыме на тимъ мисци, за шо вона себе лапнула.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркiевка Нѣжинск. у.

2. Щобъ дытя поправлялось. Якъ у кого мруть диты, то треба, щобъ якъ дытя занедужае, хто небудь його закупывъ. Той, хто закупае, дае матци копійокъ дви, чы три грошей и вишае на шыю дытны хрещыкъ. Сей, хто закупыть дытя, и считается хрещенымъ батькомъ, чы хрещеною маткою. Часто писля сього диты поправляются и живутъ.

Записала отъ Ольги Герасименко, въ с. Буда, Черниг. у М. С. Чудновская.

3. У иась якъ дытына не спыть та крычыть, такъ маты положе ййи на порози на кожуси и трычи переступыть, приказуючы: «Яка породыла, та й одходыла». Тоди трычи злыже й сплюне.

— Воно жъ пособляе?

— У насъ пособляе, а въ панивъ хто-й-зна. Воны все сміються, кажуть: «бабськи выгадки». Воны заразъ дохторивъ клычуть, а мы по простому—злыжешъ його, такъ и засне. Я хотила сказаты Ганни Мыколаевни, та не смію, ще росердуются. А такъ жалко Володичкы, шо бидненьке такъ плаче.

Богодуховъ Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1899.

4. У новуїй колысци годуться ката на почынъ положить, щобъ дытя краще спало.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

80. Щобъ довго не було дитей.

Якъ молода сиде на посади, то хай пидъ себе положить стилькы пальцивъ, скилькы рокивъ вона хоче, щобъ у нейи не було дитей.

Записала отъ Ганны Индачевой въ с. Выбляхъ Черниг. уѣзд. М. С. Чудновская.

81. Кумування.

Кумовью годуться переходить черезъ жаръ, якъ несутъ до хреста, щобъ одъ усього злого очыститься.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

82. Змовленіе гада.

Насионской горѣ во Египетской Зимлѣ стоить Дубъ Евгимъ ивтомъ Дубу гниздо въ томъ гниздѣ гадюка сивилуха Гадюко сивилуха прикажы своимъ слу-

гамъ очеретянимъ, болотянимъ, стиповимъ, водянимъ
камянымъ ивсимъ находящимся пушай сію Ядь Роз-
быруть. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», со-
общенной М. Л. Кропивницкимъ.

83. Знахарка.

Раздѣвъ больную, врачъ увидѣлъ на ея шеѣ цѣлую
связку талисмановъ.

— А это что?

— Да все-жъ «лики»: бабы давали.

Въ одномъ сверткѣ оказалась еще влажная лягуш-
ка, издававшая зловоніе, въ другомъ—иконка, въ треть-
емъ «выписка», на которой карандашемъ было написано:
«Рожденному, молитвенному, крещенному рабу Божию,
помоги Господи! На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ
есть на камнѣ груша, на той грушѣ гнѣздище, а въ
томъ гнѣздищѣ три царевны—Хивря, Вивря и Олипа.
Хивря, Вивря и Олипа! И спеняйте, и стягайте по заповѣ-
ди моей, слуги вы мои...» и. т. д. Въ числѣ прочихъ
амулетовъ былъ за паянный со всѣхъ сторонъ флакончикъ
съ прозрачной жидкостью.

— Это для чего?

— Съ святыхъ мѣсть... странникъ даль... Носи, ска-
заль, на шеѣ и, ежели вода убавится, умрешь, значить,
а если нѣтъ—будешь жить.

Изъ газеты «Приазовскій край» перепечатано въ Кіевлянинѣ 1897,
№ 212, а оттуда заимствовано нами.

84. Позихання.

Якъ позихаешъ, то хресты ротъ, щобъ духы зли не нализлы.

М. Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

85. Одъ вовевивъ.

Якъ оступлять вовкы чоловика, то треба назвать якого небудь умершого чоловика мення, чы родыча, чы знакомого, то й пидуть геть.

С. Напоровка Черниг. губ. П. С. Ефименко.

---

86. Щобъ плаваты гарно.

Якъ йисты цвилый хлибъ, то плаватимешъ гарно.

С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. 1885. Б. Д. Гринченко.

---

87. Спать лягаючи, промовляты.

За горами, за риками тамъ мы спать лягали. Матиръ Божа въ головахъ, Исусъ Хрыстосъ у ногахъ, ангелы хранители по бокахъ—хранять мою душу до самого ранку одъ ножа, одъ меча, одъ лыхого чоловика.

С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. 1885. Б. Д. Гринченко.

---

88. Щобъ не посердытыся, даючи.

Даючи кому голку, кольны його до кровы, щобъ не посердытыся.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

89. Любоши, сватання, весилля.

I. Пряники зъ любощами.

У насъ на храму уже звычайно хлопци купують діѣвкамъ прянікивъ. Ну, я брата брала, а іѣсты не іѣла. Возьму та небожатамъ або такъ діѣтямъ пороздаю.

— Чому жъ вы самы не йилы?

— Боюсе. Думаю, що може вуонъ до бабы ходывъ, щобъ нашептала. Та ще якъ иззіѣмъ, то якъ прыде свататы, то й нехотя пиду.

С. Жевель Черниговскаго у М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

II. Шобъ хлопци вѣзлы.

Дивчатамъ годыться носыть завѣязаною въ кышени першу бубешку пивоны, шобъ хлопци вѣзлы.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

III. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ).

Треба на червоному пояси самою правою рукою завѣязаты тры вузлыкъ, якъ лягаешъ спаты. Завѣязавшы першый вузлыкъ, прокажы: Узлыкъ вѣжду, на сонъ закладаю, деньочки считаю: четвергъ за пятницею, субота зъ недѣлею, понедѣлокъ зъ овторкомъ, а середа одыница, то моя сестрыця, вона меніѣ правду скаже. Уши чуйте, очи бачте, меніѣ сповіщайте: хто мене желае, той меніѣ приснитъся.

Завѣязавшы другый вузлыкъ, каже те саме, тилькы кинчае такъ: кого я желаю, того я побачу. Третій вузлыкъ вѣязавшы—те саме, тилькы на кинци таки слова: зъ кіѣмъ пудъ віѣнцомъ стану, той меніѣ приснитъся.

С. Осняки Черниговск. у В. В. Полуботкова.

IV. За якого выйдешъ замижъ.

На багату кутю треба питы, де ночують коровы и

заплющивши очи, простягты руки до коровы: якъ падешь за хвистъ, то пидешь за багатого, якъ за рогы— за бидного, а якъ за спыну, чы за що инше—то за середнього хазяина.

Записала отъ Ив. Сапѣги, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

V. Старосты.

У туй хати, де есть дивчата, годыться сидать за разъ прышовшы, щобъ старосты сидалы.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

VI. Сватанна.

Якъ парубокъ ниякъ не высватае соби дивкы, то треба питы до батюшки, попросыты пирога и зъ тымъ пирогомъ иты свататься,—буде удача.

Прийшовшы свататься, треба ступыть попереду правою ногою на поригъ, а правою рукою узаться за колочокъ и сказаты: йиду на судъ, йиду на ведмеди, гадыною поганяю, стою якъ овечка,—не мовте про мене ни словечка.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

VII. Весилля.

Годыться на весилли въ хати по куточкахъ повишать немолоченого жыта, щобъ молодымъ було жытте щаслыве.

М. Веркѣвка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

VIII. Щобъ зъ чоловикомъ зійтыся.

Щобъ ись чоловикомъ зійтыся, треба питы до церкви, купыты дви свичкы, поставыты передъ царськымы вратамы, статы навколишкы и казаты: Во имья Отця и Сына, одступыся, нечыста сыла, да вселыся Духъ святыи и возлюбы насъ такъ, якъ насъ Богъ возлюблявъ, якъ

мы возлюбленно пудъ винцемъ стоялы, и якъ насъ ба-
тюшка благословлявъ, и на насъ винци надивавъ, щобъ
такъ мы й вику доживалы у радости, веселосты и бла-
гословенно неосужденно.

И треба симъ разъ сказать: Господы, помылуй! Го-
споды, прости грихы мойи! Господы, благословы!

Черниговъ. М. Н. Гринченко 1900.

90. Варыво.

Якъ що варыво стане слызьке, треба його поми-
шать гарячою кочергою, або укынуть у дижку конопель
плоскуней.

Записала отъ Горпины, крест. с. Лукашевки Черниг. у., М. С. Чуд-
новская.

91. Дижка.

1. Глянувши въ дижу, колы въ ній сходять тисто,
треба безпреминно цмокнуть, щобъ хутній сходыло. Не
цмокнуть—грехъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

Не можна лыты въ дижу окропу—дижа запарыться
и хлибъ не буде сходять.

Славяносерб. у. Екатериносл. губ. М. Н. Гринченко. 1892.

2. У чыстый четверть до сонця бабы выносять у
сины пекельну *) дижу, покрывають чыстою скатертью и
одна уже пытае: «Де це дижа?» А друга одказуе: «Пишла
говить.» Себъ то уже на те, щобъ дижа не портылась,
и щобъ бувъ смашный хлибъ.

С. Выбли, Черниг. у М. С. Чудновская.

*) Ту, шо въ йій хлибъ печуть.

92. Одежа.

1. Щобъ плаття биле було—перы його на масныци, або якъ сады цвितуть.

2. Якъ надинешъ навыворотъ одежину, — напастъ буде, а щобъ пройшла, — кынь на землю и тоди вже вдруге надивай.

Оба номера: М, Веркіевка Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

93. Чы гарна на жыття хата.

Якъ закладають хату, то кладуть на тунимъ мисци на нуичъ повернету сковороду, и якъ сковорода буде мокра, то жыття буде погане, а якъ суха, то гарне.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

94. Щобъ у хати не велыся прусы, жуuky, жабы.

1. Отъ якъ я въ своейи сестры звела цыхъ *москалюовъ* (*прусы*). Мени одна баба сказала, та не знаю, чы на сміѣхъ, чы й справди, шо такъ треба йихъ изводить. Ну, я такъ и зробыла. До схуодъ суонца набрала йихъ изъ добру жменю, высыпала въ постуоль и везу на рынокъ.

— Шо жъ то за рынокъ?

— То въ насъ у селіѣ такъ: одна вулиця туды пошла, а друга туды, а мижъ йимы такъ якъ бугоръ—ото зветься рынокъ, або ще ростанне. Такъ я везу йихъ, а сама собіѣ голошу: «Ой Боже муой, Боже муой!...» Такъ значыть баба меніѣ сказала. Вывезла на бугоръ и тамъ покынула съ постоломъ, а сама пошла не оглядаючыся. Такъ шо вы скажете? Не боольшъ. якъ недіѣль черезъ тры чысто всіѣ звельсе.

С. Жеведь Черниг. у., М. Н. Гривченко отъ дивчины.

2. Прийшовшы зъ похорону, лапайся за комень, або за прыпичокъ, щобъ жуки звельсь.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Щобъ у хати не було жабы, треба у чыстый четвергъ обместы хату виныкомъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

95. Огонь у хати и на поли.

I. Щобъ огонь горивъ.

— Оце въ васъ и доси въ груби не горыть? Вы огонь постыдуйте, такъ и займеться.

— Якъ то огонь стыдовать?

— А отъ я заразы: «Стыдно огню, що дрова на верси!» (каже голосно й зъ докоромъ).

— Отъ и не пособылося, и не займається.

— Треба дужшей: «Стыдно огню, що дрова не верси! Ай стыдно! Ай—яй якъ стыдно! Ай, шо то за вогонь, шо дрова на верси! Ай стыдно!» О, бачыте—уже й зайнялося.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговск. у. 1899

II. Щобъ огонь горивъ.

Мы якъ пасемъ овечкы, такъ огонь кладемъ: мы соби, а хлопци соби. Такъ мы въ хлопцивъ крадемъ шобъ у насъ бильший бувъ, а то ще, й приказуемъ:

Горы, горы жарко!

Прийиде Захарко.

Самъ на кобыли,

Диты на лошатахъ,

Слугы на собакахъ.

Такъ и-и жарко горыть!

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко. 1899.

III. По огню ворожыты.

Мы весною якъ пасемъ овечкы, такъ день такъ *истегається*.

— Якъ то истегається?

— Значыть довгый дуже. Такъ мы огонь кладемъ и по огню визнаемъ, чы довго до вечора. Якъ биластый огонь, такъ швыдко вечеръ, а якъ червоный, такъ нешвыдко.

С. Жеведь Черниговс. у. М. Н. Гринченко. 1899.

96. Скотына.

I. Щобъ пишло у руку.

Якъ купышь у кого яку скотыну, чы птыцю, та вона почынае хворить та марнить—не йде у руку, то треба, щобъ хто небудь изъ симъйи перекупывъ, щобъ скотына, значыть перейшла, черезъ руки, и тоди вона поправыться и можло буде розвесты. А то бувае така погана рука, що зроду нельзя ничего завесты.

Записала отъ Горпины Ермоленко изъ с. Лукашовки Черниг. у. М. С. Чудновская.

II. Яка масть буде у руку.

Щобъ угадать, якои масти заводыть скотыну, коней, чы тамъ яку птыцю, треба, побачывшы уперше ластивку, пиднять зъ пидъ правойи ноги земли, высушыть ййи и тоди, розломывшы, знайдешъ тамъ волосыну. Якого цвигу буде волосына, такои масти и заводъ чы коней, чы що инше: буде добре вестысь.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. См. № 43 й этой книги.

III.

Якъ идешъ кумувать байстрыты-хлопця, такъ объ-

яжи по голому тилу обротъ, а дивчыну—такъ налыгачъ: скоть у руку йтyme.

Якъ идешъ кумовать до дивкы, такъ кумови годьтса пудвзаться обротемъ по тилу, а куми налыгачемъ, щобъ скоть водывся.

IV.

Новитню скотыну загодовуй мишаныною зъ пашни —гладке буде й привыкне скоро.

V.

Выганяючы вперше скотыну на пашу, треба розослатъ поясъ у воротяхъ, зачепывшы середъ його замкнутый замокъ, тоди й переганяй черезъ його скотыну, взявши въ руки шматокъ стали, пугу й сягу воду и тоди вже махны трычи пугою й кропы сятою водою; зробывшы осе усе, не страшно щобъ скотына заблудыла, або ййи вкрадено, чы вовкъ иззивъ.

Уперве пастуху не годьтса хлиба брать и ничего не йисты, щобъ циле лито скоть уберигся одъ вовкуивъ.

VI.

Якъ сохне и чавядіе людына, чы скотына—годьтса, щобъ хто закупывъ и давъ задачи хочъ бы й шагъ—вылюдніе.

ММ III—VI записаль въ м. Веркiевкi Нiжин. у. Е. Н. Гаврилей.

97. Корова.

I.

Куплену корову обведы трычи въ хлеви кругомъ сохы, щобъ скорій привыкла.

М. Веркiевка Нiжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II. Щобъ у коровы прыбуло молоко.

Обвязавшы ниткою окраецъ хлиба, треба спустыть його у колодезь, такъ, що якъ за ничъ прыбуде вода, щобъ винъ бувъ у води. Вранци вытягни сей хлибъ зъ колодезя и дай звисты корови. Одъ сього у коровы побильшае молока.

III. Щобъ корова давала багато молока.

Якъ корова тильна першымъ телямъ, то на послиднихъ дняхъ треба повертить йй рога и положить туды ладану: буде давать багато молока.

IV. Якъ добувають гарну сметану.

Ты хочешъ мать такую сметану, якъ у мене? Добре, я тебе навчу якъ се зробыть. Возьмы икону и уопивночь заходь по мене.—Я такъ и зробыла. Уопивночь узяла икону и прыхожу. Повела вона мене на растанькы.— Поплюй же, каже, на икону и жды, та ничего не бйсь: варазь до тебе будуть прыходыть усяки звиры и гады.— Усе сее, хай мене Богъ простыть, я зробыла и бачыла, якъ стали пидходыть вельки табуны жабъ, гадюкъ, ящерокъ, усякыхъ звирюкъ и птыць. Я дывылась и не пужалась, помы щось не загуркотило и не прйшли страшенни черты зъ рогамы й съ хвостамы. Я дуже злякалась, хопыла зъ пидъ себе икону и стала хрестыться. Черты стали утикать и крычаль:—А колы молышся Богу, то насъ не зовы!— Косы у мене стали дыбомъ, я не своимъ голосомъ стала крычать, звать ту жинку, що прывела мене сюды.

— Бачъ, каже жинка, якъ достається намъ гарна сметана. Мы й самы знаемъ, що грихъ, та не можемъ уже одкасаться одъ биса.—Писля такого страховыння я занедужала, пролежала цилый рикъ и чуть-чуть не умерла; та ще выдно Богъ пустывъ душу на покаянiе.

V.

Якъ несешъ молоко черезъ дорогу, то грошки посолы.

VI.

Якъ берешъ у кого молоко, то выльвшы, вкынь у гладышку хлиба й солы.

VII. Направыты порчену корову.

У опивночь треба узять велькый, якый хочешъ, щобъ корова давала молока, глекъ, набрать зъ колодезя воды и йдучы додому, штовхны глекомъ першого, кого зустринешъ, бо то буде видьма. Такъ якъ зробишъ, порчена корова поправытся и буде багато давать молока.

VIII. Перелогы у коровы.

Треба даваты корови тры зори по тры жмени усякойи пашни. Тилькы якъ корови зроблено,—треба просыть знахара, бо корова не буде сйи пашни йсты. №№ II—VIII записала М. С. Чудновская, изъ вихъ № II въ с. Лукашовкѣ Чернигов. у., №№ III—VI и VIII—въ с. Выбляхъ того же у., а № VII отъ крестьянина Курской губ. Рыльского у.

IX. Змовленіе перелоговъ.

Литѣль орель сизокрилий дай сѣль наколючей груши якъ тую грушу нельзя безъ сокири срубаты безъ огня спалиты чтобъ такъ невозможно перелогамъ жольтой косты червоной крови какой шерсти ломиты три раза въ одинъ Духъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

98. КИЛЬ.

1. *Щобь кони не рушылы зь мисця.* Казавъ мени дядько зь Дивыци, шо якъ знайдешъ таки стрючки, шо по девъять горохвынь, то тры такихъ стрючка положи у визъ молодымъ и скажы: девъять четвертей гороху, десята невеста, щобь не повезлы кони зь миста—и кони зроду не повезутъ. Я такъ разъ и зробыла. Коней пидъ молодыхъ такихъ страшенныхъ запрегли: такъ ажъ хропуть, та рють землю копытамы. Выведемъ, кажуть, йихъ зь двору, щобь ше молодыхъ не побылы. Сталы выводить, такъ ажъ дуга скрыпыть, такъ рвуться. Ну, думаю шо съ сього буде! Дрыжать кони, насылу молодойи посадалы. Посадалы, и кони утышылысь: Но, но!—та хочъ ты шо, не йдутъ кони; былы, былы, такъ трохи рвонулы, та й зновъ сталы. Пывылазылы тоди молодойи зь саней, усе поскыдалы, и тоди вже кони такъ пошлы, шо ажъ страшко було. Съому правда, ось колы хочете и самы зvirте. Такихъ стручкивъ по девъять горохвынь улитку можно багато найты, а слова си замитьте.

Записала оть Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

2. *Потною коня якъ напуваишь.* Якъ цойишь потного коня, то треба сказать: Добрыдень, водыце-царыце! Богъ тебе создавъ, попъ светывъ и намъ пыть веливъ. Ты, скотынка, не опывайся и на себе не оглядайся, воронойи шерсти, воронойи масти.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. оть Петра Муцкаго М. С.
Чудновская.

99. СЫНИ.

1. Першымъ хрестовальныкамъ дають по пари яецъ, щобь родылысь кабанци чысти, а не кишкуну.

2. Щобъ не було икловъ, поросятъ одкусують хвосты крузь пелену.

3. Побачывши на поли въ жныва першы полукипокъ, вырвы зъ його скуилько тамъ колоскуивъ и нымъ загодуй кабана.

№№ 1—3 записалъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

4. Щобъ поросятъ не хваталы вовкы, треба йимъ поодкусувать зубамы кинчыкы одъ хвостивъ да й поховать за пазуху.

М. Исаенко въ с. Голенкѣ, Конотонск. у.

100. Ягнята.

Пры кинци молотбы, оддай снуипъ жыта овечкамъ, щобъ ягнята кучеряви родмыся.

М. Веркiевка, Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

101. Гусенята да курчата.

1. Моя покуойна матка було якъ вылуплютьсе курчата, такъ забере йихъ у прыпуоль та й переносить черезъ поруогъ сюды та туды—не знаю, чы шіѣсть, чы сiѣмъ разуовъ, щобъ вороны та коршаки не хваталы. А гусенятокъ було якъ почне мучить, такъ ажъ дывытьсе жалко. Заразъзапалыть страшну свiѣчку и присмалое йимъ голуовкы. Да присмалыть, а тоди ще й капне. Господы, жалко дывытьсе! Тамъ же голуовочка така, що такъ наче до муозку й пропече. Тоди набере пуху сѣ кубла, де гуска сьдiѣла и вербы святойи, а гусенячь пудъ решето та тымъ пухомъ та вербою и пудкуруе. Такъ вони такiе стануть, якъ пiяные. И шо вы думаете? Не хваталы въ насъ вороны. Ну, та въ насъ, сказаты, й гусакы такiе были злые, шо не дадутъ, бо мы йихъ перцемъ загодувалы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины въ 1900 г.

2. Щобъ гусенятъ да курчатъ не хваталы шулякы, треба йимъ попрысмаювать страсною свичкою головки тоди, якъ повывулюються.

М. Исаенко. С. Голенка, Ковотопск. у.

102. Бджолы.

1. Пасика, се таке дило, що треба багато де чого знать, щобъ вельсь пчолы, щобъ получать зъ йихъ барышъ. Другый пасишныкъ якъ ходыть коло йихъ, а глядышь, то рій утикъ, то нападь, то гнылецъ, або зовсимъ пропадутъ зимою. А хто знае, то ничего сього не бойтыся. Отъ хоть бы мій батько, царство небесне, винъ усе знавъ, и яка въ його була пасика! Знимаючы роя, винъ каже, не светою водою треба побрызкати пчолы, а тїєю водою, що набрато у чыстый четверъ до схидъ сонця. А рій було зроду не втече: выйде, и якъ нема никого у пасици, сяде и дождае хазяйина; а одынъ разъ не було батька, а я ще не вмивъ ходыть коло пчоль, отъ ажъ тры ройи и втекло, не дождавшыся хазяйина.—Такъ и такъ, кажу, батьку, утекли ройи.—Ну, дарма, иды на схидъ сонця и дывысь, вони вернутъся.—Пишовъ я, дывлюсь—летьть одынъ, другый, а потимъ и третій. Поприлеталы и посила у пасици, тамъ батько йихъ и познимавъ.

Также знають пасишныкы и одъ напади, и одъ гныльца, и пчолы у йихъ добре ведуться.

2. Щобъ не було напади на бджолы, щобъ бжолы были злые и дужные, треба заготовать йихъ медомъ зъ перцемъ.

Записала оба номера отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

103. Садъ.

1. Щобъ добре родыла садовына, треба на голодну кутю об'язать дерева соломою.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

2. На риздвяныхъ сяткахъ годяться до щедройи кутти смиття въ хати замитать пидь покуть, а тоди обкурювать йимъ садъ и трусыть пидь жодне дерево, щобъ хвыля не нивечыла й зрожай добры бувъ.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

104. Городъ.

1. Щобъ *гарбузы* byly солодки, треба посадыты у пичъ коржа, а тоди иты садыты гарбузы.

2. Щобъ було на гарбузахъ багато завези, треба попереv'язувать йхъ тыма нитками, шо перев'язували ковбасы.

3. У той день, якъ збираються садыть *цыбулю*, не можна сердыться и лаяться, а якъ идешъ садыть, треба поцилуваты чоловика, чы такъ кого, щобъ *цыбуля* була солодка.

№№ 1—3 въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

4. У насъ на Покрову де не пойды, такъ бабы зъ вiфнками бiфгають,—*цыбулю* черезъ огонь переводють, щобъ у стрiфлky не йшла. Оце запалють солому, да всiф чысто вiфнky й попереvодють черезъ огонь.

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

5. Щобъ *не йивъ черв'якъ* городыны, встромы въ городи зъ труны триску.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

105. Поле.

1. *Щобъ у хлиби не було спору.* Одна жинка хотила, щобъ у ййи ворога та жыто не було спорне—щобъ то вже увесь споръ перейшовъ у ййи хлибъ. Отъ вона и посилае наймычку на ворогову ныву исказать таки й таки слова. Дивка полинылась иты на поле, та пидійшовшы до дуба и промовыла той заговоръ. Не вспила вона ще й додому вернуться,—якъ понесе зъ дуба лысте, та усе до сйи жинкы у двиръ,—такъ за яку годыну дубъ чысто и оголыло. Оттакъ бы було и зъ хлибомъ: чысто увесь споръ перейшовъ бы у хлибъ до сйи видьмы.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговскаго у
М. С. Чудновская.

2. *Заговорить споръ.* Коны хочешъ, щобъ у твого ворога не було спору у хлиби, тобъ то, якъ стане пекты, го щобъ хлиба выходыло не бильшъ нижъ муки, то треба на Юрѣя до сонця намиткою зобратъ на його жыти росу.

Записала отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

3. Увесь риздвяный тыждень печуть хлибъ зъ не-сйяного борошна, щобъ жыто родыло.

4. Щобъ бувъ гарный головныстый льонъ, треба у коробку, якъ сйють, положить двое вареныхъ яещ.

5. Якъ забудешъ у печи хлибъ печучы, то не йижъ його—забудышь, а якъ хочешъ повернуть його на корысть соби—обойды зъ нымъ до скидъ сонця трычи просо, чы конопли—птыця не нападе.

6. На куттю годыться пидкладать довгого сина на покути, щобъ льонъ высокы рисъ.

7. Щобъ горобци не пылы проса, треба, роздягшысь, трейчы оббигты круга того мисця, де посходыло просо.

ЖЕ№ 3, 4 и 7 записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская, а ЖЕ№ 5 и 6—въ м. Веркйевкѣ Нѣж. у. Е. Н. Гаврилей.

106. Щобъ дощъ ишовъ.

Пидь засуху, щобъ дощъ ишовъ, вишай на тынъ
земляного рака.

М. Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

---

107. Вычь на щипъ.

Молотныкы миряють дубынку на бычь корхамы й
приказують, переминаючы корхъ за корхомъ, такъ:—Ма-
гай-би!--Здоровъ! Чого ты прышовъ?—Дубынкы на бычь,—
позычь!— А покы?—Одпоти.—Одрубай!

М. Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

---

108. Щобъ була удача.

Якъ хочешъ, щобъ гарно ловылась рыба, чы щобъ
побываць багато дычи, чы тамъ що инше, то якъ ска-
жуть на первый день Паскы: «Хрыстось Воскресь!»—ска-
жы: а у мене рыба, чы що друге, е.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

---

109. Щобъ була удача на охоти.

На первый день праздника треба питы на кладовы-
ще зъ ружжомъ, и якъ тилькы уперше ударять у дзво-
на на утреню, треба выстрелить. Якъ се зробишь, то
будешъ багато побываць дычны.

Записала отъ Ул. Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

М. С. Чудновская.

---

110. Угадать, чы знайдеться пропажа.

Одрижь видъ звона, шо на звоньци, шматокъ верьовкы, укачай, розскубшы, у вискъ, и тоди сюю свичку поставъ у церкви догоры и примичай: якъ свичка згорыть уся, то й злодій прыбжыть и пропажа знайдеться.

Записала отъ Васылыны Шульгиной въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

111. Злодіеви одъ суда спосибъ.

— Знаете, у насъ такъ кажутъ, шо якъ оце горыть у печи або въ груби, и выскочыть вугиль, такъ його злодійи ховають и якъ идуть на судъ, такъ изъ собою берутъ. Такъ, кажутъ, хочъ якый злодій, а выскочыть.

— А якъ же по вашому—це такы пособляе?

— Якъ справди попадеться, такъ лыха пособыть,—посыдыть увъ острожи.

С. Жеведь, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

112. Изъ старой рукописи.

Ниженапечатанное представляетъ выписки изъ старой рукописи въ четвертушку, бывшей въ полотняномъ синемъ переплеѣ. Осталась въ цѣлости только верхняя доска переплета, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить, не утраченъ-ли конецъ книжки; въ срединѣ же нѣкоторые листки цѣликомъ или частью вырѣзаны. Записи (малорусскія, отчасти церковно-славянскія и польскія) сдѣланы различными почерками. Главная часть рукописи озаглавлена: «Инструкци албо тежъ Способи Довшелякихъ писарскихъ Потребъ Информаци Доклади: всей книжки обрѣтаются Розмаитие». Внизу на лист-

кахъ этой части приписка: «Сия книга глаголемая Листовня Свяшеного Иерея Даниела Родомъ слободки; Богушковой; Захариевича Попрозвизку Гирмана; и Братовъ его Демьяна И мойсея; А сия списася вся вмяртводѣ наперевозѣ; въѣмовнику; Богомяртвоводскомъ; Року 1720; мѣсяца Декамъврия;..... рукою его». Это ничто иное, какъ собраніе различныхъ шаблонныхъ формъ (до 40), по которымъ въ то время писались официальные бумаги. Оригиналъ, съ котораго списывалъ іерей Даниль Захаріевичъ Гирманъ, былъ, однако, старѣе 1720 года, такъ какъ въ первомъ номерѣ образцевъ («Листъ Подорожній Которій якимъ Способомъ пишеться») стоитъ фраза: «Подрементомъ Ясне Велможнаго Его Милости, Паиа Івана Іллѣча с(к)оропадскаго, обохъ сторонъ днепра; *ново избраннаю* Гетмана». Къ этой основной тетради кто-то прибавилъ меньшія тетрадки, даже отдѣльные листки, писанные иными лицами, и переплелъ все въ одинъ переплетъ. Въ добавочныхъ частяхъ заключаются, кромѣ всякихъ пробъ пера и чернила, такіе-же образчики, какъ и въ основной части, «лекции эписма святого», нѣсколько польскихъ стихотвореній и образцевъ писемъ, различныя замѣтки (записи дней рожденія и смерти дѣтей, отрывки, повидимому, черновиковъ проповѣдей и пр.), нѣсколько стихотворныхъ «Нарождество Христово орацѣй», «на воскресеніе Христово повѣншованіе», «суплѣка навеселье» и затѣмъ то, что напечатано ниже.

Печатаемое находится въ рукописи не вмѣстѣ, но записано въ разныхъ мѣстахъ, прерывается иными записями. Мы печатаемъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно стоитъ въ рукописи, опуская «орацѣй» и всякія замѣтки, относящія къ инымъ предметамъ,

Вслѣдствіе ограниченности средствъ типографіи нельзя было не только сохранить церковно-славянской азбуки, но пришлось раскрыть и титла. За этимъ исклю-

ченіемъ мы старались точно передать всѣ подробности рукописи. Если случалось иногда вставить пропущенную переписчикомъ букву, то каждая такая буква стоитъ у насъ въ скобкахъ.

Рукопись сообщилъ намъ И. М. Руденко.

Оие Сказаніе Олчелахъ Любото отовятаго зосима чоия не знаю;

Сказаніе И наука; Насвятї вечеръ Рождественскїй. Потреба достати Риби шуки Изробити ей отрѣзати голову албо ииной Риби аби зикрою толко щобъ била живая вибери знен икру исховай исушивши Іякъ будешъ пчели годовати, Розотри тую икру измѣшай змедомъ ичебрецемъ, изборсуковимъ саломъ, и мало потруситъ Ледовою солюю, и тое даючимъ мовитъ, Якъ риба тая по водѣ гуляетъ, албо вморѣ или врѣкахъ, плодна иродна, и весела, божимъ повеленіемъ исвятаго Зосима аминь; такъ би мой пчели весели били. Сврїда и врида; замолитвами Святаго Зосима;

Насвятї богоявленскїй вечеръ якъ святитимуть воду возми жъ тоей води наперед, и мовитъ такъ, якъ до тоей води т(о)вплятсѣ люде з(о)хотою веселячись, та(къ) би мой пчели радовались и веселились испасѣки у поле по роботу идучи, а исполя допасѣки, абимоцни й здорови, Забожиею помощію, и замолитвами Святаго Зосима; потреба мовити я(къ) безтоей води Люде не могутъ обїтисѣ такби мой пчели от моей пасѣки немогли нѣгде отїти, толко абисѣ множили Ройли и плодили, Замол(и)твами пречисто богородици исвятаго отца Зосима, И тую воду отроку дороку упасѣцѣ своєї держати; а на каждї урочитїй празникъ тоею водою окропляти;

А коли будешъ випускати пчели, насвятаго Алексѣя Человѣка божия то посеред пасѣки викопай дернину малую и обнеси пасѣку тоею дерниною трижди; Затре-

тимъ же разомъ притикай тую дернину до каждого уля и мовь такъ, якъ тая земля не можетъ рушита Истого мѣста и мисли тоей немаєъ; такъ би от моей пасѣки нѣгде розно немислили нти рой и парой *), от мене Господаря своего през божие повеление и за молитва ми святаго Зосима, И положи тотъ дернокъ Где его викопавъ и прибиъ приколнемъ найденимъ тимъ що конь припинають—А когда будешъ випускати то пускай скровъщучую Голову; и мовить такъ якъ тая Роба вморѣ гуляеть буюеть Родна и плодна и весела, такъ би мой пчели Гуляли буюли и били весели,—плодни и родни, якъ шуки Роби вшелякая Роба боиться, и лякаеться такъ би и отъ мойхъ пчоль, чужие пчоли лякали и моцне втѣкали, молитва ми Святаго Зосима;

А коли будешъ випускати то возми огню на вущо положи ладану цвѣту житнаго; акъ упершое побачишь та нарвешъ тотудажъ изладаномъ искин и рибячую икру тую що на святи вечер заховаешъ и покади каждый улѣй, И мовь Господи Боже прѣди мнѣ напомощь, и вси свѣтѣй поможите мнѣ тактеж молитва ми святаго Зосима; а васъ пчели випускаю на вшелякѣй цвѣтъ от бога данный, идѣте божимъ повелениемъ начотири штуки; свѣта се-го; аби есте Гуляли Зродостию молитвамъ святаго Зосима Амин: Аще Хладно будетъ насвятаго Алексея виставляти пчоль то влѣзши впогребъ поворушита мало, каж каждый улѣй и мовити божиею Помощию святаго зосима нуте пчели Роботу зачинайте бо уже часъ вамъ пришоль, зачинати дѣло богу на офѣру и мнѣ на пожитокъ;

На Благовѣщение когда дадутъ Просфору всенощную то приести до пасѣки тактеж и оливи естественния, И мазати улѣй **)) Господи Боже когда благовѣствовал Архангелъ дѣвѣ зачатие, и зачатъ предвѣчное слово

*) Т. е. ройи и паройи. Рукопись не различаетъ Я отъ Йи и въ обоихъ случаяхъ ставитъ надъ И одинъ и тотъ-же значекъ:

**) Т. е.—улѣйн.

такъ благослови и моймъ пчеламъ зачати дѣло робити, начастъ рой (*) на густѣи меду; от влаги земной и от роси небесной и от всѣхъ зель цвѣтушихъ; и держи тую проскуру у пасѣцѣ, и на великден освяти медъ, и коли будешъ Загодововати то давай тотъ медъ для врокувь I для зносу;

На воскресение что возьмешъ дари, и артуса то тое сушити и ростерши пчеламъ давати; и мовити я(къ) тиснулися люде до дари и артуса так би тиснулися до моей пасѣки пчели и рой; божиею помощию и молитвами Святаго Зосима; Аминь;

Когда по бачишъ перше цвѣтъ нажитѣ то на брати вплатъ, и держати; Когда купишъ у кого Пчели то нахидившись Заглянь внихъ и возми трема персти Землѣ и кинь наних навхрестъ, я не з(е)млю то беру. но беру себѣ спчела ми Рой и парой (***) до своей пасѣки; божиею Помощию И молитва ми Святаго Зосима Заего Святими Молитва ми Спаси нас Аминь Конецъ.

Аще ехидна кого угризеть: и хто тебѣ искажетъ тоистого мѣсяца нейди; и непоступи; кажи води принести; и сне трижди измовъ; дай напитись и рану омити;

На полѣ на потоцѣ стойтъ дубъ крѣсловати, А(на) томъ думѣ гнѣздо золотое крѣсло; аутумъ Гнѣздѣ сидитъ гадина царица черница; и приходила до ней лютая половая Гадина; и прохала ей; Гадино царице чернице ходи до мене вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона ей не послухала и не пошла и я Рабъ Божий; имя рекъ: пришовъ до ней и ставъ ей прохати Гадино царице Чернице Ходи до ме(не) вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона мене послухала и пошла; и тая Гадина Котора шкоду учинила; Рабу; или статьячнѣ ткой масти] то нехай бѣжить доакнян моря Где Собѣ право Знаидеть, тамъ ей хвустъ понерестѣю отпадетъ;

(*) Т. е. на частыйи ройи—см. примѣчаніе выше.

(**) Т. е.: ройи и паройи.

А сей Рабъ Божій Где води напеться та(мъ) ему и минеться (другими чернилами:) скоропаха; путиха домаха;

Аще перелогѣ Ю(н)я нападуть; то трижди мовь таѣъ;

Ишовъ Господъ Богъ моремъ золотимъ мостомъ Стрѣвъ потокъ; мару покусу Згинь маро покусо; ставъ Господъ Богъ суди судити; Господу Богу нагавицѣ судьямъ Рукавицѣ; а чорту перелогѣ; через божое Росказане возми ти чорте свой перелогѣ отрижой; отъбѣлой кости и пуди намхи на болота Где и голос христьянскій незаходитъ; И потягги трижди зачолку; и за фостъ; и по боках ницъ рукою ударити; трижди по трижди:

Кровь чловѣкови замовляти;

Е вморѣ шука та врѣжу пупа та кровь не пуйде] —Цмокни трижди пучки стуливши: Палцей трехъ догори своей руки;

Черви вишѣптовати; учеловѣкъ;

Ишовъ святі Адамъ несъ четверть мяса А втой чверти тридевять червяковъ; неединъ; недва; нетри нечтири; непятъ; нешѣсть: несѣмъ; неосмъ; недевать; трижди такъ мовь Заеднимъ духомъ;

Кровь опять; замовляти и таѣъ;

Ехавъ Святі Юрей истрема хортами Кривѣ замовляти, а тѣ *) хорти кривѣ хлѣплати; кон ставъ и онъ ставъ, хорти стали и кровь стала; И се трижди Заеднимъ духомъ;

Аще нориця у коня Ежели есть Тжаби сѣкти тие що у погребѣ и класти до тих ран и еще зѣлемъ

*) Т. е.: тѣи.

засипати, тимъ що нашталятъ бедринцю; или муравею Парити И тие рани промивати;

Лѣкарство статчинѣ;

Ящерицѣ палити и ока засипати; аще есть бѣлмо; то гадячее Линовище терти; та засипать

Зѣлье Старовина аще дитя накричитъ луно то тое класти, варивши И окладати;

Аще кого утроба животь возьметъ то потреба Горѣлки Ладану Галуну, И тое у невеликѣй Горщикъ И вхлѣбъ Замазати та уже Пяти натѣще

Аще у кого волосъ есть то потреба шукати по долинкахъ зѣлье есть, коло краю зубчики, а оно нашталятъ буквицѣ только трохи круглѣшее; *)

Аще гостецъ уротѣ псуеть; то потреба Сапарину напродь утерти, А потомъ мишаку; Селемоняку; Маркурь; бѣлила того що жонки малюются; А иктимъ теди речамъ есть Зѣлья и тое Зѣлье противку тихъ усе удвое потреба давати; испатокою измѣшавши; и павутини потреба умѣшовати; и шванокъ тотъ шмаровати; Опять ялового Репяха; и потреба варити противъ каждой суботи; идосходъ слонца напиватися и голову банити: а у борщъ варити;

Вѣдмо у коня албо у вола:

То знайшедши пчолѣ Спалити и тимъ засипати; Аще непородитъ яка невѣста отрочати то треба коколю, и курит, албо мови тие слова.... **)

Отфрибрибри, виписоватъ на просфурѣ, небеснихъ войнствъ, албо тропар аверкию, и кондакъ албо соборъ

*) Затѣмъ слѣдуетъ маленькѣй рисунокъ двухъ листиковъ съ «зубчиками».

**) Нѣсколько словъ выцвѣло и неразобрано.

святы аггель; и тою просфору подкраи подложити подь
антимисъ наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Камень синій Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ,
полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, шавей великій, Борщъ уваривши на одномъ
мѣсцу держати, и тое подь трема топливами варити,
и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами,
варити, аще гостецъ урогѣ плуеть; *)

аще есть рана ножная,

Петровъ батогъ корѣня, товкти, либо иссметаню,
либо масть робити

Гостецъ аще ломить кость

Вербу тую которую вѣтеръ albo громъ вивалить
то того Голъя нарѣз(а)ти и варити мощне; мѣсяця под-
повня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водъ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди иачетверъ и до-
сходъ слонца исти, также мѣсяця подповня и насходѣ;
Конямъ вудкашлю давати корень отмановъ увоброцѣ;
Свершокъ у ухо когда улѣзеть то чорнаго ката

---

*) Слѣдуетъ *псуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ
гостца упомянутое выше («Сапарину» etc).

давити щобъ умочився и тое пересолити и взявши *) сипати у вухо и то наскоромъ часѣ;

Аще укуго францѣ;

Потреба меркури перше у подлой горѣвцѣ; и то по малой части терти а потомъ удоброй поболше удуху великомъ; мазатис; а пити такъ треба якъ поболше макового зерна утрое: яр палити; и минѣю не палячи галун палити: и тое укупу усипавши пити угорѣлцѣ

аще жона не погодуе дитяти, то воробинаго проса треба и тое пити..... той хлѣбъ шо..... **)

Аще укуго Зуби болять; То ивину Рубати; и ивернѣ тие варити, и тоею юшкою парити зуби; albo насѣнѣя блекоти увоскъ мѣшати; и свѣчку исукать скрозъ цѣвку смоктати

Отрушницѣ отмовляти;

на чорномъ морѣ Стоить чорнй паколъ, а начорномъ паколѣ сидить чорнй ворон, носомъ откловуе крилами отбивае; а ногами отгрѣбае, хвостомъ откивуе, вроки врочища очи очища; очи сѣрие: очи бѣлие очи карие; очи чорние, и ненавистние, Слѣпие, отмоей слоти; вроки, человѣчие, жоночие, удовиние, парубочие, дѣвочие; хлопячие, дивчачие; отмоей слоти;

---

*) Слѣдуетъ: *взявши*.

**) Не разобрано, такъ какъ выпѣли чернила.

IV.

О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно.

— Одарко, чого вы дужче бойтеся: чорта, чы русалкы?

— Чого жь його чорта боятсся? Одъ чорта перекрестывся, то винъ ничого й не зробить, а русалка якъ попаде, то й до смерты залоскочэ. Я чорта зогласна зустриты, а русалку ни.

— А кого страшнише зустриты: чорта, чы видьму?

— Хто його зна: одъ чорта хрестъ е, а видьма якъ сяде на плечи, то возытymesъ, покы схоче.

С. Жевель, Черниг. у. Отъ дивчины. Б. Д. Гринченко. 1900.

---

114. Чортъ конемъ.

Устя та Олена пошлы ловить бродныкомъ рыбу. Дывлятсся—ажъ коло ричкы стойть высокый, сирый кинь. Олена була баба смилла,—пидійшла до коня, та рукою його по крыжахъ: рука ййи такъ и угрузла. Догадалась тоди Олена, що се за кинь, та давай гукать на Устю, щобъ скоришь утискать, а то винъ, каже, насъ потопыть у рици. Кынулысь вони утискать, а вода якъ

загуде, наче гримъ. Одбиглы вони геть одъ воды, Олена и каже:

— Ну, теперь не боюсь—не утопышь.

А кинь обизвався:

— Щаслыви, що втекли, а то бъ знали якъ мене покрыжахъ быть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Р. Полянишы, М. С. Чудновская.

115. Чортъ панычемъ на пасици.

Ночувавъ я одного разу у пасици. Ничъ була темна. Зибралась гроза. Гримъ потроху почынавъ гуркотить, блыскавка де-не-где мыгала. А потимъ якъ блысне, такъ и освитыла вкруга, хочъ голкы збирай. Дывлюсь,—коло мене панычъ, якъ есть справжній панычъ: и зъ золотымы кгудзыкамы, и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Що воно за таке, думаю, видкиля винъ узався? Тутъ уже и дощъ ставъ накрапать.

— Бувайте, кажу, здорови, суньтесь пидъ свытку.

Тилькы шо я сее промовывъ, зновъ якъ блысне! Теперь я уже зовсимъ розглядивъ паныча, шо сыдивъ била мене: винъ бувъ дуже худый и дуже чорный, такий чорный, якъ земля. На йому бувъ сиренький каптанецъ зъ золотымы кгудзыкамы и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Не вспивъ панычъ до мене посунуться, якъ загуркотыть гримъ, я перекрестывся и дывлюсь туды, де сыдивъ панычъ, а його и слидъ простывъ. Сказано сатана, бойиться хреста.

Записала отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

116. Нечыстый на кони.

Прыйшлося мени разъ побачыць, якъ нечыстый йіхавъ на кони. Бувъ я на ночлизі. Дывлюсь, ажъ йіде на высокімъ сиримъ коні; кінъ такіы ажъ білыы, та такъ и зихотыць, наче увесъ у огні. Проскакавъ вінъ мымо насъ, а тоді зъ кручы у Десну.

Записала въ с. Выбляхъ Черніг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С. Чудновская.

117. Нечыста сыла йіде (на велосипедахъ).

Прыйхалы мы пізно на ночлігъ, посідалы у кру-та и сыдымо, колы звеныць. Дывымосъ, ажъ йідуть два на тыхъ машынкахъ, шо на двоухъ колесцахъ. Держаться рукамы за правыла, коло рукъ телипаюцься били шыро-ки рукава, и десь звоночки бряжчать. Не знаю и шо воно таке було, выдно манея яка, або нечыста сыла, та йіде жъ такъ скоро, тількы зъ мордъ у йіхъ іскры сыплюцься. Пройіхалы воны кризь насъ по трави, а тоді такъ прямо зъ кручы у Десну—и пошлы по води. Се я свойімы очыма бачывъ и такъ налякався, шо Господы! Хоча се мени и не вперше приходыцься бачыць.

Записала въ с. Выбляхъ, Черніг. у. отъ Петра Муцкаго, М. С. Чудновская.

118. Нечыста сыла голосыць.

Чоловикъ зъ сорокъ хлопцівъ було насъ на ноч-лизі. Тількы шо мы розложили огонь и посилы у кру-

га дожидать вечери, щось якъ спугне нашихъ коней, кони видъ насъ—куды видно. Бигалы, бигалы, а потимъ и прыбиглы до насъ табуномъ, мовъ йихъ хто видгиль гнавъ. Прыгнало коней, а тоди щось якъ заголосыть; голосыть и приказуе:

— На шо жъ мене маты породыла?

А потимъ давай стукать объ пень, наче молоткомъ. Такой насъ ошанувъ страхъ, що не знаю, якъ мы посидали на коней и втекли зъ того миста. Се мы попали въ недобре мисто, де гуляе нечыста сыла.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы. М. С. Чудновская.

119. Нечыстый просыть перевозу.

Ловылы разъ уночи наши бабы рыбу, тягнуть бредня, ажъ на тимъ боци хтось крыкнувъ, просыть перевозу. Глянули вони—стойить щось високе: мовъ чоловікъ у чоботяхъ зъ довгымы халявами.

— А куды вамъ,—спыталы бабы,—и хто вы?

— Я,—каже,—пепа и треба мени до П—ча.

Якъ почувы бабы, що йому до П—ча, то булы чысто повмиралы на мисти. Кажуть же, що до сього чоловіка змій носыть гроши, и наша баба бачыла, якъ надъ його хатою пролетило щось блыскуче. Кынулы вони и бродныкъ, и рыбу та задыхавшысь попрыбигалы додому.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Ивана Ревки М. С. Чудновская.

120. Нечыста сыла несе гроши.

I.

Передь смеркомъ мы гналы додому коней. Йихало насъ чымало хлопцивъ, и уси мы бачылы, що передь нами пролетило красне довге полотно, а искры далеко видь його такъ и сыплються. Хлопци, котріе бачылы сее, казалы, що се нечыста сыла до когось несе гроши.

Записала въ Выбляхъ, Черн. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

II.

Жывъ у с. Муравейци бидный чоловикъ, а потимъ той чоловикъ усе багатіе, та й багатіе. Ну, звисно, людемъ и цикаво—видкиля у бидного чоловика беруться гроши? И сталы прымичать, що уночи и летыть шось до бидного у двирь—чысто якъ индыкъ, тилькы безъ головы, та дуже блыскуче, з-за пирья усе наче искры сыплються. А разъ такъ люде пидслухалы, якъ той индыкъ прылетивъ и пытае у того чоловика Петра:

— А що, багато вже я тоби наносывъ?

А той и каже:

— Та вже чымало, та ще бъ треба мени хоча зъ тысячу.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца. М. С. Чудновская. См. №№ 2—7 этой книги.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ.

Бувъ я на ночлизи недалеко коло пасику и ночувавъ зъ дидомъ пасишнымкомъ коло будкы. Тилькы що я ставъ засыпать, колы шось стогне пидъ будкою и каже:

— Я одно, та васъ подавлю.

А потимъ стало ворочать будку.

— Що се,—пытаю у дида,—а морозъ такъ у мене и ходыть по шури.

Мовчыть дидъ, тилькы чытае молитвы, а воно такъ гуде, такъ гуде, що ажъ деревъя стогнуть. Погуло такъ трохы и не стало. Що тоди мы зъ дидомъ полякалысь!

Записала въ Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С. Чудновская.

122. Чортъ коней ганяе на ночлигахъ.

Тамъ *) увечери не можна довго побуть, — дуже сумно покажется, и колодъ пиде по всьому тили,—звисно вже нечыста сыла тамъ е. Разъ ночовалы тамъ ночлижники, коней узялы та й позагонялы у Городокъ, а самы полягали на валу, тамъ, де мовъ ворота зроблени. Отъ уночи якъ посхоплюються кони, якъ почнуть гасать по Городку, мовъ йнкъ що ганяе, ажъ земля стугоныть, да ледви къ свиту вже пересталы; дакъ тоди вже годи тамъ коней пасты,—нехай йому всячына.

С. Голенка, Конотопск. у., Черниг. губ. М. Исаенко.

123. Нечыста сыла возыла.

У пятницю проты Велькойи суботы, пишовъ я зъ ружокемъ на поле, бачу йиде карета шестерыкомъ. Дойихалы, зупынылыся.

*) Рѣчь идеть о крѣпости въ с. Голенкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., называемой *Городокъ* и оставшейся отъ шведовъ.

— Якъ намъ,—пытають паны,—дойихать до парому?

Я розказавъ, що першъ держити прямо, ажъ покъ буде дви дороги, тоди повернете управо, а тоди зновъ прямо, а тамъ буде уливо.

— Нѣ,—кажуть,—такъ не найдемо, сидай та проведи насъ, мы тоби заплотымъ.

Сивъ я коло кучера и пойихалы. Дойизжаемъ до порому, я злизъ, а воны зйихалы на поромъ; гроши оддалы и подякувалы. Ставъ я коло Десны на кручи и закуривъ люльку, и якъ закуривъ, то неначе у мене очи открылись: дывлюсь—я не коло Десны, а у якимсь незнакомимъ сели, сежу пидъ хатою. Роспытуюсь, колы я бильшъ якъ за трыдцять верстъ одъ Выбель у Холявыни сежу пидъ шынкомъ, Такъ отъ якъ завезла мене нечыста сыла, та й не розплатылась за се якъ слидъ: лапнувъ я за кышею, ажъ у мене не гроши, а черепья. Насылу вже я на первый день празныка дйшовъ додому.

Записала отъ дида Колиньки, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася въ йимъ.

Умерла одна моя родычка. Кажуть, що вона зналася зъ нечыстымъ, отъ теперъ нечыстый и ходыть пужать ййи дитей. Звисно, душа ййи не може прыйты, бо якъ ховають, то душу заклынають, а бисъ може.

Отъ, якъ умерла вона, то й стало уночи чути, що наче хтось ходыть по хати у постояхъ и помалу стукотыть, або пыщыть. А то одну ничъ старшого сына не було дома, невестка и диверъ полягалы спать. Не вспилы ще воны заснуть, якъ на покути шось запыщыть,

а потимъ затупотыть, та й давай изъ комена кыдать на йихъ почынки, а воны полягли на печи.

— Який се чортъ тутъ кыдається?—крыкнула невестка.

Тоди воно ще бильшъ затупотнло и лынуло на йихъ сыроваткы: молодыци такъ чысто и залыло очи, а хлопцю попало на рукавъ. Палылы воны свитло, дывылысь усюды—и нема ничего, а якъ тилькы потушать, такъ зновъ и почынае: и свыстыть, и стукотыть, и замкомъ брязкае. Посвятылы оне воны хату, не знаю, чы буде й ще нечыста сыла до йихъ прыходыть, чы ни.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

125. Чортъ до молодойци ходыть ййи чоловикомъ.

Одна молодойца йшла полемъ и знайшла клубокъ усякихъ стьожокъ и зъ тые noci ставъ до нейи ходыть нечыстый, зробывшысь чоловикомъ. Першъ вона думала, що се ййи чоловикъ прыйизжае зъ ночлигу, а потимъ распыталысь,—ни, не винъ. Знахарка и нараяла ййи систы у опивночъ, колы винъ саме прыходывъ, на порози, чесать голову и йисты конопляне симъе, а якъ спытае, що вона йистъ, то щобъ сказала, що тее, що вычисуе зъ головы. Вона такъ и зробыла. Отъ у опивночъ щось загуло, зашумило, и уходыть у сины чорный, якъ земля, чоловикъ.

— А що ты, каже, йисы?

— Казюку,—каже молодойца.

Винъ тоди якъ росердытьса, та якъ почне плювать, такъ чысто ййи усю и облывавъ, а самъ зъ хаты и загувъ... зъ того часу уже бильшъ и не прыходывъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Хведоры Непомнящей М. С. Чудновская.

126. Чортъ однявѣ дытynu.

Пошла разѣ жинка у плавлю ламать калыну, за ею увезалась и дивчынка ййи, годковѣ трохѣ. Бачыть жинка, шо пидходятъ до ейи таки красыви панычи; тилькы прыдывылась баба, а у йихѣ рижкы и хвостыкы. Господы, думаетъ баба, се жѣ нечыста сыла, а не панычи, а утекатъ никуды. Вырвали вони у жинкы сылоу дытynu, а ййи дали у руки деркачъ и головешку.

Прошло зѣ того часу багато рокивѣ, а про дивчынку нема й чуткы. За селомѣ стояла пуста хата, шо ночи стало у тій хати свитытьсѣ. Хочетьсѣ людемѣ побачыты, шо робытьсѣ у хати, та тилько уси боятьсѣ туды пидійты.

— А шо,—каже сынѣ тейи бабы, шо ходыла по калыну,—купыте пивкварты—пиду побачу, шо у хати.

Люде номилысь купыть йому пивкварты, и винѣ пишовѣ. Глянувѣ хлопецъ у викно и ажѣ морозѣ пишовѣ по за шкурою: у хати сдыла дивка и прѣла; винѣ угадавѣ свою сестру, шо забрала нечыста сыла. Якѣ бы, думаетъ хлопецъ, мени ййи вызволыть видѣ чортей? Уходыть у хату, позрастувавѣ, та не довго думаючы:

— Я хочу, дивчыно, узять тебе за себе.

— Добре,—каже дивка,—та треба позвать попа, та посвятыты сю хату.

Побигѣ братѣ, прывивѣ попа, и якѣ посвятылы, то де воно усе и дилось: першѣ загуло, а потимѣ и провалылось зкризѣ землю. Стоять попѣ зѣ парубкомѣ, та тилькы дывуютьсѣ, шо творыть нечыстый.

Записала въ с. Выбляхѣ, Черниг. у. отѣ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

127. Парубокъ гравъ чортамъ.

— Кажуть, шо нема чортуовъ, а вони такы есть.

— Ну, де жъ вони есть?

— Та и въ нашуомъ селіѣ. Отъ у одной жуонкы сынъ на скрипку гравъ. Ну, прыйшовъ разъ п'яный да й каже матціѣ:

— Я пойду гратъ.

— Та куды жъ ты пойдешъ?

— Онъ до тыхъ двоохъ парубкуовъ,—вони мене кльчуть.

Ну, пойшовъ да й гравъ усю нуочь, а парубкы й діѣвки скачуть. А вранціѣ глянувъ, ажъ уже никого нема, а вуонъ сыдыть у болоти на купшыку. Ну, кому жъ то вуонъ гравъ? Звісно, чортамъ, бо вони ходють по свіѣту парубкамы, а чортыци діѣвкамы.

С. Жеведь, Черниговск. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

128. Чортъ платыть за танци.

Икразъ проты первого дня Паскы пишовъ одынъ чоловикъ на лугъ. Иде соби. Доходять до болота, ажъ мижъ купама стойить скрыня зъ грошыма, а коло скрынни нечыстый и грае у скрипку. Чоловикъ бувъ не боязькый, ставъ та й дывытьсѣ. Гравъ, гравъ нечыстый, та й каже:

— Скачы, я тоби дамъ грошей.

И давай чоловикъ скакаты. Скакавъ, ажъ покы звалывсь на мисти. Давъ тоди бисъ чоловику грошей, и винъ розбагативъ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Чечни. М. С. Чудновская.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика.

На Юрѣя пишовъ я поглядить жыта. Було ще рано, и до церкви не дзвонили. Иду я та иду, колы злогания мене знакомый чернецъ. Поздрастувались, идемо удвохъ, балакаемъ.

— Сядьмо,—каже,—оддышимо.

Посидали. Выинявъ винъ изъ кышени пляшку горилкы, чарку и бублыкивъ:

Що,—каже,—мо выпьемъ?

— Та воно бѣ,—кажу,—чому не выпить, та ще рано: спасьби, не хочу.

А винъ, проклятый, держить чарку передъ очыма, та такъ пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани скусыть чоловика?—скусывъ и мене грешного. Узявъ я видъ його чарку, положивъ коло себе бублыка и ставъ хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чаркы у руци ломачка, а вмисто бублыка таке, що и казать не хочу. Самъ же чернецъ якъ кризь землю провалывся.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Мих. Новика. М. С.
Чудновская. 1898.

130. Чортыци частують чоловика.

Иде разъ чоловикъ и бачыть, що знайоми бабы сядять и любенько соби выпывають и закусюють. Чого вони, думаетъ, тутъ зибрались угощаться? А вони и його гукають:

— Иды,—кажутъ,—Мытрохване, зъ нами выпьешъ.

Винъ пидійшовъ. Налылы вони йому чарку, пидносять. Узявъ чоловикъ чарку и перехрестывсь. Перехрестывсь—колы уже ничего й нема.

Записала въ д. Гусавкѣ, Черниг. у. отъ бабы Мавры М. С.
Чудновская. 1898.

131. Чортъ та русалкы частують чоловика.

Вранци у недилю пишовъ одынъ чоловикъ погледити жыта. Иде соби помалу, ажъ доганяе його якийсь чоловикъ у червоныхъ чоботяхъ, а самъ такой страшкый: чорный, та ще зъ красными очыма. Ставъ той страшкый чоловикъ чогось пытать, и пишли поручъ. Увійшли у жыта, и бачыть хазяинъ, що у жыти стоять стиль, за столомъ сядять жинкы у билихъ сорочкахъ зъ покудовчеными косама, и одна держыть на рукахъ дытну; а на столи наставлено усякойи стравы и горилкы. Дывується чоловикъ, чого сей стиль тутъ у жыти, а той страшкый, выдно самъ чортъ, и каже:

— Мо выпьемъ?

— Ще,— каже чоловикъ,— трохы рано, ще не звонмы.

А той такы нальвае и пидносить.

Ну, сказано, горилка, якъ одказаться? Узявъ чарку у руки и ставъ хрестыться. Перехрестывся, та тилькы тоди уже ничого було пыты, бо вмисто чаркы у руци стала кистка, вмисто пляшкы рогожа, а тамъ, де стоявъ стиль изъ стравою, лежала тилькы куча земли; нечыстый и русалкы де й дилысь. Перехрестывсь тоди чоловикъ ще разъ, та скоришь додому, годи уже и жыта гледить.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

132. Позычае въ чорта гроши.

Жывъ соби чоловикъ; и пращовытый бувъ, та ниякъ не роскомашыться у хазяйстви: що загорюе, то не 'дна вже дирка й готова;—одно слово сказать — семейство зъ голоду пропадало. Мучывся винъ, мучывся, дали й подумавъ: «пиду до чорта грошей добувать».

А колысь давно дакъ чортивъ багато водылося: де болото таке, шо купыны заввышкы съ чоловіка, то вже знайдешъ його; бувало й коло гребли, де гуркотъ чы прирва, його здыбаешъ, або въ лузи темному такому, шо тилько возуля куде та соловейко вытьохкуе, и тамъ инди зуспышъ. Дакъ ото знявся той чоловікъ та й подався на Роменськый шляхъ. Ажъ ось назустрічъ йому ко-закъ.

— Здоровъ!

— Здоровъ!

— Куды це такъ выпроставсь?

— Та пиду до чорта, чы не роздобуду грошей.

— Якъ же це ты такъ? Чортамъ же душу треба видаваты.

— Та колы треба, то й виддамъ, абы жинка не сохла, та диты не кавчалы зъ голоду.

— Ну, то я жъ саме той, кого тобі треба. Ходимъ!

Пидійшли до вербы. Чортъ полизъ на вербу, спустывсь у дупло и вынисъ виды торбу грошей.

— На!—каже—та рожжывайся; а въ годъ шобъ прывставывъ.

— Якъ же я тебе найду?

— Пидійдешъ до вербы та вдарышъ трейчы къемъ та й гукнешъ: «магай бувъ». Отъ я й выскочу.

Подякувавъ чоловікъ, пишовъ додому. И якъ ставъ орудувать тымъ грошыма, де те й багатство узялось: чы бджолы купыть—у руку йде, чы скотыну—тожъ по двору пиде; за годъ розвивъ таке господарство, шо й не слылось йому. И гроши зибравъ, шобъ чортови видаты. Прыишовъ на те мисце, ударывъ у вербу, гукнувъ: «магай бувъ!»—Выскочывъ, та не той.

— Чого тобі?

— Та торикъ я тутъ гроши бравъ, дакъ прынись.

— А, дакъ не у такого то. Погуляй же трохи, винъ побигъ саме у Багурынъ ковши одбирать.

— Дакъ колы я його диждусь! — ажъ крыкнувъ чоловікъ.

— Та винъ заразъ буде.

Колы справдибижить, васапавсь, ажъ языкъ вывалывъ.

— А той же де? — пытае чортъ, — ось чоловікъ його жде.

— Де! пропавъ: вовкы на дорози розирвали, а я ледви втикъ.

Порадылысь тоди чорты та до чоловіка:

— Ну, що жъ, — кажутъ, — не мы ци гроши наживалы, не намъ ихъ и брать; а хавайина, чуешъ, нема грошамъ, — несы назадъ да поживай самъ — знать, тоби вонны судылысь.

С. Рожновка Борзенск. у. В. Т. Андріевскій отъ козака Павла Бондаря. 1898.

133. Чортъ у неволи въ глечыку.

Тяглы бредень по озеру якъ разъ у Петривку чоловікъ та жинка.

— Чоловиче, — каже жинка, — чого воно такъ важко цупуться? Бачышь — полавкы потонулы: мабутъ мы щось важке піймалы.

— Та ничего — вытягнемъ хоть чортяку зъ рогамы, то диты зидять, абы не каменяка яка.

Вытяглы, колы глечыкъ завъязанный шкураткомъ, а рыба хочъ бы тоби однисинька на смихъ.

— Що воно таке? може червинци?

Заглянулы усередыну глечыка, ажъ тамъ плиточка хлюпощеться и грае.

— Эчъ, яка манесенька, — каже жинка. — Злый, чоловіче, воду на берегъ!

Колы перехылылы глечыкъ, вода хлюсь на кгрунтъ,

шльопнулась плиточка объ землю и перекинулась бра-
вымъ молодцемъ зъ рижкамы да кае, вклонившысь:

— Спасыби тоби, чоловиче, що ты мене вырятовавъ:

Жинка злякалась и не знае, чы лыпе ній закры-
ваты руками, чы що друге.

— Ого! Вырятовавъ?.. Що ты таке?—пыта чоловикъ.

— Хыба тоби повалазыло? Чортъ—вже жъ не шо!

— Ова! брешешъ, бисивъ сыну! Не пійму тоби ви-
ры. Якымъ же побытомъ забрався ты у глечыкъ?

— А отъ якимъ... Тутъ така повшехна чудасія була,
шо ты не чувъ за дида й прѣдида. Литъ трыдцять на-
задъ спокутувся тутъ биля озера у печеряхъ пустель-
ныкъ, и вже винъ такой бунъ святой чоловикъ, шо ци-
ле наше пекло ничего йому не врадыло, щобъ загубы-
ты його душу. Уже мы зъ нимъ возмылись, возмылись, наче ти
собаки зъ воловою кисткою, повною мозку: и не пере-
кусятъ, и языкомъ мозку не достануть, а тильки морду-
ються. Такъ мы зъ нимъ мордувались, ажъ обрыдло
усимъ. Полмнуло наше товариство: инши зъ попамы за-
лягли у перынци, други у судейськи кышени повлазылы
та робылы тамъ диркы, щобъ тымъ кышенямъ николы
и дна не було.... Де яки повіялысь у Московщыну... Ос-
тавылы мене, хытрійшого, спокучать пустельныка.

И вже чого я не чынивъ, якои праці не прыкла-
давъ—усе ничего! И курипкою прыбигавъ до нигъ його,
щобъ винъ піймавъ мене да ззивъ. Що жъ винъ? Визьме
мене у руку полоскоче-полоскоче да й скаже: «Пырх!»—
махнувшы чоткамы... Плескався я и голою дивчыною пры
повнимъ мисяци на озеры, роспынаючы ручки и нижкы
и, повертаючысь до його и выдомъ, и бокомъ, и спы-
ною, брызкавъ на його водою. Що жъ ты думаешъ, у
його жыжки трусылись? Э, ни!... Винъ заплющытьсѣ да
белькоче якись страшени молитвы, а дали тебе и хрес-
томъ попоштуе. Звисно, заразъ зныкнешъ. Якосъ пи-
шовъ винъ увечерн у литній пистъ воды зачерпнуты. Я мер-

щій перекинувся плиткою и влився въ глечыкъ зъ водою. Несе винъ мене додому. Я плещусь, радю... Миркую: зваре винъ сьогодни юшку, спокусыться, обрадуе все пекло. Шо жъ бы ты думавъ?—каже чортяка, чухаючы потылыцю,—прыньсь винъ глечыкъ додому, хотивъ напытыся воды, колы побачывъ, шо тамъ хлюпошеться рыбка, не схотивъ и до губъ тулыты тейн воды, ще гирше,—не схотивъ и пыты сь того глечыка, де рыбка була, а взявъ, перехрестывъ трейчи глечыкъ, завязавъ якимсь гыдкымъ шкураткомъ, одньсь до берега и кынувъ у озеро... Оттаке то!—каже чортяка зитхаючы, наче той становый, шо замисць мошенныка нахватывся на шановного чоловіка. Трыдцять литъ сьдивъ я пидъ тымъ страшеннымъ хрестомъ, вже въ пекли давно мене зъ метрыкы вычеркнулы наче по двохъ ревизіяхъ въ бигахъ состоявшему. Нудывся я гирше тыхъ, шо въ кайданахъ копають золоти руды. Лякалы мене хресты бильше ніжъ дивчатъ на вечерныяхъ фабрени москалы...

— Брешешъ, брешешъ! Самъ ты москаля пидвыошышь!—каже чоловікъ,—якъ такы можно, шобъ такыи здоровый козарлюга, якъ ты, влизъ у глечыкъ?

— Але не брешу!

— Але брешешъ!

— Ты думаешъ—не влизу?

— Не влизешъ!

— Давай навзакладъ!—каже чортъ.

— Здоровъ пывъ! Оттакъ пакъ выгадавъ! Буду я сь чортякою навзакладъ! Ото бь здуривъ! Улизай такы! Та ты тамъ не помистышся, не зобгаешся.

— Одначе помишусь,—каже чортъ,—дывысь!

— Зробывсь дымомъ и пишовъ у глечыкъ.

— А шо,—каже, показуючы рижкы,—улизъ же!

— Ну, колы влизъ, такъ сыды тамъ, братику!—каже

чоловикъ. Взявъ, перехрестывъ глечыкъ, зяв'язавъ уп'ять шкураткомъ и шпоргонувъ въ озеро, якъ вже тамъ чортъ не заприсягався и не молився.

— Хай тоби бисъ!—каже чоловикъ, — тымъ и рыба не ловыться, шо гаспыдськи чорты располохалы.

Записано неизвѣстно кѣмъ и гдѣ. Подпись: *Пидводный*.

Вариантъ этого разсказа помѣщенъ въ № 12 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1857 г. стр. 98. Вотъ этотъ вариантъ, озаглавленный тамъ: «Мужыкъ ворона—хытрый чорта»:

Ото, бачъ, лучылось одному чоловику, звисно не кому другому, а нашому брату мужыку, узять пидсаку да й пійты рыбы ловыть. Прийшовъ, кажуть, винъ до болота, зобравъ соби мисце, де, здрилось, рыба е, та й ну совать пидсакою, щобъ уюна, чы шо другее злапать. Засунавъ разъ—нема, друге — и вдруге нема, а дали втрейте—чуеть, шось цупыть. Винъ израдивъ, вытягъ пидсаку, глядыть—ажъ пляшка та ще й заткнута... Дай,—каже—одоткну! И одоткнувъ... шо жъ? Мужыкъ дывыться и самъ соби не вирыть: зъ тоейи пляшкы выскочыло шось, неначе чоловикъ у жупани, да таке цикаве да фацьке, шо чоловикъ той дывомъ ставъ. Тилько воно тутъ йому и каже:

— Спасыби жъ тоби, дядьку, шо ты мене изъ сьоейи пляшкы выслободывъ.

А чоловикъ и пытае його:

— Скажите же вы, мени, добродію, хто вы таки, шо въ сюю пляшку зализлы?

— Я,—каже воно,—чортъ.

Чоловикъ пры симъ слови и перехрестывся, а дали зыркъ—чорта вже й не стало. Чоловикъ той озырнувся кругомъ—никого нема; винъ глянувъ на пляшку—пляшка лежыть доли порожня и заткало валяється. Дывовався мужыкъ, дывовався, а дали перехрестывсь да й ну

ловыть рыбу впяты пидсакою. Шо жъ вы думаете?—якъ тилько пидсаку у воду, то гледыть—хочъ жабуру повно, хочъ каменюка де визьметься, або зацупыть уюна и тилько шо хоче взять у руку, а зъ того уюна выйде впяты той пань, шо зъ пляшкы вылезъ да ще и регоче надъ йимъ:

— Ворона,—каже,—ты, а не мужыкъ! Ище й тоби ловыть рыбу! Седивъ бы дома та гледивъ бы готового.

Сказано, глумыться, а съ чортомъ не змагаться стать...

— Постой же, псова ты худоба!—думаете соби той чоловикъ:—я тоби покажу, яка я ворона, будешъ, мене знаты!

Подумавъ самъ соби такъ, а дали й каже чорту:

— Якъ же се вы, пане чорте, чы якъ васъ вельчать, якъ вы, будучы стало быть таки вельки, та въ такую малую пляшку влизлы? Я виры не пойму, щобъ вы булы таки могущи, щобъ такечкы зробыть!

— Эхъ! Справедна ты ворона!—чортяка йому каже:—отъ я заразы улизу, колы хочешъ; ты и не вгадасшь якъ!

— А нуте жъ, нуте,—чоловикъ йому каже:—покажить, якъ се робыться. Я побачу, да тоди й повиру, шо вы справедливы чортъ...

Чоловикъ не доказавъ своейи речи, а чортъ скикъ у пляшку да ще и каже:

— А шо, бачышь, якъ улизь я?

— А нуте жъ я прыдывлюся, чы вы й тамъ похожи на того, шо бувъ на двори, чы може ни?—каже чоловикъ, а дали взявъ, заткнувъ пляшку та ище й перекрестывъ.

— Оттеперь, пане чорте, знайте,—каже,—шо мужыкъ хочъ ворона, та хытрий чорта!

А дали взявъ пляшку да й кынувъ знова у воду.

Черниговская губ. Ал. Шишацкй-Иличъ (?).

134. Стрелець застрелывъ чорта.

У с. Свннхъ бувъ одинъ панъ. Отто и пишовъ винъ на охоту. Ходывъ, ходывъ,—ничого не вбывъ, а тутъ и гроза почыналась, панъ и повернувъ додому. Иде винъ соби, а гримъ такъ здорово гуркотыть. И чуе панъ: якъ тилькы гримъ перегримыть, такъ щось почынае бурмотать. Зупынывся панъ, дывыться, ажъ се нечыстый перекрывае Бога, якъ Винъ сварыться. Подумавъ панъ, шо його казаты зъ проклятымъ чортомъ, а потимъ узывъ и стрильнувъ у його: бисъ упавъ на землю чоловикомъ. Панъ тоди злякався и не озыраючысь побигъ додому. Ажъ де не визьмысь старенькый дидокъ и гукае пана, а панъ зъ переляку такъ розигнавсь, шо и зупыныться не може.

— Пожды,—каже дидокъ,—я щось скажу тоби.

Насылу догнавъ винъ пана и пытае:

— Чого ты втикавъ?

Панъ йому и розказавъ, якъ було. дило. Тоди дидъ и каже:

— Не бійсь ничого и просы у мене, чого хочешъ, чого тоби треба.

— А чого я хочу?—каже панъ.—Чымъ занимаюсь, того мени й треба.

И зъ того разу, якъ ни пйде на охоту, то насылу несе. Се йому такъ Богъ давъ за те, що убывъ биса.

Записала въ с. Выбляхъ, Черн. у. отъ Р. Чечни М. С. Чудновская. 1898.

135. Водяныкъ дытыною.

Мій дидъ ловывъ рыбу топтукою. Вытягуе винъ топтуху, колы тамъ замисть рыбы дытя у сорочечди и сміється. Перехрестывся дидъ, такъ тее дытя ще засміялось та й шубурхнуло у воду.

Записала въ Черниг. у. отъ О. Волошки М. С. Чудновская. 1898.

136. Манея не пускала.

Кольсь одинъ псковскый чоловікъ ишовъ одъ рички додому. Було уже пизно, темно. Чуе винъ: шось перелизло черезъ плитинь. Винъ думавъ, що се мо собака, и йде соби смילו, колы ни, не собака, а шось довге, довге, сире—легло поперекъ вульци, такъ шо и пройты нельзя и мурчуть. Бачить чоловікъ, що погано йому буде, що манея його не выпустить, та давай чытать молитвы, а потимъ якъ шарахнувъ весломъ, такъ манея де й дилась.

Записала отъ Николая Кіянца, въ д. Пескахъ, Черниг. у.
М. С. Чудновская. 1898.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика.

Ишовъ я зъ вечерницъ, ще кольсь то, якъ бувъ паробкомъ; тилькы шо мынувъ церкву, якъ насило на мене шось важке, отъ якъ бы узять мишокъ у пъять пудовъ, такъ мене згорбыло, насылу дойшовъ додому. И бувъ я, не думайте, не пъяный, бо у насъ и моды сійи не було, шобъ напываться на вечерницяхъ. Дойшовъ до свойихъ синей: ну думаю, лапну хочъ я, шо воно таке у мене на плечахъ, и тилькы шо я хотивъ сее зробить, а воно мене якъ пыхоне, такъ двери очынылись, и я упавъ у сини. Шо воно таке було, чы манея, чы домовыкъ, я и самъ не знаю, а тилькы дуже воно мене налякало.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ефима Ювенка М. С.
Чудновская. 1898.

138. Домовыкъ душывъ.

Батька не було дома, осталась тилькы мачуха сама, та я, ще невеличка дивчына. Мачуха спала на полу, я на лавци. Скризь сонъ мачуха почувла, що на ййи шось важке навалылось и душыть ййи. Вона прокынулась, та ниякъ не пидниметься и ни рукою, ни ногою не дывне, такъ ййи прыдавыло, а по морди водыть шось, мовъ лапою. Якъ то уже вона рванула руку зъ усиейи сылы, пидняла и хватылась за шось волохате; а тоди и сама пиднялась и сыдыть. А домовыкъ скочывъ зъ полу, та тилькы тупъ, тупъ по хати. Хватыла мачуха свою дытynu пидъ руку, та зъ хаты; зъ синей вона почувла, що я скризь сонъ трейчи покыкала: тату! (Мо то винъ и мене душывъ, та тилькы я такъ крипко спала, що ничего и не чула). Выбигла мачуха, якъ була; зъ хаты и двери покыдала. Насылу вона достукалась до сусидкы и тамъ заночувала; а на завтре зъ сусидкою прыйшла додому, колы и двери позачынены, и домовыка уже нема, и я соби любенько сплю.

Записала отъ Олимпіады Ювенковой въ с. Выбляхъ Черниг. у.
М. С. Чудновская.

139. Домовыкъ не любыть, якъ ночують у хливи.

Росказувавъ мени одинъ чоловікъ, якъ винъ пишовъ одинъ разъ ночувать у хливъ до коней. Заснувъ винъ и саме у опивночь скризь сонъ почувъ, що шось шамотыть и прокынувся. Дывыться, ажъ зъ горы лизе шось—наче мишокъ, та якъ бухне на чоловіка, та такъ його прыдавыло, що винъ, бидняга, и дыхаты переставъ. Потимъ узяло його на оберемокъ и кынуло изъ сел-

ныка. Намыту той чоловикъ уставъ, та пился такойи оказійи уже и не ходыть у хливъ на ночь, та й другимъ не совитуе.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла.

Що прыйде чоловикъ вранци до своего коня, конь и лежыть було у яслахъ, та такъ туды забъеться, шо нельзя и прыдумать, якъ туды йому и влизты. Лигъ чоловикъ разъ ночувать коло коня, щобъ побачыты, хто се такъ робыть зъ конемъ. Саме у опивночь уходить домовыкъ, такъ бы икразъ, якъ чоловикъ, хватывъ коня и кынувъ його у ясла.

Записала въ Черниг. у. отъ Дмитрія Ювенко. М. С. Чудновская.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня.

Ночувавъ у насъ недавно онушныкъ—казавъ, шо де йому тилькы не траплялось ночувать, то домовыкъ зачипае усюды його сирого коня. Чы винъ такъ його улюбывъ, чы хто його знае. Такъ позапутуе шо ночи грыву, шо и не думай расплутаты. Та выдно и скотына чувствуе домовыка, бо иноди такъ уся ажъ у поту, та ажъ дрижыть.

Записала въ Черниг. у. отъ Никиты Глузда. М. С. Чудновская.

142. Домовыкъ не дае роботы вночи.

Одынъ чоловикъ та бувъ такыи невсыпушыи та роботящый, и вночи йому не було сну: усе було робыть.

Отъ разъ уночи вѣявъ винъ жыто и сивъ оддыхать. Закуривъ люльку, сидеть, ажъ изъ засторонка сунеться щось вельке- вельке, а очи таки блыскучи, страшки, и такъ йимы уставылось на чоловика. Прысунулось воно до чоловика и не пускае його изъ клуни. Шо тильки чоловикъ ступать до дверей, такъ воно и загородыть йому дорогу. На вельку уже сылу винъ утикъ одъ домовыка.

— Ну, щасте твое, — крыкнувъ домовыкъ у слидъ, — шо ты утикъ, а то бѣ бильшь не вѣявъ.

Съ того часу переставъ чоловикъ ходыть у клуню вночи.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

143. Домовыкеови треба окропу.

Прышовъ одынь парубокъ зъ гульни и лигъ спаты коло викна й чуе, двое домовыкивъ гомонять. Одынь каже:

— У мого хазяйна й укропу въ печи нема, ничымъ и горло помочыть.

— А у мого, — каже другый, — два горкшы.

Отъ першый и каже:

— Я свого хазяйна спалю.

А другый каже:

— Ни, не палы, тамъ мого хазяйна хомуть.

Першый прынисъ хомуть товаришовому хазяйину, а свого спалывъ. Парубокъ розказавъ, видъ чого згоривъ сусидь, и съ тыхъ поръ стали ставыть укрить у пичъ.

Записалъ школяръ Выбельской школы Черниг. у. Иванъ Мосичъ.

144. Домовыкъ на ночлигахъ.

I.

Колысь ще улитку пойхавъ мій дядько на ночлигъ. Дойизжае до того мѣста, де паслы коней, ставъ гукать хлопцивъ. Здається йому, що хлопци озываються; ставъ винъ йихать на голосъ. Килькы не йихавъ, а хлопцивъ не знайшовъ, хоча и чувъ, будто вони до його гукалы.

Злизъ дядько зъ коня и лигъ пидъ стогомъ, попутавшы коней. Тилькы що винъ заснувъ, колы чуе, що його щось стало душыть, та такъ на його навалылось, мовъ стогъ сина на його перекрынувъ. На вельку сылу дядько вырвавъ одъ домовыка, та такъ уже и не ложывся цилу ничъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

II.

Одынъ хлопецъ вивъ коней на ночлигъ, и уже было дуже пизно, то онъ не знавъ, де хлопци ночують, и сталъ йихъ той хлопецъ гукать, и крыкнувъ: «Хлопцы го!» Дакъ и пошовъ гласъ, и йому здалось, будто-бы за ричкою. И винъ пойхавъ туда, ажъ нема тамъ хлопцавъ. Дакъ винъ и лигъ спать, ажъ на його щось навалылось, винъ не злякавъ та й каже:

— Десь моя пуга—я тоби дамъ!

Домовыкъ злякавъ и де дився, - и бильшь не было.

С. Выбли Черниг. уѣзда. Записалъ Школяръ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

145. Дви чирточвы зъ нашихъ русалокъ.

(Ввивъ у запысь изъ сливъ жытелькы хут. Петрушовки Борзенск. пов. Палашкы Китчинойи у 1854 р. Марко Вовчокъ).

I.

Якъ пошла моя маты у поле на Святу Недилю, на Зелену-то, до жыта, побачыть, чы гарне жыто. Да обійшла кругомъ, да «гарне», каже, «слава Богу; пйду ще и долыну побачу», каже. Колы прыйшла до долыны—ажъ повнюсенька долына дитокъ маленькихъ та все, каже, такъ: скачуть одно проты дного угору да ручкамы плещуть:

«Не мый ноги объ ногу,
Не сій муки надъ дижу;
Ухъ, ухъ,
Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты уродыла,
Нехрещене положила».

А воны тилько у плащечкахъ у билесенькихъ... Дакъ вона, каже, якъ злякалася, да въ-сылу додому дойшла. Воны йй и не бачылы, а вона йихъ бачыла.

II.

Померла баба така стара, а дочка все плаче по матери; то йй и прыснылось... Каже, наче прыйшла дивка да даже йй:—«Не плачь по своей матери: твоя маты русалкою». Дакъ вона каже: «Де жъ вона?»—«Дитокъ малесенькихъ гледыть.»

(Собш. А. В. М—чемъ).

Изъ «Черниговскаго Листка» 1863, № 10, стр. 80.

146. Русалкы женуться за жинкою.

Однесла жинка чоловіку обидъ и верталась додому. Бачыть—у жыти седыть двое дитей у билыхъ со-

рочечкахъ. Жинка варазь догадалась, шо се русалкы, и не успила вона повернуть назадъ, якъ изъ тыхъ дитей зробылысь великы русалкы и погналысь за жинкою. Якъ то уже вона добигла до села и такъ бидна перелякалась, шо проболившы тры тыжни, умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская. 1898.

147. Русалкы не дали ловыты рыбы.

Дви жинкы пишлы уночи ловыть рыбу, — икразь на Русалкы. Половылы трохы и чують, шо у води русалкы граються и плещуть по води рукамы. Бигомъ побиглы жинкы одъ ричкы. Недалеко ночувалы ночлижнныкы: жинкы туды и прыбиглы.

— Та то вамъ, — каже одынь старый чоловикъ, — такъ здалось, идить соби смилло додому.

Одна молодыця ни за шо не хотила а друга — «Ходимъ та ходимъ!» и пишлы. Дійшлы вони уже до села, озырнулысь назадъ, ажъ за йимы женуться дви русалкы у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы косамаы. Жинкы такъ чысто и померлы зъ переляку, насылу ускочылы у село, а русалкы тоди у воду, закрычалы и заплескалы по води. Молодыцы дуже поперелякувалысь и довго писля того нездужалы.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы М. С. Чудновская. 1898.

148. Русалкы прогналы чоловика зъ работы.

Копавъ разъ чоловикъ канаву на саранчу. Копаете и чуете — шось зашумило. Пиднявъ винъ голову и бачыть, выходять изъ жыта русалкы, уси у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы расплетенымы косамаы, и перша русалка дер-

жала у руци книжку. Якъ побачывъ чоловікъ русалокъ, то кинувъ заступъ, та давай Богъ ноги, а русалкы кинулись за йимъ у погоню. Прыбигъ чоловікъ у село мовъ несамоуытый и довго писля того нездужавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

149. У русальну недилю не можно робыты.

Икразъ у Русальну недилю пойхавъ одынь чоловікъ зъ жинкою полоть просо. Полоть вони, колы бачыть жинка, у проси стойить баба у билій сорочци зъ роспуценымы по плечахъ косамы и на вси боки хыляеться. Перелякалась жинка и кинулась до чоловіка. Посадывъ чоловікъ жинку па визъ, щобъ вона чытала молитвы, а самъ, ухопывшы сокыру, обвивъ визъ и воливъ кругомъ и давай тикать додому. Чоловікъ усю дорогу махавъ сокырою, и русалкы боялысь до його прыступыться. И килькы вони йихалы, то на кожній ныви бачылы по русалци. Дуже перелякани вернулись чоловікъ и жинка додому и вже бильшь не йиздылы на Русалокъ ни на яку роботу на поле.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго. М. С. Чудновская.

150. Чоловікъ сховався видъ русалкы.

Пишовъ я на поле рвать травы у межахъ. Нарвавъ и иду до додому, колы у межи лежать щось у билій сорочци и укрыте косамы, а косы дуже довги. Я тыхенько, озыраючысь пройшовъ крозь його, а воно устало, та за мною. Недалеко була клуня—я у клуню и сежу. Воно пидійшло до клуни, понюхало плитинь, а тоди одійшло, та якъ заспивае, а потимъ загукае. Я не знаю,

якъ и додому прійшовъ, такъ перелякався. Се було дило икразь перёдъ Русалкамы, такъ се и було нищо, якъ русалка.

Записала въ Черниг. у отъ Андр. Нищенко. М. С. Чудновская.

151. Русалка не може переступыты круга.

Одынъ чоловикъ пошовъ жыта стерегты на Русалкы, ажъ изъ жыта выбигла русалка и напала на його, а винъ узявъ кругъ себе обчиривсь такъ, шо вона не доступылась до його, и винъ стоявъ у томъ крузи той чоловикъ, а русалка бигала, бигала кругомъ и пошла изновъ у жыта, и тоди той чоловикъ вернувсь додому.

С. Выбли Черниг. у. записаль школяръ Иванъ Новиць.

152. Русалкы гойдаються на гилькахъ.

Чоловикъ ишовъ лисомъ и побачывъ, шо на деревахъ гойдаються русалкы, та така жъ йихъ тамъ була сила и великыхъ, и маленькыхъ. Почеплялись за гилькы рукамы и колышуться, якъ на ореляхъ. Чоловикъ повернувъ, та скорій утекать. Не успивъ тилькы винъ утекты, такъ щобъ русалкы його не бачылы. Уси воны кинулись за чоловикомъ и такъ його налякалы, шо на другый день той чоловикъ умеръ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская.

153. Оддавъ русалкамъ дытя.

На Русалокъ йихавъ чоловикъ зъ поля, и выскочылы зъ жыта русалкы, щобъ залоскотать чоловика, тилькы ниякъ до його не доступляться, бо куды нѣ зай-

дуть, то чоловікъ йихъ пугавъемъ. Такъ дойхалы воны до перехрестной: дороги:

— Стій же тутъ,—крычать русалкы,—бо усе равно умрешъ.

— Ни,—каже чоловікъ,—я лучче оддамъ вамъ дытя,—та по коняхъ и утикъ. Шо жъ бы вы думалы?—прыйижакае додому, колы застас дома мертву дытynu. Ставь тоди чоловікъ плакать и каятьса передъ усима людмы, шо се винъ самъ уморывъ свою дытynu, отдавшы ййи русалкамъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

154. Русалкы залоскоталы дивчыну.

У Зелену недилю зибралось насъ чымало хлопцивъ и дивчатъ и пишы гулять на поле. Мы тамъ добре погулялы, дивчата понарывалы соби волошокъ да куколку, уквитчалы головы и верталысь, ще рано, додому; колы тилькы поривнялысь мы зъ тымъ кругомъ, шо коло гамазея,—якъ выскочать зъ жыта на насъ русалкы: уси голйи, зъ довгымы, довгымы роспушенымы косама, зъ зеленымы, якъ у жабъ, очыма; попростягалы упередъ руки, та за намы. Мы съ переляку кынулысь навпростецъ и скоро добиглы до села; одна тилькы дивчынка осталась, и ййи залоскоталы русалкы.

Дядько якыйсь пиднявъ ййи на дорози и привизвъ у село, вона була ще тоди жыва, а дали и вмерла.

С. Выбли Черниговск. у. записала М. С. Чудновская. 1898.

155. Добра смерть.

— Прыйшовъ чоловікъ до хазяйина найматься.

Шо жъ,—пытае хазяйинъ,—визьмешъ за рикъ?

— А шо,—каже чоловікъ,—ничого: поставышь мени. одынь обидь.

Прослужывъ наймыть рикъ поставывъ йому хазяйинъ обидь.

— Се жь обидь за покойного батька,—каже чоловікъ—ты поставь мени!

Поставывъ хазяйинъ другой обидь.

— Се,—каже,—за покойну матирь,—поставь мени!

Поставывъ хазяйинъ у трейте. Позабиравъ тоди наймыть усю тую страву и пишовъ. На дорози стрекае винъ бога и каже:

— Оце якъ бы стрить доброго чоловіка, то бь умисли пообидали бь.

— Давай,—каже богъ,—обидать зо мною—я чоловікъ добрый.

— Ни,—каже чоловікъ,—якъбы ты бувъ добрый, то бь и мени було добре,—и пишовъ далей.

Иде, колы стрекае жинку.

— Куды ты,—пытае вона,—идешь?

— Иду,—каже,—додому.

— Шо жь се ты несешь?

— Несу обидь: я робывъ хазяйину рикъ за одынь обидь. А ты,—пытае,—хто така?

— Та я смерть.

Посидали вони и давай удвохъ обидать; поийлы усе, тилькы остався окраецъ хлиба.

— Чы е у тебе хто дома?—пытае смерть.

— Е,—каже,—у мене жинка и диты.

— Ну, несы жь дитямъ сси окраецъ,—се буде йимъ за гостынецъ.

Прыносять чоловікъ той шматокъ и давай ламать дитямъ, и скилькы винъ не ламавъ, а окраецъ не уменьшався. А уставшы на другой день, чоловікъ побачывъ на столи цилу кудыдку хлиба, и усе вони йили той хлибъ. Прошло скилькы день,—прыходыть до того чоловіка смерть.

— Здрастуй,—каже,—брате!

— Здрастуй, сестро!

А жинка почувшы сее, та за кочергу:

— У тебе,—каже,—багато такихъ сестеръ найдеться!— та й хотила йи зъ хаты выпроводыть.

— Не твое се,—каже чоловікъ,—дило,—и не давъ. Посадывъ винъ смерть за стиль и давай поштувать. Погостювала смерть, та й пытае:

— Чы е у тебе, брате, хлибъ?

— Оце увесь, що на столи.

— А йды,—каже,—пошукай у комори зернятъ жыта.

Чоловикъ знайшовъ трохи зернятъ.

— Ну, роскыдай сійи зернята по зусикахъ.

Чоловикъ роскыдавъ, и на другый день уси зусики стали повни жыта.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца.

М. С. Чудновская 1898.

Другой вариантъ о побратимствѣ челоѵка со смертыо былъ напечатанъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ» 1852 г. (№ 52, стр. 570). Вотъ этотъ вариантъ, записанный въ с. Даниѣ Нѣжинскаго у. священникомъ Петрою Огіевскимъ и озаглавленный: «Верты—не верты, а треба вмерты»:

Колысь то и десь то, звисно не въ якій небудь басурманщыни, а въ нашій православній Малороссіи, жывъ бувъ чоловікъ и жинка. Та булы соби дуже бидни та журлыви: одно те, що вони незамижны, а бильшь усього йихъ крушыло, що диты въ йихъ усе мерлы. Отъ и давъ йимъ Богъ дочку. Якъ же то вони йій булы ради—Господы!... И стали соби радытыся: ко-го бъ то кумою узяты? Жинка йи каже:

— Ось визьмемо лышень соби куму стричну; адже жъ, бачъ, стари люде кажуть, що въ кого диты мруть, треба тому браты кумивъ стричныхъ.

— Э, добре оце ты, жинко, кажешъ, ось пійду я.

И пійшовъ удовшъ села ще зъ досвитка, щобъ хто тилькы йому на зустричъ попадется, того узяты до свого дытаты кумою,—звычайно вже боявся, щобъ и

се йому не вмерло, такъ якъ ти першійи його диты померлы. Попадається йому назустрічь баба стара та курноса *); винъ їй и каже:

— Здоровенька була, бабуся!

А вона йому въ одвить:

— Здоровъ бувъ, сыночку!— та й попередыла його спытаты:—Чого се ты такъ позаранкамъ блукаешъ,—чы не зійшла съ твого двора товарына противъ ничкы, и ты оце шукаешъ?

— Ни, бабуся, за товарыну мени ничего бояться—и шерстыны у двори катъ ма. А мени давъ Богъ дочку, такъ я оце иду прохаты того въ кумы, хто першый зустринеться. Та, спасыби вамъ, що я оце на васъ такъ хутко наткнувся: прошу васъ покирно, будьте ласкавы, не видюрайтесь хреста, ходите до мене кумою—чы не дасть Богъ, що и я такы, якъ люде, хотъ пидъ старисть дожду соби помочи.

— Добре, ходимо.

И пійшы. Та йдучы винъ їй и каже:

— Не во гнивъ вамъ буде, що я васъ пытатыму: якъ маемо васъ зваты?

— Я—Смерть.

Якъ почувъ винъ сее, та ажъ злякався, а описля обдумався трохы та й каже самъ соби: аджежь смерть иднаково ни кымъ не перебирае, усихъ за-сплишъ бере: и панивъ, и нашого брата мужыка, бидныхъ и замижнихъ, старыхъ и малыхъ; що жъ маю робыты?—не треба їйи цуратыся, поведу лышень до своейи господы, може вона зглянетъся на мене... Сее подумавшы та й каже:

— Ходимо, кума, до мене!

И пійшы.

---

*) Кырпата. Прим. записувателя.

Покумовавшы и выдпывшы хрыстынны, якъ Богъ давъ, звисно по убыжкы, бо той чоловикъ, кажу, бувъ соби бидненькый—смерть йому й каже:

— Слухай, кумочку, за те, шо ты мною не познушався, я тоби шось искажу, та тилькы никому ты не видкрывай и свойй жинци не кажы, а робы самъ соби, шо я нараю, то ты матымешъ такого добра, шо не тилькы лоби, та й дитямъ, унукамъ и правнукамъ твойимъ буде.

— Добре, кума.

— Слухай же: якъ тилькы ты почувешъ, шо хто небуть и де небудъ занечогіе, иды до його та й дывыся: колы я буду стояты у недолугого въ ногахъ, то той выздоровіе и певно берыся його выличыты: извель даваты йому пыты тилькы холодну воду, и винъ буде живъ; а якъ уздрышъ мене у його въ головахъ, то втикай видъ того, то вже певно мій—я тилькы його прычавлю трохы, щобъ винъ спавъ изъ тила, щобъ легше мени зъ нымъ борушкатыся та й потягну його на той свить.

Сказавшы сее, попрошались любенько.

Чуе нашъ кумъ, шо десь то велькый и дуже багатый панъ та й давно вже хыріе; и чого то вже йому не роблять, якыхъ до його ликаривъ не возяты, та ба, немае помочы. Отъ винъ и пійшовъ до його та й каже челяди, бо звисно у панивъ вона на рундуци такъ и блукае:

— Здорови булы, хлопцы! Я чувъ, шо вашъ панъ давно вже хыріе и помочы ни видкиля йому нема. Пустите лышень мене, щобъ я на його глянувъ, бо я такый чоловикъ: якъ побачу, то заразы скажу, чы винъ умре, чы ни, и якъ ни, то заразы поличу, и винъ вычуняе.

Пустылы мужыка до пана, и тилькы шо ввійшовъ винъ у свитлицю та глянувъ, ажъ стойть кума била

нигъ недужого. Отъ винъ зъ радыщъ ажъ крыкнувъ:

— Не журись, панѣ! ты будешъ жыты та ще й якъ! Ось кетс лышень, пани, у пытунъ водыщи непочатоѣи, я дамъ йому напытыся, то де та и хвороба його динеться.

Ковтнувъ панъ тоєи воды разъ, друге, утрейте, освижнѣя трохи—агу!—стало йому легше нибы; день, другый—уже панъ самъ и пыдыметься, уже й по хати валасається; дальше ще—уже у пана и пузо знова становыться таке, якъ було. Шо жъ тому мужыковн-знахыру: чого то йому не робылы, якъ не шановалы и чого не надарувалы! И грошей, и воливъ, и коривъ, и печенымъ, и варенымъ: чого тилькы душа його не забажала. Пійшовъ нашъ кумъ жыты та Бога хвалыты, стали його уси знаты, стали до себе запрошаты та шановаты, та усякымъ добромъ його надилыты; нажывся нашъ знахыръ, буде зъ його стилькы,—ставъ винъ заможнійшый видъ усихъ на сели.

Ажъ ось и до його черга дошла. Скыльки не жывы на симъ свити, а того свиту такы не минуты—треба йты такы у свою господу видвнчаты за грихи свойи передъ Господомъ. О! довго жъ то винъ сердешный боровся зъ горемъ, усе такы не подавався, жалко було съ худобою розстаться, а дали знемигъ такы та й злягъ на Божу постиль: хыріе бидураха та все поглядуе: чы нема кумы у ногахъ? такъ нема, не видно ййи; винъ и радіе: ну, ще трохи такы поживу на свити. А дали якось то зыркъ черезъ голову угору—ажъ стойить вона у головахъ, голубка кума його любя. Якъ побачывъ ййи, то мовъ окропу хто на його зльвъ, такъ зъ його пить видъ ляку полывся; а писля, одумавшысь трохи, та й каже:

— Жинко моя, диты, ходите сюды! А переверните лышень мое лижко; що я лежу такъ, де теперъ голова моя, поставте туда ногамы.

Перевернулы, такъ що жъ—и смерть посунулась

слидомъ за нымъ и впяты стала быля голивъ його. Бачыть винъ ййи бидолага та знову просыть:

— Поверните лижко та поставте оттакъ, отсюды! А нуте ще й оттакъ!

Ни, не помагається! кума його люба усе быля головы въ його. Отъ винъ бачыть сердешный горе свое, здыхнувъ тяжко, перехрестывся та кризь сльозы й каже йнимъ:

— И-вже! Годи мудроваты! Постановите лижко такъ, якъ воно спершу стояло, та готуй, жинко, сорочку на смерть мени та свичку у руки, бо вже *верты—не верты, а треба вмерты.*

156. Смерть увиходе въ хату.

У одного чоловіка умирало невелике дятя. И чулы люде, якъ коло тейи хаты ходыло щось и голосыло, а потимъ увійшло у хату биле, биле, якъ снигъ и, ничего никому не сказавшы, скоро и выйшло. У ту жъ саму годыну, якъ смерть (бо то була смерть) выйшла зъ хаты, и дытына умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

157. Смерть — домовыною.

Маты моя та ще одна жинка ишли пизно зъ гостей. Ничъ була мисяшна. Идутъ вони по вулыци, колы проты йихъ, попидъ плетнемъ, сунеться домовына. Вони обидви дуже поперелякувались, и маты кынулась назадъ, а тая жинка упала на мисти. Маты зъ людьмы прыбиглы до жинки и застала ййи уже мертвою.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Александры Базилевичъ М. С. Чудновская. 1898.

158. Смерть зострила на вулиці.

Занедужала у жинки дытына. Понесла вона ййи да знахаркы; пошептала знахарка дытыну, и жинка верталась додому. Дило було уночи. Поворачуе жинка у улыцю, а изъ другойи выходить смерть у билій сорочци, висока.

— Дорова,—промовыла жинка, не догадуючысь, што смерть. Смерть на сее ничего не одказала, тилькы такъ крипко заголосыла. Прыходить жинка додому, ажъ на рукахъ у нейи мертва дытына. Догадалась тоди жинка, кого вона бачыла на вулиці, и чога воџо голосыло.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильи М. С. Чудновская. 1898.

159. Манея звищае смерть.

I.

Ишовъ чоловікъ зъ беседы пизно уночи и бачыть винъ, шо сунеться щось високе у чорній одежи и каже:

— Усе село смерть выбрала, а сйи улыци не зачепыла.

— А тоби,—каже чоловікъ,—треба тутъ ходыть? Геть выдсиля!

Такъ манея и посунулась далей, а у того чоловіка заразъ же диты померлы, а потимъ пошлы мерты и по всій тій вулиці.

Записала отъ Митрофана Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

II.

Оце зновъ якъ почалы у насъ у сели мерты диты, такъ бачылы, шо по вулиці йшла такъ вродь бы жинкы, иде, та такъ же голосыть, та прыплакуе:

— Боже жъ мій, диточки мойи любійи, диткы мойи голубьяточкы!

Плачучы и пишло удвѣжъ села. Выдно, зновъ багато дитей помре, шо манея голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская. 1898.

160. Смерть голосыла.

Тожъ то, мойи голубъята, шо воно таке й буде? Сю ничъ чую—щось иде вулицею и голосыть, та такъ голосыть, якъ по мертвому, та й пишло на кладовыще.

— Э, кумасю, такъ се буде поморыца: се смерть голосыла. Такъ одного году було, такъ шо дитей передушывъ оттой дихтерыкъ!

Записала отъ крестьянокъ с. Выбель Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

161. Моровыця трычи на ривъ ходыть.

У насъ, а мо и по усихъ селахъ, моровыця ходыть по вулицяхъ тры разы у годъ. Сама вона похожа на корову, и якъ иде, то почмыхуе и часто коло дворивъ становыться. У ту пору, якъ вона иде, коровы страшенно ревуть, а собака ни одынъ не забреше, поки вона обийде село. У тимъ двори, куды вона зайде, безприминно подохнуть уси коровы и собаки.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

162. Моровыця конемъ.

Одного году люде бачылы, якъ середъ ночи по селу трейчи пробигъ кинь, тилькы не настоящый кинь, а одни кисткы необтягнутые шкурою. Люде кажутъ,

що то була моровиця, бо у той годъ багато пропало усякойи скотыны.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Мункаго М. С. Чудновская. 1898.

163. Моровиця дякае молодежиъ.

Було уже пизно. Хлопци и дивчата сѣдили на колодкахъ, спивали, балакали. Колы жъ пидходить до йихъ шось страшне зъ блыскучымы очыма; якъ дойшо до колодокъ, закрычало и зупынилось.

Се видно була моровиця, бо якъ тилькы вона крыкнула, заразы по селу заревлы коровы. Хлопци и дивчата полякались и сѣдили ни жыви, ни мертви. Моровиця трохы постояла, а потимъ де и дилась, тилькы шось загуло, мовъ гримъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

164. Чудо.

Бувъ у чоловика сынъ парубокъ. И винъ його оженивъ—узявъ молодыцю. Отъ разъ на празныкъ Чуда винъ загадавъ йимъ кудысь на роботу йты. Вони пишлы, а ввечери прыйшлы додому, повечерялы й пишлы спаты въ коморю—молоди.

Отъ той чоловикъ спыть, колы шось якъ застукаетъ въ двери. Винъ пытае: «Хто тамъ?» А воно каже:

— Одчыны, Даныло, я Чудо.

Винъ излякався, не видчыняе. Отъ воно разивъ пѣнадцять стукало, а винъ не одчынявъ. И якъ излякався, такъ довго не спавъ, а тоди такы заснувъ. Уранци уставъ, колы коровы ходять по двору. Винъ думаетъ: ото якъ довго молодыця спыть и до коровы не встала доси. Пишовъ будыты: стукавъ, стукавъ

у двери — не чутъ никого. Винъ тоди злякався, пишовъ до сусиды, поклыкавъ його. Тоди ломомъ двери выломылы, ажъ молодыци немає въ комори, а сынъ його стойить за полубочкомъ и руку держыть и йистъ. Сама рука зосталася, а то всю жинку ззивъ. А руку не съ пальцивъ почавъ йисты, бо тамъ винчальни перстини булы, а съ плеча.

Його пытають:

— На шо ты йийи ззивъ?

А винъ:

— Я й васъ усихъ пойимъ.

То винъ не самъ йивъ, а то въ йому нечыста сыла. Чудо такъ його покарало, шо робывъ на його.

Такъ його й розстрелылы.

Це ходылы люде у Хвойкы, тамъ якась икона есть, — такъ тамъ це й чулы.

С. Жеведь Черниг. у. Отъ дивчины. 1898. М. Н. Гринченко.

V.

О жертвецахъ.

165. Мертва маты прылітае до сына.

Умерла у насъ одна жинка; закопалы ййи, та не запечатали, бо нікому було: тоди саме й пипъ умеръ. Сынъ сйи жинкы пишовъ на ничъ у млынъ. Иде и бачыть, шо саме у тимъ мисти, де заховалы матирь, свитло горыть. Подывывсь винъ и пишовъ. Прыходыть, колы маты на крылахъ прылітае до млына и почала здыраться на млынъ и гукать сына. Коло млына недалекo була и хата сього чоловика,—винъ гукнувъ собакъ и ставъ ййи цьковать. Собақы ййи и одогналы. На другый день сынъ росказавъ людямъ. Одкопалы ййи, колы вона лежыть уже не такъ, якъ слидь мертвецямъ. Пробылы тоди люде жинку осыковымъ колкомъ:

Записалъ въ с. Муравейкѣ, Черниг. у. Отъ Мир. Лобуса Иванъ Мущкій. Сообщила М. С. Чудновская.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе.

Одна дивчына выйшла съ хаты и бачыть—у церкви свіѣтытсье. Вона пишла туды, ажъ тамъ мертвыи говіѣють. А хресна матка ййѣ вгледила та й каже: «Иды, дочко, швыдче, а то якъ угледыть тебе руодна матка, такъ иззіѣсть». Такъ вона и втекла. А друга тожъ побачыла, шо свіѣтытсье, прыйшла, а руодна матка и вгледила, прыйшла до нейи и стала роспытувать:

— Шо тобі, дочко, саме важче?

А та каже:

— Мени, мамочко, саме важче мачуси годять та сорочку робить.

— Якъ же тобі важко сорочку робить?

— А якъ же? Поки ййи посіѣи да пополю, тоди воно поросте, треба його побраты, тоди посушыты и помолотыты, тоди помочыты, потягаты, посушыты, потерты, помъгаты, помыкаты, попрясты, помотаты, посноваты, навыты, у нить кыдаты, у бердо, тоди въ набылкъ и заткаты, и выткаты, и вбіѣлыты, и пошыты, и надиты...

И такъ вона розказуе матци, а сама задкы йде, а матци здається, що вона стоить изъ ею гомоныть. Тоды вже й до хаты такъ дойшлы, а дивчына задкы одчынула хату и вскочыла въ сѣны и двери засунула. А матка тоды каже:

— Ну, щасте твое, а то бѣ я тебе звѣла.

— На що бѣ же вона ййи звѣла?

— Такъ дуже зрадѣла, що побачыла.

С. Жевель, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

167. Завишѣный не мае на тимъ свити спожою.

У сели Муравейци повисывся одынъ чоловікъ, и отъ якъ його закопали у землю, и ставъ винъ по вулицяхъ ходыты. Иде та й спивае писни, а якъ дайде до своей хаты, то такъ голосыть, що ажъ сумно стане, якъ почувешъ. Така тамъ, кажуть, и жинка е, вона тежъ ходыть по селу и спивае, або голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С.
Чудновская.

168. Мертви говіють.

— Чы у вась буває въ пуость глухый тыждень?

— Ни, не буває. А въ вась же колы буває? И шо жь то за глухый тыждень?

— То такъ зветьсе: глухый тыждень. У пуость на другому тыждни буває. Тоды не говіють, и въ церкви не правытьсе. Кажуть, шо тоди опасно правыть у церкви, бо тоды мертви говіють.

С. Жевель, Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

169. Мертвыхъ треба помынаты.

Почувъ одинъ багатый чоловикъ, шо його бидна сусидка на диды ничего не варыла, и позвавъ ййи до себе. Погостювавши, уже пизно жинка верталась додому. На вульци обступылы жинку мертвякы, и вона чуть жывая ускочыла у свою хату. Замкнула вона двери, колы дывытьсе: уси тйи мертвякы пидъ викнамы и пляккають ротамы. Поставыла скорышъ жинка пляшку зъ водою и чарку, бо такъ, кажуть, годытьсе, щобъ мертвякы у хату не загледалы. Тоди вони годи пляккаты и пышлы соби зъ пидъ виконъ.

Записала въ Черниг. у. Отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

Другой разказъ на ту-же тему, записанный въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. Ал. Шишацкимъ Илlichemъ, напечатанъ въ № 24(стр.269) «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1853г. Такъ какъ въ настоящее время почти нѣтъ возможности пользоваться этимъ изданіемъ, ставшимъ большою рѣдкостью, то мы перепечатаемъ здѣсь этотъ разказъ.

Уже то наши покойные диды не дарма выдумалы помершыхъ помынаты... Стало быть тутенькы е такы якась польза, якъ вы звольте мовляты. Бо старые люды кажуть, шо екъ не стать помынаты покойныкывъ, дакъ

Йимъ таменькы тяжко буде лежаты. Видъ того вони и сняться частенько и по хатамъ опивничъ мусяць блукаты, и шкоды часомъ роблять. Отъ, примиромъ сказаты, у насъ,—усе село про тее знае, що баба Семена Ковалева,—винъ, бачъ, держыть Федорцивну, изъ роду Малышивъ,—якъ тилькы вмерла, то й почала ходыты у господу. Було, якъ тилькы пивничъ глупая зайде, ще до трейтихъ пивнивъ, то въ хати, якъ уже вси хропуть соби смертельно, тихесенько видчыняються двери, и баба Семенова у билому покрывали й суне... Бува, хто небудь, то й чуе, и бачыть, якъ вона посудною на польци стука, то по хати росхожа, то ухватыть, бувало, метлу, выйде у садъ та й ну роспужувать воронне, що спыть на яблони, чы то на груши, а сама распатлана, выскальвышы зубы, усей знай махае митлою та крычыть: «Го-го! Го-го!..» Разъ, кажуть, прыйшла опивничъ, а въ печи выпекався хлибъ; такъ що жъ вона зробыла?—Екъ ухватыть лопату, що хлибъ сажають, та екъ почала мисыты уси хлибы умисто, то таке накойила, що ни близько... Хлибъ—хоть собаки выкынь!.. Ще й лопату у печи зоставыла... Капосты такы частенько вона, бувало, робыть; а знаете видъ того, що зроду було ни хто объ ній не помолыться, ни шага попу не дасть на часточку, ни паныхыдкы не поставыть, а екъ стали паныхыды правыты та зъ людмы помынаты, то й перестала опивночи ходыты...

170. Пань-ушырь.

I.

У Чарнигови бувъ одинъ пань. Отъ якъ винъ умеръ, його заховалы; та ще тоди мабутъ не печаталы, якъ те перъ, не заклыналы душу, щобъ не ходыла, отъ и почавъ винъ йиздыть зъ того свиту. Прыйде та й давай наймытивъ роспытувать, якъ що робыться, а якъ що не

по його, то и бывъ. Наймыты стали докладаться объ снѣ архирею. Архирей ставъ пидстерегать того пана. Йиде разъ панъ у карети тройкою, а на зустричъ йому йиде архирей, та й прочытавъ молитву,—се було на Красномъ мосту. Панъ и зарывся пидъ мость. Позвали людей, почалы на тимъ мисти копать и одкопалы пана. Лежыть панъ и съ пидъ лоба дывыться и сміється. Узялы тоди осыковый колокъ и пробылы йимъ пана, а кровь якъ свыснула цивкою, то ажъ на тры аршыны угору была. И писля сей панъ уже зъ того свиту не йиздывъ.

Записала въ Черниг. у. отъ М. Плиски М. С. Чудновская.

II.

Давно колысь, ще якъ у Чернигови бувъ архиреемъ св. Ѳеодосій, умеръ одинъ багатый панъ Б. И ставъ винъ съ того свиту йиздыть по Чернигову. Тилькы було смеркнеться, то винъ уже и йиде у карети, четверыкомъ вороныхъ, съ кучеромъ и хварейторомъ на козлахъ. И такъ винъ йиздывъ щовечера.

А одного разу ще не смерклось добре, а Б. уже йиде по Трысвятскій гребли. «Хто йиде?» пытають люде.— Б.,—каже хварейторъ. Тутъ одинъ чоловикъ махнувъ хрестомъ: «Будь же ты, Б., проклять!»—каже винъ. Заразъ и кони, и карета де й дилысь, тилькы у болоти, що николы не высыхае, дуже загуркотило. И съ того часу Б. уже бильшь не йиздывъ.

Запис. въ с. Выблякъ Черниг. у. отъ М. И. Черниской. М. С. Чудновская.

171. Не беры ничего въ мертвяка.

А то разъ парубкы й дивкы ишлы черезъ гробкы. Багато йихъ, такъ и не бояться. Колы встае проты йихъ мертвякъ—высокий, высокий у билому, и голова билою

хусткою накрыта. Одна дивка пидбигла та й ископыла зъ головы хустку. А воно якъ загуде, такъ той мертвякъ не знать де й дився. Вони полякалыся та тикаты. И та дивка хустку кынула та тикае. Прыбиглы на досвиткы, двери зашипнули, думаютъ—слава Богу, втеклы. А та дивчына дывыться—ажъ хустка въ нейи. Коны чуютъ—якъ загуде, якъ загуде—ажъ то той мертвякъ—прыхшовъ пидъ викно, каже: «Подай мое!» Вони полякалыся, ажъ трусются, а воно все: «Оддай мое!» И такъ ажъ покъ пивни заспивалы. Тоди загуло й не стало його.

Отъ тій дивци й кажуть:—«Пиды на гробкы и положи хустку йому на могылку!» Вона такъ и зробыла: однесла хустку и положила йому на могылку. Отъ попрыходылы вони зновъ на вечорныци. Коны такъ опивночи якъ загуло, и впъять воно пидъ викнамы ходыть, крычыть: «Оддай мое!» А хустка вже впъять у дивчыны. И такъ якъ почало, такъ що ноци. И палылы ту хустку—ни, не пособляеться, упъять и стане въ нейи. Та вже дивка бидна ажъ иссохла, такъ журыться. Одъ тоди й прысовитувалы люде, щобъ поклыкаты батышку його заклынаты. Батышка прыхшовъ у ту хату, почалы правыты. Коны воно такы прыхшло и крычыть: «Оддай мое!» Отъ батышка вже повичытувавъ усе, тоди ту хустку начепывъ на рогачъ и давъ дивчыни, щобъ вона такъ подала. Тоди каже: «Одчынить двери!» Одчынылы двери, воно увийшло и крычыть: «Подай мое!» Дивчына дае хустку на рогачи—не бере: «Рукамы брала, рукамы й надинь на мене!» Тоди дивчына накынула йому хустку на голову, а воно ййи за руку—якъ загуло, такъ не знать, де й дилося. А дивчыны й по сей день не бачылы.

— Де жъ вона дилася?

— Соби забрало.

Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

172. Макъ держыть мерця въ труни.

— Оце Амось умерь, такъ я боюсь и за воротымы сьдѣть.

— Чого?

— Вуонъ було якъ іѣде, такъ стане на мосточку та й погомоньтѣ изо мною. Такъ я й боюсе теперь, шо побачу його тамъ.

— А хьба вы чулы, щобъ мертви ходылы?

— Хто-й-зна, кажуть, шо ходять. Отъ у насъ у слободѣ якъ умерла одна баба, такъ хьба не ходыла до дому у ступи товкты?—Колы не віфрыте, такъ попытайте оту дѣвчыну Параску, шо ходыть до мене, то ййи баба.

— Ну, розкажить же, якъ вона ходыла?

— Значыть, якъ поховалы ййи, такъ перву нуочъ бабы надъ колывомъ сьдѣлы. Тожъ уже въ насъ такъ шо старыи бабы надъ колывомъ сьдять. Отъ вони чують—товче шось у хлеви въ ступи. Ну, бабы не побоялысе: узялы свѣтло и пишлы въ хлѣвъ, одчынылы двери, подывылысе—ничого нема. Увойшы въ хату—впьять товче. И на другу нуочъ товче. Вони тоди, значыть сынъ та невіѣстка, вынялы товкачъ изъ ступы до дванадцаты день. Йимъ такъ сказалы, шо вона до дванадцаты день ходытѣме. Тоди якъ выйшло дванадцать день, вони однеслы товкачъ у ступу, и впьять вона товче. Такъ, кажуть, шо прывозылы вони батюшку тыхенько рано-рано на гробкы, щобъ закынавъ, такъ тоды вже й не стала ходыть. Ще жъ и макомъ за нею сѣялы, та й то ходыла.

— Якъ же макомъ сѣялы и на що?

— То вона, бачыте, шось знала, ну просто, кажуть, шо вона віѣдма була. Такъ уже ййи якъ ховалы, такъ невіѣстка завязала маку-выдуты у вузлыкъ и въ домо-выну положила и мойой матци дала маку тожъ выдуты,

щобъ за домовною сіѣяла. Такъ моя матка прыходыть та й каже:

— Ну вже Васылыха шось знала, недурно мени дали за домовною макъ сіѣяты.

— На шо жъ макъ сіють?

— Ото жъ вона якъ устане щобъ иты, такъ йой треба макъ поличыть и той, шо въ дымовыни, и той, шо по дорозіѣ. Покры поличыть, то вже й не успіе дойти. А ця така була, шо й поличыть, и прыйде.

С. Жеведь М. Н. Гринченко.—См. въ этой книгѣ въ отдѣлѣ II № 34, X.

173. Мертва живе на земли.

Була у однійи жинкы тилькы одна дытына и та умерла. Такъ моляла маты Бога, щобъ хочъ у сны побачыть свою доньку. Иде вона на диды, колы идутъ йійи покойни батько, матиръ и зъ йимы и йійи дочка. Ухопыла жинка свою дытыну та скоришь додому. И такъ прожыла зъ ею ажъ цилый рикъ, никуды не пускала видъ себе свою дочку. Прыйшлы зновъ диды.—«Ну, каже дочка,—пишлы наши—пиду й я!» И де й дилась. Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

174. Закладъ.

— А я мертвыхъ не боюся.

— Бо дурна! Грихъ мертвыхъ не боятыся.

— Чого тамъ грихъ? Я бъ наче й на гробкы вночи сама пишла.

— Пишла бъ, такъ уже вдруге не ходыла бъ.

Стара баба:

— Ни, якъ такъ питы, такъ воно ничего, а якъ закладатыся, такъ грихъ, и то вже не мынеться. Одынь

парубокъ закладався, що, каже, пиду на гробкы въ глупу пивничъ. Хлопци кажутъ:

— Не пидешгь!

А винь:

— Пиду. Отъ давайте обь закладъ, шо пиду!

— Ну, а почому жъ мы взнаемо, шо ты тамъ бувъ?

Ты жъ насъ одурышь.

— Идить слидкомъ за мною, то й побачите.

— Ни, мы не пидемо: якъ за тобою поженеться, такъ тоди й намъ не мынеться.

— Ну,—каже,—такъ я оцю хустку гвиздкомъ до хреста прыбью.

Ну, добре, узявъ винь молотокъ и гвиздокъ и пишовъ. Пишовъ, а ти дожыдають. Ждать-пождать—нема; ждатель-пождатель—нема. И до свиту нема. Якъ розвяднылось,—ти хлопци на гробкы, ажъ винь коло хреста мертвый лежыть, и хустка до хреста прыбыта. Сталы його пидниматы—шось не пускае. Воны полякалыся, а тоди роздывылыся, ажъ винь изъ хусткою чумарку свою до хреста прыбывъ.

— Отъ бидный! То жъ винь мабутъ подумавъ, шо його мертвякъ держыть та й умеръ съ переляку.

— Дурни вы! А черезъ шо жъ винь чумарку гвиздкомъ прыбывъ? Ото жъ його й накарало, щобъ не закладався.

Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

Два варіанта этого разсказа, записанные неизвестно кѣмъ въ Черниговскомъ уѣздѣ были помѣщены въ № 27 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1852 г. (стр. 286 и 287). Такъ какъ это изданіе представляеть въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, то перепечатаваемъ ихъ оттуда.

1. Да тее Бухъ его знае, чи можно (иты въ закладъ) *), чи нѣ, а все таки тее кажутъ, шо Божому

---

*) Записыватель говорить, что по понятію поселянъ закладываться или держать пари—ужасный грѣхъ, или, какъ они выражаются, грѣхъ *непрощенны*; что закладъ выдуманъ самымъ старшимъ чортомъ; что въ закладъ идти все равно что лишить себя жизни или умереть *наило*.

чоловѣку нѣякъ нельзя. Аже жъ бачте, якъ старыя люде кажуть: борони Боже ити въ закладъ. У насъ колись було таке диво, пане... Ось послушайте, коли хочете.— Колись муой покойный дѣдъ, нехай царствуе, перомъ ему земля... Аже жъ ты знаешъ его, Майсѣй?—А якъ же таки я не знаю? Лаврѣнъ Криволапенко, що живъ колись на концѣ кле Чепелихи вѣдьмы? Ге, ге, знаемо усѣ!—Декъ от-той же дѣдъ намъ колись розказувавъ, що екъ бувъ вуонъ парабкомъ ище, такъ, бачте, збирались на масляну недѣлю гулять, наняли уже, бачте, того музыку, напилисе усѣ гарѣлки, да й ну гулять; а деле вже, екъ понанивались добре, декъ одинъ паробокъ и каже:

— А нуте лишень, братцѣ, хто пуойде въ закладъ со мною: нехай хто трейки оббежить кругомъ старого шпиталя, где, кажуть, щось такее усе гуде, неначе собака, да ще, обѣгши кругомъ, нехай и палочку устыркне у землю супротивъ того угла, гдѣ образы Божіѣ колись стояли; тому, хто сее такечки изробить, кварта горѣлки.

Отъ одинъ обобрався, каже, такій знатны, хибѣтливый хлопецъ, да й пошовъ бѣгать. Три разы оббѣгъ, да й ставъ палочку устыркать у землю супротивъ того Божого угла, гдѣ образы стояли; нагнувсе, да якась и прыстыркнувъ тею палочкою полу одъ своѣ свиты; прыстыркнувъ да й сидить тамечка; ждали, ждали—немае паробка.—Що це тее за знакъ,—кажуть,—пуойдемъ, подивимось. Пришли, ажъ сидить; гукать—не чуе; коли пришли, ажъ вуонъ мертвы. Тутечка усѣ полякались да оттудова утекомъ. На другій день наѣхавъ судъ: зняли паробка того зъ землѣ, вертѣли довго, глядѣли, питѣли, каже, у насъ; мы кажемо: Не знаемо нѣчого, хто его внае. Декъ уже стали усѣ у селѣ казать, що оне все одъ закладу, що вже оне чортъ икъ сабѣ его взявъ да на юомъ теперечка ѣздить, бо вуонъ себе заложивъ

ему.—Оттакее то, вашіѣ высокіѣ благородіѣ, лыхо одѣ сего закладу.

2. Що це, пане, за причта, що тутечка за диковина? Отѣ то диковина, що колись, кажуть, десь тутечка кле могилокѣ, у нашуомѣ, бачте, таки й селѣ, стояла церква Божа и звониця кле тоѣ церкви була, теперѣ уже и мѣста того не знать; дакѣ кажуть, що оттакечка на каляды позбирались хлопцѣ и дѣвки гулять, да вже, сказано, не безѣ горѣлки гуляють; гуляли от-то вани до самоѣ пуовночи; нуочѣ була хоть око выколь, така вельми темна, а хуртовина така зняласе, що й свѣту Божого не видно, мете й несе.

— От-то, братцѣ, кажуть, яка знялась хуртовина и нуочѣ темная екая; от-теперечка екѣ бы хто бувѣ добры молодецѣ да одваживсе пробѣгти до церкви, да послушавѣ, що тамечка теперѣ спѣвають мертѣяка.

А одинѣ такѣ зарезѣ и каже:

— А що жѣ, що минѣ за тее буде?

— А то жѣ и побѣгѣ бы?—кажуть ему.

— А що жѣ, пойду; ще, коли хочте, каже, полѣзу на звоницу да зниму серце зѣ звона и сюды ще й принесу.

— А нужѣ, ну,—кажуть ему,—отѣ же бо не зробишѣ сего.

— Отѣ же зроблю, давайте хто у закладѣ.

Тутечка одинѣ подбѣгѣ и заложився обѣ повкварты; а паробокѣ за двери. Тутечка давай зѣ его усѣ смѣятця:

— Нехай,—кажуть,—добре пробѣгаецця да якую небудь вѣдьму поносять на плечахѣ!

Ажѣ, коли сее кажуть, вуонѣ уже и стукае у двери:

— Очинѣть, каже, хлопцѣ!

Вани очинили, диветця, ажъ у его у рукахъ справдѣ сердце одъ звона. Уже тутечка, якъ не були п'яны, а такечка одъ сего усѣ и помлѣли; страхомъ такечки и ошибло усѣхъ: одинъ за другого ховаютця, и самъ тей паробокъ, шо закладався да знявъ зъ звона сердце, такій прибѣгъ бѣлы, екъ полотно; ничего нѣкому не говорить, стоѣтъ кле порога, да ажъ увесь труситця; дѣвки усѣ полякались, ховаютця; а деле вже одинъ якось одумавсе да й каже:

— Шо це, братцѣ, мы робимо,—аже жъ намъ бѣда за сее буде; нехай скорѣй несе да повѣситъ; а то нѣчимъ буде й до церкви Божоѣ позвонить.

А тей уже, шо знявъ, и каже:

— Нѣ, братцѣ, уже самъ не понесу, боюсь, шось уже за мною бѣлее гналось, да все крычало: а на шо, каже, ты знявъ, на яку потребу, яке твое дѣло, на шо, каже, заложивъ свою душу?

От-тутечка ще й буольшъ усѣ полякались, а дале и кажутъ:

— Понесѣмо, братцѣ, усѣ: воно, може, побоѣтця, якъ насъ буде богато.

Взяли тее сердце, понесли, причепили зновъ, якъ воно було, да й вернулись, щобъ, бачте, провестн дѣвокъ додому, коли туольки шо въ хату, ажъ екъ схватитця вѣтеръ, да засвище шось такее у окна, да зареве, декъ ажъ стени у хатѣ затрѣщали; а деле викно ододрало да й каже, кинувши сердце одъ звона на стуоль:

— Оце табѣ сердце; коли самъ изнявъ, дакъ самъ иди и повѣсь!

От-тутечка усѣ якъ мертвы постали; а тей, бѣдняга, кажутъ, узявъ сердце да й пошовъ на звоницу, щобъ причепить, бо вже, бачъ, робить тутечка нѣчого, коли велено. Пошовъ да оттудова й не вернувсе. Серце на завтре було причѣплено такечки, якъ воно й було, не-

наче, казавъ паламаръ, нѣхто нѣколи его й не знимавъ, да паробка не знайшли: хто его знае, де вуюнъ дѣвсе. Уже нескоро матцѣ покуйнаго приснивсе сонъ, неначе гледить вона, «ажъ сынъ, каже, муой знимае нашось сердце зъ звона, коли бѣлее щось, вано неначе й чаловѣкъ, такъ забѣгло ему ззаду, ухватило посерединѣ да зъ ѣмъ у землю й пошло».—Отъ якъ закладъ сей робить, пане, и що вже тутечка чалавѣку супротивъ Божаѣ силы ити!...

будь.

Ажъ,

двери:

— Очинѣть, каже;

VI.

О людяхъ съ чудесною силою
(вѣдьмы, ворожки, волшебники и пр.).

175. Видьмы вчатся видьмыты.

I.

Якъ повыбывала Устя Гордіенчыха ноги, падаючи зъ воза, то йій пораялы привезты зъ Смилы костоправа (а костоправъ той славься на всю округу). Отъ и привезлы його у Иржавецъ. Зробывъ винъ, що знавъ тимъ ногамъ Устынымъ и попрочавъ одвезты його назадъ. Запрягли коня, и сама Устя налагодылась йихаты зъ нимъ. Це було дуже рано, удосвита. Йидучы черезъ иржавську греблю, дидъ штовхнувъ ликтемъ Устю и показавъ рукою на берегъ. На берези стоялы дви жинкы, а коло йихъ несчылenna сыла усякого гаду.

— Ото бачышь тыхъ жинокъ,—то дви видьмы доучуються видьмыты, а ту гыбиль гаду, що коло йихъ, бачышь,—безъ того гаду навчытысь видьмыты не можна.

Устя съ переляку заплющыла очи и мерщій погнала коняку. Усю дорогу вона боялась балакаты съ костоправомъ, навить глянуты на його не насмилялась.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

---

176. Въ науци у знахаркы.

Давно колысь, ще за паншыны, у насъ такы въ Иржавци та жыла моеиѣ бабы баба—Рыхвенка. Багацько де чого волошебного знала вона, а тымъ и ославылась навкругы, якъ найкраща знахарка й шептуха; люде до нейи такъ и риулы, такъ и риулы за всякымы порадамы. О, вона була дуже знахоровыта людына!—усимъ помагала, а кого, то й навчала де чого. Одного разу прыйшла до Рыхвенкы моеиѣ такы бабы свекруха—Хвесья та й прохае:

— Навчить мене, бабусьо, хочъ де-вѣ-чимъ знахоруваты!

— Добре, моя дытыно, навчу,—вже кого-кого, а тебе навчу—я стара людына, день мени вику, та воно й не потрибне вже мени,—хочешъ, я видьмуваты навчу тебе?

— То й навчить,—одказала Хвесья,—а за се я вамъ дурно не схочу, шось та перекрыну.

Отъ баба Рыхвенка й каже:

— Пиды жъ ты спершу на базаръ та купы нового горшка, намитку и съ пивъ моташкы заполочи,—тыльки жъ гляды, не торгуйся ажъ ни трошкы, щобъ не заправылы, те й давай. Якъ все це вже здобудешъ, тоди й прихоть до мене, та тыльки на ничъ.

Хвесья все такъ зробыла, якъ велила Рыхвенка и одного вечора прыйшла зъ покупкамы до нейи. Рыхвенка поралась коло вечери и звелила Хвеси посыдиты покы шо. Незабаромъ Рыхвенка упоралась. Насыпала вечерять, повечерялы усн, и дидъ—старойи такы чоловикъ—полизь соби на пичъ, а вони, обыдвн, взялысь мыскы та ложки мыты. Якъ почувла Рыхвенка, шо старый вже хриць, вона штовхнула Хвесью та й каже:

— Ходимо, моя дытыно зо мною! Якъ разъ гарна по-

ра настала, теперъ нигде вже й никого немає на шляху, безпечно буде йти,—ходимо на гробкы!

Выйшли на двирь, а на двори хочъ въ око влипы, такъ темно. Идутъ вони по пидъ тынню, а Рыхвенка й каже:

— Гляды жъ, щобъ за однимъ духомъ набрала писку въ горшокъ на гробкахъ, бо якъ не наберешъ за однимъ духомъ, то дило не вгорить.

Прийшли ото вони на гробкы. Хвесю такъ страхомъ обгорнуло, шо якъ набирала того писку въ горшокъ, и нигъ не чула пидъ собою, такъ ии трусьюло—навить согришыла килка разивъ. Якъ вже нагребла писку, тоди Рыхвенка звелила Хвеси, щобъ вона обвинула той горшокъ намиткою и обявала по пидъ винцямы намитку заполоччу. Зъ гробкивъ пишли вони прямо до ричкы—на Пылявську греблю, шо була ще колысь за пана Янька зъ невеличкымъ млынкомъ. Надійшовшы до самойи ричкы, Рыхвенка й каже:

— Хвесю, я хочу все свое знахирство здаты на тебе, бо я вже совсимъ нездуженна до сього, а ты людына ще молода и кремезна.

— Навищо воно мени здалось!—ажъ крыкнула Хвеса,—мени тилькы хотилось знаты, якъ заговорюваты панивъ, та де яки шепты одъ пошестивъ... всього мени не треба знаты, цуръ йому, пекъ!...

А Рыхвенка и каже ййй:

— То було бъ же такъ и казаты, шо не хочешъ, а теперъ вже ничего не поможеться, мусыщъ те робыть, шо скажу: розвзуй горшыкъ та скидай намитку зъ його й накынь йййи соби на плечи!

— Ой, матиико, не хочу, я цього, нехай йому ледащо!—крыкнула Хвеса и кынула намитку, заполочъ та горшыкъ зъ пискомъ додолу, на писокъ. Якъ упало все те дьво коло ричкы, то вода такъ и зашумила, и заклекотила у ричци, мовъ у лотокахъ, або де инде.

Хвесья стояла сама не своя и трусылась съ переляку, якъ одь пропасныци.

— Ну, про мене, якъ не хочешъ, то й такъ буде,—якось сердыто промовыла Рыхвенка:—визьмы жъ писку зъ горшка, та, прынамне, сыпны разивъ два у воду!

Хвесья съ переляку не знала, що й робыты—вона то въ той, то въ другый бикъ нобы порывалась бигты, дали нахылылась до того горшка, достала писку, та—порось, порось! нымъ у воду. Якъ глянула жъ вона на берегъ, а тамъ—ажъ кышыть, ажъ шыпыть увесь берегъ гадомъ... та ще й якымъ гадомъ—якъ полоззямъ! Юртується той гадъ, лазыть одно на одного й до Хвеси наблыжається... Якъ закрычыть вона, якъ завершыть на все горло, та звидтиль мерщій—хода до дому... Съ того часу цилый мисяць вона не вставала съ постели, ажъ занедужала съ переляку. До Рыхвенки не тилькы сама бильшь никола не ходыла, а й другимъ заказувала не ходыты и не вчытысь усякыхъ хымородивъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

177. Одъ видьомъ.

1. Щобъ видьмы не ходылы до коровъ, треба нарвать на Ивана Купала конопель и поховаты у хливи. Тымы коноплямы выганяты коровъ у пастушьи якъ женуть, видьмы будутъ пидходыты и просыть оддать конопли.

Ще годыться у сей день нарвать кропывы и поставыть круга виконъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

2. Якъ видьма видбере молоко, то добре пидкурюваты корову зиллемъ священымъ на Ивана, робыты па-

ру зъ цыганськихъ жужливъ або зъ назбираного зъ дороги каминня.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

---

178. Якъ побачыты видьму.

1. Щобы видьму бачыты, треба засидаты на ню у велькый четверъ, або ще липше на Юря, бо тогды найбильше видьмы шастаються.

2. Якъ трафыться полино, що мае у соби сукъ, то якъ той сукъ выпадзе, треба подывытыся черезъ дирку, то тогды абы яка видьма, то мусыть показатыся.

№№ 1 и 2—Восточна Гадычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

3. Якъ хто умре на заговины на маслену, то выберы у трискахъ изъ труны таку трисочку, щобъ була дирочка одъ сучка, и якъ подывышыся у тую дирочку—побачышь усихъ видьомъ.

4. Наличы трейчи по девъять голокъ, положъ на сковороду, налий молокомъ и уставъ у пичъ. Якъ такъ зробышь, видьма прыбизыть до тебе у хату.

5. На Велькдень, якъ обійдуть на утрени круга церкви и стануть уходыты у церкву, треба де небудь недалеко стать и дывытыся, колы хочешъ побачыть видьомъ. Воны будуть уходыты позаду усихъ, и кожна буде цилуваты у замокъ.

№№ 3 и 4 (с. Выбли Черниг. у.) № 5 (Рыльскій у. Курск. г.) записала М. С. Чудновская.

---

179. Чымъ видьма являється.

I. Видьма людыною.

А. Разъ одинъ чоловикъ пошовъ гулять, ажъ бачыць, шось попередъ його иде вродли чоловика, дакъ винъ ставъ його наганяць, а далей каже: «Чоловиче, подожды мене!» А воно мовчыць, дакъ винъ тоди бигомъ за нымъ, а воно навпроты його да давай його давыць, а чоловикъ не могъ промовыць слова, а далей давай чытать молитвы, дакъ воно и пошло одъ його, и винъ николи того уже не бачывъ. Се видьма.

С. Выбли Черниг. у Записаль ученикъ нар. школы Иванъ Новикъ.

Б. Одного разу чоловикъ ишовъ изъ гульни; да тильки що дойшовъ до Павла, ажъ шось у хвортчку иде, глядь—видьма, да за йимъ, а винъ не вельмы испужався, да давай ламать колокъ зъ плетня, а вона и иде до його, дакъ винъ на ейи замахнувся колкомъ; а видьма все такы на його лизе, тоди чоловикъ куды выдно и утикъ.

Записаль ученикъ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

II. Видьма овечною.

Чотыри годы уже пройшло, якъ бачывъ я сюю нечысть. Гулялы мы несилля якъ разъ на святу недилю. Проты четвертого дня святойи мы упьятьохъ, пьяненьки правда, такъ якъ опивночы ишлы по домамъ изъ весильного дому. Колы дывымосъ, бижыць по улыци проты насъ чорна овечка; мы за нею; колы изъ овечкы зробывся чоловикъ; мы й за нымъ; винъ тоди якъ чкурне, тилько його й бачылы,—хто його зна, де винъ и дився. По моему то буда видьма.

Отъ рабочаго Платона Бартоша (неграмотнаго) въ с. Свѣтильномъ Остерскаго у. Черниг. губ. И. Е. Кошоваль 1899.

III. Видьма щенягъ, сороною.

У насъ у Куликовци у одного чоловіка, звѣнягте, отелылась коровка, ну чоловікъ и жинка сѣдять ждуть, щобъ узять телятко у хату. Колы дывляться, де не возьмысь шеня, та туды жъ до коровы. Воны и байдуже, думалы, шо мо сусидське. Забралы телятко и коровку погналы у хату—и щенятко слидомъ. Уходятъ у хату, колы уже изъ щеняты та зробылась сорока. Поймавъ чоловікъ ту сороку и выйнавъ йій ножемъ око; колы передъ йимъ уже жыдовка Юдыха, и кровь бижить изъ ока. И давай тоди жыдовка кланяться чоловіку та просыть, щобъ винъ никому не казавъ. «На, каже, тоби пятьорку, та здилай мылость не росказуй!» Узавъ той чоловікъ пятьорку, а на завтра и росказавъ людямъ, якъ було дило: «Оде, каже, у мене пятьорка и Юдыхине око: бережиться йи, бо вона видьма. Одговарувалась, одговарувалась Юдыха: «Се я, каже, сама себе шпырхнула у око, розбиравши курку», а дали одъ сорому и зовсимъ убралась изъ села.

С. Куликовка Черниг. у. отъ М. Ревкиной М. С. Чудновская.

IV. Видьма собаною.

Одынъ чоловікъ ишовъ, а сучка йому на плечи скуокнула и лапы поклала. Вуонъ узавъ за лапы и несе и такъ лехко, шо и не пудсовуе. Ньюсь, нюось, а тоды вона выковзнулась, скуочыла за плуотъ ще й зареготалась. А моейи хреснойи маткы батько, такъ той у хату внюось и хотѣвъ лапы поодрубовать, такъ вона зробылась жуонкою. Ще й яка жуонка—кума його. Стала просытсье, такъ вуонъ и пустывъ. Такъ у його не можна выковзнутсья, бо серга золота у вуси.

— Значыть у кого серга у вуси, у того не выковзнетсья?

— Ніѣ, не то шо серга, а въ кого золото е: хочъ

серга, хочь перстинь золотый або гроши, такъ у того й не выковзнетсе.

С. Жевсь Черниговск. у М. Н. Гринченко.

Вариантъ разсказа о явленіи вѣдьмы собакою, записанный П. Косменко въ м. Понорницѣ Кролевец. у. Черниг. г. находится въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 г., № 17, стр. 113—114. Приводимъ его оттуда, какъ изъ изданія сдѣланшагося библиографической рѣдкостью.

Нѣ добродію, що не гомонѣть, а нечиста сыла пахождае таки помежь народу! Отъ, недалека кажучи и теперь ище живѣ чалавѣкъ,—нехай йому легка згадаеще!—на *Пиваравацѣ*...*) якъ бу його? Дай, Боже, дураку память!... Салабай!... Ишовъ, каже, разъ позвенька адъ Шендрика, да вже звѣсна, якъ идуць адтуля,—геть-геть пудъ чаркою, колы оттамъ, у Грицаевой юлочци, вадкуль не вазьмись сучка йому на плечи... «Э!—каже,—знаемъ, що се таке! пастой же бѣсова ведюга, я тебе адучу народъ лекать!»—взявъ за лапы да й несе,—думка: дома распитаемось! Звѣсна, въ сущи вагата не велька, а то, каже, неначе сто пудовъ... «Дарма жъ, буду несты,—дума Салабай: нехай и шлунки заблять, дарма, а данесу!» Такъ то вѣунъ думавъ, да не такъ вышло. Бѣсова вѣдюга постерегла, що вѣунъ йийи несе не на размову, да давай, каже, и сюды, и туды... «Э! нѣ, дудки, не въ такіе руки попалась, щобъ выкрутыця!»—да маторнѣй дадому. Що жъ вы думаете? пересадыла, каже, морду черезъ плечи да й лызъ езыкомъ по щечи, що ажъ въ очахъ позеленило. «Дарма,—каже,—донесу!» А вана його вдруге... втрейте... Салабай и свиту не вбачивъ да въ усихъ чатырохъ шибиряхъ объ землю. «Бѣулшъ ничего,—каже и не знаю...». Люде на завтре гналы череду, дакъ пуднелы його, а шкуры на щечи наче й не було,—и теперь ще шрамъ видны!

*) Часть мѣстечка.

— Раскауйте, добродію,—выдумавъ! Хай бы се выдумавъ одинъ Салабай, а то жъ скыльки народу все одно да одно раскауютъ. Злучаетце зъ нашимъ братомъ, що иногда и лышню выпьешъ, и пудъ плотомъ заночуешъ, а все жъ такы бува шкура на пыци цѣла.

— Вано такъ, вистымо, злучай злучаю розъ, да про сыхъ проклятыхъ віѣдамъ знае й старе, й мале, и куды не пайды—все те жъ гомонять, що вони апавночи то въ клубки, то въ свиней, то въ сучокъ перекидаютце та коровъ доеть. Ярчукъувъ даветъ або людей лекають, або ще й иншіе капосты робеть. Нѣ такы добродію, нѣчого, е вони, проклетушійн, на свѣти. То що вы ще мало на свѣти живете,—поживете болшъ дакъ може—въ добры часъ поговарить, а въ лихы помовчатъ,—и вамъ злучитце пабачить йихъ нечистыхъ.

V. Видьма сытомъ, пранымомъ, котомъ.

Видьма чымъ хоче, тымъ прокынеся: сытомъ, праныкомъ або котомъ.

Восточна Галычына. Болекивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

VI. Видьма полотномъ.

Вы сміетесь, шо мы вирымъ у видьмы, та у инше, а шо жъ бы воно було таке ось хотъ се. Иду я разъ у обходъ, дывлюсь—середъ вулицы роскынуто красне полотно. Се, думаю, не къ добру. Узявъ я та палкою и одкынувъ полотно, пройшовъ и дывлюсь. Ничъ була видна, мисяшна. Дывлюсь, нема коло мене никого и ніякого полотна нема. Такъ якъ бы се не видьма—де жъ бы воно дилось? И я не пъяный бувъ, щобъ, скажете, мени замыгало у очу.

С. Выбли Черн. у. Отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

VII. Видьма стиною.

Икъ разъ у опивночь, колы саме ходять видьмы, одинъ паробокъ вертався изъ вечерницъ. Тилькы шо

винъ повернувъ у вузеньку вулочку, шо по надъ болотомъ, колы передъ йимъ била, блыскача стина и загородыла собою дорогу.

Постоявъ паробокъ килькы тамъ уже, а тоди якъ розженеться, да у стину; такъ вона и розійшлась на два боки, а парабокъ, мовъ полотно, прыбигъ додому. С. Выбли Черниг. у. Отъ Васылысы Шульгиной М. С. Чудновекая.

180. Черезъ видьму убывъ чоловіка.

Ишли два чоловіки изъ шинку, колы жъ откуля не возьмысь— видьма, та й скочыла на плечи одному чоловіку. Другый, побачывши сее, хопивъ ломаку, та й давай ййи быть. А люде жъ, бачте, кажуть, шо видьму такъ прямо нельзя быть, а то не попадешъ, а треба, щобъ попасты, быть ййи тинь. А той чоловікъ та сього не знавъ: бье, та й бье видьму, не знае того, шо виинъ не ййи попадае, а чоловіка, та такъ и убывъ бидолагу.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Емел. Лукаша М. С. Чудновская.

181. Видьмы на Велыкдень.

— Може въ городи й нема віѣдюомъ, ну, а въ насъ есть. Оце на Велыкдень на всюношній якъ идуть круга церкви,—якъ уже до Хрыста дочытаютьсе, та тоди й идуть—такъ душъ коло двадцяты мужыкуовъ батюшку бережуть, щобъ вони за рызы не тягали.

— Кто?

— Та віѣдмы жъ.

— На шо жъ вони тягають?

— Значыть такъ йимъ треба.

— А вы бачылы?

— Вже жь бачыла. Такъ идуть люде круга церкви, а коло батюшкы мужыкы й парубкы. Парубкамъ особливо цікаво ві́дуюмъ одштовхувать та быты. Такъ оце вони лі́зуть, щобъ такы лапнуть за рызы, а парубкы якъ потурять изъ схуодцовъ та бьютъ! А всі́ люде дивляються, кого бьютъ. А вже впросли лаються бабы:—Ты сяка-така, тоби толькы попа за рызы тегаты!—И ще вони вспі́шаються, шобъ попередъ попа за клямку въ церкви лапнутьсе. Двери жь зачынени, якъ круга церкви пойдуть, а якъ пудходять уже до дверей, такъ вони й бижать, шобъ попа попередыты, ну, й ихъ мужыкы та парубкы й потурять одъ дверей. Знаете, яка штука разъ була: ота баба, шо я казала, шо якъ умерла та прыходыла въ ступи товкты, такъ, значыть, вона лі́зе, шобъ потягты попа за рызы, а сусі́да одштовхнувь йі́ та й каже: «Шо се, всі́ будемо попа за рызы тегать»? Ну, вона мовчыть. Отъ повходылы въ церкву, поставалы. И та баба стала коло того сусі́ды. А въ його коло верхнихъ штануовъ було два кгудзыкы та такъ крі́пко вшыты. Постоялы, а вона йому й каже: «Хведоре, а шо це, всі́ будемо штаны пудтягать?» Вуонъ глянувь, ажъ штаны опалы. А якъ же крі́пко были кгудзыкы вшыты. Такъ вуонъ тоди каже: «Теперь уже не буду й ихъ чі́паты,—хай йимъ усячына».

Ну, теперь уже не такъ стали, якъ одну добре повчылы. Лі́зе та й лі́зе, такъ йі́ якъ штурхонулы изъ сходцуовъ, а тоди ще й набылы добре та й положиы у хаті́, у сторожці́. А тоди просли службы сказала сынови йі́ вже:

— Запрежы коня та заберы матку, а то вона впала та забыласе дуже.

Не хочуть уже, значыть, йому казаты, шо вона ві́дьма, та такъ и кажуть. Такъ не менчъ якъ неді́ль сі́мъ не вылазыла съ постели просли того.

— А батюшка знае, шо його бережуть одъ видюмъ?

— Звісно знає.

— А може жъ и не знає?

— Ніѣ, знає. У насъ у хатіѣ чоловіккъ одинъ, Микола Семеновъ, казавъ, що батюшка йому колысь казавъ: «Спасибѣ вамъ; господа, шо бережете мене, а то булы бѣ звалылы мене бабы».

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1899 г.

182. Видьма на процессіи.

Якъ зъ процессією обходять церкву, то видьма николы не може тры разы обійты, якъ други обходять, лышь прыпреса до паркана та й чекає, ажъ обійдуть.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

183. Видьма вночи видьмує.

Не знали дивчата, шо баба Палажка видьма, та й пошлы до йїи на досвиткы. Прялы тамъ вони, щылы до пивночи и збиралыся уже ложыться спать, щобъ ще и вранци устать на роботу. Не успылы вони полягати, колы уси четверо дверей зразу одчынылысь, мовъ бы йихъ одчыныла нечыста сыла. Баба стояла середъ хаты. Перелякани дивчата глянулы на нейи, ажъ изъ ейи сама спала одежа и баба страшка зъ распатланымъ косамы, зъ страшенно скрывленимъ выдомъ, зъ пиною на губахъ, хопыла рубель и качалку и давай бигать по хати. Дивчата зъ переляку не знали, шо робыть; екъ бы не мій батько, котрый ту ничъ бувъ обходчыкомъ, то вони бѣ мо тамъ и повмиралы. Батько, побачывшы сее у викно, гукнувъ дивчатъ и прывивъ ихъ до насъ ночувать безъ платкывъ и безъ юпокъ, бо зъ переляку вони и одежи одшуралысь.

С. Выбли Черниг. у. Отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

184. Видьмыне молоцо.

Выслужывъ москаль двадцать пъять рокивъ, колысь же бачъ служылы двадцать пъять годъ, и ишовъ додому. На ничъ зайшовъ винъ до одніеи бабы. Тилькы у оливночь вернулась баба додому. Москаль не спавъ и бачыть, якъ почала вона блевать, такъ молоко зъ ййи и лизе у тазъ, а у послідній разъ якъ блюнула, то ажъ загорилось. На завтра и подае вона москалю тее молоко.

— Ни,—каже москаль,—не хочу.

— Не хочешъ, каже, а поглянь, килкы молока, нема, каже, тиейи коровы, щобъ я не подоила.

— Ну,—росказувавъ потимъ москаль,—и родывсь, и хрестывсь—не бачывъ такойи видьмы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

185. Видьма продае масло.

Оця баба, що у осень умерла, кажуть була видьма: дойила чужыхъ коровъ.

Понесла вона разъ на базарь масло прѳдаты, а панъ и затрымавъ ййи съ тымъ масломъ.

— Що се,—каже,—ты за масло таке продаешъ?—та за його та у польщю.

А баба скоришъ мижъ люде и утекла.

Несе панъ тее масло у горшку, а воно, кажуть люде, такъ изъ горшка и летыть, скано видьма: изъ чого вона його не робыла! Не знаю уже, чы донисъ панъ його скилькы небудь, чы мо такъ усе и повыскакувало.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Анастаси Шульгиной М. С. Чудновская.

186. Вудякове масло.

О, есть люде та ще й не абы яки знаючи. А отъ хоча бѣ и се. Одынъ панъ та найнявъ поденныхъ робитныцъ на своихъ харчахъ. Отъ, вырядывъ винъ йихъ на поле, давъ йимъ хлиба, а до хлиба хоча бѣ що небудь,— хоча бѣ цыбулыну, гирочокъ, чы то солы дрибокъ, або що. Отъ якъ прыйшла обидня пора, посидалаь уси у кружокъ та й давяться тымъ черствымъ однимъ хлибомъ. Йидять соби мовчки, а одна зъ жинокъ и каже: «Ну, та й скупа жѣ наша пани, ажъ ничогисинько до хлиба не дала; смѣ коривъ на обори мае, здається, не зубожила бѣ, колы бѣ маслычка хочъ трохы дала». Друга молодыця, почувшы се, пидвелася и пишла соби геть на бикъ одъ гурту; пидйшла вона до будяка, шо цвивъ било, та й почала за верхню квиточку його крутыть. Такъ крутыть, такъ крутыть, а дали пустыла ту квиточку, нагнулася и взяла съ пидъ будяка здоровенну грудку масла. Прынесла те масло до гурту та й каже: «Йнжете на здоровья!» Взялыся уси лусомъ до того масла и ажъ онъ якъ поналуплювалысь, тилькы воду попывають та дякують тйй молодыци за масло. Увечери робитныкы позиходылысь у двиръ до пана, а пани и хвалыть-ся йимъ, шо бильщъ двохъ годынъ удень колотыла масло й хоча бѣ ознаку бачыла, шо воно злиплюється у сметану—не кажы, шо сыроватку бовтала. Позырнула та жинка на всихъ молодыцъ, пидморгнула йимъ, а вони ййй та й мовчять соби—догадалысь, де дилось те масло, шо пани цилый день войтузылася зъ нымъ. Онъ бачыте, яки люде трапляються! Отъ же розкажуй теперешнимъ молодымъ жевжыкамъ про се, то вони ще й не поймутъ виры, на кглузы пидймутъ.

187. Завитка и видьма.

Пишлы люде жаты, колы у жыти завитка. Полякальсь воны, бо завиткы роблять на смерть, або на яку небудь пакость. Кынувсь чоловикъ по батюшку. Пришовъ попъ и тилькы шо хотивъ вырвать завитку, колы летыть видьма на крылахъ и давай просыты, шобъ попъ не чытавъ молитвы и не чипавъ завиткы; «Я, каже, вамъ бочку молока прынесу». А потимъ хватыла борону, та шо вона ййи попотягала, та попопросыла, та тилькы ййи не послухалы.

С. Выбли Черниг у. Отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового ОГНЮ,

Якъ дивкы й хлопци поросходьмыльсь одъ купала, товаришъ мй и каже: «Вернимось до купала, та будемъ бачыть, якъ видьмы попрыбигають за попилемъ». Вернулись. Пождали коло купала, шо уже стало затухать. Товаришъ мй держыть у руци лозынку. Колы бижыть видьма, та тилькы шо хотила хватыть попилу, а винъ ййи лозынкою, такъ вона и одскочыла. Тоди друга прыбигла, хотила хватыть попилу, товаришъ и ййи лозынкою. А третя бигла, та ажъ пина зъ рота, та шо вона попоскакала круга купала, шобъ ухватыть попилу, а товаришъ усе лозынкою, лозынкою, ну и не допустывъ ни одну.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Маркела Непомняшаго. М. С. Чудновская.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка, що на заговини варють.

I.

Одного году молотывъ я въ чужомъ сели. Заговлялы на пистъ. Кто, пытаю, хлопци, хоче побачыть видьму, оставте у роти сыру. Посміялысь, а я усе такы сыру за губою оставывъ. Полеглы спаты. И сныться мени, шо якась жинка просыть оддать йій сыръ. Прокынувсь я—нема ничего; заснувъ зновъ, и зновъ мени сныться сее саме, а потимъ и утрейте. Давай я тоди будыть хлопцивъ: уставайте, кажу, бо видьма одыма у мене сыръ. Уже и на зору почало займаться, повставалы мы. Вынявъ я зъ рота сыръ и завъязавъ у поесь. У обида дывлюсь—бижыть дядьковъ сынъ Антонъ: «Иды, каже, скоришь додому—жинка зовсимъ умирае». Шо воно думаю таке, мо се такъ видьма зробыла? Вынявъ я сыръ изъ пояса, щобъ ще бильшь не драгувать видьму, засунувъ у шиль и побигъ додому. Черезъ килькы день я зновъ вернувся до хазяйина, кынувся сыру, а його и слидъ простывъ: видьма украла, щобъ я на Воскресеніе йихъ усихъ не побачывъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ефима Ювенка М. С. Чудновская.

II.

Якъ липлють вареныкы на заговини, такъ треба першый якосъ намитыты, а якъ зварыться, то высушыты його и увесь пистъ носыты въ пояси.

На Велькдень, идучы до утрени, положи його за шоку. То видьма пидійде, торкне за плече и прохатыме: «Дай мени вареныкъ!» А йій треба сказаты: «Дай немняный рубъ!» Вона довго не даватыме, а тоди такы дасть рубъ той за вареныкъ. И того рубля вже чоловикови

на весь виць стане, абы тильки не купуваты одразу на весь. Треба такъ, щобъ хочъ копійку здачи зъ його взяты, то й вернется уп'ять. А якъ не взяты здачи, то вже не вернется.

Богодук. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

190. Видьма краде нехрещену дытynu.

Якъ бы на двирь кинувъ нерозвязане помело, то прийде видьма и выдуге зъ його видьмину, а потому кобы де лишъ захопыла нехрещену дытynu, то заразь пидминяе. Тому докы дытна нехрещена, мусыть свичка гориты въ хати.

Восточна Галычына. Болахивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

191. Видьма выплюе часточку.

На першому тыжни велького посту у субботу килькы чоловикъ у церкви бачылы, якъ одна жинка и клопещ, вапрычастывшысь, выплюнулы зъ рота прычaste, и часточки св. Тила зробылись пчилкамы и пиднялысь угору.— Я чувъ, що такъ роблять охотныкы, щобъ на охоти була йимъ удача, а жинка зробыла се видно тому, що була видьма.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Маркела Непомнящаго М. С. Чудновская.

192. Видьма здіймае зиркы зъ неба.

Якъ була я у Мошнахъ въ монастыри, то ось яке дыво розказувала мени квиткивська молодыця про тыхъ видьомъ. У нашимъ,—кае,—сели, у Квиткахъ такы, та живе одна жинка, що здійняла зъ неба зору тымъ пив-

миткомъ, що не скидався зъ мотовыла у си велькодни святкы. На нейи такы подейкувалы у си селяне,—кае, що вона була, не при хати згадуючы, видюга добра.

Отъ вона,—кае,—здійняла його на Хомяну недилю, увечери, та такъ якъ опивночи выйшла на двиръ, —а зори, якъ ти золоти цяшечкы блищать на неби,—махнула тымъ пивмиткомъ и збыла одну зирочку. Узяла ту зирочку, поклала ййи у новий горшокъ, накрыла покрышкою, однесла у погрибъ и поставыла на масли, а сама пишла на роботу. Удень ййи та сусндыны диты гралысь соби у пижмурокъ (певно ховалысь и у погребѣ), та й зняли съ того горшыка покрышку. Колы се,—кае,—якъ заблыщыть усюды, якъ засяе, то не кажы, що пожежа, хай Богъ бороныть, де трапылась! Зирочка вылетила зъ горшка, пиднялась геть надъ оселямы и полетела на небо. Есть гаспыдськи волошебныци, що й зирочки за ными не вдержаться—тымъ то йихъ и поменчало теперь на неби. Що хочте кажить, а теперь йихъ далеко менче на неби стало, нижъ колысь було, якъ я ще зазнаю!

Каневскій у. Записаль В. Ф. Степаненко.

193. Видьма боиться йирчука.

— Ну, нехай уже й немае віѣдьомъ, нехай то такъ бабы одна до одной ходять коруовы доиты, а все жъ за йимы не можна собаки йирчука вдержаты. Отъ уже такъ добре знаю, що муой братъ у хатѣ йирчука державъ, щобъ не задавыла віѣдьма. Міѣсяцуовъ тры державъ, и такый уже гарный, здоруовый собачка ставъ. Тоды вже куды жъ його держать, якъ уже йому міѣсяцуовъ тры,—выпустывъ, а вона, проклята, йому куосткы й потрошыла. Якъ бы маленький, такъ задавыла бъ, а то чысто куосткы въ суставахъ потрошыла. А оце въ осень

якъ я додому ходыла, такъ росказувалы на вечорныцяхъ, шо тамъ до одного чоловіѣка прыйшла пудоѣ повіѣтъ така въ кожусіѣ и косы распатланы, та й заходылась йирчука давить и задавила. А невіѣстка угледила та й впознала ту бабу та на зоввыцю:—Ходіѣмъ!—А вона така небоязька. Побіѣгли вони городамы и прыбіѣгли швидчей за ту бабу. Колы вона йде у кожусіѣ, распатлана. Увойшла у хату, а вони у вонно дывлютьсе. А вона кожухъ искинула и давай косы пудбирать пудъ чепокъ. Такъ вони дома росказалы, та й просять, шобъ никому не росказувалы, шобъ не сердылась вона, значыть. Такъ хыба жъ Иванъ, парубокъ йихъ, утерпивъ?—Побачывъ йийи да й каже: «А ты, стара сучко, на шо мого собаку задавила»? Такъ мовчыть.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

194. Видьмы возылы видьмака.

Жывъ соби такый чоловикъ, шо знавъ усикъ видьомъ и казавъ про йихъ людемъ. Узлылысь видьмы на сього чоловика, прышлы разъ до його уночи, а вонъ да спавъ на вози, и вывезлы його на ростаньки. А чоловикъ сей бувъ видьмакъ и зробывъ такъ, шо видьмы не можуть одыты одъ воза. Простоялы вони тамъ цилу ничъ, уже и на зору стало займаться,—бабы погналы до череды, а вони усе стоять коло воза. Тоди уже якъ уси люде побачылы видьомъ, чоловикъ пустывъ йихъ додому и сказавъ, шобъ вони не доймы чужыхъ коривъ.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Якова Вишневецкаго М. С. Чудновская.

195. Дядько Хведоръ знахарь.

I.

Ну, дядько Хведоръ, чы винъ видьмакъ, чы колдунъ, чы хто його знае: що захоче, то и зробить. Чы скотына захворіе—поклычуть його, винъ подывыться, та щось пошепче—и пройде; чы зубы заговорыть—до вику не будутъ болить. А що зупыныть млынъ, або коней, такъ йому якъ разъ плюнуть. И що воно таке за чоловікъ, и чого винъ тильки не може зробить!.. Оце недавно йхавъ якыйсь панычъ на ласапеди. Дойхавъ до кузни, а тутъ и дядько Хведоръ стоявъ, та й каже: «Оце якъ летыть!» Такъ заразъ панычъ и гепъ зъ ласапеди; сивъ, та й зновъ гепнувся и такъ килькы разъ: якъ сяде, такъ и злетыть. А дядько стойть и усмихається. —Се ты, дядьку,—каже панычъ,—вядно зъ мене пошутывъ?

— А ну жъ сядьте, каже, якъ вы на сій машыни йиздыте?

Тоди панычъ сивъ и уже бильшъ не падавъ, а такъ и побигъ, тильки дзеиькае, щобъ диты утекалы зъ дороги.

Такъ онъ якый дядько Хведоръ! Винъ мабутъ бы и чугунку, що коло Муравейки, зупынывъ. (Записано отъ школяровъ).

II.

Ни, такы не кажить, а Хведоръ багато де чого знае: онъ и млыны, и машыны ти, що на двоухъ колесахъ йиздыть, зупыняе, а разъ и намъ було, що прышлоь стать середъ дороги, чого й шо. Се було якъ Хведоръ отдававъ небогу у Ковчынъ, и йхало насъ шиснацять пидводъ зъ подаркамы. Хведоръ йхавъ позаду и крычавъ намъ, щобъ мы зъ чоловікомъ пидождалы, а мы не послухалы и пойхалы.

— Ну, погуляйте-жъ—каже винь,—не подождали—усе равно заразь остановытсь.

Колы жъ икъ разъ якъ сказавъ, такъ намъ и случылось. Йидемъ мы по ровній дорози, колы вразу визъ нашъ якъ пидскачуть, мовъ бы хто його пиднявъ, колесо спало, и мы попадады.

— А шо,—каже Хведоръ, здоганяючы насъ,—я казавъ: погуляйте мене, а то усе равно остановытсь, вы не хотилы—отъ и стали. (Отъ Насти Шульгиной).

III.

Йихалы мы зъ поля. Дойизжаемъ до млыновъ.

— А шо,—каже дядько Хведоръ,—хочете щобъ сей млынъ замоловъ на другый быкъ?

— А нужъ, ну,—кажемъ,—зробить.

Дядько ничего и не робывъ, а тилькы глянувъ на млынъ, и винь замоловъ на другый быкъ. (Отъ Орины Непомнящей).

IV.

Чыстылы мы одного году болото и землю возылы на ныву. Дойизжаемъ до мосту, шо пидъ селомъ, колы йиде дядько Хведоръ, глянувъ на наши кони, такъ вони й стали. Былы, мы былы, та ничего не вראдымо—не рушать кони зъ миста, хочъ ты шо хочъ, наче шо пидъ колеса пидложено.

— Возьмить,—каже дядько,—розпряжить, та переведить коней черезъ дугу.

Мы такъ и зробылы: перевелы черезъ дугу, запряглы, и тоди кони повезлы не весьма важкый возъ зъ землею на мость. (Записано отъ Клима Новика).

V.

Узявъ я ружже та й иду, колы стрекаю дядька Хведора.

- Се ты, каже, за утками.
— Эге, кажу, пиду чы не вбью чого.
Идемъ умисти.

- А ну,—каже,—покажь ружже.
Я здуру й давъ: нате, кажу, подывиться.

Подержавъ винъ и отдавъ, а самъ звернувъ у пасику. Иду я, колы летыть циле стадо утокъ, я выстрельвъ—не попавъ, зновъ выстрельвъ и зновъ не попавъ. И такъ икразь цилый день: птыци багато бачывъ, а що выстрелю—не попаду. И такъ уси кажуть: якъ тилькы дасы дядьку Хведору подержать ружжа, ну и не жды добра,—зроду не убъешь. Та що про птыцю—колы повисыть картузь, або держать руку на десять ступеней, и не попадешъ! (Записано отъ К. Новика).

VI.

Дуже добре було у насъ ружже: багато наши охотныкы побывалы йимъ усякойи дычи. Прыходыть разъ до насъ одинъ чоловикъ. Балакалы про те, про се, а дали винъ и каже:

- Продайте—каже,—мени ружже.
— Э, ни,—каже старый,—ружжа я свого не продамъ.
— Ну, не продасте, такъ стреляйте йимъ сами,—одказавъ той чоловикъ, Хведоръ, и пишовъ зъ хаты.

Такъ ружжа и не продамы, та тилькы воно перестало убывать птыцю. Оце було стреляють, стреляють, пиръе такъ и сыплеться зъ птыци, а сама летыть далей и ни однюсенькойи и не убылы съ того часу, покы не одвезлы ружже у городъ до майстра, и винъ не розобравъ його, та не повставлявъ усе нове. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VII.

Йихалы мы разъ ловыть рыбу ситкою. На улыци стрекаемъ дядька Хведора, того, шо серчавъ на насъ за ружже.

— Не йидте, каже вишь, бо усе равно ничего не піймаете.

Мы не послухалысь, пойихалы, думалы, а мо що небудь такы піймаемъ. Та ни, уже якъ дядько сей скаже, такъ тому и быть.

Багато разивъ мы закидали ситку и ни одніей рыбки не бачылы: скрутыться ситка такъ, наче йійи рукамы хто крутывъ, та такъ и вытягнемъ ни съ чымъ. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VIII.

Пишла я у гай по грибы, прохожу мимо пасику, та якось то и не сказала дядьку Хведору, що сядивъ коло будки,—здрасуйте. Походила трохи по гаяхъ, ничего не набрала и бижу додому, бо дома диты сами. Та що зо мною таке сталось?—Не траплю до села, та й годи: похожу, похожу, та й зновъ неначе хто мене назадъ поверис. А гай же нашъ и невельчкый и икразь пидъ селомъ. Ось и церкву на гори выдно, и село, а нїякъ не дойду. Водыло такъ мене, водыло и привело до пасику.

— Здрасуйте,—кажу теперъ уже,—дядьку!

— Здрасуй,—каже,—ну сядь же,—каже,—молоднице, оддышь, мо ты утомылась.

Я такъ трошки посыдила, и тоди уже неначе очи мени одкрылысь, и пишла прямо додому. (Записано отъ Леусовой).

Въ с. Выблихъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

196. Видьмакъ занапастывъ чоловика.

Одынъ чоловикъ косывъ съ половины сино, та й перекосывъ. Росердывся той чоловикъ на сього, що перекосывъ и помывся йому оддячыть. А той чоловикъ Ш., та бувъ колдунъ: чы дасть було кому що выпыты, або хочъ и понюхать, то и загыне чоловикъ. Отъ и ставъ Евхимъ, той що перекосывъ його травы, бережыться Ш.

и до його не ходивъ, и ничего зъ його рукъ не бравъ, и боявся и стрекаться зъ видьмакомъ. Такъ скильки и пройшло. А дали сей видьмакъ не утерпивъ и прыходить до Евхима у хату, глянувъ йому у очи и выйшовъ. Такъ той чоловікъ заразъ занедужавъ. Побиглы до Ш. просны, щобъ помигъ, а винъ и каже:

— Ни, уже пизно, не поможеться, не треба було перекошувать, се усе коса вынна.

И не помигъ. Такъ бидный Евхымъ на четвертый день и Богу душу оддавъ.

Записала въ с. Выблякъ Черниг. у. отъ Насти Шульгиной М. С. Чудновская.

197. Свекоръ ворожбыть.

Гулялы мы на весилли. Стала я уже збираться додому, а свекоръ пьяный и каже: «Подай воды!» Ну, думаю, балы, наберешъ и самъ, та й пишла зъ хаты. Було не дуже темно и дорогу добре знаю, та ниякъ не найду додому. Що пройду трохы, то у таку грязь улизу, що насылу выберусь. Хожу, хожу, та й зновъ вернусь на те мисто. Ходыла я такъ, ходыла и прыйшла зновъ на весильный двирь. «Подай же,—каже свекоръ,—воды». Я подала.—«Ну теперь же—каже,—иды та знай, що у тебе е батько и що його треба слухать».—Я выйшла и теперь уже не бачыла тейи й грязи и не блудыла, а такъ прямо й прыйшла додому. Такъ отъ який мій свекоръ.

Записала отъ М. Новиковой, въ Выблякъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

198. Якъ знахаръ добувавъ горилку.

Бувъ у насъ на сели такый чоловікъ, що було якъ захоче горилки, такъ и иде до хазяина: дай, та й дай, с

каже. А служивъ винъ за старшого рыбалку у жыда. Ну, жыдъ першъ дававъ, а то уже ставъ одказувать. Отъ рыбалка тоди якъ свысне: такъ жыдивська хата и наповниться усякымъ гадомъ. Тоди жыдъ уже й самъ просить пыть горилку, та скоришъ выгнать зъ хаты сюю капость. И такъ дидъ рыбалка частенько зывавъ вуживъ, жабъ, ящерокъ и усякихъ тамъ гадовъ, абы угостыться горилкою.

Записала отъ Мотри Товстолъсь въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

199. Якъ коняча шкура полизла у шыньѣ.

Шынкарь та хотмвъ, щобъ одинъ заможній хазяйинъ роспывся. Отъ винъ попрохавъ наймычку того чолѣвика выстрыгты у хазяйна косъ и прынести йому—шынкару. Дивка помилась, и разъ було уже зовсимъ намирылась,—ни, сумно. «Не на добро, видно, шынкару треба косы. А що, якъ я зъ цієї шкуры та выстрыжу килькы волосынъ? шынкарь не вгадае». Спочыла вона на лаву, а на жертци высила коняча шкура; выстрыгла дивка трохы волосынъ и однесла шынкару. Того жъ дня у обидъ дывлягся, ажъ коняча шкура сама тыхенько злазты изъ жерткы на лаву, а тоди на доливку и полизла зъ хаты до шынку. Оттакъ бы було и тому чоловику, якъ бы дивка выстрыгла у його косъ.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

200. Гончаръ видьмакъ.

Йихавъ гончаръ и обладнавсь на лузи ночувать. Прыйизжають туды и ночлижники.

— Давайте,—каже одынъ,—выпросымъ у гончара горшка, а не дасть—напугаемъ.

— Дядюшка, дайте намъ горшка!—просить хлопецъ.

Гончаръ не давъ.

— Ну,—каже—колы не даете, то убирайтесь видселя!—и давай усякъ гончара ласть. Мовчыть гончаръ, слухае, якъ його лае хлопецъ, а потимъ запрегъ коня и одйихавъ одъ того миста. Тилькы шо гончаръ одйихавъ, у хлопця голова узяла, та й повернулась назадъ. Пойихалы скоришгъ ночлижныкы у село, сказалы матци того хлопця. Здогнала маты гончара, та давай кланяться, просыть за сына.

— Иды,—сказавъ гончаръ жинци,—голова буде на мисти, дай тилькы йому выспаться, скилькы схоче, та учы сына, бо винъ погано робыть, шо чепае людей.

Вернулась маты, положила сына спать. А якъ винъ уставъ, голова зновъ стала на мисто.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

201. Лытвынъ поробывъ, шо москаль летивъ.

Кольсь, бувъ я ще тоди малымъ, може було мени рокивъ зъ пять,—зйбралыся мы вси коло хаты: мй батько, дидъ ще бувъ живый, та сусиды посидалы на прысьби, балакають соби про се та те. Уже вечерило. Се було весною. Колы мй батько почавъ прыдивляться та й пытае:

— Шо се таке, наче якась птаха пролетила?

Тоди вже й я бачу, шо летыть якась велька птаха—наче журавель. Мй дидъ якъ схопыться, та за колесо (у насъ на двори лежало старе, поламане колесо). Винъ узявъ те колесо, поклавъ середъ двора та ломакою обчеркнувъ кругъ. Тая птаха спускається на те колесо

ныжче, ныжче, та промовляе: «Пыть, пыть!» Колы дывмось, ажъ то не птаха, а москаль. Учорнивъ якъ земля. Побигъ я въ сини та прынись у глечыку воды. Винъ напився, тоди заговорывъ. Тутъ його, конешне, люде обступылы, почалы роспытувать. А винъ моему диду въ ноги кланяється:—Колы бъ вы мене заразы, лиду, не порятувалы, то я бъ пропавъ: розбывся бъ на смерть або объ дерево головою, або въ ричку бъ упавъ.

— Кто жъ це тоби такъ зробывъ? — пытае дидъ.

Отъ винъ и почавъ розказувать:

— Прийшовъ я у шынокъ; пью соби горилку, закусу. Колы увійшовъ лытвынь:—Почастуй—каже—мене, въ мене грошей нема.

А я повернувся до його, та кажу: «Оце ше всихъ буду частувать!»—Не давъ йому ни грошей, ни горилки.

Тый лытвынь зкоса зырнувъ на мене та тилькы промовывъ: «Будешъ же ты мене знаты!» И пишовъ зъ шынку. Тилькы що я за поригъ, колы чую, мене вгору тягне: якъ почавъ махать руками, якъ почавъ, та й полетивъ. Летивъ я, летивъ ажъ зъ Черниговської губернии. Якъ побачывъ, що вже черезъ Днипръ лечу, то дуже злякався: сылы у мене вже немае, у горли засохло. Отъ, отъ упаду. Ставъ я Бога прохать, щобъ не давъ умерти наглою смертю. И якъ я теперъ,—каже,—додому дойдъ?

Тутъ його люде обступылы и почалы йому давать грошы: хто копійку, хто дви—хто скилькы мигъ. Переночувавъ у насъ тый москаль та й пишовъ додому.

Записала Одарка Романова отъ крестьянина деревни Мышеловки
Кіевской губ. Ивана Дидусенко.

202. Лытвынь одъ чаривъ вызволяе.

Жылы колысь у Нижни заможни люде, була въ нихъ одна дочка. Отъ, и посватавъ ййи одынъ пару-

бокъ. Вона не знала, шо въ його була друга, шо мала двоохъ дитей. Хотивъ винъ такъ повинчатся, щобъ перша не знала; але йй хтось сказавъ. Вона прыбигла до церкви и стояла коло дверей, щобъ побачить, якъ молоди вже будуть выходить. Якъ тильки молоди выйшли зъ церкви, а вона й обсыпала молоду якымсь зиллямъ. Заразъ почувла молода, шо зъ нею шось койтись непевне, та й каже до молодого: «Куды це я прыйхала?» Якъ тильки пидійшли до хаты, а йихъ вже стричають зъ дижою та свичками його батько й маты. Хотили йихъ благословыты, а вона й закрьчала: --Шо се вы руки зъ дижою здымаете?—Та якъ побигла, та й зновъ крьчыть:—Рятуйте! Чы се пожаръ? Чы се весилля, шо такъ людей багато, мовъ батько вмеръ.

А молодой ходыть та руки ламае. А його перша стойить зъ дитьмы та плаче, на дитей дывлячысь. Якъ побачыла вона таке горе, шо скойилось зъ молодою, то йй вже й жалко ййи стало, та вже не може ййи запомогты: вернула бъ назадъ, та не можна. Потимъ вона иде зъ дитьмы, та й говоре:—Ходимъ, диткы! Наробыла лыха ваша дурна маты. Може и вамъ такъ колысь буде!

А того молодого батько й маты стари думалы, шо невестка зъ добройи семйи, то й йимъ добре буде, бо дивка була хороша, а отъ шо скойилось. Сумують. Тая невестка вже жыве въ йихъ хаты, бо вони бачуть, шо сынъ дуже вбивається, то вони ййи держалы, хочъ вона ничего вже не тямла. Жыла вона отакъ у йихъ годъ. Иноди заховається та плаче, а то квитокъ поначиплюе на голову, а то лежыть и не поворухнется: не може ничего въ руки взять.

Намучылыся зъ нею и чоловікъ, та й маты зъ батькомъ отакъ ажъ до самойи Покровы, а на Покрову у насъ буває ярмарокъ. Позйизжалыся люде то зъ тымъ, то зъ симъ. Йихавъ лытвынъ зъ горшкамы, та на гребли обламався якъ разъ проты того двора, де жыла тая нещасна хора молодця. Лытвынъ увйшовъ у тую хату и просыть:

— Дядечку, голубчыку, поможить мени—обламався.
Хазяинъ клыче його въ хату.

— Идить, дядьку, въ хату, а я вамъ ось скину зъ горы.
Якъ тильки лытвынъ зайшовъ у хату, поздоров-
кався, та й пытае:

— Що се у васъ хора, чы що?

А свекруха й говорить:

— Голубчыку, оце цилый годъ мы отакъ зъ молоды-
цею мучымся.

Лытвынъ тоди каже:

— Розкрыйте ййи, я подивлюсь, яка вона.

Свекруха одкрыла рядно и держить молодыцю по
пидъ руки, бо вона не може вже й сидить.

— Ой, дочко, якъ же тебе дуже обсыпалы!—каже той
лытвынъ, та й каже свекруси:

— То вона якъ стала на поригъ, а тая жинка ййи
сыпнула пидъ ноги, то вона якъ уступыла, та й збоже-
вилыла.

Свекруха вже бачыть, шо чоловікъ щось знае.
Якъ почалы його просыть батько и маты:

— Дядьку, змылуйтеся, бо молодыця пропадае.

Якъ тильки лытвынъ помолывся Богу, та щось по-
шептавъ надъ молодыцею, вона стала роздывляться, та
й пытае:

— Титко, чого се я у васъ? Служу, чы що? Хыба ме-
не маты наняла?

Тильки вона це прыказала, и ййи чоловікъ увій-
шовъ у хату, та й каже до жинкы:

— Се я тоби прянычка купывъ. На, ззижъ!

А ййи такъ стыдно стало, шо винъ пры матери дае
ййи пряныкъ, бо вона жъ не знае, шо вона вже його
жинка. Каже:

— Не хочу. Мени стыдно. Онъ твоя маты стойить
та дывыться.

А ййи чоловікъ каже:

— Дакъ шо жъ, шо маты дывыться? Вона твоя й моя.

Тоди свекруха почала плакать та обнимать ййи, та каже:

— Ты жъ теперь и моя дытына, бо ты повинчалася зъ мойимъ Иваномъ.

Тоди лытвынъ каже:

— Слухай, Иване, колы ты на вулыци стринець свою першую, то бережыся, иды дали, бо якъ вона тебе обсыпле, то вже и я ничего не вдю.

Зъ того часу тая мѳлодыця одужала.

Дакъ отъ шо може скоятыся, якъ двоухъ жинокъ маты.

С. Филевка Нѳжинск. у. Записала отъ Василисы Наконечной Одарка Романова.

203. Якъ лытвынъ дивчыну покаравъ.

Гулялы на вулыци дивчата, парубкы у насъ на сели. Вже стали расходыться по хатахъ. Уси дивкы жылы на одной вулыци, а одна дивчына, Мылашка, жыла дали—на шляху. Дойшла вона до своего двора, стала та й дывыться на панскый садокъ; а тамъ лытвынъ ночувавъ зъ горшками бия садка.

Вона пидкралася тихенько до того лытвына, шо спавъ, та думает матери вгодыть: узяла два великыхъ горшка въ одну руку и въ другу, та думает: Отъ гарно въ ныхъ буде плаття зольть.

Та й пишла зъ тумы горшками до двора.

До двора не дойшла, та й вернулась до лытвына, та такъ усе й ходыть: одъ двора та до лытвына. Осъ и сонце почало сходыть. Женуть жинкы череду, та й побачылы, шо ходыть Мылашка зъ горшками та й кажутъ:

— Чого се ты, Мылашко, ходышь зъ горшками по шляху? Отъ ходня напала!

Та регочуть зъ нейи, а вона вже й очей не пид-

нимае вгору, та плаче—бо соромъ. А лывынъ то конямъ овса пидсыпле, то сина пидгорне. И не зырне на нейи. Приходьть тая дивчына до лывына, та йому въ ноги кланяється:

— Дядечку, голубчыку, простить и одпустить мене! Поки жива—не буду ничего чужого брать.

А лывынъ сміється, та говоре:

— Ну що, жъ, нагулялася? Тоди каже:—Поставъ горшки на землю, та бильшь николы не беры.

Колы вона пишла додому, то вже й не знае, якъ йій у хату увійты. Уси жъ бачылы. Се жъ соромъ. Тоди вона якъ занедужала, дакъ ажъ три тыждни лежала. Отъ що наробылы горшки.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки села Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной.

204. ЛЫТВЫНЪ ПРОСЫВЪ ВОДЫ.

Колысь наши дивчата ишлы въ поле жыто жать та неслы зъ собою глекъ зъ водою. На дорози йиде лывынъ зъ горшкамы.

— Дивчата, дайте мени воды!

А вони кажуть:

— Може намъ самымъ буде мало, бо до села далеко, а воды близько нема.

Не дали йому воды. Лывынъ пойихавъ, ничего имъ не сказавъ. Колы вони зыркъ! Ажъ зъ глечыка не вода, а пина такъ и льється на землю. И глечыкъ порожній. Дакъ отъ яки мудри лывыны.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной.

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомуть.

Гулялы одни люде весилле. Отъ батько молодойн чымсь то не вгодывъ боярыну.— «Ну, постой же колы такъ, каже боярынъ, я жъ тоби угожу!»—Та узывъ хомута и перевивъ черезъ його молодыхъ, и стали молодойн вовкамы и повтекалы у гай. Довго вони такъ бигалы вовкамы по гаяхъ и поляхъ, а якъ захочуть було йисты, то бижать до хлопцивъ ночлижникивъ. Ночлижники знали, що се за вовкы и годувалы йихъ хлибомъ.

Батько усихъ людей просивъ, щобъ чы не поймае хто тыхъ вовкивъ, то щобъ перевелы йихъ черезъ хомуть. Отъ одинъ чоловікъ и поймавъ одного и зробивъ, якъ йому казала, и стала зъ того вовка молодця, невестка уже значыть того чоловіка, а другой вовкъ—сынъ—утикъ и по сей часъ ще не поймався и бигаетъ вовкомъ.

Такъ онъ еки е погани люде, и якъ вони багато роблять зла.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Параски Попрушнѣ. Записала М. С. Чудновская.

206. Панъ вовкулакою робыть.

Кажуть, шо и мижъ панамы е вовкулакы. Бувъ и у насъ у сели одинъ такой панъ. Моловъ винъ одному чоловіку муку, та й узывъ багато за помоль. Мужыкъ не змовчавъ пану: вылаевъ його за сее усякъ.—Ну, постой же, — каже панъ,—будешъ ты знаты, якъ мене лаеты!—Везе панъ муку, а мужыкъ седыть на мишкахъ и бачыть, шо у його на тили росте шерсть. Якъ обросъ мужыкъ шерстю, панъ пхнувъ його зъ воза, и мужыкъ побигъ вовкомъ. И бигавъ винъ такъ ажъ симъ рокивъ. Вовкы не любылы сього вовка-чоловика, покы винъ ставъ йисты зъ нымы дохлыхъ коней, а тоди прыняли його до себе.

Забигъ разъ сей вовкъ у село и заховався на селныкъ у сино. Почулы собаки вовка и чуть було не ризирвали. Вскочывъ винъ изъ селныка, та у степъ, добитъ до хлива и захотилосъ йому вытягты овечку. Ставъ вовкъ перелазыть черезъ плитинь, а тутъ у двори та живъ вовкулака: побачывъ винъ вовка и угадавъ, що се не справжній вовкъ, а що се такъ йому зроблено, и каже:

— Ну, лизь, лизь, бисивъ сыну!

Перелизъ вовкъ черезъ плетинь, а вовкулака и хватывъ його за хвостъ и знявъ зъ його шкуру. И ставъ тоди зъ вовка зновъ чоловикъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская отъ Марьяны Новиковой.

VII.

О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ.

Передъ самымъ Великимъ празникомъ, якъ уси люде пишы до церкви, уходить у хату до одніей бабы, що осталась сама дома, хтось, вродъ бы паробка. Увійшовъ и просыть пойисты. — «Чого жъ я тоби дамъ?» пытае баба. — «Та чого хочешъ», — каже, — «того й дай». — Баба догадалась, що се не справжній чоловікъ, а чы не скарбъ ввійшовъ паробкомъ, бо який же чоловікъ пиде у сю пору просыть йисты. Хопыла баба кочергу, та того паробка мизы плечи. И посыпалысь зъ його гроши. Баба згребла йихъ у мишокъ и стала багачча за всихъ на сели.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца въ 1898 г.

208. Скарбъ у скрини.

Увечери хлопець йихавъ на ночлигъ и побачывъ, мовъ свичечка горыть. Хлопець чувъ, що свичечка горыть на тимъ мисти, де зарыто скарбъ и пудйихавъ бльжче. Бачыть, стойить скриня, повна грошей. Набрывъ винъ червонцивъ и привизъ до матки.

— Иды жъ, — каже маты, — та ще наберы, сынку, хоть сю торбочку.

Пойихавъ хлопець удруге, а потимъ и утрейте. И якъ набиравъ утрейте, то йому прышлось улизты у скрину, щобъ набраты бильшь грошей, а скры-

ня и провались у землю съ хлопцемъ. Не скоро вже ся скрыня вышла била Ерусалыма, и маты знайшла своего сына.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Демьяна Конопки, въ 1898 г.

209. Пожаливъ табаку и утерывъ скарбъ.

Ишовъ одинъ чоловікъ съ пасыкы. Доходять до плавли и бачыть, стойить у лози скрыня, и въ скрыни брязчатъ гроши. «Дай, чоловіче, поиюхатъ!»—каже голосъ изъ скрыни.—Нема,—каже чоловікъ. А у його и бувъ тютюнь, та винъ пожаливъ и не давъ.

—Ну,—каже писля сього голосъ,—лежала я зарыта сто рокывъ, пролежу ще сто,—и тутъ же на очахъ у того чоловіка загуркотила и провалылася. Почухавъ тоди чоловікъ потылицю, та ничего робыть—пожаливъ тютюну и утерывъ скрыню грошей.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

210. Скарбъ — Мазепына карета.

I.

Полаялись мы одного разу зъ батькомъ; отъ я, щобъ у насъ ще до чого не дійшло, пишовъ зъ хаты. Було недалеко видъ опивночи. Иду я, куды очи глядять, а потимъ и думаю: пиду я на те поле, де, кажуть стари люде, зарыта Мазепына золота карета. Иду соби, колы щось блыснуло, я блыжче—блыщыть, неначе свичка стойить на одномъ мисти и горыть. И страхъ мене ошанувъ, и радисно мени стало, бо я чувъ, що на тимъ мисти, де зарыто скарбъ, безпреминно буде гориты свичка. Прогнавъ я свій страхъ, пидійшовъ блыжче и, розперезавшысь, кынувъ поесъ на землю. Свичка заразъ

потухла, а земля такъ страшко загуркотила, неначе кильки скрынъ провалылось скрызъ землю. Поесь я кынувъ на те, що треба було шо небудь кынуть, и якои довжныи буде те, шо кынешъ, на такій глыбни треба буде шукать и скарба. На симъ мисти буде безпреминно якъ не Мазепына карета, то вельчезна скрыня червинцивъ. Якъ пройде зима, я выкопаю тей скарбъ и заживу тоди паномъ.

М. С. Чудновская отъ Петра Карноуха, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. въ 1898.

II.

Е у насъ за селомъ гора, на ній ничего не'росте, бо вона дуже писчана, и затимъ вона зветься Лысою горою. Дуже сумно робыться, якъ проходишь мимо ййи; такъ тебе страхъ и ошане, якъ зйдешъ на гору, а найпаче на те мисто, де, кажуть, закопана золота Мазепына карета. Тутъ пидъ землею щось гуркотыть, та ажъ наче земля колышетъся, и вовка тутъ разъ удень бачылы, а затымъ и не найдеться такого смильчака, шобъ пишовъ одкопувать карету. А, кажуть, шо на Велькдень на тимъ мисти горыть свичка, и якъ бы хто небудь писля всеношной прйшовъ сюды зъ запаленою ще у церкви свичкою и потушывшы ййи, ставъ копать на тимъ мисти, де горыть свичка, то безпреминно одкопавъ бы золоту Мазепыну карету повну грошей.

Записала М. С. Чудновская отъ Митр. Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у.

III.

Десь, кажуть, надъ Десною зарыта золота Мазепына карета, повна грошей, и черезъ каждыи три roky выходыть вона наверхъ, робыться конемъ и бигае по надъ Десною.

Прыходылось разъ бабамъ нашимъ того коня бачыть, та тильки не прыдумалы вони, шо зъ нымъ робыть. Пошлы

бабы по смородыну у плавли, бачеть, ажъ по надъ Десною бигас конь, та такый блыскучый та повный, выдно, шо не простый конь; отто и була тал карета зъ грошыма, треба тилькы було махнуть по йомъ лозынкою, и конь бы россыпався грошыма. Мо бы мужчына, винъ бы такъ и зробывъ а то звисно бабы—не прыдумалы. Росказалы бабы про коня, вернувшысь додому, и пошлы зновъ люде на те мисто, та тилькы коня уже не бачылы, а на тимъ мисти найшлы скилькы мидныхъ грошей.

Записалъ Митр. Шульга въ с. Выбляхъ Черниг. у. Сообщилъ М. С. Чудновская.

211. Злябався скарбу.

Чоловикъ ишовъ на всюношну. Дывыться: у городи на земли горять свичкы, и мижъ свичкамы стойть скрынъка. Ставъ чоловикъ и дывыться, а у самого ажъ шапка росте на голови. А потимъ якъ забряжчатъ гроши, наче йихъ хто пересыпавъ. Здумавъ чоловикъ, що треба, кажуть, що небудь розослать, а гроши туды и скотяться. Выйнявъ винъ зъ кышени платокъ и хотивъ було уже розстылатъ, тилькы тутъ його такый оманувъ страхъ, що винъ и платокъ кынувъ та скоришь додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Павла Курильца. 1898 г.

212. Скарбъ зныкае одъ хреста.

Ишовъ чоловикъ изъ страстей у великий четверъ, дывыться—за селомъ горыть свичка. Винъ подывывас на ту свичку и пишовъ додому. А дома була така бидность, що Господы! Жинка плаче, шо ничего нема къ празныку, нема и рушныка на божныкъ, будутъ иконы рады празныка безъ рушныка. Выйшовъ чоловикъ у сины, узявъ заступъ и пишовъ на те мисто, де винъ

бачывъ свичку. Ставъ копать и выкопавъ дви скрини грошей. Поперетаскувавъ йихъ додому и оддае одну скриню жинци, а другу оставяе соби. Зрадувалася жинка и заразь же побигла до сусидкы купляты рушныкивъ. Принесла рушныкы, та до скрини, щобъ выйматы гроши. Коля жъ—бовъ у дзвинь! Вона перехрестылася, а скрини де й дилысь: передъ ею лежалы дви гнылы колоды.

М. С. Чудновская отъ Ив. Муцкаго въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

213. Скарбъ коровою.

Иде разъ чоловикъ, ажъ передъ йимъ корова. Видкуля, думает, ся корова? Дуже йому стало сумно, шо корова передъ йимъ мовъ изъ земли выросла. А мо, подумавъ винъ,—се мени Богъ гроши посылае? Та друкомъ по корови. Якъ посыплються жъ гроши, якъ заторохтятъ, а коровы уже не стало. Набравъ чоловикъ грошей, прынесъ додому, заховавъ у скриню, а скриню прыкувавъ цепомъ, бо се таки гроши, шо якъ не въ пору зачепыть йихъ, то вони такъ, якъ явылысь, такъ и скривються, и слида не останеться.

М. С. Чудновская въ с. Павловкѣ отъ Луки Пимончука въ 1898.

Скарбы являются различными животными, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г. М. Исаенко въ м. Батурино и взятаго нами изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1860 г., № 38, стр. 273—274.

На коропской дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Батурина, въ лѣсу, гдѣ сходятся три дороги: изъ Коропа, изъ Батурина и изъ хуторовъ, еще въ 1860 г. лежалъ стволъ вѣковаго дуба. Это такъ называемый *хрещатый дубъ*. О немъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Давно се було—ише за Мазепу... Якъ ишлы кудысь по сій дорози шведы, дакъ коло хрещатаго дуба вони легчылись. Багацько, значыть, понабиралы вони дорогою

у насъ всякойн худобѣ—и грошей, и всего; дакъ ото якъ ишли воны на войну, дакъ куды вже йимъ було нестысь изъ тѣю худобою. Отъ воны взяли да й законалы пидъ очимъ дубомъ гроши свои, да на дуби положили й знакъ—вырубалы хрестъ. «Якъ вернуться зъ насъ хто живымъ сюды, того й гроши будутъ», сказалы воны да й пойшлы, куды треба було. Якъ вырубалы на дуби хрестъ, дакъ дубъ той и почавъ зватьсѣ хрещатымъ, и хотъ тепера тилькы колода одъ того дуба, zostалась, а все такы хрещатый да й хрещатый дубъ.

— Що жъ, гроши тѣи никому не показувалысь?

— Де вже не показувалысь, що показувалысь! Чымало е такихъ людей, котри розказують, що йимъ частенько такы доводилось у пизнюю пору бачыть билого коня коло хрещатого дуба. Якъ идемо було, кажуть, дакъ кинь той усе ирже, да такъ страшно тупотыть. Я именно знаю, що парубокъ изъ с. Обмачева не разъ бачывъ сього коня. Да тилькы то гирки гроши, що бильщъ конемъ являються; тихъ грошей треба цураться—нехай йимъ абы шо! Якъ бы ише ведмедемъ воны явлысь, або вовкомъ, або свичкою, дакъ можна було бь добыть тихъ грошей. А бильмъ конемъ гроши являються тилькы на льхо людымъ. Тымъ то гроши ти лежать, и ниhto йихъ не бере; да й будутъ воны лежать, паныченьку, покы свить стоятыме, бо хто захоче на свою пагубу орудовать проты билого коня?...

— Чого жъ гроши сѣи бильмъ конемъ являються, а не ведмедемъ, або вовкомъ, або свичкою?

— Недобри люде, значыть, поклалы йихъ тамъ...

Другія лица, на вопросъ записывателя, отчего дубъ называется *хрещатымъ*, не сообщали никакой легенды, а говорили, что онъ росъ крестообразно, почему и получилъ свое названіе. Впрочемъ деревья чѣмъ нибудь отличныя, вообще возбуждаютъ среди народа мысль окладахъ подъ ними, какъ то видно изъ одного изъ ниже-помѣщаемыхъ разказовъ, записанныхъ тѣмъ-же г. Исаенко въ Черняговскомъ уѣздѣ отъ погопыча Трохыма (напечатано было

тамъ же, въ № 51, стр. 363). Разсказъ былъ сообщенъ, когда записыватель проѣзжалъ Бубликовымъ хуторомъ (между Трисвятскимъ и Черниговомъ).

— Дурныйи ти люде, шо не хочуть шукать тутъ грошей!

— Да тутъ, може, нема нѣякихъ грошей,—замѣтилъ записыватель,—и ты, значыть, дурно тилькы сердыши на людей.

— Ни вже, паньчу, вы шо хочте, а я чувъ одъ батька да матери, шо тутъ е багацько грошей, а стари люде завсегда правду кажуть.

— Шо жъ тоби казали батько да маты?

— Не росказавъ бы я зроду вамъ, якъ бы дидъ мій самъ у вочевыдачки не бачывъ того, шо казавъ мойму батьку, а батько мени.

1. Отутечкы десь у Бубликовому хутори рисъ давно колысь дубъ, похожый на выла и званся винъ *выловатый дубъ*; мижъ людьмы ходыла чутка, шо коло того дуба булы закопани гроши; отъ хтось и выбравсь такий, шо захотивъ одкопать йихъ. Позикодылись люде да й дывляться; одни кажуть, шо будутъ гроши, а други—ни, кажуть, шо се бабськи выдумкы. Дидъ мій казавъ, шо винъ зроду не вирывъ, щобъ у землю закопували гроши, да отъ же прыйшлось такы повирять. Копалы, копалы, уже здорову ямку выкопалы, колы заступы почалы стукотить объ щось—мовъ зализне; прочыстылы землю, ажъ тамъ казанокъ здоровенный, а въ казанку булы гроши. Коло казанка закопано було багацько всякого оружыя, а бильшь усього закопано тамъ було вылокъ, изробленныхъ навхрестъ изъ сокыркамы. Хто вже його знае, шо то воно таке було, да тилькы такъ росказувавъ мойму батьку дидъ мій.

— А чы не знаешъ, хто положывъ тамъ гроши да оружые?

— Да вы жъ, мабуть, пысьменни, дакъ у книгахъ може есть шо небудь напысано.

— Хыба жъ мало книжокъ есть? Усихъ не можно перечытать.

— Эге! Отъ вамъ и книги! Я хоть и непысменный, да знаю, що якъ воювавъ колысь братъ на брата у Чернигови, дакъ одынъ братъ узявъ да й позакопувавъ свій скарбъ отутечкы. «Якъ буду живъ, — каже винъ, — дакъ визьму назадъ, а якъ не буду живъ, дакъ добри люде визьмутъ!» Отъ бачте, хоть нескоро, а найшлысь такы ти люде, шо одкопалы той скарбъ.

2. — А се вже не скажу вамъ, колы воно було, чы давно, чы недавно, тилькы й се батько мій одъ лида чувъ. Люде почулы, шо у одному мисти, у Бублыковому хутори, лежать закопани гроши. Отъ вони заразъ до знахора да й просятъ його: «Иды, будь ласкавъ, подывись, чы нема тамъ грошей». Знахуръ той узявъ заразъ якуюсь палочку и пійшовъ. Прыйшовишы до того миста, де думалы, шо byly гроши, знахуръ палочкою постукавъ да й каже: «Есть!»—Тутъ почалы заразъ копать; копалы, копалы да й годи сказали—повтомлювалысь такъ, шо тилькы питъ зъ йихъ капотивъ. Отъ одынъ и крыкнувъ: «А нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—Не вспивъ винъ сказаць сього, якъ пидъ землею: гууууу!—такъ и загуло. Вони полякалысь да тилькы мовчатъ, да давай зновъ копать. Копалы, копалы, колы прыходыть знахуръ.—«Ище не выкопалы?»—пытае винъ тыхъ людей, шо копалы.—«Да ще!»—Знахуръ зновъ постукавъ палочкою да й каже до людей:—«Гмъ! Чы не сказали вы чого?»—А одынъ чоловикъ, и каже:—«Ни, не сказали; я тилькы сказавъ, шо нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—«Эге! було бъ же тобі не казатъ сього, бо скарбъ пійшовъ на дно!»—сказавъ знахуръ. Значыть ничего не треба казатъ про скарбъ такого, щобъ винъ не росердысь.

3. — Вы, панычу, кажете, що немає у сихъ мисцяхъ скарбныщъ; отъ же не дуже давно люде знайшли булы коло Борысоглибовкы *) гроши, не знаю, чы буде тому литъ сорокъ. Коны хочете знать, дакъ се отъ якъ було. Сыдили у одному острози невольныкы; чымало тамъ було йихъ,—одни таки булы, що въ Сибирь йихъ скоро одыслалы, а други ждалы скоройи воли соби. Отъ одынъ и каже: «Що жъ, братця, мени вже не быть на воли, я чувъ, що мене въ Сибирь,—дакъ я вамъ укажу кладъ у одному мисци. Хто скорійше выйде видциля, той знайде та й подякуе мени и на часточку дасть за мене гришного. Коло Борысоглибовкы есть лисъ, а въ тому лиси есть дуже старый дубъ; управо одъ дуба и треба копать. Знайдете зрубъ деревъяный, такый якъ коло колодязивъ; прокопавшы дальшъ, найдете собаку, а скоро писля собаки и барыло зъ гришмы». Не знаю вже черезъ скильки днивъ выпустылы двоухъ чоловикивъ изъ острогу. Вони прытьмомъ у Борысоглибовскый лисъ да й знайшли того дуба, що казавъ йимъ невольныкъ. Якъ смеркло, вони й давай копать. Чы довго копали, чы ни, тилькы знаходять зрубъ; прокопавшы дальшъ, найшы кисткы собачи, а дали й барыло зъ чыстымы червинцямы. Якъ одкопалы вони гроши, дакъ заразъ навтикача, и незвисно стало, де вони й дилысь. Може бъ нихто й не знавъ бы, що вони найшы гроши, дакъ на другой день пойихалы люде у лисъ по дрова и знайшы ту ямку, де булы гроши, ище й мисто було знать те, де стояло барыло, и червинецъ тамъ одынъ валявсь.

---

*) Село Черниговск. у.

214. Шкарбъ и панська мода.

Одынъ чоловікъ побачывъ разъ, шо въ лиси свичечка горыть. Ну, винъ и догадався, шо то шкарбъ выходыть. А воно, бачъ, такъ. Якъ хто закопуе шкарбъ, такъ заклына його на скилкъ тамъ годъ у земли лежаты: чы на п'ятдесятъ, чы на сто, чы на скилкъ хто схоче. Отъ якъ выйдуть уже ти годы, тоди й почне свичечка на тому місци гориты. И ото вже чые шастя та-хто вміе узяты, той його й возьме. Такъ той чоловікъ думае: оце мени Богъ шастя посилае,—выкопаю шкарбъ та забагатію. Заходывся копаты и выкопавъ казанокъ повнисинькый грошей, а зверху г... лежыть. И напысано: «хто мое г... звистъ, той и мойи гроши поживе». Ну, чоловікъ уже знае, шо то значыть такъ ти гроши заклято. А вже якъ не зробишь того, на шо гроши заклято, то все одно йихъ не поживешъ. Ну,—думае,—шо жъ—треба йисты. Узывъ винъ його, загорнувъ, прынись додому, высушывъ у печи и зимьявъ. То оце якъ сидуають обидаты, то винъ возьме та нымъ борщъ и прытрусе. То жинка:

— Чогось у насъ, чоловіче, борщъ воня!

А винъ:

— Та йижъ уже. Чого тамъ винъ воня?

Та такъ усе й трусе въ страву, ажъ покы усе ззили. А тоди вже признався жинци: шо,—каже,—я гроши знайшовъ. А жинка въ його була така соби, трохи дурненька. Та такъ уже пышається тымы гришмы, шо теперъ я,—каже,—за всихъ у слободи багачча, такъ теперъ уже мени не йде по простому вбираться. Отъ йиде чоловікъ у базарь, а вона йому й наказуе:

— Гляды жъ, чоловіче, купы мени такє вбрання, шобъ и въ попади и въ дячыхы такого не було, бо теперъ я за йихъ багачча. Шобъ такє модне, якъ у городянськыхъ барынивъ.

Отъ тикы чоловикъ пойхавъ, а вона вже його й вигляда, такъ того вбрання модного хочеться. Ну, вже надъ вечирь прыйиздыть чоловикъ, а вона до його:

— А шо, привизь?

— Та привизь,—каже,—отамъ на вози.

А самъ до худобы мерщій кынувся. А жинка до воза: сюды туды—немае ніякого вбрання. А винъ йй на спидныцю, чы шо, набравъ та й укынувъ у мишокъ. Отъ бачыть вона: немае ніякого вбрання, тилкы шкура воляча лежыть на вози—такъ завсимъ зъ головою й зъ рогамы. Вона за ту шкуру. «Оце жъ, каже, значыть теперь барынивъ такому ходють». А тутъ до вечирни заблаговистылы. Вона шкуру на себе та до церкви. Якъ увійшла, такъ люде полякалысь, шо таке страшне увійшло, та оступаються одъ його. А вона йде та:

— Росступиться люде: я багата, я рогата, я й шкарбъ знайшла, и до церкви прыйшла.

Отъ стала вона саме проты царськихъ дверей, а пипъ якъ углядивъ ййи, такъ и соби злякався, думавъ, шо нечыстый, а дали якъ роздыввся, шо то вона, такъ узявъ та й выгнавъ ййи съ церкви. Такъ уже було зъ нейи смиху!...

Харьковская губ.

VIII.

215. Каянова жъунка.

Ото, якъ убывъ Каянъ Явеля, дакъ съ таго время пашовъ юнъ жить адынъ соби; яго жъунка знала всяка зилле, що варожкы мають, акрѹмъ того, ше якъ нѹчъ було настане, дакъ вана дайныцю вѹзьме да и йде удовиныхъ корѹвъ *) даить. Тѹльки якъ було даить пачне малоко, дакъ у малаци и кровъ доиться,—се бѣ то Богъ каравъ йихъ за Явелеву смерть. Жъунка Каянова пасли того пачне зиллемъ одварожувать ту кровъ изъ малока да и одварожить було.

Разъ пашла вана даить карѹвъ, и тѹльки що сила до каровы, ажъ богъ *Валосько* и йде.

— А шо ты робышь?—каже юнъ йй.

— А те раблю, що станъ да стѹй!—Каянова жъунка йому каже:

Валосько пасли того якъ ставъ, дакъ и зъ миста не зойшовъ, наче вкопанъ стоявъ, не мавъ зайты изъ мисця дали. Посля ййй каже:

— Ну, рабы жѣ свое... Кали робышь!..

— Ну, иды жѣ и ты соби, кали ыдешъ да не пытайся бѹльше!

Валосько, не сказавшы пасли ничего, и пашовъ соби дали.

---

*) Авелевой жены. Прим. записывателя.

Съ таго часу стали у насъ видьмы, видьмаки, перевертни и вавкулаки, шо па дворахъ ходять да птыцю и скотнну давлють.

Сѣверная часть Козелецкаго у. Черниговской губ. Ал. Шишацкій-Илличъ (Изъ № 40 «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1853 г., стр. 388).

216. Громныци.

Сьюдни у насъ празныкъ *громныци*: ничого не *робымо*. Не знаю, есть ли у васъ такъ *по пысьменному*: какъ пошелъ Исусъ Христосъ въ адъ *чою то вже*—не знаю, *звистно*, я *темна людьна*—не разумѣю; такъ то ужъ надо было, такъ ему Богъ-Отець далъ: *звистно*, Господня воля и сила, *шо здумаг, те й дѣ*. Вотъ какъ пошелъ Спаситель въ адъ, то всѣ мертвецы и пооживали. Ихъ было тамъ мною; увидѣвши Спасителя, они стали радоваться; *а ще бильше стало радости, якъ уси жертвякы знакомци побачылыся*. Тутъ они и цѣловались, и обнимались, и плакали, и танцовали; да какъ обнялися *вновь*, то Господь видитъ, что никакъ нельзя ихъ развести, да и послалъ *зъ неба гримъ и блыскавыцю*; вотъ какъ *грякнувъ* громъ,—такъ они испугались и разнялись. Такъ у насъ сегодня *за тымъ и праздыкъ*».

— Развѣ въ этотъ день былъ такой случай?—спросилъ я.

«*Эте жь, у сей же; на друкый пиля дарнойи недилы*».

Записалъ священникъ Федоръ Боровскій. С. Крупичполь Борзевскаго у. (Изъ № 46 «Черниг. Губ. Вѣдомостей» 1852 г., стр. 514).

217. Чоловикъ у Бога.

Жывъ соби одынъ чоловикъ Пылыпъ. И такой винъ бувъ праведный, шо Богъ, разъ ходячы по земли,

зайшовъ до його, поживъ скільки тамъ часу и побратався зъ нимъ. Одходячы додому, Богъ и каже:

— Ну, оце мы побраталысь, а ты й не бувъ у мене, — прыбувай колы въ гости!

А чоловикъ йому:

— Та якъ же я до Тебе втраплю?

— Я,—каже Богъ,—прышлю до тебе билого коня, дакъ винъ уже самъ тебе доведе.

Колы справди: прыбигае до його билый кинь. Сивъ винъ на того коня й поихавъ. Йиде та й йиде, ажъ ось чоловикъ немовъ помижъ стинамы б'ється: розженеться та вдарытьсѣ объ одну стину, одскочыть та въ другу, а тоди зновъ у ту. Загледивъ Пыльпа й гука:

— Пыльпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я маю такъ мордуватись?

Йиде той дали, дывытьсѣ, ажъ увъ озери чоловикъ стойить по шыю въ води и крычыть:

— Ой, проби, дайте пыть! Ой, пытки жъ мени, пытки!

Побачывъ Пыльпа й гука:

— Пыльпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго мени таку муку терпиты?

Йиде винъ дали, колы сыдыть чоловикъ, а передъ нимъ два корци, и винъ усе зъ одного корця та въ другой воду пересыпа. Загледивъ Пыльпа й крычыть:

— Пыльпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я буду тутъ нудытысь?

Прыиздыть Пыльпъ до Бога, пѣгостювавъ тамъ и, якъ прышла пора одйиздыть йому додому, винъ и пыта:

— Ну, а скажы, Боже, чого то надъ шляхомъ одынъ чоловикъ объ стины б'ється, а другой стойить у води та нѣякъ не нап'ється, а третій водою перелывається?

— То,—каже Богъ,—першый не пустывъ пидъ хуртовну чоловика въ хату, сказавъ: «Тисно»; другой не давъ подорожньому у спеку воды напытысь; а третій—шынкаръ, що пидльвавъ воду въ горилку. Дакъ ото йимъ така кара до вику вичного.

В. Т. Андриевскій отъ козака Ивана Карпенки, среднихъ лѣтъ, въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. Черниг. губ. въ 1894 г.
Многіе варианты этого см. у Чубинскаго, II, 11, № 2.

218. Богъ лучше знает, чего намъ треба.

Однѣ чоловикъ такъ угодывъ Богу, що той йому сказавъ:

— Просы у мене, чего хочешъ,—все тоби дамъ.

Чоловикъ цей бувъ пахарь и мавъ дуже добру землю. Довго винъ думавъ, чего бь його просыты у Бога й бильшь ничого не выдумавъ, якъ попросыты, щобъ посылавъ йому дощъ тогда, якъ треба. Отъ настала весна, земля выйшла зъ пидъ снигу, стала протряхаты й розсыпатысь, якъ макъ. Чоловикъ зоравъ землю и посіявъ яру пшеницю. Заволочывшы, ставъ просыты Бога, щобъ пославъ невеличкый да спирный дощъ. Проишовъ дощъ, пшениця зійшла густа да хороша. Проишло недиль зо дви. Зновъ чоловикъ просыть дощу грозового. Зновъ проишовъ дощъ, и пшениця выросла, якъ очереть. Пожавъ чоловикъ пшеницю, ставъ молотыты,—а ни зерна. Винъ тогда до Бога. А Богъ йому й каже:

— Я все робывъ те, чего ты просывъ и не нарикай на мене. Одного ты забувъ попросыты: легесенького ви-терцю тогда, якъ пшениця красовалась.

Г. В. Дорошенко въ Борзенск. у. Черниг. губ., въ 1897 г.

219. Кам'яный горохъ.

Одынъ чоловикъ принисъ изъ Ярусалыма горошину. Такъ то така горошына. Одынъ чоловикъ сіе горохъ, а Божя Маты пытае:

— Шо ты сієшь?

— Каминь.

— Ну, каминь сієшь, каминь и выросте.

Отъ той горохъ изійшовъ и зацвивъ, и стрючки на йому стали. Усе якъ слидъ, тилькы горошыны таки якъ каминь, шо не можна йихъ ни зварыты, ни розбыты. Такъ ото винъ тую горошину и принисъ.

Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1900 г., отъ дивчыны.

220. Серѣда й п'ятныця карають людей.

Оце уже килькы ночей люде бачать, якъ у-опивночь по селу ходять дви жинкы у билій одежи. Се, кажуть, серѣда и п'ятныця, и вони спорять, яку на людей послать кару. Серѣда каже, щобъ поморщину та пожари, а п'ятныця—щобъ голодъ та войну. Богъ знае, котра то зъ йихъ переважить. Кажуть будто бъ туркы зъ нимцямы хочуть завоювать нашого цара, такъ шо, видно, п'ятныця переважить.

Отъ Ул. Кялочичкой М. С. Чудновская.

221. Серѣда й п'ятныця гниваются, шо люде йихъ не шанують.

Була за селомъ пуста хата. Прийшлось тамъ одному чоловику заночувать. Саме у-опивночь уходять туды

середа и п'ятныця, а чоловикъ одъ страху зализъ пудъ пичь. Увійшли вони и давай жалиться: середа каже, що «Мене колють», а п'ятныця—що «Мене замазують и за-сыпають кострыцею». Поговорылы, а потнмъ угадали, що у хати е чоловикъ, вытягли його зъ пидъ печи, звязали руки и кажуть:—«Скажи людемъ, щобъ у п'ятныцю не мазали и не прялы, а у середу, щобъ не шылы».

С. Выбли Черниг. у. отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

222. Середа штовхнула.

Каже чоловикъ жинци:—«Жинко, я хочу сала!»

— Що се ты, чоловиче, здуривъ? Сьогодни жъ середа.

— Середа уже спать легла,—каже чоловикъ.

А уже бувъ вечеръ. Узявъ винъ кусманъ сала, упльовъ та й полизъ спать. Тилькы що чоловикъ звьовъ очи, а середа його якъ штовхоне съ полу,—такъ винъ и полетивъ сторчака.

— Оце тобі,—каже чоловичеськымъ голосомъ,—середа спать легла.

— Що се, чоловиче, зъ тобою?—пытае жинка.

— Та се,—каже,—мене середа штовхнула. Теперь уже николы не буду у середу йисты сала и дитямъ закажу.

С. Выбли Черниг. у. отъ Федора Билана, М. С. Чудновская.

223. Про Ярусалымъ.

Оце зароблятыму гроши. Якъ зароблю рубливъ двисти, такъ пиду у Ярусалымъ. Тамъ, кажуть, дужей гарно. Одынъ парубокъ ходивъ. Туды йшовъ такъ такый пры здоровью бувъ, а видтиля якъ пришовъ, такъ и родытели не призналы—такый худый та насылу ходе. Його пытають: «Чого жъ ты такый худый ставъ»? А

винь каже: «Колы жъ мени такъ було, шо оце день ничого не йимъ, або й два дни не йимъ та все дивлюся—такъ тамъ гарно». Вы знаете, тамъ Божа Маты живе. Гора така тамъ у Ярусалыми—Ахвонська,—такъ вона на тій гори живе. Тилькы, звисно, я ййи не побачу, бо туды женського полку не пускають. Уже одынъ панъ такъ такъ изробывъ. У його не було дитей, а винь прынявъ соби дивчынку чужу за дочку. Отъ винь убравъ ййи такъ якъ хлопця и пишовъ зъ нею на ту гору. Такъ не зйшла. Ишла, ишла, а тоди й покотылася зъ горы. Такъ якъ упала на камень та взялася руками, такъ на камени й знать пальци. Такъ тоди и вгадалы, шо то не хлопець, а дивчына, бо то ййи грихъ було туды йты. Одынъ чоловікъ, забула тилькы зъ якои слободы, пославъ туды по телеграми багато грошей, щобъ йому патреть изъ живои Матери Божойи прислалы; такъ и прыслалы окону таку, зъ Нейи зъ живои патреть изнялы. Теперь та окна въ церкви стоять.

У Божойи Матери, тамъ, де вона живе, немає ни дня, ни ночи, а все однаково, такъ, наче дуже нахмарыло. И вона не йистъ ничого, а Святымъ Духомъ воспытається.

Кажуть, шо дуже дорого дойхать у Ярусалымъ, бо тамъ перевозять човномъ, и той човенъ уже не нашого царя, а чужого. Такъ чужый царь дуже дорого бере за те, шо перевезе.

Тамъ у Ярусалыми, чы на Ахвонській гори, цього вже не знаю де саме, такъ кажуть немає серебра, саме золоте все та косяне: и хрестыкы, и оконкы.

Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900 году, отъ дивчины.

224. Хлопець, монахи и скарбъ.

На болоти Трубайли бувъ здоровый островъ, а на тому острови стоявъ здоровый стовпъ, а на тому стовпу

стояла чоловічеська статуя. И на тому стовпу було написано: «Хто вцилить статуїи въ голову, той грошей багато найде». Кажны день собиралось багато людей до того стовпа и вциляли його въ голову, никто тульки не вцильвѣ. Коли прыходить молоде хлопья, прочитало и подумало, якъ гроши найты. А дали начало копать землю у тому мисци, де у схидѣ сонця падала тинь одъ головы статуїи. Потимъ копало на тому мисци, де тинь була на пивдень и копало на захидѣ сонця и тамъ выкопало чугунну скрыню грошей. Стало тее хлопья пуднимать скрыню, такъ не пудиме. Воно пошло у Михайловскій монастырь и объявило гумену, шо отамъ на острови найшовъ сундукъ зъ грошима и самъ не пудниму. Гуменъ пославъ двоухъ манахивъ исъ тымъ хлопцемъ.

Прийихалы воны на той островъ до стовпа, забрали сундукъ изъ грошима, посидалы на човенъ и пойихалы. И йидучы манахы позавыдувалы на тїи гроши, нарадылись скинуть хлопця изъ човна и обмануть гумена, шо тамъ грошей нема. Тоди взяли, привязалы каминь до шыйи хлопцю и пустылы його у воду, а самы пойихалы, на берези заховалы гроши и прийшли до гумена и кажутъ, шо «Хлопецъ той обманщыкъ, прививъ на островъ и тоди заховався, и мы шукалы, шукалы—не найшылы ни хлопця, ни грошей, такъ и вернулысь».

А той хлопецъ остався невредымъ и черезъ несколько времья оказався у тому самому монастыри пудъ престоломъ и ставъ тамъ стогнать. А клюшныкъ прышовъ у монастырь да почувъ и сказавъ гумену. Гуменъ прышовъ и побачывъ пудъ престоломъ того жъ самого хлопця, которы объявлявъ, шо найшовъ гроши, и вытягъ його клюшныкъ изъ гуменомъ съ пудъ престола, одвязалы камень одъ шыйи и стали його пытать, шо йому случылось. То вунъ розказавъ усе, шо йому було зъ манахамы. Тоди гуменъ прызавъ тыхъ манахивъ и ставъ йихъ пытать, якы це хлопецъ. И манахы стали

прошенія просить у гумена. Но гуменъ придавъ ихъ къ суду, то судъ ихъ осудивъ туды, де Макаръ и телятъ не пасе.

Записалъ крестьянинъ с. Русанова Гоголевской волости Остерскаго у. Елисей Юрченко. Сообщилъ И. Е. Коноваль въ 1899 г.

225. Де бильше празныкивъ.

I.

Зазмагався жыдъ исъ чоловикомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ жоденъ, шытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другога зъ бороды волосыну. Ну, добре. Кому жъ почынатъ? Жыдъ ну на себе горнуть:

— Мы зъ народъ бозы, то й празныкы головниси,— мени поцынатъ!

— Ну, нехай вже твуй чортъ старшы,— дядько каже,— почынай!

Отъ жыдъ почавъ: «Ну, слухай, Омельку! Адъ нового году,— Рошъ ходешъ швать.» — Та й сипъ волосыну у Омелька.— «Хамиша Ассаръ б' швать.»— Зновъ— сипъ!

— Та що ты, свиняче ухо? Казавъ, у васъ головнійши празныкы, а теперъ що ты выдумуешъ: то свать и се свать, та й будешъ усю ридню тягати!

— Ай, ай, Амельку! падазды—будуть и главны!

— Ну, гоны!

— Рошъ Ходешъ Адаръ.— Сипъ волосыну!— Другый день Рошъ Ходешъ Адаръ.— Зновъ— сипъ!— Гаманове Ухе. Ну, теперъ, Амельку, якъ жнай—самъ зе ты цуесь: Гаманове Ухе! знацить треба не за волосыну, а за ухо и тебе.

Бачыть дядько, що жыдъ хытруе, та вже потатурывся.— «Скубы вже!»— каже. Отакъ жыдъ ише ниоди хытрывъ, але жъ мало нарвавъ волосья: штукъ мо зъ пив-сотни й вырвавъ. Добре.

— Ну теперь вже буду я,—дядько каже.—И я почну не зь нового року, а зь самого головного празныка: зь Хрыстоваго Рыздва. Ну! Первый день святъ.—Сипъ волосыну!—На другый день Соборъ пресвятой Богородыци й священномученыка Юхима.—Сипъ!—Трети день: святого апостола й первомученыка Степана.—Сипъ волосыну!—Четвертый день—Святыхъ мученыкъ дву тму въ Ныкодэмийи сожженныхъ. Ну, теперь выбачай, жыде: шытать волосся буде забарно.—Та хипъ його за бороду й выскубъ чысто.

Той крычыт: «Пусты, Амельку! усимъ и васимъ и насимъ расказу, сцю у васъ бильсе празныкуивъ!»

— Э, ни! хочъ десяту часть выслухай! Пятыи день—святыхъ младенецъ чотырнадцяты тысячь, Хрыста рады избенныхъ одъ Ирода въ Вифлеми Іудейскимъ!—та й хапъ жыда вже за песькы!..

И отъ, якъ бачыте: небагато пошытавыны празныкуивъ, жыда оскубъ мовъ горобця протисенько той Омелько.

М. Мринъ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II.

Змагалься чоловикъ изъ жыдомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ каждый, шытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другога по волосыни зь бороды. Отъ жыдъ уже й радіе:—«А ну зь я поцну сшыгать свойихъ».—Чоловикъ згодывсь. Жыдъ заравъ: «Семень!»—та й смыкъ волосыну. «Куцкы!» та й смыкъ!.. Перещытавъ отакъ жыдъ свойи празныкы и радый-радый, що нарвавъ зь десятокъ волосынь. А чоловикъ усе крипывсь, хыба тоди скрывытсья, якъ той смыкне зо зла волосыну, дали й пыта: «Ну, вже, Хаинъ?» А той: «Узе, а сцю ты будешъ сшытать, колы у васъ мало цого празнують, а и у вельки празныкы йидуть колы не въ поле, то до миста?»—«Ну, то литомъ звисно такъ, а отъ я тоби перещытаю хочъ

зимни.»—Та й почина:—«Риздво!»—та й сипъ волосыну! Жыдъ такъ и затрусывся. «Водохрыще!»..—«Ой, цы далеко сце до весны?»..—«Та ни, чекай: ось ще три сяти»,—та й сипъ три волосыны,—такъ и звывся жыдъ, та: «Ой, вей! Грыщку! нехай твойихъ бильсь, пусты мене!» А той: «Та слухай: е въ насъ ще сорокъ сятыхъ,»—та хуипъ його за всю бороду, бо выщитувать уже никола, а про те, щобъ знавъ жыдога, що якъ любышь йиздыты, то любы й возыты.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей, 1899. Вариантъ у Аванасьева, II, 419.

226. Чы Велыкденъ велыкый денъ?

Одна баба чуе, що люде Воскресенне зовуть Велыкоднемъ. Отъ вона одного разу и хотила спробовать, чы правда сьому, бо звисно,—чого люде не наговорють. На Велыкденъ пишла вона у погрибъ, щобъ ниhto не бачывъ и взяла зъ собою починокивъ три. «А ну жъ, думает баба, чы попряду?» Сыдила до самого вечора, та напяла усього тилко одинъ починокъ. Тоди вона й каже зъ серцемъ: «Ну и не брехльви жъ люде? Отъ тоби й велыкый денъ! Денъ, якъ уси дни, адже стилько и напяла, якъ завsegды. А черезъ отой капосный починокъ просыдила у погребн, наче за яку выну. Я бъ стилько и въ пылыпивський денъ напяла!» От-така то була розумна!

Ю. Н. Долинская въ с. Выбляхъ Черниг. у.

227. Непысьменный пипъ.

Було це въ старовыну. Бувъ у однимъ сели пипъ и не вмивъ винъ ни чытаты, ни пысаты. Прослужывъ

винь службу, и треба було йому казати проповідь. Выйшовъ зъ овтара и каже:

— Чы знаете, братци, що я вамъ буду казати?

— Ни,—кажуть люде,—не знаємъ.

— Ну, якъ не знаете, то я не буду й казати, идить додому.

У другу недилю зновъ пытае винь:

— Чы знаете, що я буду вамъ казати?

— Знаемо,—одвитылы люде.

— Ну,—каже винь,—якъ знаете, то ничего вамъ казати, идить соби додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

Такіе-же расказы напечатаны у Рудченка (II, № 5) и Афанасьева (II, 434).

228. Дви проповіди.

I. Проповидь украинця:

Братіе! Йихъ благородіе, панъ комысарь, лежать. А чога жъ вони лежать? Бо вони вмерлы. А чога жъ вони вмерлы? Бо естественно чоловікови родытись, естественно и вмерты. Аминь.

II. Проповидь билоруса:

Братіе! Памьоръ... памьоръ... и ляжиць... А вы, дурни, цаво стайице? Бяриць и нясиць... Аминь.

Неизвѣстно кѣмъ записано.

229. Помылывсь.

Йихавъ архырей черезъ поронь, а у ту пору по Десни ишли плиты. Старшый плытовцькъ крычавъ на свойихъ товаришивъ:—«Прычалой!»—та крычавъ такъ здорово, що на симъ версть було чутно. Почувъ архырей у свойий карети та й каже:

— Прыведить мени того чоловика, що въ його такый голосъ.

Прывели плытовшыка до архырея, и винъ зробывъ його дякомъ.

Служывъ равъ той дякъ службу, и треба було йому казать: «Много лита,» а винъ помылывъ та якъ крыкне на всю церкву: «Прычалюй!» Такъ його заразы розстрыгли и прогналы.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Мушкаго.

230. Жарына.

Кажуть люде,—встаровину не дуже було густо людей пысьменныхъ, а найпаче попывъ. Знаходывься цили села, де попа и дяка зроду-вику не бувало, и люде не вмилы молыться, не бачылы, якъ треба поклони класты або хрестыться, а що попа возыты у решети,—воны про се и не чулы николы.

Такъ було соби одно село, де люде не памъяталы, чы бувъ тамъ колы пипъ. Ото прыслано туды попа и дяка. Збигся народъ звидуси дывыться, наче той рашевецъ расташовався зъ гарнымъ крамомъ, або цыгане прывели ведмедя, де зроду-вику його не бувало.

— Чы такый винъ, якъ и мы?—пытае, хто не бачывъ.

— Точнисинько,—одказуе такый, хто все знае и все бачывъ,—тыльки коса зваду телипаецься.

— Що жъ вона скындячкамы гарно перечеплена, якъ у дивчатъ? Чы пидъ очипкомъ схована?

— Ни, вона рочесана.

— А у дяка велька коса?

— Ни, не дуже.

Багато де чого казавъ народъ. Осельвся пипъ.

— Теперь,—каже,—треба одибраты хату пидъ церковь, покъ збудуемо церковь.

Одобралы. Зибралысь мыряне вчытысь молытыся.

— Глядять же,—каже пипъ,—вы мусыте робыты, якъ я робытому: отакъ хреститыся, отакъ поклони быйте!

— Такъ, такъ,—загудилы уси и почалы поклони быты.

Пиднись дякъ попови кадыло. Почавъ винъ ходыты по хати и кадыты, а мыряне хрыстютыся и поклони гатыть. Тилькы якось на лыхо жарына съ кадыла упала попови за халяву. Винъ дума: «Ничого вона не вдіе кризь онучу». А дали тупъ-тупъ ногою, се бъ то зага-сыты ййи дума. А мыряне и соби—тупъ-тупъ ногою! Жарына не вгасе и дужче прыпика. Пипъ тилькы дрыгъ-дрыгъ ногою! А мыряне уси соби дрыгъ-дрыгъ!.. Якъ прыпекло попову онучу да якъ зашкварчыть попова нижка,—тоди винъ сивъ мыттю доли, давай стягаты чобить.

— Анаємо!—каже, да й кынувь його у кутокъ.

А мыряне соби посидалы на землю, роззуваютыся да й шпурляють чоботы у той кутокъ, де поливъ лежыть. Пипъ баче, що беда—закыдають його чобить такъ, що и ворожка не пизна,—мерщій схопывся, за чобить да драла зъ церкви, а мыряне соби за чоботы да наздогинь зъ церкви.

Така, кажуть, була колысь служба.

Записаль Пидводный.

Такіе же разказы напечатаны въ «Этн. Збрн». (I, V, VI, и 28, V).

231. Хытрый бляхаръ.

Було це пидъ церквою, якъ разъ на самисиньки проводы. Поодправлявъ пипъ панахыды, сивъ за стиль

и почали трапезувати. Навкруги попа посадили сами найбагатші мужики а між ними якийсь примо-стився й бляхарь. Йидять вони усяку страву, ажъ за ухами лящуть та все горилкою частуються; пипъ надто налягає на м'ясыво-курятинку, сотає собі. А бляхарь хоча бъ крыльце зъ курятини,—сыдуть и въ ротъ не бере. Помитывъ се пипъ та й пытає його:

— А чому ты курятини не йиси?

Бляхарь подывввся на курятину та й каже:

— А тымъ, батюшко, що кожна хазяйка, якъ посылає дочку пійматы пивня на таке дило, то й приказує: «Гляды жъ, дочко, ловы того пивня, що зъ бильмъ гребинемъ, бо винъ все одно не сьогодни—завтра здохне: краще я дорижу його та спечу, а пипъ иззистъ, ще й пальчыкы пооблызує!»

Почувшы се, пипъ скривввся та й выкинувъ зъ рота те, що й зумравъ... Зъ того часу пипъ ажъ николи не йивъ м'яса, що носять на таке дило парахвіяне.

Каневскій у. Кіевскої губ. В. Ф. Степаненко.

232. Незвычайна хазяйка.

А.

Прийшовъ пипъ до однієї хати зъ молитвою. Хазяїна дома не було, а хазяйка каже сынови:

— Скажи, що дома нема!

Та й заховалась на пичъ

Увиходыть пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже хлопець,—пишли на село.

Пипъ глянувъ по хати,—ажъ видно съ печи ноги.
То винъ:

— Скажи жъ матери щобъ удруге, якъ пиде на село, то й ноги съ собою забирала!

Харьковск. губ. Б. Д. Гринченко.

Б.

Прыйшовъ пипъ зъ дьякономъ, а жинка одъ йихъ ваховалася на горыще, а сынови звелила сказаты, що нема ййи дома. Пытае пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже сынъ.

А дьяконъ глянувъ по синяхъ, ажъ спидныця зъ горыща звысла—не вспила жинка далеко заховатыся. То винъ:

— Дакъ скажи жъ матери, щобъ удруге не чыпляла спидныцю надъ дверыма!

Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

233. Страшный судъ.

Це було дило саме якъ разъ въ майи мисяци, ще й передъ зеленымы святкамы. Мени казавъ одинъ чоловікъ, що въ цимъ году буде кинецъ жызносты, а якъ инакше сказать—страшный судъ. И розказуе, що выйхавъ той же чоловікъ якъ разъ за саме село и дывытсья, що це вже мабутъ и винъ, той самый страшный судъ, бо вже й земля уся зайнялась тамъ на Выржавци и уже зайнялась по самисиньку яконовію, оту, що ййи всяке пошты знае зъ нашего краю. Я тоди, не бувшы лыхо, та назадъ у село та до росправы. Якъ и вамъ же звисно, що якъ зробытсья яке де небудь дило, то треба дать знать въ самый передъ куды жъ, якъ не до росправы? То якъ я вернувся до росправы и не заставъ тамъ ни соцького, ни десяцького, а тилкы бувъ тамъ одинъ сторожъ, то я йому розказавъ усе це лыхо и

пойхавъ и зъ своєю жинкою Марусею, щобъ тикать куды небудь у друге мисце, або шо. Ище й другимъ тамъ сказавъ, щобъ тикалы тоже. То одни тикалы, а ти поторопила та кажутъ, шо якъ уже це буде страшный судъ, то куды вже намъ тикать, одначе вся земля згорыть, то все жъ такы мы не втечемо.

Колы йиде якийсь чоловикъ, якъ по нашому найшвидче сказать,—осаула зъ берлозивської яконовійи та загадуе малымъ дитямъ жукивъ ловыть на бурякахъ, а мы йому:

— Ты сякий-такый и въ останній день загадуешъ! Дывысь, онъ на Выржавци земля уже горыть, а винъ намъ каже жукивъ ловыть!

— Шо вы, поторопила, чы шо це зъ вами случылось? Дурни вы! То на ковтьобахъ жуки палютъ, а въ Выржавци туманъ схопывся зъ рички. Схамениться лышень!

Тоди наши люде, почувшы це, поверталысь звидтила, куды бувъ хто втикъ та до шынку, та давай пыть горилку та радуваться, шо ще такы трохи поживемъ.

Каневскій у. Разсказъ сторожа копиеватской управы Грыцька Бульбы.
Сообщилъ В. Ф. Степанско.

IX.

*О явленіяхъ жизни семейной и
общественной.*

234. Вирна дружина.

Одынъ молодой чоловікъ та дуже добре живъ изъ своєю жинкою. Було, чумакуючи, йиздыть по дорогахъ, а думка витае коло вирнойи дружины у ридній осели. Додому повертається якъ у рай, а доведеться знову кыдаты домивку,—важный сумъ огортае душу. Отъ разъ, рушаючи въ далеку дорогу, винъ и каже жинци:

— Дружно моя, чы ты справи вирна мени, чы може, якъ довго нема мене, то й у грихъ ускочышь?

А вона йому: «Отъ уже,—каже,—я швидче на тебе надіюся, шо ты, ходячы по свитахъ, не выбудешъ такъ.»

Слово по слову, а дали й заложылысь: «Ну, якъ такъ,—каже жинка,—надинемо на розстанни по новій сорочци, и хто чесно проживе,—ходытыме у билій сорочци, хочъ ни разу й не скыдатыме, ажъ покы побачымося; а хто согрышыть, на тому буде чорна сорочка, и пратте не поможе.»

— Добре!

Такъ и зробылы.

Отъ, якъ верталысь уже чумаки додому, трапылось йимъ ночуваты на постоялому двори у дуже багатого купця. Булы тамъ напытки и найидкы усяки, а чумаки, звычайно, грошовыти люде, пьють та закусюють. За ве-

черею, на пидпытку вже, стали дывуваться тому чоловікови, що одколы, кажуть, ходымо у дорози, винь ни разу не переменявъ сорочки, а сама чыстїйша сорочка въ його. Приставъ до йныхъ и хазяйинъ: що да якъ? Ну, той чоловікъ и признався: «Це,—каже,—мы заложылысь изъ жинкою: хто зъ насъ чесно прожыве, той зъ дружиною стринеться у билїй сорочци, а хто проступыться, на тому одразу стане чорна сорочка.»

Купецъ той якъ заребочеться и просто въ внци зве дурнемъ: «Чы такы жъ,—каже,—жинкамъ можна вирняты? Да абы трапывъ добрый молодець,—зроду не встойить.» А чумакъ той свое: «Ручусь, якъ за себе.» Отъ купецъ тоди: «Та хочешъ, я самъ звезду?»

— Звезды!

— А шо дасы?

— Та заберешъ уси мойи волы й возы.

А шить паръ воливъ!

— Добре.

— А якъ же выйде твоя брехня, тоди шо?

— Пропало усе мое господарство.

Ото стали у закладъ, напысали у бумагу, и вси пидпысались. Роспытався купецъ, у якому сели и де саме живе чумакъ та й пойхавъ.

Прийиздыть до того двора и просыть у молодыци, чы не можна коней погодуваты да й самому одпочыты. Молодыця, звычайно, пустыла. Просыть винь самоварь нагриты. Пъе чай и хазяйци дае та ще й рому пидсынае. Дочаювались, шо треба вже й йихаты. Просыться купецъ на ничъ. И все лыпне, та й лыпне до тыей молодыци; попервахъ оддаликъ заходывъ, а дали вже й добре приставъ. И надававъ ажъ тысячу рубливъ, абы тилько дило було. Бачыть молодыця, шо не перелывкы, а сама жъ одна душею въ хати. Отъ вона й каже: «Ну, добре,—чы такъ, то й такъ! Тилько менї треба на двирь выйты.»

Выскочыла молодыця зъ хаты та боржій до сусидкы. А бия ййи жыла одна убога вдова.—«Отакъ и такъ,—каже,—вызволю и мене одъ напасты, и соби тысячу заробышь: тоби Богъ простыть!» Росказала тій сусидци, якъ треба поводитысь. Та й зохотылась.

Отъ купецъ отдавъ тысячу та тоди за косу тилько чыркъ ножицями: «Це,—каже,—хай мени за тысячу.»

Выйшла удова, а хазайка тоди въ хату. Уранци купецъ пойхавъ радый та веселый, шо выгравъ закладъ. Постричався зъ чумаками: «Мойи,—каже,—волы!»

Показуе косу. Чоловикъ той и охоловъ. «Ну, та вже жъ,—каже,—побачымо!»

Идутъ чумаки, а за ными и купецъ повернувъ. Пидйихалы до двору. Молодыця выскочыла, ворота одчыня. А купецъ и гукае: «Да не одчыняй,—каже,—бо це все мое.»

— Чого жъ воно твое?

— А ты забула, якъ я ночувавъ у тебе?.. У насъ ись твойимъ чоловикомъ бувъ закладъ.

— Я тебе овсимъ не знаю,—каже молодыця.

Купецъ тоди: «А це шо?»—показуе косу.

Молодыця очипокъ изъ головы: «Ни,—каже,—у мене, хвалыты Бога, коса цила.»

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Евдодима Гавриленка, 27 лѣтъ, въ 1898 г.

235. Хытра жинка.

— Жинко, а де гроши подила?

— Та де жъ?.. Копу на силь... копу за силь... за копу солы купыла... а копу пропыла...

Чоловикъ росердывся та вларывъ ййи.

— Бачъ, ударывъ у губу, перебивъ рахубу, до й шытай самъ!

С. Евминка Остерск. у. Черниг. г. Г. С. Неводовскій.

236. Ленива жинка не пряде.

Була соби одна така жинка и не любила вона пряс-ты. Каже йй, було, чоловікь шобъ вона прядла, а жинка одказуе: «Ще напруду.»—«Та пряды бо, сяка - така!»—«А килькы ще,—пытае жинка,—недиль до празныка?»—«Десять.»—«Ну, ще десятку напруду!»

— Чомъ бо ты не прядешъ, пряды! — зновъ черезъ килькы недиль кажє чоловікь.—«А килькы ще осталося до празныка?»—«Та уже тилькы симъ недиль.»—кажє чоловікь.—«О, ще у семуху напруду!»

Проходять и симъ недиль, а жинка и не береться за куделю. «Хай,—кажє,—у вельку суботу—велький день буде, тоди напруду.» Диждалы воны и велькойи суботы, зложыла жинка у чугуны льонъ та конопли и давай парыть. А у фихъ та була сучка - кудла.—«Сыды жъ,—кажє жинка на чоловіка,—та дывысь, шобъ кудла не вскочыла у сины, а то мойи полотна покудлаться.» Сыдыть чоловікь на порози, махає рукамы. Стала жинка выимать чугуны зъ печи, а кудла такъ и выляе хвостомъ, якъ бы ускочыть у сины. А жинка тыхенько маныть кудлу, та ще й хлибъ показуе. Кудла, побачывшы хлибъ, перескочыла черезъ плече чоловікови та у сины. А жинка тоди якъ закрычыть на чоловіка та заголосыть: —«А що жъ ты мени, такой-сякий, наробывъ? Покудлатылысь, пропалы мойи полотна!» Та давай вытаскувать зъ чугунивъ льонъ та конопли, годи й билыты.

Запысала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Гликеріи Новиковой
М. С. Чудновская.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убирае.

Була соби жинка, та така ленива, мовъ бы це йя, нелюбила вона пряс-ты. «Чому ты,—кажє чоловікь—не

прядешъ, у шо ты мене уберешъ, якъ я умру?»—«О,—каже жинка,—уберу, ше й якъ.» Прикынувся чоловикъ мертвымъ и лежить. Найшла жинка неретку, надила на чоловика, бо ничого бильше не було надить, прыпала до чоловика и голосыть: «Чоловиче мій, та куды жъ ты убиралешся?»—По рыбу,—промовивъ чоловикъ. Положила чоловика у домовину. Зновъ жинка стала голосыть: «Чоловиче, та куды жъ ты убиралешся.»—По рыбу.—«Ой, мамочко,—крыкнула тоди жинка,—винъ не умеръ, винъ гомонить.»—Ни, се тоби, моя донько, такъ удаеться, шо ты його любыла.—Прынесли чоловика уже до мѣглыокъ. Голосыть жинка, приказуючы: «Куды жъ се ты, чоловиче, убиралешся?»—По рыбу!—скрыкнувъ чоловикъ, та й уставъ зъ домовины и давай быть жинку по потылицы: «Оце тоби,—каже,—не леньсь, та пряды, щобъ не убирать чоловика у неретку.»

Записала отъ Лукеріи Новицкой М. С. Чудновская въ с.
Выбляхъ Черниг. у.

238. Жинка безъ десятой клепкы.

Купивъ разъ жидъ у олінейи жинкы яйца и каже: «Ты погуляй, а я однесу яйца додому и прынесу тоби гроши.»—«Добре,—каже жинка,—тыльки якъ же мы одынь одного угадаемъ?»—«И справди,—каже жидъ,—хыба знаешъ шо? ты надиць мое палто, а я твій кожухъ.»—А на жинци бувъ добрый кожухъ. Передяглася жинка у жыливське палто и жде. Ждала, ждала, та безъ кожуха и додому вернулась.—«А кожухъ де?»—пытае чоловикъ. Вона розказала, якъ було дило.—«Нема у тебе,—каже чоловикъ,—десятой клепкы!»—Та не ставъ бильшь и балакаты.

Побачыла разъ жинка бондара и просыть, щобъ винъ зробывт ий десяту клепку. Заглянувъ бондаръ,

шо у синяхъ высыть велике сало, та й каже: «Се до-рого буде стойить: отъ якъ оддасы отее сало, то зроблю». Согласылася жинка, и бондарь выстругавъ йй кле-пу, зробивъ обручкы и надивъ на голову.

Записалъ отъ Андр. Чечни Петръ Курилецъ, въ Черниг. у.

Сообщила М. С. Чудновская.

239. Якъ жинку ярмалокъ наляжавъ.

Докоряе жуинка чоловикови, шо усе самъ йиз-дыть и до миста, и въ ярмалокъ, и такы добылась того, шо чоловикъ згодывся взять и ейи на ярмалокъ. Отъ прыйихалы, чоловикъ выпрягъ волувъ, посадивъ жуин-ку воза стерегты, а самъ пишовъ нибы за диломъ; але жъ надумавъ вуинъ инше дило: знайшовъ польцейсько-го, купивъ йому восьмуху, чы дви и попросывъ, щобъ той провчывъ жуинку, якъ на ярмалокъ йиздыть. Зго-дывсь польцейскы, прыйшовъ до жуинки та й grim-нувъ: «Чого ты приѣхала?»—А та веселенько: «На ярма-локъ!»—Ахъ ты сякая-такая! Я жъ тотъ ярмалокъ, такъ ты на меня будешъ ѣздить?» та й почавъ ейи пу-гою перищты. Повчывъ добре й зныкъ. Ажъ надходе чоловикъ, а жуинка й пыта знышка: «Не бачывъ ты ярмалку?»—«Ни, не бачывъ. А шо хыба?»—«Та тутъ якъ здыбавъ мене, то трохи шкуры не опоровъ, ледви пидъ возомъ сховалась, та ще й наказувавъ, шо вернетъ-ся вдруге. Запрягай, чоловиче, нумъ тикать мерщій,—краще самъ выйдешъ». Чоловикъ уже й зоставляе: «Побудьмо ще, поорудуемъ де шо.» Та куды тоби—тикать,—хай його муръ не знае, того ярмалку! Втеклы. Жуинка вже не чепляется до чоловика. Прожылы зла-годно вже тыждень, а жинци все на думци ярмалокъ. Пишла вона у недилю до церкви; туилько шо въ бабы-нець увишла, ажъ уздрила москаля въ церкви, та нав-

тики. Прыбигае додому, задыхавшысь. Чоловикъ до нейи: «Чого се рано зъ церкви?»—«Ой, не пытай же ты мене! Ярмалокъ у церкви.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

240. Жоноча пошестъ.

— Боже муѣй, шо його робыть? жуинка недужа.

— Осе! Шо жъ тамъ таке?

— Та чорты його батька знае, шо воно й за пошестъ: лежыть безъ просыпу, а йистъ безъ пошады.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты.

Одынъ чоловикъ та хотивъ вывирыты, чы можно жинкамъ правду казаты. Отъ винъ пишовъ у коморю, лигъ та й лежыть, наче хворый, а жинка й пытае його:

— Чого ты, чоловиче, лежышь?

А чоловикъ и каже:

— Въ мене таке, шо не можно казать, а то ты скажешъ кому небудь.

— Та ни, не скажу.

— Э, ни, скажешъ.

— Та ни бо, не скажу!

Довго винъ не хотивъ казать, а тоди й каже:

— Та тилкы жъ никому не кажы! У мене вылетила зъ рота гава.

Отъ жинка пишла по воду та й стрила свою куму, а кума й пытае:

— А шо, полекшало твоему чоловикови?

— Э, де тамъ полекшало. У його,—тилкы кумочко никому не кажы,—у його дви гави зъ рота вылетило.

Кума сказала, шо никому не скаже. Колы йде друга баба. Отъ та кума й каже:

— А знаете, у того чоловика (якъ тамъ уже його) тры гавы зъ рота вылетило. Та тилкы жъ никому, бабусичко, не кажить.

А та й сказала свойй племянницы, да й ще прибавыла, а та ще комусь, такъ выйшло вже дванадцять гавъ. Отъ уже вси на сели дизнались, думаютъ, шо жъ це воно таке? Зибралась громада и кльчуть його:

— Шо це,—кажутъ,—у тебе таке?

А винъ йимъ усе й росказавъ, якъ воно було:

— Це я,—каже,—хотивъ вывирить, чы можно жинкамъ правду казатъ,—ажъ бачъ, якъ йимъ можно правду казатъ.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у. въ 1898 г.

242. Батькова правда.

Вы пытаете, добродію, звидкы берутся оци пословици? Такъ стари люде прикладуютъ. Кольсь покійный мій татко було намъ каже: «Слухайте, диткы, шо вамъ кажутъ стари люде, примичайте та такъ и робить!» Та оце, бувало, й роскаже яку небудь казку. Отъ колы хочете, я й вамъ роскажу де яку казку покійныка татка. Се жъ ото бувъ чоловикъ, а въ його бувъ однимъ однимъ сынокъ. Отъ винъ, умираючи, й каже; «Гляды жъ, сынку, съ панамы не кумайсь, зъ жыдамы не братайсь, жинци правды не кажы, чужойи дытны за дытну не ймій, собаци виры не доймай.» Вмеръ старый, сынъ почавъ господарюваты. Панъ його такъ жаліе й прыкащыкомъ настановывъ, а дали и въ кумы до себе взявъ. Не послухавъ винъ батька та й пишовъ до пана въ кумы. Шо жъ?—панъ його ще бильшь зачавъ жалиты. Отъ винъ и думаетъ: неправду казавъ покійныкъ,—

бачъ, якъ мени добре, шо я панський кумъ. А въ його не було дитей, отъ винъ и взявъ соби челядныка за сына. Потимъ того йиде панъ у повкъ та й каже: «На жъ тобі, куме, мого сокола та гляды жъ, доглядай його гарненько!» Пойхавъ панъ. Отъ винъ и миркуе: давай, каже, извидаю батькову правду. Та взявъ того сокола, шо йому уручывъ панъ, заховавъ, а пыленятко*) заризавъ, опатравъ, прынисъ жинци та й каже: «На жъ тобі, жинко, звары оцього сокола, та колы бъ ты никому, никому не казала, бо якъ дочуе панъ—буде намъ лыхо.» —«Ни, чоловиче, чы можна, щобъ я кому сказала?» Та й пишовъ кудысь по господарству. А жинка за те пыленятко та до кумы. Прыбигла та й просыть горшыка: «Кумочко, голубочко, дай, будласко, горшыка!»—«На шо тобі?»—«Та нельга казать, кумочко!»—«Якъ тобі не грихъ, кумо? Я жъ до тебе така вирна, а ты мени не хочешъ сказаты.»—Вона й розказала. Кума сказала матци, матка невестци; пишла чутка по всьому селу: прикащыкъ заризавъ панського сокола. Почувъ и панъ, одпросывсь та й прыйхавъ додому. Заразъ по кума: «Де, сякый-такый (годи вже й кумомъ), де сокиль?» —«Шо жъ, паночку, вынувать: заризавъ та ззивъ.—Не прызнається, думавъ, шо панъ помылуе, ажъ де тобі: якъ закрычыть на його! Крычавъ, крычавъ, а дали лакеямъ и каже: «Визьмить його, повисьте!» Отъ винъ и каже панови: «Дозвольте, паночку, хочъ въ останній разъ Богу помолыться, зъ людмы роспростыться!» Дозволивъ. Прыходыть додому, надивъ билий кожухъ та й згадавъ, шо ще жыдъ не вернувъ грошей позмыченыхъ. Питы жъ, думает, до жыда, отъ и визнаю його правду. Та тилькы шо показався зъ синей,—де взявся собака,

---

*) Пыленятко—се бъ то курча, бо курчатъ склыкають: пыль, пыль!

та на груди, та давай його шарпаты, такъ полу й одчакнуувъ! Бачъ, якъ батькова правда збувається! Приходять до жыда. Жыдъ ни близько: «Я,—каже,—въ тебе не бравъ грошей.» Зъ симъ и пишовъ видъ жыда. Пришовъ додому, вынись зъ коморы гроши та й каже жинци й небожови: «Нуте дилыты гроши!» Взявъ та й розскладуе на чотыри купкы. А було тилькы трое: винъ, жинка й небожъ. Отъ небожъ дывывсь, дывывсь, а дали й пытае: «Кому жъ оце, господарю, четверта купка?» —Се,—одвитуе,—тому, хто мене вишатыме.—«Э, такъ якъ мать чужому тебе вишаты, то лучче давай я тебе повишу.» Отъ тоди винъ узявъ, зсыпавъ зновъ гроши въ мншокъ и каже: «Ну, теперь звидавъ усю батькову правду!» Пишовъ туды, де сховавъ сокола, взявъ його й приходять у панський двирь. Сокиль якъ свысне, панъ и почувъ та до лакейивъ: «Эй, идить, поглядить, неначе сокиль свыснувъ.» Выбиглы, подывылысь—ничого не чутъ. «Нема, пане, ничего, се, мо, вамъ такъ здалось.»—А може й справди здалось,—каже панъ.—Та тилькы шо се промовывъ, а сокиль зновъ якъ свысне! Панъ ажъ здригнуувъ та й побигъ самъ дывыться. Выбигъ, глядыть: кумъ його сыдыть на рундуци и держыть сокола. Панъ до кума: «Де ты, кумочку, його пйймавъ?»—А шо жъ,—каже,—пане, оце я извидувавъ батькивську правду...—Та й оповидавъ йому все, якъ було. Отъ тоди панъ заплакавъ та й каже: «Ну, спасыби жъ тоби, куме, шо ты й мене навчывъ слухаты батькивського слова. Робытому жъ и я теперь, якъ мени веливъ покійный мій батько.»

Черниговск. губ. Записалъ А. А. Тишинскій.

Изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1859.

243. Удова

У Жеведи Чернигивського повиту такий звичай, що якъ добрый чоловикъ везе повзъ удову дрова чы тамъ килкы, то й укыне йій у двирь дровь, чы кил-локъ який.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко.

244. Недогадлыва дочка.

Маты йде до церкви, а дочки загадуе хлибъ мисыты. Дочка пытае:

— А довго жъ його мисыты?

Маты каже:

— Мисытымешъ, ажъ покы съ стрихы почне капаты.

Отъ маты пишла, а дочка взяла мисыты. Мисыла, мисыла, тоди выйшла, поглядила—не капае ще съ стрихы. Вона зновъ помисыла трохы, выходе—не капае съ стрихы, лапнула рукою, ажъ ище й не мокра стриха. И такъ вона скилкы разивъ выходыла дывытыся—ни, не капае. Уже вона, бидна, такъ утомылася, трохы не плаче: пить очи зальвае, а съ стрихы все не капае. Прыходе маты съ церкви, а дочка все мисе. Вона каже:

— А чого це ты й доси мисышь?

— Та колы жъ и доси съ стрихы не капае.

А маты тоди сміється:

— Та вже—каже,—въ тебе съ стрихы не то капае, а бижыть.

Тоди вже дочка догадалася, про що маты казала.

Харьковская губ. Записала М. Н. Гринченко.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ.

Жывъ соби колысь такъ соби дидъ да баба. Було у йихъ два сыны: Федотъ и Ягоръ. Отъ разъ ставъ дидъ бабу бытъ. Хлонци саме за роботою булы: Федотъ рукавыци пльуивъ, а Ягоръ вовну скубъ. Отъ дидъ бабу лупцуе, а вона крычыть. Ягору стало жалько матери, — вуинъ кынувсь оборонить, але жъ самъ не подужае батька, шобъ матирь оборонить. Отъ вуинъ гукать на помочъ Федота: «Федотъ, иды поможи, а то я самъ не цодужаю!»—Федотъ и каже йому:—«Ото знаешъ шо, Ягоре? мы браты родни, а вони черты зводни,—такъ нехай трохы побъются,—тоди вони самы розидуться,—те вправо, те вливо, шобъ увъ обохъ болило.»

М. Веркiевка Нiжинскаго уiада. Записалъ Е. Н. Гаврилей.
отъ Мыколы Кропки.

246. Батькивъ прокльонъ. *)

Дле себе Матвiй погано робить: воно, може, не мое дiло, да и нехай уже выбачае, я такы ему де чого багато нагомонiвъ. Выдыте, яка пришта, добродiю: Матвiй выправлявъ сына кудысь то та такымы словамы выпроводивъ, шо нехай уже вони на сухой лись идуть; воно, правду кажучы, и хлопья въ його ледаче, да й Матвiй не добре робить. Клесты дiтей батьковы не

*) Разказъ этотъ записанъ не слово-въ слово изъ усть разказчика, а съ памяти; кромi того, г. Косменко, сообщившiй этотъ разказъ, при записыванiи его не слiдовалъ произношенiю разказчикомъ каждой буквы. Такъ, вездi, гдi буква *о* выговаривалась разказчикомъ какъ *уо* или *уы*, онъ поставилъ *о* и проч.

слидъ, пражлюонъ радителявъ не йде часомъ на сухій лѣсъ, а падае на голову да на лыхо дѣтямъ ледачымъ.

— То вже люде пропащіе, не приведы Господы и бачыть йихъ. Отъ якъ бы вашій мылосты въ угоду, я бѣ расказавъ одынъ такой злучай, шо за моеи памяти ще бувъ. Вы може бувалы на Котрелюовщинѣ*); тамъ и доси е слыве зовсимъ завалена пашенна яма,—не въ приметку вамъ? Було тамъ, кажуть, багато де чого, а теперь и помыну нема, только та ямка, наче въ ей и дна немає... Жывъ колысь оттамъ на Деркачовци**) чалавѣкъ—Сергѣемъ звалы его; добры бувъ чалавѣкъ, парства ему небесне!.. и заможенъки таки геть бувъ! Усякого добра було въ його доволи: и коии, и скотынка, и птыци всякойи, а хлиба светого, — вже й казать нѣ-чого! Бувало, чи неурожай, чи грядъ, або сарана поле выбѣ,—у кого ничего, а у Сергѣя засѣки повны: самъ ѣвъ мяккый хлѣбъ, да и людямъ въ притузи помогавъ. Не велька була въ його семъя: жонка да трое сыновъ. Да шо за семъя була!.. Сергѣиха работяща була на все село, а сыны тожъ паробѣчкы булы—глянуть любо: до дѣла трудящи, до батька й матери слухмяные, до чужихъ людей звычайные. Ну, сказать—усимъ Богъ благословивъ Сергѣя. Диветце було люде, да дивуютце, шо Сергѣй жыве, якъ у Бога за двермы: и добра въ його всякого доволи, и семъя на радость...

Пожалуйте жъ. Жывъ Сергѣй якъ пошлы Боже и всякому такъ житы, а вмеръ—не приведы Господы и нехрыста такъ умыраты. Чы согрѣшивъ чымъ самъ Сергѣй передъ Богамъ, чы на покуту батькавскихъ грѣховъ, чы такъ Божа света воля,—только дворъ Сергѣя зразу

---

*) Урочище въ ж. Понорницѣ.

**) Часть мѣстечка.

неначе заморочило шо. Отто спершу умерла жонка; не обтеръ ище слюозъ Сергѣй и сынъ болшій Богу душу отдавъ. Пожурывсь Сергѣй, пожурывсь, да якъ довѣе доброму чоловѣкови и переставъ. Минувъ годъ, Сергѣй забравсь середулшого женить. Засваталы дѣвку, прибралысь къ весѣллю,—а гу! занедужавъ середулшый, да й тей накывавъ петамы. Близько пудайшло горе тогда до Сергѣявого серця—зажурывсь сердека! Отто, то люде добрые, то панотець покойный батюшка сякъ такъ отхаялы Сергѣя. На все, кажутъ, Божа сила, Божа й воля, а журба грѣхъ тяжкый! Въ тебе, кажутъ, сынъ ще е, дасть Богъ оженышъ, дождесся внукавъ, буде кому на старости и догледаты и хлѣбомъ кормиты, а умрешъ—е за шо, да й буде кому поминаты. Чы послухавъ Сергѣй, чы не послухавъ, только вже живъ, якъ те пудрублене дерево,—живе та сохне. Ему було добры люде й кажутъ: «Эй Сергѣй, бойся Бога! журбою ничего не вернышъ, а только Бога прогнѣвышъ».—«Да нѣ, каже, я не журусь, я своихъ пакойниковъ завсимъ и забувъ уже».

Сергѣй казавъ правду; сохъ да чакъ вонъ не одъ того,—батькове серце чуло соби горе! Останній сынъ Сергѣявъ бувъ уже геть паробѣчка; годовъ черезъ три, або чотыри, Сергѣй оженывъ його. Якъ уже вони тамъ жили, Богъ йихъ светы зна; только не въ диковижу стало бачыть и слюзы на очахъ Сергѣя. Прошло може такъ... гадовъ петнадцеть,—Сергѣя Богъ и внученятами благословивъ; хлопята уже геть пудрослы—только шожъ? не въ дядьковъ удалысь. Бувало йимъ только и дѣла, щобъ у людей городыну псавать, або камѣнье швыргать, або людей цкавать собаками; стали люде недобре гомонѣть про Сергѣявого сына. Воно вѣстымо, якъ дѣты капостны, то батька виновать, чому не учить; а якъ батька не научае дѣтей людей поважаты да Бога боятысь, та закону Его, то и самъ вонъ не-

добрый чалавѣкъ. Коли жъ такъ и вышло. Пронеслась чутка, шо старого Сергѣя сынъ не симане*) зовсимъ, да такъ грывае на батька, шо въ старого часомъ и косточки трусетсе. Дале, вже и сусѣдамъ чутно стало, шо сынокъ такими словами вымовля на батька, шо доброму чоловѣкови и на челядныка сказаты соромъ. Дивуютсе, було, люде, шо съ Сергѣявого сына таки ледачы чалавѣкъ зробився; да, бувало, зустринуть старого: «Чомъ ты, кажуть, Сергѣю, начальникамъ на сына не пожалылся? — вонъ тебе обиждае крѣпко.» — «И вже, — каже, — начальникамъ на сына жалытьця!.. да й за вищо?.. Вонъ у мене слава Богу и работающий, и слухмяный, а шо часомъ и бувае, такъ то такъ, ничего, — мы свои!» — Да одвернетця да полою и втирае красныя очы. Пробувалы иншыя и до сына пудступать, за шо такы вонъ батька такъ на старости обиждае, шо вонъ же не ледащыця, не пьяныця, худобчыну забравъ для його хотъ куды, — и се, и те, — дакъ усє ничего; у сына каяття не бачылы!..

Отто настало лѣтечко свете. Сергѣй занедужавъ. Воно вже и поживъ такы слава Богу, а тутъ поховать жонку, да двоухъ сыновъ, да ще на старости лыхо одъ дѣтей терпѣть — не приведы Господы никому, хотъ кого въ обложже положить. Лѣтомъ, вѣстимо, нашъ братъ слыве все время у поли; отъ, було, поѣде у поле и Сергѣявъ сынъ. Да тольки якъ воиъ зъ двора, жонка не то, щобъ догледыть недужого батька, и соби вслѣдъ за очами. Воно такъ: якъ чалавѣкъ ледачыи, отъ жонки и давно добра не ожидай. А Сергѣй лежить та часомъ не ѣвши, не пивши и день проводить. Даждалы жнивовъ — Сергѣй завсимъ охлявъ. Поѣде було уся семья на поле, опричь дѣтей, бо тыхъ, якъ свѣтъ — и у хати нема; а щобъ було кому старого догледыть, до сього и дѣла нема никому. Лежить сердешный дѣдъ: чы воды бѣ напывся, чы другого чого, — самъ не встане, а подать

---

*) Не уважаеть.

нѣкому; слёзъ бы напився, да и слёзы на старость по-высыхалы. А дѣты понабѣгаютъ, накрычать, назичать, порасчыняютъ двери,—да й булы такіе. Понаходеть куры, свинье, попереворочуютъ усе у хати, а старому встать совѣмъ не въ моготу. Прийиде сынъ съ поле и за все виновать батька. Бачъ, якъ бы його не було, вонъ бы двери позамыкавъ. Терпитъ дѣдъ...

Отто разъ уранци забравсь молодой Курдюбенко у поле, надѣвъ шоломокъ, запалывъ люльку, да якась то и на батька зглянувсь. «Що въ тебе, каже, болыть, тату?»—Батька на все забувъ, да рады-рады, шо сынъ хоть обазавсь до його; забравъ, яки булы сылы, пуднявъ голову да й каже: «Ничого, мой сыну, ничого! Пудойди, будь ласкавъ, сыночку, ближче до мене, я тоби скажу де шо.»—«Що тамъ таке? Кажи да скорѣй, минѣ нѣколы.»—«Послухай, сыну, може я тоби въ останній разъ казатыму, мини вже не довго житы»...—«Да вже бѣ пора тобѣ честь знать, тату, шо люде дакъ умирають, а на тебе десь и смерти нема. А вже надоѣвъ!»—«Що жъ робыть, сыну: на се Божа воля; тольки минѣ здаеця, шо и я уже не довго житему. Увесь вѣкъ свой, сыну, проживъ я, про васъ думавши. Ты знаешъ, сыну, шо мини отъ свого батька ничого не досталась, а теперь, благодареные Богу, усячина водитця; а черезъ шо? я и куска не доѣдавъ, я и Петровской noci не досыпавъ, щобъ тольки вы, мои дѣты, горя не знали. Богъ забравъ твоихъ братовъ, теперь шо е, все твое, сыну, якъ будишь добры.

— Э!—одвича сынокъ,—се велька казка, я и безъ тебе знаю, шо мое,—чы нема чого луччого, а то мини нѣколы.

— Нѣ, послухай, сыну, се останній разъ...

— Да кажы жъ, кажы! Може де гроши закопавъ, дакъ кажы, а то чартвить чого я базикать не буду.

Батько здыхнувъ; хто його зна, що то вже вонъ хотивъ сказать! а деле трохы згодомъ и каже: «За все, сыну, що я придбавъ для тебе, нехай хто nebude побуде сьогодни дома, хоть Стеха твоя: четвертый день у мене расынки не було въ роти. Мой сыночку, мой голубчыку, не дай менѣ умерты голодною смертыю».

— А шо, бачь!—грымнувъ сынъ,—дывѣтце, люде добры (а женци на дверяхъ слухалы), шо батько зовсѣмъ передъ смертыю обезглуздѣвъ. Хиба жъ тоби нѣчого ѣсты? а колы я не вѣлю, га? А щобъ ты справи зъ голоду опухъ!

Завернувсь да й до дверей. Де тѣи слѣзы, де й силы набрались у нещасного Сергѣя: пуднявсь на полу, обернувсь до образовъ, да плаче, плаче,—а деле пуднявъ руки вгору да й каже:

— «Щобъ же ты, мой сыночку, самъ опухъ зъ голоду!»—Сказавъ да й повалывсь на полъ... Колы до його, а въ його вже й души нема.

Пожалуйте жъ. То саяк, то такъ заховалы Сергѣя. Курдюбенка ставъ самъ у дворѣ хозяйинъ—и хозяйнуе. Звезлы по гумнамъ хлѣбець светенькій добрые люде, стали молотыть—не отстае и Курдюбенка. Насадывъ вонъ першу овину, а самъ видно прилигъ, овина загорѣлась и къ свѣту ни гумна не осталось и ни снопа хлѣба. Беда ше не велька, катъ його не взявъ, грошенята булы,—накупывъ хлѣба. Весною зробывсь падежъ на скоть. Кого Богъ зовсимъ помылувавъ, у кого не багато зачепыло, а у Курдюбенка неначе метлою вымело—ни коня, ни вола. Видыма Богъ показавъ чалавѣку свой гнѣвъ за грѣхъ его. А Курдюбенка, де въ Бога просыть,—ставъ за галстукъ закидать. Пришлось орать—нѣчимъ, купыть—слыве нѣ защо,—нивки по боку! Пройшовъ годыкъ, другій—дворъ старого Курдюбы завсимъ не тей ставъ: те поломане, друге повалене, неначе и хозяйина въ двори немае. Скотынка яка прикуп-

лена, одъ недогледу держатця не стала, — хозяйства, еке було, пошло до-горы ногамы. Вонъ день-у-день пьяный, а на його глядя и жонка; що день, то у йихъ сварка да лайка: вонъ знелюбывъ жонку, а жонка його; а дѣти обойихъ йихъ поважать не стали. Вонъ, що можна, продае, то дле горемыки,*) то щобъ хазяйства, бачъ, пудправить, а жонка собѣ що зря въ шынокъ несе. Було то ище четвера коненятъ; на другій годъ одного, аделе и другого зверюкы задавили, а съ тыми двома поѣхавъ разъ середулшій сынъ у лѣсъ на ношлѣги, — сына гадюка укусила — сынъ обдувсь; дождавши осени и старшаго у некруты аддалы. Оббывсь Курдюбенко завсимъ; грошей нема, хлѣба нема, худобчина спыла, нема й помочи. Здаетпя, бачывшы такую кару, мершій бы до Бога со слезами, — дакъ нѣ, десь нечистый завсимъ завладѣвъ его душею. Курдюбенко ставъ горше пить. Було въ його семѣйи ще двѣ дѣвки да хлопья невеличке, да и тыхъ, за батькавъ упоръ, не милувавъ Богъ. Пошло якась у заморозки хлопья ковзаться на болото, провалилось на копанци — да тамъ и Богу душу отдало. Люде, знавши грѣхъ Курдюбенкавъ и бачившы його житье и кару Божу надъ нымъ — одцурались. Бувало, и дѣты малые, — иде Курдюбенко цо селу: «Курдюбенко, Курдюбенко!» — да текають, неначе одъ манейи екойи.

Пожалуйте жъ. Прошло ще може годовъ три або чотыри, — Курдюбенко зовсимъ охлявъ. Ото такъ... Передъ Михайлою (8 ноября) пошовъ воць у Покошичи до знахара; того й не знала проклета душа, що люде вже не помогутъ. Коли ждаты день, другый — нема; жонка у Покошичи. Пытае людей, кажуть, — бачылы, надвечоръ зъ Покошичъ ишовъ того й дня, якого по-

---

*) Горилкы. Прим. записыв.

шовъ и изъ дому. Туды, сюды—нема. Шукать по лѣсу да по колодезямъ,—думка—вонъ смерть соби заподіявъ, Прощло дньовъ шѣсть, або й лучше—нема. Отъ, у чолавѣчка, тамъ же таки на Деркачовци, парося забѣгло. Жонка сямъ-тамъ шукать—нема; пошла на Котрельовщину, чы не забѣгло туды часомъ. Иде—ямка пашенна; чы не впало, думка, сюды. Прилегла, дивитце—лежить щось, тольки не порося. Вона въ село. Забрались люде, пришли, розгледылы—чалавѣкъ; вытегли,—ажъ Курдюбенко. Да страшенны таки! Обдувсь, якъ колода, колѣна и руки погрызены, морда въ кровѣ. Выкопалы тамъ ямку да на ростанькахъ и зарылы, якъ собаку, просты Господы!

Може то, ишовшы съ Покошичъ, хотивъ навпростецъ додому пройты, а йшовъ то вже видно смеркомъ да й пудъ хмелькомъ може, да якость то и найшовъ на ямку. А вже якъ упавъ, дакъ хотъ крычи, не крычи—село далеченько, нехто не почуе. А вылѣзты зъ тыеи ямки, якъ вона тоди була, не тольки Курдюбенку, да и здаровому чалавѣку—самому не вылезти. Жонка посла його зовсимъ роспянствовала, да гадовъ черезъ два и вона пропала. А дѣвки—яки тамъ остались злыдни—збулы да й пошлы у Данщину; объ йихъ большъ и слуху не було.

Оттакъ то, добродію, перевелось усе кодро и вся худоба Курдюбы. Недаромъ кажуть, шо зъ батьковимъ да зъ материнимъ благословениемъ ни въ огнѣ не сгорить, ни въ водѣ не втонешъ, а одъ пракльону йихъ утонишь и въ ложки. Добрые и жылы добре, а ледачымъ и на землѣ пекло було. Нехай йихъ уже тамъ Богъ судыть да милуе!

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниговской губ.

П. Косменко въ 1854 г.

247. Сила клятвы.

Выбачайте вже, добродію, якъ ноги шо не такъ,—нась батьки грамати не вчили... Жили колысь на Пиваравци*) два чалавѣчки, адынь нехай царствуе, а другого нехай Буогъ судыть да милуе—Колѣнько да Сухопаль. Хазяйины булы на всю губу: усячина въ обохъ водылась и хлѣбець светый, и скотынка, да й грошенята щитать умѣлы. Да се не дыво—дыво те, шо жили вони соби якъ браты радиосеньки; бувало чи въ дарогу, чи въ ряду**) ску, чи такъ куды—усе укупн. Не стане було чого у адного—други мае, бѣдкуище чого одынь—и другому не весело. Жили то вони да поживалы, да добро наживалы—и Буогъ йимъ памагавъ, и люде паважалы.

Пожалуйте жъ!.. У Колѣньки умерла жуонка,—сердека трохи приупавъ. Зосталось трое дѣтвора, старшаму восьми, чи шо, гадокъ бувъ; съ такою дѣтворою безъ бабы жить—мука, да Сергѣй не думавъ жениця—дѣтей крипко жалувавъ. И па хазяйству безъ бабы пашло не те, такъ шо люде разъ-по-разу гомонѣлы ему пра женитьбу, а вуонъ, було, одно адвича: «Друга жуонка не минѣ не буде жуонка, не дѣтямъ майимъ матюрь; хазяйство чи пудправить, чи нѣ, а дѣти—прапащи.»

Принявъ до себе бабу екусь стареньку, щобъ дѣтей догледала, а самъ ѣздывъ па дарогахъ да копѣйчину звалакававъ. Разъ ѣхавъ видкулясь, у пуость, чи шо, да й провалывсь десь на рѣнци, люде адретавалы—да не надовга; ставъ кашлеть да сохнуть, да недѣль у сѣмъ, чи шо, и Богу душу аддавъ.

*) Часть мѣстечка.

**) Подрядъ. Примѣч. запис.

Паприходять було сусѣде адвѣдать недужого Сергѣя, дакъ у його туольки и мовы, шо пра дѣтей. Сусѣде, звѣсна, и се, и те, шобъ, бачъ, вуонъ не вельми бѣдкувавсь, а вуонъ було адно адвича: «Я бѣ, може, и адуживъ, да якъ гляну на дѣтей да згадаю, шо въ ихъ родни нема, матери нема, а може й батька скоро не буде,—дакъ у мене нема й души. Дѣтвора мала, абчество апекуна назначить, а апекуны звисно якъ арудують сируюцькаю худобаю; вернуть усе на сваю-ручь не на сируюцьку. Сирата мовчить, а хочъ и заплаче, дакъ люде не вельми то доглеляютця на сируюцькіе сльозы. Худобы дарма бѣ, да хто ихъ до пуття доведе?! Не радъ бы й думать объ сюмъ, да не можна, а ціѣ думки, мовъ та гадюка, коло серця ссутъ кровь да швыдче гонеть въ домовину».—А иноди стане перебирать сусѣдство, кого бѣ йому ублагать,—якъ ноги умре вуонъ,—апекуномъ надъ свайми дѣтьми; скаже, було, аднаго, другого—все не такъ.

— Гнѣвишь Бога, Сергѣй,—загомонять було люде,—якъ уже шо судыть табѣ Буогъ умерты,—тваѣ дѣты не будутъ сиратами: а Сухопаль Остапъ, хиба жъ вы не браты, хиба жъ вуонъ не любить твайхъ дѣтей, якъ руодныхъ.

— Да мы таки правды трохи родычи,—адвича Сергѣй, пакивае галавою, вздыхне да й замовчить.

Що не гаманить добродію, а батькове серце вешчу льхо свайхъ дѣтей!

За недѣлю такъ, чи шо, до смерти попрходылы до Сергѣя сусѣде, пришовъ и Сухопаль. Гомонѣлы про се да про те, а деле Сергѣй и каже Сухопалу: «А шо, Остапъ, здаецце минѣ вже не вставать?»—«Буогъ зъ тобою, Сергѣй, слухай людей да молись Богу, ты ще одужаншь»,—сказавъ Остапъ да й заплакавъ.

— Нѣ вже,—каже,—не адужать минѣ,—да на се Божя воля; не страшно минѣ було бѣ умирать,—да дѣты!

Довга я думавъ про йихъ, довго думавъ и про тебе, Остапъ, да здавсь на Бога, чи довга, чи коротка минѣ жить, дакъ послухай Астапъ, що я тобѣ казатиму. Вѣкъ мы зъ тобою жили, якъ браты роднюсенъкіе, вѣкъ я табѣ зла не зрабивъ, злого не сказавъ, злого не мыслывъ; спасыбу и табѣ, нечого и одъ тебе не чувъ я и не бачывъ лихого. Семъи наши наче одна семья була, не чужіе мохой душѣ булы тваѣ дѣты, любивъ и ты моихъ. Дѣты маи скоро сиратами будуть, братику Астапъ, будь йимъ батькомъ, не попусти йихъ зробиця людямъ на осужденые, сабѣ на погибель. Доведешъ до пуття сирать—добре дѣла зробишъ, Астапъ, а за добре дѣла Буогъ и тваимъ дѣтямъ пашле щасте и табѣ всяке благополучіе.

— Якъ уже шо судыть табѣ Буогъ, Сергѣй, умерты, —дѣты тваѣ не будутъ сыратами. Жилы мы братамы, братамы и люде насъ вельчали не дарамъ, Сергѣй! Буогъ бачыть маю душу. Екою дарогаю Буогъ паможе минѣ сваихъ дѣтей до пуття розуму довести, тыею и тваѣ пуойдуть; якъ батько руодный буду кахать и ратьтыть йихъ. Буогъ мене накаже, колы скривлю душею.

— Постой, Остапъ, не бажись,—промовля Сергѣй йихъ худобчыны.—Довести чужихъ дѣтей до пуття, да не знѣвичить,—трудне дѣла, не тей свѣтъ наставъ. *Чуже добро якъ голодному страва*—не втерпышъ! Знаю я—чалавѣкъ ты добрый, найчеснѣйший. у тебе и свого—всяка всячина, сируоцкого не захочишь; да й те сказать, не въ абѣду табѣ, Остапъ, шо е на свѣтѣ багато людей, катры добры за тымъ, шо нема злучаю ледачыми зробиця; а прыдеця до чого—ледачій у насъ завсегда за плечима, —и доброго спокусыть. Падумай, Астапъ, да якъ не тее...—не берысь. Нехай йимъ буде батькомъ тей, шо на неби, а до пуття доведуть добрые люде. Тяжко минѣ буде лежать въ домовынѣ, якъ дѣты мои будуть

ледащо, а ты близько до пекла; жаль минѣ дѣтей, да жаль и тебе, Астапъ.

— Да Буогъ зъ тобою,—одвича Астапъ;—що це гомонышь ты? Не казала жъ бы мене лыха годына, якъ бы не я, а чужіе люде догледили дѣтей твоихъ!; не пабывъ бы мене груомъ сваты, якъ бы думавъ я дбать изъ музольовойи тваѣ худобчины не дѣтямъ тваимъ, а сабѣ? Сергѣю!.. Сергѣю!..

— Братику муой Астапъ, я и самъ думаю, що воно такъ, да сердце щимить,—чого? светы його знаютъ!

— Коны жъ на те пышло,—каже Астапъ,—щобъ тебе заспокоить, я ось якъ скажу. Слухай. Сергѣй, слушайте и вы, добри люде!—Ставъ навколешкахъ предъ абразами да й каже:—Коны я буду желать зла дѣтямъ твоимъ, щобъ те зло на моихъ дѣтяхъ акашилось; ка-лы я изъ йихъ добра буду собѣ що дбать, щобъ моя худоба прахомъ пошла; коны я не буду доводить йихъ до пуття-разуму, якъ батько руодный, щобъ я самъ пошовъ по свѣту безъ добра, безъ пуття, людямъ на осужденые, сабѣ на пагибель.

— Аминь!—промоливъ Сергѣй.

На дворѣ кажуть, неначе шо зареготало,—люде перехрестылысь. Страшно, кажуть, усѣмъ чогось стало. Отто трохы згодомъ Сергѣй пудазвавъ дѣтей да й каже:

— Дѣты мойи, нема въ васъ матки, и батька скоро не буде, я скоро умру. Не плачте, дѣты, несчастлывые вы, да е не свѣтѣ и адъ васъ нещаслывѣйши. Буогъ васъ не аоставить. Будете молицца Богу, въ церкву ходыть, старыхъ людей поважать, не обиждате некого,—Богъ дастъ вамъ щасте и люде не обѣдетъ васъ. Дядько Астапъ, якъ умру я, буде вашимъ батькомъ; слухайте його, якъ бы мене слухалы; не послухате його, все руовно, шо мене не послухате, а хто батька не слухас, таму Буогъ талану ни въ чуомъ не дастъ. Пудйдѣты же, дѣты, близше, я васъ перехрещу.

Дѣты пудышлы. Старшій таки плаче, а меншаму ѣ байдуже, йому и не памки, шо батько въ останній разъ гомонить зъ йими. Перехрестивъ, заплакавъ.

— Теперь — каже, — хочь не радосно, люде добры, умирають мнѣ, да и не тяжка вельми. Буогъ да ты, Астапъ мая надежда.

Люде разышлись, а Сергѣй пославъ за батюшкою, а днювъ черезъ два, чи шо, Сергѣю вичну память за-спивалы.

Пожалуйте жъ!.. Астапъ забравъ Сергѣявыхъ дѣтей до себе, а въ Сергѣявъ двурь сусѣда пустывъ.— «Дома,—каже,—и глядѣть за йими лучше, да ѣ расходу меншъ. Дастъ Буогъ, выросте буолшій-аженоу да и на батьковскій курень».

Живуть да растуть въ Астапа Сергѣявы дѣты. Минувъ годъ. У Астапа було дома двое дѣтей, старшій, сльве, однагуодки съ старшимъ Сергѣявымъ, и полюбились и подружились дѣты, а Астапъ и за чужими догледа якъ батько руодный. Усе йшло любо да гарна и сиротамъ на добро, и Астапу на спасенные; да то лиха годына, шо чалавѣкъ дума такъ, а лукавый верне по-своему. У годъ, чи шо, середулшій Сергѣявъ занедужавъ вуоспаю и вмеръ. Божа воля! Старшаму було гадковъ дванадцеть, чи шо, а меньшому другій годокъ,—сихъ Буогъ милувавъ. Прайшло ще такъ годъ чи ѣ лучше, стали люде замѣчать, шо Астапъ не тей ставъ: ходыть да сумуе, неначе батька въ домовину положивъ; и кунпаннийи всякайи цуравсь.

— Бѣдалага Астапъ зажурывсь!—кажуть було люде, глядя на його.—Да ѣ не дыва! тутъ и свае хозяйство, и дѣты, а тутъ и чужіе. Треба жъ подумать, якъ усюму парядокъ дать да и дѣтей до разуму довесты. Узявсь за ужъ не кажи недужъ. Заклявсь предъ Богомъ—не загубить же души.

А Астапъ живе да думает, думает да сохне, ажъ зъ тѣла спавъ.

На трейтій, чи що, годъ меншіи сынъ Сергѣявъ вмеръ да такъ чудна, що всѣмъ памараки забыло. Дытя було здорове да не съ того, не съ сього й душею наложило. Думалы, рядылы, да якъ згадають, якъ Астапъ заклынавсь предъ Сергѣемъ, да якъ плакавъ надъ дытямъ зъ жуонкаю, дакъ и думкамъ конецъ: така вже, видно, Божа воля,—на туомъ и палажила. Астанній сынъ Сергѣевъ и геть уже ставъ парабѣчка, и Астапавъ тожъ. Хлопята булы—глянуть любо: работящіе, слухмяные, звычайные, а що лучче всего, жили помежъ собою якъ роднюсенкіе. Астапу вже на хозяйству и геть помочь, а Астапъ все сумуе да думает; думавъ, думавъ да й выдумавъ, бодай нехрысту такъ не выдумувать.

— Десь я безталанний чалавѣкъ, жуонка, на свѣтѣ,—загомѣвъ разъ Астапъ: бѣюсь якъ рыба объ люодъ, а все проку мала. Подывыссе на людей—усього багата, усюды спуорна, а у насъ? Туольки що хлѣбъ ведещя.

— Буогъ зъ тобою, Астапъ,—адвича жуонка:—ще у насъ благодарные Богу! не маемъ багатства да й нужды не маемо. Пагледы кругомъ, скуолькы беднѣйшихъ адъ насъ, а не гнѣвътъ Бога. А намъ буде чымъ вѣку дожить, а времо—и дѣтямъ буде що оставить.

— Воно такъ, да все бѣ знаешъ... тее, у пакуойнаго Сергѣя негде нема родычавъ, апрочъ насъ?

— Нема негде, вже бѣ чутно було. Вуонъ здалеку вадкулясь забривъ до насъ; спершу, якъ и самъ знаишь, челядникамъ служивъ, а дале то женивсь на моюй двоюродноюй сестрѣ—всього бачывъ, а Буогъ памуогъ—и ражжились. А на що табѣ?

— Да такъ... не нащо!

— Охъ-охъ-охъ, Астапъ, беда намъ съ сими дѣтьми Сергѣявыми. Середуольшіи вмеръ—Божа воля, а за меншого—грѣхъ намъ!

— За що жъ намъ грѣхъ? Хиба я йому не казавъ?

— Нехай уже насъ Буогъ прощае! шо ты, шо казавъ? не було бѣ сього, якъ бы я була дома. На те дьтя, воно бачыть медъ, а шо въ меду—йому й горенька мало. Треба вже сього гледѣть да до розуму довесты.

Астапъ подывивсь на жуонку, подывивсь да й замовчавъ; думка то: въ бабы не одны косы, а и языкъ довгій.

Дождали лѣтечка светого. Астапъ то сюды, то туды па дарогахъ ѣздить, а дома жуонка съ паробками хозяйствуе.

Отъ разъ Астапъ и каже: «Я жѣ завтре до города паѣду, тамъ ярмалка,—чи не стану куды пудъ хуру, а вы тутъ хозяйствуйте. Ты, Демидъ, сими грама днями будешъ ѣздить на нашлѣги, а ты, муой сыну,—тими. Да гледы, Демидъ, не ѣзды у купи зѣ хлопцями,—вонны й тебе навчеть у людей городыну красты; ѣзды у Заглыбочче*) да сваеи клуни. Тамъ и паша добра, и адъ негади е де заховацце; да гледѣть, щобъ усе такъ було роблена, якъ я кажу.

— Буде зроблена!—адвеча Демидъ.—Я неколи не аслухавсь, дядьку, бо знаю, шо ты не на лыха мене учишь.

Погомонѣлы, повечералы; хто спать—а Демидъ Сергѣявъ на нашлѣги паѣхавъ. Астапъ цѣлюсеньку нуочъ и очей не зводывъ: то лучыну запалыть да люльки пакурыть, то по двару паходыть—а все такы не спыцце.—«Да ляжъ да засны!—обзаветься жуонка:—табѣ жѣ завтре ѣхать рано»—Астапъ ляже, да якъ жуонка засне,—вуонъ зновъ за свое. Давъ Буогъ свѣтъ, Астапъ паснѣдавъ да й у дарогу...

Пожалуйте жѣ! Уранци пріѣхавъ зѣ начлѣгавъ Демидъ, бувъ екись празныкъ. Демидъ упоравъ скотъ

---

*) Урочище въ лѣсу.

да и до церкви. Вышли зъ церкви, ласты абѣдать.

— Нѣ, тютко,—каже Демидъ,—шось минѣ ѣсты не хочеше, ляжу я да полежу, чогось мене тре да мне—наче паганка.

Тютка йому и ларныка съ светою вадою, и се, и те—нѣ, не памагаише Демиду. Дождаты вечера. Сердека хотъ и нездужавъ, да не забудъ дялькавого наказу: злѣзь зъ печи да й ну лаштаваше на нашлѣги.

— Що ше ты, Демидъ,—абазвалась тютка,—нездужаишь да ше й на нашлѣги! Злѣзь на чертънъ да грѣйся—паѣде Степанъ.

— Да нѣ,—каже,—я не те, шобъ уже вельми нездужавъ,—паѣду. Дялька казавъ, шобъ я сими трама днями ѣздывъ. Ще сердище буде.

— За шо жъ тутъ сердище?—Буогъ зъ табою, Демидъ, хйба мы не люде? Дялько сказавъ, шобъ кожнѣй зъ васъ знавъ свае дѣла, да шобъ укуши зъ хлопцями не ѣздылы, шобъ лыха не набраще; а чи ты папереду паѣдешъ, чи Степанъ—то все руовна.

То сякъ, то такъ угомоннылы хлопця: на нашлѣги паѣхавъ Степанъ, сынъ Астатовъ.

— Дай,—каже,—мамо, минѣ Демидову шапку, здаעתя, иочи ядрены, въ шалашку буде холадна.

Маты вынесла шапку. Степанъ на кони да й до Заглыбуочча... Бѣдне хлопья!

Астатъ выѣхавъ рано; доѣхавъ до лѣсу, звернувъ зъ дароги у гушину, распруогъ коненя, да й самъ прилюгъ. Здаешце пять версть праѣхавши, рана бъ папасувать, да у Астата думки не таки... Лежыть—чи вѣтеръ повѣе, чи птыця пралетыть, Астатъ схватыще, озираешце сюды-туды, неначе зладюга тей коло коморы. Не ѣсть, не пѣе да ночи дажидае. Даждавсь акаянный и ночи. Привезавъ крѣпенько шевлягу до воза, а самъ и пашовъ лѣсамъ навипрастень. Идѣ, иде да стане гледить то назадъ, то напередъ: ззяду клетьба, шо давъ предъ

Богаць, а спереду лукавый манить, Пастаить, падуме да зновъ dalje. Видно разъ пуддавшысь нечистому, трудна вырваще адъ його. Тей, звѣсна, свае шепче: «Иды, Астапъ, труда не багата, а худоба твая: первымъ хазайиномъ заживешъ. Люде и цѣлый вѣкъ грешать, а жить, да ще якъ живутъ, а табѣ двуойчи загрешить и Буогъ велѣвъ; вѣкъ довгий—на старости адмолыссе.» Астапъ иде. Ишовъ, ишовъ да й пришовъ до своейн клуни.—Кругомъ клуни кони ходеть,—вуонъ ближше; коло клуни лежить хтось. Ставъ Астапъ, трусцыце,—не живы, не мертвы. А куцый не мовчить: «Отъ табѣ и надумавсь! Рабы скарѣй, другого разу такого не выберешъ. Все руовна адвечать, хоть за дѣла, хоть за намѣреные, дакъ колы адвечать, дакъ знать за шо. Да й колы тей адвѣтъ? А худоба вельке дѣла!» Астапъ выневъ зъ пудъ палы косу, пудышовъ. Видна, шо парабакъ лежить; намацявъ—Демидова шапка; Астапъ нагнувъ, придавывъ, голова адлетѣла,—хлопя й не пикнуло. Проклета душа, самъ прасля расказувавъ, шо нечото буольшъ не знае; туольки, каже, по лѣсу наче зареготало шось.—Адумавсь то, а дале за ноги да за голову да й потегнувъ до Бабруовникавого ставка; дотегнувъ—шубовсть! Думка то—и конци въ воду, а до канця ще далека! Вернувъ до воза, запрягъ каня да й паѣхавъ на ярмалакъ. Лучче зъ круга-свѣта бѣ йому зѣхати!..

Пожалуйте жъ! На завтре—абѣдъ, нема Степана. «Може кони загубывъ,—дума матка:—шукае.» И вечеръ—нема. Бѣдноуой матци и ѣда на умъ не иде. Прайшла нуочь,—матка, не спавши,—у Заглыбуочче. Прибѣгла до клуни—кони ходеть, переличыла—усѣ; вона гукать. Колы дывице—кровъ; вона dalje—шапка Демидова, вона въ плачь да въ голась... Може то матци сердце всю правду росказала. Прибѣгла въ село, назвала людей, пашлы у Заглыбочче. Сталы итты па кривавому следу да й пришли до ставка. То тымъ, то симъ

стали шукать да й вытегли спершу тѣла, а далє й голову бѣднаго Степана. Привезли въ село... Плачь, голасть таки, що Боже твоя воля! Хавать? Якъ же його хавать? Може то й тоди хавать такихъ не можна було зразу. Коли на завтра прасля сього тѣде Астапъ у новоуой свитни. Жуонка якъ глянула, якъ заголосить: «Батечку муой! смвочекъ нашъ...»

Астапъ скорѣй у хату; дивище—Демидь плаче, а на столѣ мертвый. Якъ закричить: «Дакъ се Степанъ бувъ на нашѣгахъ? Боже муой!»

Упавъ, дакъ думалы, що зъ його и духъ вонъ. Да нѣ, катюзи кара треба,—ачнувь. Сталы питать, дакъ вуонъ и расказавъ усю правду. Далше—звѣсна: веровку на руки да й у тюрму. У тюрмѣ вуонъ расказавъ, що й меншаго атруйивъ мишакомъ, замешавши зъ медомъ, буцимъ то дле мухъ.

Взялы у тюрму и жуонку, хоть та не въ чюомъ, сердека, не выновата. Жуонка черезъ чатыри недѣли, чи що, тамъ и вмерла. А проклетого Астапа черезъ годъ атшмаровавъ катъ да й повелы по свѣту безъ добра, безъ пуття. Бувъ сынъ у його женатый да дома ще одно хлопья. Женатый тей усе закладавъ да продававъ, щобъ батька якъ адзволить грошами, а прасля бачыть, що и худоба прапала, и батька тежъ, да й люде кругомъ тюкають да ненавидеть,—забравъ, яки остельсь злыдни, да й пашовъ зъ малыиъ братамъ и семьею у Данщину; абъ юомъ и слуху не було. Все пашло прахомъ. Демидь добрымъ бувъ хазяйномъ, да дѣтей йому Буогъ не давъ, такъ и вмеръ...

Тяжко, кажуть, плакавъ Астапъ, сидячи у тюрмѣ, —що иноди и турменныкамъ жалко його було, нащо вже турменныки! да якъ не плачь, не наплачишь такого ставка, якъ тей, що сына бувъ зѣховавъ! Довга у насъ гомонѣлы пра сей злучай, да туольки жалю не було, а все було одно чуеть: *катюзи чо заслужи!..*

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниг. губ. П. К.

248. Гарно, якъ батько вмирае.

Умеръ батько. Симъя вбога була, то часомъ и годни диты были. А то, звисно, помыналы, то и напеклы, и наварылы вьсього. Хлоптя мале найилося та:

— Боже мій! якъ гарно, якъ батько вмирае! Якъ бы часто!..

С. Исакова Славяносербск. у Екатеринбург. г. Записаль

Б. Д. Григиченко.

249. Одурена дивчына.

Була соби маты и дочка, малы воны и худобу, та ништо дочку не сватавъ, бо уси зналы, яка вона дурна. Выйшла вона одного разу на вулицю та й жаліється сусидкамъ, що ништо ййи не сватае. Пидслулавъ сее одынъ паробокъ та й каже: «Пидешъ за мене? буду сватать». — Пиду, — каже, — хочъ и маты не схоче, пиду сама». Зрадылысь воны утекты видъ маткы уночи. Пидйихавъ винъ, дивка тыхенько' повыносила одежу, подушкы, повыкачувалы скрыни; сама убралась у свитну одежу, посадалы и пойихалы. Возывъ винъ ййи по селу, возывъ и прывизъ до ййи хаты. — «Ну, иды жъ, — каже, — у хату, а я самъ позношу». Увійшла вона у хату: — «Добры вечорь!» та й сила. «Оце, — каже, — чысто якъ у насъ: и лавы такъ, и пичъ». — «А куды жъ ты зайшла, хыба не въ свою хату?» — озывается маты зъ печи. — «Отто: и говорка чысто якъ у мойи маткы.» — «Да шо ты, дурна, верзешъ? чы тоби уже зовсимъ паморокы забыло?» — «Оце яки бо вы: ще мене не знаете, да уже й лае». — «Якъ не знаю? давно тебе, дуриу, знаю». — «Де жъ знаете? Я ще уперше до васъ прыйихала: я жъ за вашого сына замижъ пишла; винъ тамъ скрыни зносьть.»

—«А ты й скрѣни поодавала?»—каже маты да зъ печи, да засвѣтила свѣтло.—«Оце, якъ вы схожи на мою матку, чысто якъ маты.»—А маты уже й не слухае, шо верзе ййи дурна дочка: хапыла свѣтло, та у комору. Колы лыщечко: нема ничогисенько. Попобыла тоди маты свою дочку, щобъ не ходыла замужъ, та й осталась безъ худобы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Степана Паляницы записала
М. С. Чудновская.

250. Брехливый староста.

Одному хлопцеву заманулось свататься. Отъ винъ и побигъ старостивъ шукать. Шукавъ, шукавъ,—нихто не хоче, бо всяке знае, шо виинъ бувъ ледащо, лежень, а кому хить прокльону на свою душу ухватить? Хтось зъ селянь и порадывъ йому питы до Петра Свердла. А Петро Свердиль та бувъ такой торохтунъ та брехунъ, шо хочъ кому бакы забъе, заговорить и своего достукається. Пишовъ той парубокъ до Петра и ставъ прохаты у старосты до себе. Довго той одмагавсь одъ цього дила, але жъ парубокъ и зъ хаты не хотивъ выходыть, сльотою дило навъязавсь до його. Дали махнувъ Петро рукою и сказавъ: «Добре, пиду, тилькы не въ свое село, бо тутъ насъ обохъ знаютъ... Иды, збирайсь, а я ось удягнусь, зайду до тебе, та й гайда.»

Прийшлы ото вони въ одне село, напыталы гарну й заможеньку дивчыну и пишли до хаты. Дило пишло на ладъ,—стари наче бъ то на згоди стали, та й дивка не одъ тыхъ грошей. Слово-по-слову и стали дивчынины стари роспытывать старостивъ про молодого: «А скажите же, свату, по правди, чы вмѣ жъ вашъ молодой косыть, або шо?»—«Вже чы вмѣ винъ косыть або молотыть,—не скажу, бо ннколы не бачывъ, але жать, то вже

йому подай. А въ насъ такъ, якъ жнецъ добрый, то вскризь про його ходить чутка, якъ про гарного робитника.»

Одгулялы весилля, молодой ще сякъ такъ повертався по двору. Якъ пидійшли жныва, якъ залигъ винъ у хати, то хоча бь куды—одно слово, лежыть соби на полу якъ бирвиняка, а про жныва ни думкы, ни гадкы... Жинка сама спотыкається у доли. У осени, якось на ярмарку та зустривсь свать (молодойи вже батько) зь тымъ гаспыдськымъ старостою; поздоровкавь зь нымъ, та й каже: «А ты жь казавъ, собача виро, що твій молодой добрый жнецъ! А винъ, ба,—лежыть однимъ лыцемъ та й годи!»—«Та я жь и казавъ такъ,—одмовывъ староста: вже чы вмие косыть, або молотыть—не знаю, а лежать, то йому подай! Адже такъ я казавъ?»—«Та такъ,»—одмовывъ свать.—«Отъ же винъ и лежыть уси жныва, и я не выненъ, що вы не розибралы дила, А вы то думалы, що винъ добрый жнецъ? Хе!»—И пишовъ соби геть.

Каневскій у. Записаль В. Ф. Степаненко.

251. Якъ невестка маныла свыней.

Оддавала маты дочку у чуже село и наказувала слухать свекруху и ничего не робыть не спытавшысь. Отто уже свекруха и посылае невестку поманыты свыней.--«А якъ же, мамо, у васъ манять?»—«Та якъ же тамъ манять?»—каже свекруха:—«якъ у васъ, такъ и у насъ.»—Выйшла невестка на вулицю, та й давай крычать: «Якъ у васъ, такъ й у насъ, якъ у васъ, такъ й у насъ!»

С. Выбли Черниг. у. Записала отъ Марьяны Новиковой
М. С. Чудювская.

252. Якъ невестка навчылася свекруху ша- нுவаты.

У одного чоловіка та було дві матери—його ридна и жинчына, це бь то свахы соби. Жинци стала на завади свекруха, и вона, вкupi зь своею матинкою, на нейи грималы, йнлы. А дали не выдержала такы, начепылась до чоловіка: «Веди свою матирь зь двору, куды хочешь и дивай ййи, де знаешь.» Довго оборонявь чоловікь свою матирь, огрызався, а дали посадывь ййи на саночки та й повизь на перехресный шляхь. Пидославь на снигу соломкы, вкрьвь матирь кожухомь драненькымь, а самь пйшовь до господы. Сыдыть ото вона, бидолашна, трусыться, колы се йиде якыйсь пань. Глянувь на бабу та й пытае: «Морозь бабусю?»—Морозь, паночку, Боже його помножь!—И пройихавь соби пань, а морозь и зменявься трохы. Сыдыть вона зновь, трусыться, та такь и всю ничь просыдила. Ранкомь йиде прозь нейи другый пань; побачывь ййи, та й пытае: «Морозь, бабусю?»—Морозь, паночку, Боже його помножь!—Пройихавь и цей пань, не сказавшы бильшь ничого, а морозь ще менчий ставь. Третього дня йиле прозь нейи третій пань; прыпынавь коней, злизь зь санокь, пидйшовь до бабы та й пытае:—«Морозь, бабусю?»—Морозь, паночку, Боже його помножь!—одмовыла. Скынувь пань зь себе панське дороге хутро, закутавь бабу вь його, давь булкы и пойихавь соби дали. Нагрилась баба пидь тымь хутромь, попойила и сыдыть соби та Богу моляться за того щедрого пана. Оть невестка и каже чоловікови: «Пиды, лышь, та визьмы свою матирь, годи ййи тамь байдкуваты» (вона думала, що свекруха вже замерзла). Прыходьть сынь, а маты сыдыть соби пидь хутромь, зигнувшысь, та Богу моляться.—Чы вы ще туть живи, мамо?—запытавь сынь.

— «Жыва, сыну, хвалыты Господа мылосердного, — свить не безъ добрыхъ людей, загнуты не дадутъ.» — «А це жъ шо за хутро?» спытавъ сынъ. И маты розказала сынови, якъ було. Посадывъ винъ тоди матирь на саночки и повизъ до господа. Побачыла жинка, шо свекруха жыва, ще й хутро панське десь добула, ййи ще бильше зло взяло, якъ оса та чиплялась за коже слово до свекрухы; а сваха ажъ сычыть, таки завидкы взяли. Дали надумалась дочка, щобъ и свою матирь вывезты на перехресный шляхъ, чы не добуде й соби вона такого хутра. — «Чоловиче, беры й мою матирь та веды тудыжъ, дей твоя була, — моя привезе шосяще дорожчого,» сказала чоловикови жинка. Взавъ ото чоловикъ тещу и повизъ на те саме мисце. Пидославъ пидъ нейи солонкы, вкутавъ кожухомъ и пйшовъ соби до господа. Сыдыть стара, цокоче зубамы (або то хочъ пенькамы вже) мовъ у млыни каминня наковують, а морозъ ажъ скалкамы сыпле. Колы се, черезъ який тамъ часъ йиде панъ прозь нейи й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ винъ пропавъ, проклятый!» И пойихавъ панъ дали. Сыдыть баба, тремтыть, одъ лютосты ажъ мыныться, а морозъ ще гириный прыскрыпавъ. Другого дня йиде другой панъ, та наблыжывшысь до бабы й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ його бырса взяла, щобъ винъ на лысого голови, непевный, ростриснувся!» Помынувъ панъ бабу и пойихавъ дальше. Сыдыть баба чуть жыва та тепла, — руки ййи покандзюбыло, коло носа вискрыкы высять замерзнути, изигнулась у тры погыбели. Третього дня йиде зновъ якийсь панъ, пидйихавъ блызенько, та й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Ой, морозъ, морозъ, паночку, — щобъ його бенеря такъ была, проклятого, якъ винъ още мене! И навищо його Богъ на свить, клятого, пославъ! — насылу вымовляючы просычала баба. И пойихавъ панъ дальше, а морозъ ще кращый прыскрыпавъ. Не выдер-

жала баба, на сухарь окостылила оттакъ сыдя на соломици, навикы задубла. Не дочекалась жинка й вечора третьего дня,—гономъ погнала чоловіка, щобъ мерщій визъ ййи матирь, та зъ нею й добутокъ. Пійшовъ чоловікъ на те місце, де посадивъ тещу. Колы до нейи, ажъ вона якъ кистка змерзлась. Привизъ ото винъ ййи до дому, а жинка на поригъ та й пытае: «А що, чоловіче?»—«Онъ що, подывись...» показуючы пальцемъ на матирь, одповидае чоловікъ.

Кынулась вона до матери, ажъ та нежива. Тоди вона въ плачь, та до свекрухи: «Простить мени, матинко, що мы надъ вами знушались,—се кара Господня за нашу неповагу до васъ—будьте жъ мени матинкою ридненькою!»

Поховалы тещу по закону, и зъ того часу навчялася невестка шануваты свекруху.

Записалъ въ с. Полствинѣ отъ Устыма Балааненка В. Ф.
Степаненко.

253. Якъ навчено линыву невестку роботы.

То булы соби пара людей и малы однимъ одну дытыну—дочку. Люде заможни, а дытына вдалась гарна та утишна; вони давай ййи пестыть. Вони пестыть, а дытына росте; выросло, не научившысь ниякойи роботы, опричь танцювать. Колы прыйшлось уже й до людей, такъ вони, порадывшысь, бачяты, що самы вынувати, та й кажутъ женихови:

— Мы свою дытыну надильмо всимъ добромъ, тилко щобъ вона въ тебе ничо́го не робыла, бо вона ничего не вміе.

Ото поткнувсь одинъ, поткнувсь другой, але на таки варунки не согласылись, а дали батько, побачыв-

шысь зъ прыятелемъ, може тамъ пры чарци, або шо, та й розговорылысь:

— А шо,—каже,—товарышу, у тебе дочка—вже пора замижъ, а въ мене сынъ жєныхъ—чы не будемъ сватамы?

— Чому?—каже.—Тилко умова така, шобъ моеи дочки не заставлять до роботы, бо вона ничего не вмє.

— А якъ навчытыся?—пытає жєныхивъ батько.

— Добре,—каже батько дивчынъ,—тилко зъ тымъ, шобъ ейи не нуждыть, бо вона буде на мене цлакать.

А той подумавшы та й каже:

— Добре, давай руку—нехай Богъ помога!

— Але,—уклымляє батько дивчынъ,—не нуждыть!

— Та вже жъ, слово данє,—будь по сьому!

— Ну, присылай старостивъ!

Посваталысь, одгулялы весилля, може й тыждень перєзва йиздыла одъ одного до другого—гуляють та гуляють, сказано, люды заможни, а нарєшти вже й годи. Рано вставшы батько порядкує: одного сына туды, другого туды, третьего тожъ, невестокъ тожъ, дочокъ тожъ,—роспорядывъ усихъ, соби роботу знайшовъ, стара маты также шось взяла робыть, дочка стала варыть обидать, друга также до якоийсь роботы взялась, а молода невестка сыдыть—нихто йий ничего, и вона никому ничѳго. Колы пора була вже обидать, сходятыся вси, сидають за стиль,—батько пытає кожного, хто шо зробывъ? Всякый за себе одвича, а одна дочка мовчыть. Батько до нейи:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничего не робыла,—одвича.

— Ну, то вже жъ ты знаєшь порядокъ,—батько каже.

Вона одійшла одъ столу, сила на лавци коло мысника (то бъ то коло порога) та й сыдыть; а молодойи невесткы не пытаєтыся нихто, вона сидає, обидає.

Пообидавшы, зновъ до работы. На вечерю сходятся, знову тымъ же порядкомъ батько распытуе. На сей разъ уже друга дочка ничего не робыла,—остається безъ вечери. Молода невестка прыдвляється и прислухається (звычайно, якъ нова людына въ семйи), а дали й пытае потыхесеньну якойсь ятровкы, чы зовыци:

— Якъ сѣ воно, сердце, у васъ дѣтсья—чы воно все такъ буде?

— Такъ,—каже,—сестрыце.

— А чомъ же мене за роботу не пытають?

— Бо ты,—каже,—серце, у насъ ише гостя.

Ну, мьнувъ ише день, може й другый, уже й маты zostавалась безъ обиду, чы тамъ безъ вечери,—молода невестка дывыться на все тее (не зна, шо то въ йихъ намова), а дали, вставшы рано, пытае матери:

— Шо бъ я, мамо сердце, робыла?

— Визьмы, доню,—каже маты,—винычокъ та повымитай хату та сины.

Взяла молода, повымитала. Геть, геть сходятся до обиду. Батько распытуе кожного, а вона бачыть, шо ййи не пытае та й сама обзывается:

— А я, таточку, хату та сины повымитала.

— А, моя дытыно кохана!—каже батько,—я тебе й не пытаю. Я знаю, шо ты доброго роду, розумного батька й матери, ты часу не змарнуешъ, тымъ я тебе й не пытаю.

По обиди вси до работы, молода зновъ пытае матери, шо робыть—маты посылае воды прынести видерцямы. Прынесла воиа. Передъ вечерю батько прыласкавъ, поцилувавъ у голову. На другый день то жъ щось зробыла, на третій тожъ, а дали помалу—помалу—уже й обидать наварыть, а дали за прыводомъ уже й хлиба напече. (Сказано, чоловика любить, а симъя вся голубыть ййи та добрымъ прыкладомъ учыть до пращи).

Ото вже якось у тыждень, чы въ двѣ недѣли маты ридна каже до батька:

— Пишовъ бы ты, старый, та навидався до дытны. Я щось недомогаю, а тоби й байдуже: виддалы дытну въ чужый двирь, Богъ знае, якъ то воно тамъ прывыкае.

Старый каже:

— Може, й справди.

Убравшысь, потягъ помаленьку (а було то на другимъ сели). Приходять батько, застае, шо дочка варыть обидать сама. Звычайно, зрадила йому, прывитала, попросила сидаты, а сама знову до работы. Батько пытае:

— А шо тоби, доню, чы добре діється?

— Добре, таточку.

— А шо жъ ты вже вміешъ варыты обидаты?

— Умію, таточку. Та у насъ таке, таточку,—додае дочка,—шо хто не робыть, то той и не йисть.

— Ну, дытны моя, у всякого хазяйина свій порядокъ,—одвигае батько,—то ты, може, моя доню, й голодомъ мерла, поky то прывчылась до работы?

— Ни, тату, не нагално вчать, такъ усе помаленьку.

— Ну, добре, моя дытны.

Свекоръ бачывъ, якъ прыйшовъ свать, але переча-сувавъ: нехай трошкы зъ дочкою побалака,—а дали и йде до хаты. Свать выглянувъ у виконце, побачывъ свата та взявъ на лави свыточку, шо хлопци задрипалы та вже высохла, та й вымынае грязь сыдячы. Увиходыть хазяйинъ, прывиталысь по братській, посидалы—гисть знову за свытку та все такы вымынае та струшуе, а хазяйинъ:

— Шо то вы, свату, робыте? Покрыньте!

— Эге, свату, добре кажете, та колы жъ я сьогоня ше не обидавъ.

— А такъ, такъ, свату, се въ мене давній порядокъ и, хвалыты Бога, мени добре зъ нымъ.

— Авже жь, свату, у всякого хазийина свій порядокъ, а такъ якъ винь добрый, то на що жь я мавъ бы його псувать?

Нема що й говорити, шо дочка, роблячы своє дило, прислухалася до розмовы.

Записаль В. Г. Шевченко въ Кіевской губ. въ 1862. г.

254. Хлибъ.

Одынъ чоловікъ нисъ хлибъ. Стало йому важко, винь и покынувъ його у лиси, чы шо. Пройшовъ верстовъ зъ двадцать, захотивъ йисты, а купыты ниде, а мо й ни за шо. А дали вернүвся, забравъ хлибъ та й каже: «Важко тебе було нести, а безъ тебе ще важче: не я тебе несу, а ты мене несешъ.»

В. В. Полуботкова въ Нѣжинѣ Черн. губ. отъ номерного въ Монастырской гостиницѣ.

255. Якъ селянынъ пшмавъ вовка.

До одного чоловіка зализъ у кошару вовкъ и подавивъ усихъ овецъ. Накупывъ той чоловікъ другыхъ овецъ и зробивъ для йихъ нову мицну кошару таку, щобъ вовкъ бильшъ не втыся въ нейи. Отъ прийшовъ вовкъ уночи, обійшовъ кошару навкругы, обнюхавъ—ниде йому влизты. Скочывъ винь на покривлю, продеръ кулыкы и пльгнувъ до овецъ. Собаки счутылы и пидняли таку гавкотняву, шо вси у хати посхвачувались. Выйшовъ чоловікъ и прямо до кошары, бо туды собаки вйидалы. Прислухавсь—овечкы тупотять и сопутъ; винь до хвиртки—хвиртка зачынена. Зазырнувъ черезъ хвиртку въ кошару, ажъ тамъ сидыть сироманецъ - вовкъ и очыма, мовъ зорямы, свитыть. И почавъ

винъ сусидъ гвалтуваты: «Степане, Васылю, Карпе, йдуть вовка быты въ мойй кошари!» Позбигалысь сусиды у двиръ, а хазяинъ и каже: «Ты, Васылю, беры довбню, ты, Карпе, сокыру, а вы, хлопци, берить дрючки; я жь одчыню хвиртку и буду на ййй стояты, а ты, Петре, лизь на кошару та будешъ його у дирку дрючкомъ пужаты; якъ тилькы винъ бигтыме на мене въ хвиртку, то я його макогономъ и лулусну. Ну, теперь же не зивайте, почынайте!»

Потапъ погнавъ вовка, а винъ, зъ переляку, якъ пугне у хвиртку, та прямисинько хазяинови мижь ноги. Заплуталась, заборсалась вовча голова въ матни чоловіка, и ни той одъ того, ни той одъ того. И потысь вовкъ чоловіка на соби прямисинько вгородамы на гору. Але жь вовкъ бувъ навикы переляканный—бида зъ йимъ зробылася, такъ винъ и пропавъ! Не згирше жь дисталось и тому чоловікови, що йихавъ на йому—насылу жывого та теплого здійняли його зъ вовка. Оттакъ то у насъ ловлять вовкывъ!

Записалъ въ с. Мартыновкѣ отъ Губеяка въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

256. Чоловикъ заваленый у глыныщи.

У сели Старому читавъ я кныжку на базари «Батько та дочка». Людей багато зибралось було кругомъ мене и слухалы уси зъ велькою охотою. Кажуть: «Це кныжка гарна и не дорога».

— А дуже гарна! — одинъ обизвався чоловікъ. — Це кныжка така, якъ росказувавъ мени одинъ чоловікъ у ярмалку у городи Переяслави на постояльному дворі. Чы було це давно, за це вже винъ не зна; у якому сели—виинъ не пам'ятуе. Одинъ чоловікъ пишовъ на заробиткы у Херсонщину и пробувъ тамъ шість рокивъ. Догодыло бидолаци працюваты на чужій роботы. Пишовъ винъ додому, щобъ ха-

зайнуваты дома та оженытысь. Увъ осени збудовавъ соби хатыну, а писля Роздва оженывся. Оженившысь, ставъ думать, шо робыть йому треба, шобъ прожыть йому на свити, шобъ мать кусокъ хлиба. И задумавъ винъ робыть горшкы. Купывъ соби конячку и давай возыть глыну на горшкы. Глына була у тій сторони глыбоко, такъ шо треба було выкопать глыбоку яму, шобъ достать глыны такойи, котра годылась бы на горшкы. Одынъ разъ пойихавъ винъ по глыну, а жинка осталась дома. Прыйхавъ винъ до того миста, де копають глыну, и давай копать пудходну яму, шобъ можна було выносыть глыну корзыною. Выкопавъ винъ дуже довгу яму и давай выносыть глыну корзыною. Накыдавъ глыны съ пивъ воза, сивъ оддыхать, закуривъ люльку и полизъ опяты у яму. И тутъ случылось нещастя бидолаци, завалылась яма и його завернуло землею, ну тилькы такъ, шо йому можна було тамъ ворочаться. Яму завернула земля тилькы искраю. Жинка його ждала, ждала додому—немае чоловіка—и думаетъ соби: «Пойду, бо може въ шынку засивъ та сыдыть, а коняка стойить та мухы годуе; а пиду, лышень, зажену додому, чого винъ тамъ сыдыть?» Пишла до шынку—немае. «Де жъ це винъ е, шо нема коло шынку? А пойду лышень до глыныша, чы не зострину його?» Пишла. Иты було треба верстовъ дви. Не дойшла вона изъ гоны, бачыть—стойить визъ, и коняка пасеться бияя воза, а чоловіка не выдно. Вона соби и думаетъ, шо чоловікъ полизъ у яму по глыну и не спишыть соби дуже скоро йты. Пидходыть до ямы и бачыть—яму выровняло землею: завалылась яма. Вона въ плачь та голось: «Ой, Боже мій! шо мени робыты?» Крычыть, скылкы сылы мае, та никому ратоваты. Попрыбигалы люды. Шо його робыть? «Питы до попа, шо винъ скаже,»—обиззався одинъ чоловікъ.

Пишлы и сказалы попу, шо яка прыгода трапылась чоловікови. Пинъ говорыть людямъ: «Шо жъ тугъ

робыть будемъ? Идуть и скажить паламару—нехай по-дзвоньтэ по покойныку, а я пообидаю та оддышу трохы та й выйду одправыты похоронъ по покойныку. Гарный чоловикъ бувъ,—царство небесне йому!» сказавъ ба-тюшка.

Писля обидъ батюшка выйшовъ одправыты похоронъ. Одправывъ, запечатавъ, якъ треба и пойихавъ до-дому. Люде, котри були тамъ, пишли помынать.

А той чоловикъ пидъ землею живый и давай ко-паться на верхъ. Вырвсь на верхъ, узявъ заступъ на плечи и пишовъ додому. Прыходьтэ до своейи хаты, заглянувъ у вишко, бачыть—горыть свичка на столи, и въ хати сьдять чотыри бабы. Винъ до дверей—двери засунени. Винъ давай у двери стукать, шобъ одчынылы. Бабы почулы, шо стукае шось. Одна пишла одчынять. Выйшла у сины и пытае; «Хто тамъ таки,—свойи чы чужи?»

А чоловикъ обиззався:—«Свойи! Чого вы бойитесь одчынять? Одчыняйте!»

Баба якъ почувшы цее, чуть не упала въ синяхъ,—давай крычать:—«Ратуйте! мертвякъ прыйшовъ! Шо будемъ робыты?»

А тутъ якъ на ту пеню нема и одного чоловика. Жонкы давай крычать:—«Ратуйте, хто въ Бога вируе!»

А чоловикъ пидъ дверьма обзывается:—«Та одчы-няйте! Чого вы бойитесь, дурныйи? Я не мертвякъ и не бувъ мертвякомъ. Я живы бувъ пидъ землею и чувъ, якъ правывъ батюшка похоронъ, якъ плакалы по мени. Мени все було чутно, шо робылось на верси, и я кры-чавъ скилкы сылы въ мене було, а вы мабуть ничего й не чулы,—голосылы по мени та бильшь и ничего. Такъ я тоди годи крычать, а давай, думаю соби, рытымусь, чы не поможе Богъ мени выбраться съ пидъ земли на свить Божый. Давай копатьса... И вырвсь,—колы ничъ на двори, и мени показалось пидъ землею, шо я тамъ

бувь днівъ два, а воно мабуть я пробувь тамъ одинъ день тыльки. Одчынajte скорій, бабы, бо я йисты хочу! Не бійтесь ничого: я якы бувь, такы и е.»

— Ни,—бабы кажуть,—мы тебе не впустымъ—молись Богу!

Давай чоловикъ чытатъ «Оченашъ», «Вирую во единого Бога», «Богородице диво, радуйся...» А жонкы все такы бояться упускать у хату чоловика и думаютъ, що це йимъ привыденіе, що це изъ йихъ сміється сатана. А деле и одчыннылы двери, та самы прожогомъ на двирь побиглы та до сусида пидъ окно и давай крычатъ: «Рятуйте! Мертвякъ прыйшовъ и повыгонывъ насъ изъ хаты!»

Сусидъ каже:—«А ходимъ подывимось на його, шо винъ робить тамъ?»

Попрыходылы до хаты и заглядають у викна. А мертвякъ сыдыть соби за столомъ та вечерае:—«Идите,—каже,—дурныйи, чого вы бойитесь? Я не мертвы, а я живы.»

А люде все такы боялысь уходить у хату. А деле кажуть:—«А ходимъ лышень: насъ же гуртъ, а винъ одинъ—чого намъ його бояться?»

Повходылы люде у хату и давай роспытувать чоловика, якъ винъ вылизъ изъ пидъ земли, и якъ воно выйшло, шо його не задушыла земля. Чоловикъ розказавъ усе, якъ було, и уси дывовалысь цьому чуду, шо зроду не було такойи прыгоды у йихній сторони ни-кому.

Въ с. Старомъ Переяславскаго у. Полтавск. губ. записалъ козакъ м. Барышполя того же уѣзда Н. Д. Бѣлоконь въ 1899 г.

257. Ликы линовому.

Повивъ, чоловікъ своихъ волуивъ до ликаря, щобъ запомунгъ видъ линошивъ, а той узавъ та й помазавъ пидъ хвостамы шпыкгынаромъ. Якъ дременулы жъ тоди воы, шо й не збижыть чоловікъ за нымы. Пустывъ, вернувся та й просыть ликаря, щобъ и йому помазавъ ззату, може чы не нажеие волуивъ. Помазавъ ликаря, а чоловікъ якъ пустывся, то й волуивъ догнавъ и дома зразу ставъ та й крычыть жуинци: «Упусты волуивъ у хливъ, а я ще побигаю.»

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Отъ М. Крошки записалъ
Е. Н. Гаврилей.

258. Выпытавъ.

Прийшовъ хлопецъ повычать сокыры до сусида. Той каже: «Я бѣ тоби й давъ, такъ ты жъ дрова усе до колодки рубаешь.»

— Э ни, дядьку, не турбуйтесь! Отъ йй Богу я все до земли рубаю, а то вамъ хтось набрехавъ.

— Ага, ну сього жъ туилькы мени й треба було, щобъ узнать, якъ ты зъ струментомъ обходышся. Пойды ты вонъ, не дамъ!

М. Веркiевка, Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

259. Якъ чоловікъ гостей приймавъ.

Зазвавъ чоловікъ гостей и ставъ поштувать гоуинкою и пляшку зъ горилкою въ руки взявъ, та туилько такъ забалакався, шо самъ выпѣе й жуинку почастуе та й зновъ гомонуть. Выпѣе й почастуе жуин-

ку та й за розказни. И такъ до кинця. А тоди вже наче схаменувся та й просыться: «Не прогнивайтесь, люде добри: на се просылы!»

М. Верківка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

260. Добри люде.

— А въ тебе е собаки?

— Ни! Мене и такъ люде оббрешуть.

Прилуцкій у. Полтавск. губ. Записаль В. П. Горленко.

261. Убогый за столомъ у попа.

Було се въ одному сели, може такому якъ отъ наше, а може й ни, цого вже не скажу. Одынъ убогый чоловікъ та й прийшовъ до дука позычыты жыта на посивъ.—«Не можна, чоловіче,—каже дука,—бо тобі треба позычаты на вишне оддання.»—А й чому бъ то я не виддамъ!—запытавъ убогый.—Чому? Тымъ, що ты убогый и ничымъ тобі буде виддаты.—Убогый помовчавъ трохи та й каже: «Хиба убогому и на свити не жыты? Э, ни, це ще на двое баба ворожила,—кто зна, мо ще убогый зъ бильшимъ почотомъ и повагою сядитыме за столомъ у будли кого, нижъ багатый!»—Такъ же, такъ—не ты бъ казавъ, не я бъ слухавъ,—одмовивъ дука.—Та я бъ у яку хату не зайшовъ, мене и за стилъ посадовылы бъ и чоґо треба позычылы бъ.—«Якъ тебе посадять, то мене й подавно посадять,»—скозувавсь убогый. Дука самъ соби не вирывъ—якъ можна, щобъ такый дрантогузъ та бувъ у людей въ бильшимъ почоти, нижъ винъ. Довго вони отакъ скозувались, а дали и побылы въ закладъ на пару воливъ: колы, зна-

цця, убогого прыймуць де крашце, то дука повиненъ да-ты убогому пару воливъ, колы жъ багатаго, то вбогый повиненъ зъ жинкою цилый рикъ роботы багатаму на пару воливъ. Закламысь ото воны, та й волы дука отдавъ за руки.

— Ну, куды жъ пидемо?—запытавъ убогый.

— Ходимо до попа, —насишкувато промовывъ дука:

Пишли. Отъ увійшовъ дука въ пекарню до попа, вкля-ныв ся нызенько та й прохае, щобъ позычывъ йому сорокъ пудивъ вивса.—Добре,—каже пипъ,—ось я вдягнусь та заразь и одважу, тилькы жъ щобъ ты мени за сю хва-тыкгу выоравъ десятину пидъ ярыну!—Добре, батюшко,—одмовывъ багатый. Трохы перегода пидходять пипъ до убогого та й пыта: «А тоби чого треба?» Убогый пи-дйшовъ до його, нахыльвсь до вуха та й каже: «Та я, бачыте, выкопавъ учора въ лиси бочонокъ золота та оце й маю прохаты васъ, батюшко, посвятыты йихъ.» Пипъ одразу повеселивъ на облыччи, та до дука: «Ты выйды, тымъ часомъ, у сины, бо я маю де-шо зъ Семеномъ побалакаты.» Выйшовъ дука у сины, а пипъ зновъ до Семена: «Ну, то якъ же ты, Семене, той бочонокъ думаешъ посвятыты?»—Та хочу, щобъ вы прыйихалы до мене у господу, та тамъ уже й тее... зручнишь буде.—Ни, Семене, у мене буде зручнице; знаешъ, якъ йизды-ты та возытыся зъ усима прычандамы,—а людське око знаешъ прозоре... лучче вже у мене, чы такъ, Семене?»

— Ну, хай уже буде такъ, вамъ крашце про се знаты. Такъ пиду жъ оце я за золотомъ, та й Боже благословы!

— Э, ни, Семене, чекай но,—добре дило добромъ треба и пошануваты,—сидай лышь блыжче до столу!

Сивъ Семень кинецъ столу, а пипъ коло його. Мыттю попадя внесла мыску свижной рыбы, поставыла на стиль карахвынку горилкы и готовлються трапезуваты. Семень поглядае на все це та тилькы облызується и вусомъ

пидморгуе. Чарку за чаркою нальва пипъ соби та Семенови, попадя те жъ килько разивъ прыгублювала чарку; пють соби та закусують, ажъ по за вушыма лящыть; але жъ Семень пье та розуму не пропывае: якъ оце пидносыть пипъ йому чарку, то винъ пидйме ййи угору, цокається зъ попомъ, ажъ винця трищять и здоровкається голосно, щобъ чувъ и дука у синяхъ. А дука стойить пидъ дверыма у синяхъ, все те чуе и въ щилыну бачыть та ажъ минытьса одъ зла. Останню чарку пиднялы воны, выпылы та въ кинци ще й поцилувалысь. — Такъ тутъ же, га? — «Эге жъ, тутъ, батюшко.» — Писля закускы пидвився Семень и выйшовъ зъ за столу, подякувавъ Богу та й каже: «Такъ вы жъ тутъ тее... покы я прынесу.» — Гараздъ, — одмовывъ пипъ, — тилькы жъ швидчй, а я пошлю за сторожемъ, щобъ готовывъ усе.»

Повагомъ переступывъ убогый черезъ поригъ и пишовъ соби вулицю, — тилькы жъ не за золотомъ, а за волами дуку. Взявъ винъ волы ти за налыгачъ, хвосънувъ батогомъ та й каже: «Гей, волы, цабе кге-занъ, — вже тебе не побачыть твй дука - пузанъ; гей, сири, цабе мурый — хай зна, якъ убогый жартуе.» Прывивъ волы до обору, нагодувавъ, напоивъ, а на ранокъ и на ныву зъ ными гайнувъ. Пипъ довго ще ждавъ Семена зъ золотомъ, та нйакъ не диджався, кажутъ, що й теперь ще жде.

Каневскй уездъ. Записаль В. Ф. Степаненко.

262. Якъ кума куму не послухала,

Жне кума жыто, а друга ййи кума иде вже до дому. Отъ, та, що жне й каже:

— Кумочко, голубочко, поможи мени жаты!

А та йій й каже:

— Э, кумо, разъ, що жыбиръ колеться, а друге те, що никола.

А та каже:

— Ну, прыйдешъ же ты до мене зимою муки просыть, такъ я жъ тоби не дамъ.

А та кума, що жала, та була багата, а та, що йшла, —бидна.

Отъ зимою прыходыть вона до своейи багатойи кумы, та й каже:

— Дай мени, кумочко, хочъ кившыкъ муки, а то диты кваши просыть, а въ мене муки нема!

Отъ, та кума тоди засунула руку у полубочокъ, та й каже:

— Охъ, кумочко, жыбиръ якъ колеться, билше никола не полизу у полубочокъ!

Та й не дала йій муки.

С. Жеведь Черниговск. у. Записала Н. Г.

263. Лакей и наймытъ нѣ одно.

— А вамъ же подобається зять?

— Та винъ ничего: и зъ себе гарный, и розумный. Такъ нѣякойи ганьбы йому дати не можно. Отъ тильки одно одгоныть трохи, що лакеемъ бувъ. Такъ наче й проты людей трохи соромъ, що за такого оддалы, що въ лакеяхъ бувъ. Отъ я вамъ роскажу, яка вже штука була. Прыйихала на весилля сваха зъ Подгорного, вона сестру нашу за свого сына взяла. Ну, спершу то й ничего, а якъ выпыла трохи такъ и каже матци нашій:

— Отъ пани-свахо, вашъ новый зять усымъ гарный, та лакей. И на шо такы вы Орыну за лакея оддалы? Така дивчына гарна, шо ажъ жалко.

А matka каже:

— Винъ же, пани свахо, вже не лакей, а дома живе. Та й Орына моя.—хыба вона не служыла? И вона служыла та кожному вгождала. Отъ йихъ и пара.

А вона, сваха, матци одказуе:

— Ни, пани свахо, то не однаково. А я своей дочкы за лакея не оддала бѣ и сына въ лакейи не оддала бѣ. Я хочѣ и вдова, а сына въ лакейи не оддамъ.

Бачыте, яки люде!

С. Коты Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900.

264. Злодій.

Казавъ злодій, впіймавшыся, вкравшы волю: «Покумль кони водывъ—такъ и Богъ годывъ, а якъ почавъ волю—наче чорты ввели!»

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

265. Про воровство.

Въ одномъ селѣ, которѣ называлось Плутовкою, у томъ селѣ жили два чоловѣки: одинъ вельми богатый, а тей бувъ умерены, ни багаты, ни бѣдны; и ободва чоловѣкы сіе занималисе пасѣнками—було по тималу пчоль. И ены звалисе кумами. Вотъ разъ у недѣлю вечеромъ бѣднѣйшый кумъ и говорить своему куму:

— Знаешъ шо, кумъ? (А пасѣнки неделеко були одна одъ другойи) я сегодня на ночь думаю вѣхать въ торгъ, то будласково позирни тамъ ночью на мойихъ пчель.

Етый заможны чоловѣкъ и каже: «Добре, вѣль ты у торгъ, я буду гледѣть и твоймы пчеламы».

Такъ сей кумъ и поѣхавъ на ночь у торгъ смѣло, знае, шо у его сторожъ надѣжный. Вотъ якъ тольки йонъ вѣхавъ изъ села, воѣ сей тады кумъ позвавъ

свои́хъ сыновъ и каже: «Знаете що, хлопцы, по́йдте въ пасѣ́ку, а то́ намъ треба гледѣ́ть и за кумовою пасѣ́кою».

Такъ ены часовъ у десеть вечера по́ѣхали въ пасѣ́ку. Приѣ́хали ены въ пасѣ́ку. Вотъ батько и каже: «По́йдте въ кумову пасѣ́ку, ви́деремъ его пчолы».

Хлопцы кажутъ: «Ходете,—его нема дома, то будемо смѣ́ло драть пчолы».

Пошли ены въ кумову пасѣ́ку и стали драть пчолы. Въ сюю ночь вельмы позно шукавъ одинъ чоловѣ́къ изъ того села коровы и побачивъ, що въ пасѣ́цы у того чоловѣ́ка, що не було его дома, свѣ́тица. Вотъ ень самъ собѣ́ и каже: «Се, видно, злодѣ́и крадутъ пчолы». И ставъ на пузи повзты ближе́й икъ пасѣ́цы и подповзъ икъ самы́мъ ловжамъ, що була загорожена пасѣ́ка, и розгледѣ́въ, хто таки дравъ пчолы. Се дравъ пчолы кумъ того хозяина, що по́ѣхавъ у торгъ. Вотъ надрали двѣ́ дѣ́жки меду и ище осталисе одине пчолы недранне, да вже некуды и драть. Вотъ стары погледѣ́въ на послѣ́днє́ пчолы да каже:—«Идѣ́ть, хлопцы, возьмите но́чвы у своє́й пасѣ́цы».

Хлопцы поставлели дѣ́жки подъ ловжъ, де одну дѣ́жку уладили поставити акурать туды, де седѣ́въ той чоловѣ́къ, що шукавъ коровы, а сами пошли у свою пасѣ́ку. Вотъ сей тоды, що седѣ́въ подъ ловжомъ, подповзъ тихенько подъ дѣ́жку, узавъ соби меду и начавъ ѣ́сти. Хлопцы принесли но́чвы. Ены выдралы и послѣ́днє́ пчолы. Тоды зложили все на возъ и стали ѣ́хати домовъ. Вотъ сей тоды чоловѣ́къ, що седѣ́въ подъ ловжомъ, самъ соби и каже: Подожди, надо приглядѣ́ца, куды ены повезуть сей медъ, де его будутъ ховать. Ены по́ѣхали объѣ́жжати шлеховую дорогу полемъ, а сей чоловѣ́къ, що подгледѣ́въ ихъ, пошовъ скорѣ́й до ихъ двора и жде ихъ тамъ, закуль ены будутъ ѣ́хати изъ медомъ. Ажъ ось ены ѣ́дутъ прямо въ дворъ, а

енъ тоды тихенько прытуливсе къ замету. Вотъ ены въѣхали въ дворъ. Вотъ стары тоды и каже своимъ хлопцамъ: «Де жъ намъ теперъ ховать сей медь?»

А хлопцы и кажутъ:—«Знаешъ, тато, де мы его сховаемъ?»

А стары каже:—«А де?»

— А давайте поставимъ сіе дѣжки у свой имшень.

А стары каже:—«Нѣ, буває за сымъ медомъ де и нашъ заберуть. Луччей давайте мы его сховаемъ во куды. Ото у насъ лежитъ у дворѣ куча гною, то давайте мы его подъ гной сховаемъ.»

И ены весма скоро роскидали сюю кучу гною и поставлели медъ въ дѣжкахъ и опять закрыли гноемъ и пошли спать. И мужикъ, що подстерогъ ихъ, пошовъ домой.

На завтре приѣжае сей чоловікъ изъ торгуи весма рано поѣхавъ у пасѣку до вѣдаца своего хозяйства. Приѣхавъ у пасѣку, ажъ подраине всѣ пчолы. Енъ тоды поплакавъ, да и нѣчого дѣлать. Приѣхавъ домой и пошовъ до кума питать, ти не бачивъ енъ, хто подравъ пчолы. Приходить до кума и каже:

— Ну, шо ты, кумъ, не бачивъ, хто подравъ пчолы?

Вотъ енъ и каже:

— Нѣ, не бачивъ. Я два разы ходивъ за ночь въ твою пасѣку, да никого не бачивъ.

Такъ енъ пожуривсе, пожуривсе, да и нѣчого робить. Вотъ пройшло не весма багато время. Разъ у недѣлю собралисе въ шинкѣ тые ободва кумы и другихъ багато людей и тей чоловікъ бувъ, шо бачивъ, хто подравъ пчолы. Вотъ чоловікъ и каже:

— Давай-но, кумъ, выпьемъ по чарцѣ горѣльки, годи минѣ журица по пчолахъ.

И сказавъ:

— А ну ка, Хайко, подай-но сюда повкварту горѣльки.

Хайкою звали шинкарку. Шинкарка сейчас подала ему повкварту. Енъ выпивъ самъ впередъ и потомъ поднесъ своему куму, тому, що покравъ у его медъ. И потомъ и ище кое кому ставъ подносить по чарцѣ, каже:

— Выпивайте, хлопцы, да поминайте мои пчолы, що въ мене уже нема ни годныхъ пчоль.

А тому, що бачивъ, хто подравъ пчолы, и не поднесъ чарки горѣлки, и за тымъ не поднесъ ему чарки шо енъ бувъ вельми бѣдный чоловѣкъ. Вотъ той бѣднякъ и каже:—«Що, шо ты подносишь имъ по чаркѣ? Хибы ены тобѣ скажутъ, хто подравъ твои пчолы? Ты жъ поднеси минѣ чарку горѣлки, дакъ я тобѣ скажу, хто подравъ твои пчолы.»

Вотъ енъ тоды поднесъ ему чарку горѣлки, потомъ и другу, и третю. А той, шо подравъ пчолы и каже:—«Таки невдобны, щобъ ище знавъ, хто подравъ пчолы у мого кума. Не поднось, кумъ, и чарки сему обормошу.»

А еты бѣднякъ и каже:—«Гледи, щобъ ты не потерявъ своихъ новыхъ чоботъ, хоть и богаты. Де моя бѣдность дороже твого багаства.»

Тоды бѣднякъ и каже.—«Берите старосту и свидителей да ходите колатить меду. Я васъ сейчасъ зоведу до того чоловѣка, шо подравъ медъ.»

Вотъ сей тоды крестьянъ, шо у его подрано медъ, позвавъ старосту и другихъ тимало людей и пошли.

— Идѣть за мною!—каже бѣднякъ и енъ повевъ ихъ прямо икъ тому багачу, шо подравъ пчолы у свого кума. Приходятъ у дворъ, бѣднякъ каже:—«Розкидайте сюю кучу навозу!»

Староста тоды каже:—«Тетерукъ ты! Щобъ такую хорошую вещь енъ у тебе мѣсто ховавъ.»

Бѣднякъ каже:—«Даромъ соби, шо я тетерукъ. Я вамъ кажу: откидайте гной!»

Ены изъ насмѣшкою стали откидать въ сторону. Откидали гной, ажъ подъ гноемъ оказавсе медъ. Дакъ тому багачу такъ стыдно стало, шо ему трудно було перенести. Тоды багачъ спомнивъ то, шо ему у шинкѣ казавъ бѣднякъ да и каже:—«Правда твоя, шо твоя бѣдность дороже мого багаства».

Староста сейчасъ донесъ уряднику и его сейчасъ призвали къ суду и придали его съ сынами по шесть мѣсяцевъ въ острогъ.

Записаль Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревини Городничкаго у.
Сообщиль В. Г. Андріевскій.

266. Пысарь.

Налаявъ батько курку: «Шобъ ты здохла! А сыну пысару се дуже не сподобалось. Отъ винъ и навчае батька: «И на што такое неприличное говорить? Ругай, старый, такъ: «Штобъ тебя пысарь искушал!»—А батько змитывъ шо до чого й каже: «Добре, сыну, и давно бѣ повчылы—мы жъ люде темни». Другого разу лизе въ шкоду котеня, а батько на його: «А дзусь! шобъ тебе пысарь искушавъ!» Пысарь чуе та: «Отъ тьомной народъ! Съ нымъ и умной человекъ нечого не подѣлаеть!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

267. Судди.

Судди—шо мирови, шо сильськи—

Неначе одынци

И не розлычышь ихъ ніякъ:

Неначе одна маты ихъ родыла.

Страшни показуються вони мени:

Якъ бувъ я у того судди мирового,

Ще за Опанаса Кривого,
 Дакъ у того судди мирового,
 Якъ у Бога святого.
 Нихто ни на кого не скаже ты,
 А все вы, да вы.
 А якъ бувъ я у тыхъ суддивъ сильськихъ,
 У тыхъ пьяныцъ семенськихъ,—
 Я удивлявсь изъ ихъ дилить.
 Воны судъ тоди начинаютъ,
 Якъ изъ шинку прывчалають.
 Выновать Киндратъ,
 Дакъ и вингъ сыдыть изъ суддымы пидъ рядъ.
 Да якъ шурхис руку въ карманъ,
 На суддивъ моргнувши:—
 Судди не змагавшысь,
 За шапки побравшысь,
 У головы не спросывшысь,—
 Въ шинку опынывшысь.
 Оглядився старшына—
 Суддивъ въ волосты нема,
 Да и каже своему десятчыку:
 «Бижи, Грыцько, суддивъ зажены,
 Та тилки самъ тамъ не сыды,—
 Вже обидняя година,
 А воны дила ниякого не зробылы.»
 Идутъ судди, тыняються
 Та объ тыны обпираються.
 Прийшовъ суддя у волость
 Да карандашомъ по черныльници и стука,
 А други сыдыть та слуха.
 А жалобщыкъ изъ шанькою
 За плечыма до суддивъ каже:
 «Докиль мени, господа судди, стоять
 Та слыну ковтать,—
 Пора мое дило розибрать».

А судья йому каже:

«Да ты не базикай,

Або ты осквернивъ чоловіка.

Хоть винъ тебе, бачъ, и бувъ,

То значить слидувало.

Тоби треба передъ нимъ покориться

Та низько въ ноги вклониться.

Ты бачъ: винъ хазяйинъ,

А ты ледащо!» (У совнщательнй судди говорить).

А хочъ бы винъ и святи,

А якъ карманъ у його пусты,

То велять штраховать

И въ холодну сажать.

Уже трети пивни спивалы,

А суддивъ жинкы додому ждалы.

Прыйшовъ суддя додому

Та й сивъ на лави.

Жинка излазыть изъ печи

Та чоловікови и каже:

«Де ты, сякый-такый сыну, тягавсь?

Мабуть за городамы у лопухахъ,

Бо вся голова у коровьякахъ.»

— «Та цыть, жинко!

Мы такъ цихъ диливъ насобиралы,

Що до самойи пивночи розбиралы,

А я дила толковавъ та розбиравъ,

Поки мени якыйсь чортъ репьяхивъ у шапку
наклавъ.»

С. Александровка Остерск. у. Отъ Семена Музуля записаль

Н. Д. Бѣлоконь.

268. Хытрый чоловікъ.

Занявъ панъ у чоловіка волю, а мужыкъ уже не знае, якъ йнихъ вызволыты та йде прозь панськи викна та й каже:

— Коля панъ съ панивъ, то виддасть волю, а колы панъ зъ мужыкивъ, то ни, не виддасть.

То панъ почувъ та й виддавъ.

Черниговъ. 1898. Б. Д. Гринченко.

269. Добре розказавъ.

Розказувавъ панъ наймыту шось такее дуже довго, а той усе не второпа. Панъ тоди озлывся та—ляпаса, шобъ понимавъ хамло-неотеса.

А той каже: «Теперь росчовпавъ. Такъ бы й давно розказувалы бъ булы толкомъ, по панськы.»

С. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

270. Скупый панъ.

Посылае панъ кухаря на базарь, та й наказуе, шобъ не трынькавъ дурно грошей: «Иди жъ,—каже,—та купы чого, шобъ и дешево й багато було, а то ты мене зовсимъ зведешъ.»

Пишовъ кухаръ та й купывъ нечыщенныхъ хлякивъ. Прынисъ, а панъ уже й напустывся: «Ты зновъ у снагу мене загнавъ!—Чого ты тамъ накупывъ? Кажы!» Не вытерпивъ уже кухаръ, кынувъ хлякы та й каже: «Та зъ середины пойисы, а хлякы продасы, то ще й барышъ буде.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

271. Допытався.

Вйизжае становый въ село Воронивци власнисть князя Гоген-Льоген-Шилингс-Фюрстъ, стричае мужыка и хоче довидатись видъ нього, чне се село.

- Якъ вашъ панъ называется?
— Лыбонь що Голи ноги сирый хвистъ.

Записаль В. В. Боржковскій.

272. Черезъ чай сварка.

Повезлы до миста трое сусидь дрова продавать. Въ дорози було межъ йими злагодно и на торзи вкупилы продалы одному пану дрова. Булы вони люде прости, недорого взяли й за дрова, такъ що ажъ панъ вазвавъ погритысь коло чаю, а вони та зроду про чай хыба що однимъ ухомъ чулы, не то щобъ пылы. Отъ вони одмагались довго на вси боки, боялись, щобъ и гроши не охрыплы за чай, та панъ йихъ впевнивъ, що за те ничего, й насылу згодылысь. Отъ панъ догадався, що люде зовсимъ прости й глузые надъ ними: одному давъ зъ сахаромъ чаю, другому безъ ничего, а третьому зъ силлю. Выпылы, якъ кому прыйшлось, та вже якъ спытавъ панъ, чы ще наливать, пиднялась межъ ними кутавасія: первы каже:—«Ще», а другы:—«Якъ хочте», а трети и рукамы, й ногамы одгрибається. Выйихалы зъ двору, то первы й починая шылювать, чому вони не хотилы чаю, а другы каже, що винъ же ничего й що зъ лыхомъ можна було й ще пыть, а трети зовсимъ йихъ дурнямы назвавъ та й каже: «И давъ же дидько помыйныци панськойи напытысь,—щобъ йимъ одъ паскы такъ у роти! Скуилько пылы оковыту, та не було ніякойи змажкы межъ нами, а то бачъ що, щобъ тыхъ панивъ кровь пыла!»

М. Веркїевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

273. Кто скуилько чаю пѣе.

Панъ чай пѣе, покиль чай е.

Жыдъ пѣе, покиль сахаръ е.

А чоловикъ—покиль воды хопыть.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

274. Похвалывъ.

Пошывъ охвыцеръ соби новаго мундира, одягнувся въ його та й вертыться въ хати передъ дзеркаломъ, любуется собою, мовъ Катря въ постолахъ, а дали захо- тилось йому, щобъ ще хто й збоку похвалывъ його. Отъ и пытае свого денщыка: «А что, слышь ты, на кого я теерь похожъ?»—А той дума, якъ бы його догодыты начальству? Та й каже: «Вы похожи, ваше благородіе, на лева, ваше благородіе!» Охвыцеру те сподобалось, винъ пытае: «А гдѣ жъ ты лева видѣль?»—А той йому: «На туй картыни, ваше благородіе, шо Исусть Хрыстось йиде въ Ерусалымъ, ваше благородіе, сыдючи на леви, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

275. Одмова по щыросты.

Прыслалы денщыка охвыцеру, а винъ бувъ дуже злый та заразъ же: «Почему это тебя, такую гадость, ко мнѣ прислали? Развѣ тамъ не было лучшихъ?» А денщыкъ йому й видовля по щыросты: «Добрыхъ, ваше благородіе, и послалы добрымъ, а мене до васъ, и я никакъ нѣтъ, не выновать, точно такъ, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

276. Москали укралы гуску.

А то значыть укралы москали въ бабы гуску, та де ййи сховать? А тутъ йимъ уже выходить,—такъ воны ййи й сховалы въ барабанъ, у отой великый. Гуска жъ тамъ крычыть, а вуонъ у барабанъ бѣе, а воно не такъ якъ треба выходе. А охвыцеръ пытае:

— Чого це въ тебе барабанъ не такъ выбывае?

— Одсырїѣвъ, ваше высокее благородіе.

А баба вже огледила, шо гуску немае и наздоганяе москалюовъ и каже охвыцерови:

— Ваше высокее благородіе! Москали въ мене гуску вкралы. Звелить, щобъ оддалы.

А охвыцеръ пытае:

— Ребѣята, вы вкралы гуску?

А воны одвичають:

— Никакъ нѣтъ, не кралы, ваше высокее благородіе!

Винъ тоди на бабу насыпався:

— Чого ты на мойихъ маскалюовъ опорокъ зводишь?

Иды соби геть!

Отъ та баба пишла, а охвыцеръ пытае:

— Ребѣята, вкралы гуску?

— Вкралы, ваше высокее благородіе!

— А де жъ вона?

— Въ барабани сыдыть, ваше высокее благородіе!

Та й извїѣлы гуску. Отъ яки москали!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1900.

277. Москали вкралы корову.

Разъ москали вкралы корову у мужыка и зарїѣзали ййи та ще не вспишылыся зварыты, ажъ тутъ идутъ трусыты въ казармахъ. Отъ воны—шо робыты? Швыдче корову на стуоль, накрылы одїяломъ, а одынъ москаль

сыдыть и савтырь чытае. Отъ, увиходють туды трусыты, ажъ покуойныкъ у хати. А ундерь охвыцеръ и пытае въ того салдата:

— Кто это вмерь?

Такъ наче вуонъ и не знае. А той каже:

— Рыковъ умеръ.

— А, жалко! Хорошій бувъ чалавѣкъ!

Це вже той ундерь-охвыцеръ каже.

Отъ ти бачуть, шо коруовы нема, а покуойныкъ лежить, перехрестылысь та й пишлы соби. А ундерь-охвыцеръ каже:

— Ну, ребѣята, теперь уже пора Рыкова съ стола прыймать.

Та й иззіѣлы москали коруову. Та сміються, шо мужыкуовъ одурылы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н Гринченко отъ дивчины. 1900.

---

278. Москали крадутъ масло.

Прийшовъ москаль на базари до бабы, а та баба багато масла продавала. Отъ вуонъ и каже:

— Подпоясай мене, бабушка, на всю масленицу!

Отъ баба стала його пидперизувать, а другый москаль, його товаришъ, за масло та й утьокъ. Отъ йимъ и стало масла на всю масляну.

С. Жеведь Черниг. у. Н. Г. отъ дивчины въ 1898.

---

279. Козаки вкралы коець зъ гусьмы.

Переходылы козаки черезъ одно село, йшли вони на турецьку війну. Прийшли въ село; заразы йихъ порозводылы на ничлигъ по катахъ; дали скилькоро и жыдови шинкарови. Знае добре жыдокъ, шо трудно, щобъ безъ крадижки обійшлось, а тутъ ще на биду на

пидсини у нього коець зъ годованымы на пейсахъ гусьмы. Потерпае винъ за коець, але думаетъ: не вкрадуть же вони койця, якъ ляжу спаты на него? Лигъ. Спуть. А козаки тихенько вночи зняли жыда зъ койця, поклялы на землю, а самы за коець та й маршь дали.

Ажъ черезъ якийсь часъ чуетъ жыдъ, що взяли Плевну и що коло тойи Плевны поралысь и знайоми йому козаки. Отъ винъ хытае головою и каже:

— А лыхо мами йихъ! Що йимъ було Плевну браты, колы вони зъ-пидъ мене коець зъ гусьмы взяли!

Записалъ В. В. Боржковскій.

280. Два звощыкы.

У Києви, кажуть, коло вокзалу постоянно багато звощыкивъ, якъ прыйизжають пасажыры зъ пойиздомъ. Разъ такъ трапылось, що помижъ были звощыкы—нашъ чоловикъ и кацапъ, дожыдаючысь того пойизду. Пойиздъ прыйихавъ; згодомъ стали выходыты пасажыры, а за йимы носыльщыкы пруть клункы. Пасажыривъ на цей разъ було небагато, и передни звощыкы йихъ скоро и позабиралы. Остався одинъ. Кацапъ жывенько до його пидйихавъ и ставъ торговатысь и за пятакомъ остановка—пасажыръ не хоче сядытыся. Нашъ, бачывшы те, соби тежъ пидбигъ, та живо пятака и скинувъ. Пасажыръ и сивъ до нашого. Кацапъ згожувався вже и за ту цину, шо й нашъ сказавъ, але пасажыръ не захотивъ пересидать. Кацапъ росердывся на нашого чоловика та й каже:

— Богъ породылъ осла, а чортъ хохла!

А нашъ йому:

— Дурный тебе пипъ хрестывъ и тебе навчывъ! Хыба жъ такъ, якъ ты казавъ? Може отакъ: Чортъ породывъ папа, а папъ—кацапа.

Записалъ въ с. Лавахъ Сосн. у. 1896 г. В. П. Кошовый.

281. Хохлу не давай объясняться.

Разъ одинъ панъ прыйихавъ у село. Винъ служивъ по штатскый, мабутъ у губерніи. Отъ винъ позвавъ старосту и ше де кого, мабутъ и писара. Перегледивъ уси кнѣжки, да такъ скоро, що я не вспивъ добре розгледити, якый винъ. А потимъ якъ почавъ на йихъ гриматы за несправности по служби, декъ тилькы держись! Вони почалы объяснятысь, особлыво писарь, и зовсимъ выплуталысь. Панъ усе слухавъ, слухавъ, а дали не втерпивъ, та й крѣкнувъ: «Буде!—Хохлу не давай объясняться, а бый його прямо въ морду, декъ може забъешь йому якъ небудь паморокы, а то якъ дасы йому объяснятысь, дасы йому молоть, декъ винъ вымелеться. Отъ кацапъ декъ друге дило: йому якъ можна бильше давай молоть, декъ винъ самъ умелеться.»

Записаль въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Коповый.

282. Не зрозумилы.

Бижыть лытвынъ встричъ нашому чоловику та й пытае:

— Нѣ найшовъ, мавъ, дядзька, кайстеръ, а въ кайспри вицоропень и ляпошка, сѣмьямъ примазана, а пасвистайломъ завъязана?

— Ни,—каже нашъ,—такого не бачывъ. Я й найшовъ, такъ же шаньку, а въ шаньци заецъ и паляныця, а завъязано пугою.

— Ну, ето, мавъ, нѣ майо.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

283. Лытвыны помынають дидуивъ.

Бувъ нашъ у лытвынуивъ, зайшовъ винъ у одну хату, а тамъ дидуивъ помынають, и напоминались такъ, що вси въ покоть лежали, а въ хати—хочъ соқыру вишай. Нашъ спытавъ: «Шо це у васъ таке?»—«Дзидуивъ паминали.»—«Скуилько жъ разивъ на рикъ помынають у васъ дидуивъ?»—«Юнъ у насъ адинъ етогъ празникъ.»—«Ну, добре жъ, що одынъ,—якъ бы вамъ симъ разъ помынать, якъ у насъ, то вы бъ и небо закоптылы!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е. Н. Гаврилей.

284. Цыганъ у монастыри.

Цыгану разъ трапылось буты въ монастыри. Бувъ винъ тамъ якъ разъ на масляну. Чы бувъ винъ у церкви, чы ни, а у трапезу пишовъ обидать. Сивъ,—колы жъ подають борщъ зъ свижою рыбою. «Смашный борщъ, думаетъ цыганъ, наче николы такого й не йивъ. Шкода, що моя стара такого не вмiе варыты!» Дали подають жарену на масли рыбу. «Якъ йивъ я, миркуе, ййи на оли, декъ думавъ, що вже кращойи нема.» Потимъ якъ подалы вареныкы,—оттоди вже винъ порався, наче въ останне найидався.—«Э, думаетъ, добре тутъ жыты, добры якы обиды,—тилькы чого се поросятыны нема, та й сало бъ не вадыло.» Спытавъ у послушныка: «Чого це нема поросятыны?» Послушныкъ йому одповивъ, що въ монастыри николи не буває поросятыны. Цыганъ ставъ жалкувать, що жывуть у монастыри безъ такого добра, якъ поросятына. «Пидожду до вечери,—якъ и вечера така добра буде, якъ обидъ, то може й не буде скушио безъ сала та поросятыны.» На вечеру булы бlynци. Цыганъ якъ зйивъ йихъ штукъ десять, а мо й бильшь, не

жалкувавъ вже и по поросятини. Такъ цыганъ живъ днівъ зо тры.

— Гарно, братъ, у васъ годують,—каже вже винъ послушныку,—школа, що мени треба на ярмалокъ.

Побувшы на ярмалку, изновъ цыганъ прыйшовъ у манастырь. А тоди вже наступивъ першый тыждень посту. Утрапивъ якъ разъ на обидъ. Дывыться, колы вже наче не таке на обиди. «Що за нечыста маты», каже самъ соби цыганъ: «боршъ якыйсь, що наче й дома не йивъ. Изроду я не люблю оцихъ поганыхъ грыбивъ.» Нигде цыгану дитысь,—голодь не титка, треба йисты. Попойивъ боршу, жеде ище якои небудь потравы; колы жъ дывыться, уси повставалы,—треба и йому голодному вставаты, бо тымъ борщемъ винъ не найився. Не вытерпивъ цыганъ, попытавъ у старого манаха: «Чого се такъ: якъ бувъ я тутъ днівъ изъ шисть назадъ, декъ тоди що йилы, а теперъ декъ не знать що?»—«Кайся передъ Богомъ та молись Йому, щобъ простывъ тоби грихы. Що це ты выгадавъ? Люде теперъ Богу моляться, говіють, а ты задумавъ скоромне йисты. Ты жъ такы хрещеный! Чы, може, вашъ братъ цыганъ буває и нехрещеный?»—«Мабуть хрещеный, одповидає цыганъ, тилькы мене пипъ якъ и хрестывъ, декъ не таке харамаркало, якъ ты.—Та й пишовъ. Пройшовшы геть одъ манастыря, цыганъ побачывъ, що бия села чоловикъ на верьовци веде собаку. Поривнявшысь зъ тымъ чоловикомъ, цыганъ и спытавъ: «Куды це ты, братъ, собаку ведешъ?»—«Веду до вербы вишаты, ледашо гусей давыть, а якъ гавкать, декъ и на смихъ не гавкне.—«Нащо тоби, чоловиче, задаваты соби клопоту та пращи, веды краще въ манастырь, декъ винъ тамъ и самъ здохне.»

Записалъ В. П. Кошевый въ с. Лавахъ, Сосницьк. у. въ 1896 г..

285. Цыганъ зъ того свиту.

Несуть люде ховаты мертвого та й плачуть. Зостривається цыганъ:

— Чого вы плачете? Чы вы подурили?

— Покійныка несемо.

— А хлиба жъ йому положили?

— Ни.

— Ну, болячки жъ винъ тамъ голодный улежить. Я самъ бувъ на тому свити та кулыдку хлиба ззивъ, а билшь не було, такъ я й прийшовъ назадъ.

Черниг. у. Записаль Б. Д. Гринченко.

286. Обое кращи.

Прийшовъ разъ цыганъ до пана. Коло пана саме стояла поросятына и сало. Панъ снидавъ. Цыганъ пыльно подывывсь на пана та й пытае: «Пане, а мени можна йисты те, шо ты йисы?»—«Можна,—тільки те, шо тоби краще, те й можна йисты,—якъ сало краще, декъ—сало, а якъ поросятына, декъ—поросятыну.»

— Обое кращи,—одповідавъ цыганъ.

Записаль въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошечый.

287. Поповна за цыганомъ.

Въ Мигилевської губерни колись не вельми давно живъ попъ въ селѣ Юрковичахъ. Енъ чоловікъ бувъ вельми богаты, вевъ самъ себе въ чесности, и въ сего попа була дочка одна, такая красавица, ласкова ле всѣхъ людей. И батько вельми жалѣвъ, куплявъ ей хорошіе уборы и содержавъ еи въ барскомъ состояніи. И въ сего попа були лошади вельми добрые. Вотъ цыганчукъ по-

чувъ, що попъ продае коня, поѣхавъ къ попу куплять того коня. Приѣхавъ у дворъ къ попу, а попъ саме въ темъ времѣи бувъ на дворѣ. Цыганъ и каже: «Драстуйте, батюшко! Я чувъ, що вы продаете коня».

Попъ каже: «Да, я продаю коня. Що, ты купишь у мене коня?»

Цыганъ каже: «Куплю. Покажѣть минѣ коня, я поглежу.»

Попъ загадавъ своему челяднику вывести того коня, що енъ назначивъ его продать. Челядникъ скоро вивѣвъ коня изъ хлѣва. Цыганъ поглядѣвъ на коня, поводивъ его по двору и стали торговать за цѣну. Ажъ вотъ вишла и попова дочка изъ комнатъ туды, де цыганъ исъ попомъ торговались за коня. Цыганъ хотъ погано бувъ напрунуть, да тоже парень акуратны, красивы. Вотъ попова дочка не вгадала, що се бувъ цыганъ, да тихѣнько и питае у челядника: «Що се таке за чоловікъ такъ плохо одѣтъ»? А челядникъ бувъ тоже парень шутливы и каже:—«А се екисъ паничъ купляе въ батюшки коня».

Баришне каже челяднику:—«Невже енъ таки бѣдны, що надѣвсе такъ плохо?»

А челядникъ каже:—«Нѣ, се енъ такъ, що у дорогу убиравсе кудась, дакъ затымъ и напрунувсе такъ бѣдно. Я его бачивъ разъ въ городи, дакъ енъ видно богаты».

Вотъ баришне сама соби подумала: если енъ богаты, то я бѣ за его и замужъ пошла.—А цыгану тоже понаровиласе попова дочка, тоже подумавъ: вотъ екъ бы ена за мене замужъ пошла!

Такъ цыганъ съ попомъ не сышлись на цѣну та цыганъ пошовъ со двора до своихъ коней. А челядникъ поповъ пошовъ воротъ зачинять въ слѣдъ за цыганомъ да й каже: «Бачъ, еки ты цыганъ, що на тебе и баришне позавидувала».

Цыганъ каже: «Дакъ якъ ена на мене позавидувала?»

— А казала, екъ бы ты багаты, то ена бѣ пошла бѣ за тебе замужъ.

Такъ цыганъ тоды засмѣявсе да поѣхавъ домой въ свое шатры. Приѣхавъ въ шатры, вотъ батько и питае:

— А шо, — ка, — мой сынъ Сидоръ, не купивъ ты въ. попа коня?

— Коня не купивъ, а невѣстку тоби багату наглядъ въ

— Де ты наглядѣвъ? Може наглядѣвъ де въ Юрковичахъ мужички въ постолехъ?

Сидоръ каже: «Э, екъ бы то мужичку, а то попову дочку».

Стары цыганъ каже:—«Э, екъ бы я за тебе взявъ попову дочку, то и мы бѣ забагатѣли».

Сидоръ каже: «Поѣдемъ ись своими шатрами да попросимось у Юрковичахъ постоять у мужиковъ».

Такъ стары каже: «Поѣдьмо».

Собралисе ѣхать въ Юрковичи на житте. Приѣхали въ Юрковичи, выпросились тамъ у мужика недалеко одъ попа стоять изъ своими шатрами. Вотъ цыганчукъ и думаетъ: попробую попитать де нибудь у поповой дочки, ти ена не пошла бѣ за мене замужъ. Потомъ самъ собѣ каже: якъ же я буду знать, де ее побачить? Потомъ каже собѣ мовчки: пойду я къ челяднику и распитаю, куды ена ходитъ въ проходку. Пошовъ разъ увечери питать икъ челяднику, куды баришне ходитъ въ проходку. Приходить до двора къ попу, ажъ поповъ челядникъ саме зачинавъ ворота: попь съ попадею поѣхали къ попу въ другее село на гуляне. Вотъ цыганъ такъ шо уже бувъ немного знакомъ съ челядникомъ, поздрастувались; вотъ цыганъ и питае у челядника: «Кудасы ты ѣздивъ, шо ворота зачинаешь?»

Челядникъ отвѣчавъ: «Се жъ я своихъ поповъ выправивъ на гуляне къ попу».

Вотъ цыганчукъ прибравсе хороше, пытае въ челядника: «А баришне дома?»

Челядникъ каже: «Дома».

— Ну, дакъ можно минѣ ити съ тобою погулять икъ вамъ?

Челядникъ каже: «Можно».

Цыганчукъ изъ челядникомъ пойшли въ поповы кухни и тамъ розговарують вдвохъ. Вотъ ночула баришне, бѣжитъ скоро въ кухню посмотриѣть, хто розговоривавъ съ челядникомъ. Ввишла въ кухню, поглядѣла, ажъ у кухни бувъ тей паничъ, що коня приѣжжавъ куплять.

Сказала: «Здрастуйте!»

И цыганъ отвѣтивъ тоже саме и ей ись почотностью. Цыганъ питае у баришне: «Де твой батько?»

Баришне отвѣчала:—«Батька мого нѣту дома».

— Ахъ, я хотѣвъ его побачить.

Баришне питае:—«На что онъ вамъ?»

— Де хочу коня купить у васъ.

Баришне опять понаровивсе цыганчукъ.

Ена каже:—«То можете обождать,—проходьте далей въ комлаты».

А цыгану се и надо. Цыганъ пройшовъ далей въ комлаты хорошо убраные, а челядникъ оставсе на кухнѣ. Цыганъ изъ баришнею довго гомонѣли то про все, а потомъ цыганъ начавъ баришню сватать. Вотъ баришне каже: «Якъ же минѣ за тебе ити замужь? Я баришне, а ты цыганъ».—Потому, що ена уже угадала, що се бувъ цыганъ.

Цыганъ каже: «Ты баришне да за цыгана замужь пойдешъ, и я буду тоды паномъ».

Баришне довго думала: шо на се цыгану сказать? Потомъ и каже: «Де, се правда. Мой батька багаты, а дѣтей у его нема больше, только я, то мы заступимо на се богаство, то и будутъ насъ люди звать панами».

Баришне подобѣшала ити за Сидора замужь да

сказала: «Придешъ мене сватать, коли мой батько буде дома».

Сидоръ попросивъ хороше баришни, щобъ ена и тоды не отказувалась, екъ приде сватать ее сватами. Отправивсе цыганъ домовъ на свои шатры. Пришовъ домой и росказавъ усе своему батьку. Такъ стары цыганъ израдѣвъ и на другій день собрались цыгане ись сватами сватать полову дочку. Взяли съ собою горѣлки и другихъ дорогихъ наливокъ, приходятъ вечеромъ къ попу въ комлату, кладуть пирогъ на столъ и ставлеють горилку на столъ. Попъ не знавъ, на що цыганы принесли горѣлку де пирогъ, питае у ихъ:: «Ну, чего вы до мене пришли, цыгане?»

Цыганы съ насмѣшкою отговоривали: «Пришли, батюшка, до васъ коней мѣнять»

Батюшка каже: «Нѣ, я коньми не мѣняю. Вотъ за гроши купите, екъ хочете».

Потомъ цыганы начали заносить ему и про сваты, до попъ за се на ихъ такъ росердывсе и ставъ ихъ выганять изъ комлатъ. Ажъ идетъ и баришне въ тую комлату, де були цыганскіе сваты, да й заговорила до цыганей: «Почемъ, папенька, знаете, ти пойду за цыгана, ти може и нѣ?»

Батюшка каже. «Хоть ты и согласна ити, да тебе не оддамъ за цыгана».

Баришне каже: «Не оддаси, то я и сама пойду».

Тоды батюшка пуще росердывсе на цыганей, призвавъ своего челядника и вдвохъ выгнали цыгановъ изъ комлатъ. Пошли цыгане въ свои шатры ни съ чѣмъ. А баришне тоды батьку своему сказала такъ: «Я теперь не могу жить на свѣтѣ безъ его».

Попъ и каже своей дочкѣ: «Якъ тебѣ за его ити замужъ, за цыгана?»

Ена каже: «Я баришне, а енъ цыганъ, а екъ пойду за его замужъ, то енъ тоды буде панъ».

Попъ думавъ-думавъ, что съ нею дѣлать? Но такъ якъ ена въ его одна дочка и енъ ее жалѣвъ, захотѣвъ угодить ей и сказавъ: «Дѣлай, дочко, якъ хочешъ,—иди и за цыгана замужъ».

Черезъ нѣсколько времяа наказуетъ баришне цыгану, щобъ енъ приходивъ ее сватать. Цыгане порадились мѣжду собою и пошли опять сватать баришню. Приходятъ цыгане къ попу сватать баришни, то попъ хотъ и ненавидѣвъ ихъ, да уже не споривъ.

Вотъ такъ попъ отдавъ свою дочку за цыгана и одгуляли веселле. Перевезли цыгане баришню въ свои шатри и навезли много разного багаства. Баришнѣ сперва показалось жить у цыганей весьма худо, потому шо у цыганей не було нищи такое, якъ ена ѣла у батька у своего. И сперва цыгане не посылали поповой дочки на селы просить хлѣба и обманывать людей. Живеть барине въ цыганскихъ шатрахъ и само съ себе удивляется: «Якъ се могло случитъсе, шо я пошла за цыгана и живу въ цыганскихъ шатрахъ? Нема минѣ такихъ привелегій, якъ у батька були, ни саду нема, ни земли своей, некуда и въ проходку ходить.» Разъ барине надумалась: «Пойду я до батька погулять по его садахъ». И пошла.

Приходить барине къ батьку въ цыганскомъ убрани. Попъ якъ зирнувъ на свою дочку, ажъ ена убралась по цыганскому, такъ тоды не придумавъ, что ей сказать, такъ ему жалко здѣлалось. Потомъ якъ нибудь попъ самъ соби розсовѣтувавъ и не ставъ журица по свое дочцѣ. Вотъ и розговорыласе барншне съ своею маткою кой про шо, дакъ попада и питае у своей дочки: «Якъ тобѣ, моя донько, жить показалось у цыганей?»

А ена отвѣчала: «Весма плохо, матушко».

Дакъ попада тоды каже своей дочцѣ: «Э, моя донько, се ше только цвѣтъ, а ягоды будутъ. Се ены лѣ тебе исперва трохи луччей обходяца, а вось нехай поживешъ ище, то табѣ ище и похуже».

Погуляла барине у свого батька и пошла опять въ цыганскіе шатры. Приходить въ шатры. Старые цыганки поприходили изъ селъ, принесли всего: и хлѣба, и муки у вузлахъ, и бульбы, и другихъ разныхъ овощей. Вотъ молодой цыганчукъ и поповой дочки мужъ и каже на баришню,—звали ее Мотра:—«Погледи ко, Мотры, екого добра принесли наши цыганки изъ села. Щобъ и ты вже ишла изъ цыганками на селы просить хлѣба и разно обманывать людей, ворожить на карты и разно дурить людей».

Мотра и каже своему чоловіку: «Якъ минѣ просить, шо я буду соромеца людей, потому шо мене люде знаютъ, шо я попова дочка?»

Вотъ цыганчукъ подумавъ, шо ена и въ самомъ дѣлѣ не пойде на селы обманывать людей. Разъ каже своему батьку, старому цыгану: «Знаешъ шо, тато, поѣдемъ мы далеко изъ сего мѣста жить».

Старый цыганъ питае: «Чого намъ ѣхать оттюля? Намъ же и тутъ добре жить».

— Да жить то добре, да моя жена соромеца ити на селы просить хлѣба и обманывать, потому шо ее уси люди знаютъ, шо ена попова дочка.

— Добре, мой сынъ, поѣхать то намъ можно въ другую сторону жить, да такъ, щобъ не знала твоя жена, коли будемъ собираца ѣхать, а ена буде искучать по своихъ родныхъ.

Вотъ дождали цыгане Покровы и стали собираца ѣхать въ другую сторону жить. Мотра и питае въ свого чоловіка: «Куда се вы собираетесь ѣхать?»

А цыганчукъ и каже своей жонцы: «Се мы поѣдемъ на ярмалку».

Собралисе цыгане совсимъ исъ усею своею худобою и сѣла баришине на цыганскіе возы и поѣхали кудась далѣ жить. Пріѣхали цыгане на мѣсто, де думали жить. Вотъ дождали недѣли, и цыганки собираютца ити

на селы обманювать людей, а поповска дочка ничего и не думаетъ объ томъ, щобъ ей ити на селы съ цыганками. Цыганчукъ и каже своей жонцы: «Ну, а ты, Мотре, чого будешъ седѣть на шатрахъ?»

Такъ барине подумаетъ-подумаетъ: якъ минѣ просить? Да потомъ надумалася: пойду и я изъ цыганками; видно вже такъ: залетѣвши въ вороны, то треба и кричать по воронечи. И пошла Мотра вмѣстѣ съ старыми цыганками на села просить хлѣба и обманювать людей по цыганскому. Вотъ пришли ены въ село. Ихъ було три цыганки съ поповою дочкою. Вотъ поладилисе помежду собою такъ: старая цыганка сама по одномъ боку, а попова дочка да ище одна—по другому боку села. Вотъ уже приходица Мотри ити въ хату просить чого нибудь да ще тольки въ первы разъ. Дакъ ей такъ було стыдно, що ена ажъ заплакала. Вотъ войшли ены въ первую хату къ людямъ. Вотъ цыганка и умѣе уже якъ що говорить. Сейчасъ и каже: «Добридень, людечки вамъ, ти живи вы ще?»

А люди отвѣчаютъ: «Здоровъ! А живы ще, будьте вы неладны, бисовы цыгане! Хыба се мы васъ не бачили сегодня? Вашихъ братчиковъ уже перебуло въ насъ душъ десеть».

Цыганка каже: «Дарма, мои дорогенькіе, нехай вамъ Богъ дае щасте и въ поли, и въ доми».

Старая баба седечи на печи екъ закричить: «Пойды икъ бѣсу, пранцовата цыганка, се видно тая, що у насъ ножъ украла».

Цыганка каже: «Цыть, подожди, бабка! Не кричи, я тобѣ поворожу, ти ты ще будешъ довго жить на свѣти».

Баба ще хуже росердилась на цыганку, а попова дочка и стоитъ соби лѣ печи, ни слова не говорить, бо ей стало жалко и стыдно. Вотъ молода молодица одрѣзала хлѣба по куску, дала цыганцѣ одинъ кусокъ,

а други дае поповой дочцѣ. Вотъ Мотра бере хлѣбъ и слезы у ей на вочакъ стоятъ. Цыганка ще стала просить бульбы:—«Дай, моя молодочка, хотъ бульбинко мойму Сидорку на булдочку».—У ее бувъ малы хлопчикъ Сидоръ.

Молодица каже: «Иды ты къ бѣсу, дуросвѣтка ты!»

Цыганка каже: «Нѣ, моя донечко, я не дуросвѣтка. Осъ давай я тобѣ поворожу про все, кину на карты».

Молодица каже: «Да пойди ты прочь, невдобна ты, щобъ угадала про все. Може й ты такъ угадаешъ, якъ минѣ одна ворожила, колись, ище якъ я була у дѣвкахъ?»

Цыганка питае:—«А якъ тобѣ ворожила у дѣвкахъ?»

— А минѣ казала колись цыганка, що екъ пойду я замужь, то буду щаслива и багата, ажъ отъ ека багата, що въ свѣты день и напрунуть нечего.

Цыганка каже: «Нѣ, моя дороженька, я все по правди скажу, я дурить не хочу добрыхъ людей».

Молодица дала цыганцы бульбы трохи, ена ей поворожила кой про що и пошли. Цыганка подякувала: «Спасибо тоби, моя доненько!»

Пошли ись хаты, вышли на дворъ, вотъ цыганка и каже поповой дочцѣ: «Ты жъ чого не просишъ? Се хиба я и за тебе буду просить? Пора и тобѣ забуваться на поповскіе втѣхи,—проси вже ты, екъ увойдемъ въ другую хату.»

Увишли цыганки и въ другу хату. Цыганка опять поздравила людей по свойму обичаю, а попова дочка опять ничего не каже. Цыганка начала просить: «Подарѣть насъ, мон любенькіе и щасливенькіе!»

Хазяйка встала съ лавки и дала имъ по куску хлѣба. Цыганка ище просить: «И соли дай, моя щасливенька, и сала кусочокъ на затовочку ле борщика.»

Хазяйка и каже: «Идить, негодни, ись хаты! Ще тоби и сала хочеца, гуляючи. Мы и дѣло работаемъ, да и то сала николи и въ вочи не бачимъ.»

Цыганки пошли далѣй, обходили село и идутъ домой. Пришли въ шатры и начали вытрушувать изъ кайстеръ, що хто выпросивъ. У старои цыганки то сало, то бульба, усе ена напросила, и въ другой цыганки, у малой, тоже самое—всего напросила. Вотъ цыганчукъ, поповой дочки чоловѣкъ, и каже своей жонки: «А нужъ ко, вытрушуй и ты свою кайстру! Чого ты зажуриласе?»

Мотра вытрусилла свою кайстру, ажъ у сее цыганки Мотры кромѣ хлѣба не було ничего въ кайстры: ни сала и ни бульбы—ничого ничогенечко, кромѣ хлѣба. Вотъ цыганчукъ тоды и каже: «Се жъ мы съ тобою съ голоду пропадемъ, екъ ты будешъ такъ приносить изъ села».

На другой день рано чуть свѣтъ цыганки встають и собираюца опять ити на села обдурувать людей, а попова дочка еще спала и ничего не думала про се. Вотъ цыганчукъ екъ закричить на ее: «Вставай ты, колodka! Уже онъ свекруха и етровка собираюца ити на селы, а ты все спишь!»

Мотры нечего дѣлать, встала и пошла съ цыганками не вмываючись, не втыраючись на селы. Походили ены на селахъ и ввечери опять приходять на шатры. Цыганки изновъ вытрушуютъ свои кайстры и опять принесли всего тямало, а попова дочка, кромѣ хлѣба, опять не принесла нечего. Вотъ цыганчукъ уже и росердывсе на свою жонку, потому шо вже и батько на его сердца, шо его жонка ничего не приносить, кромѣ хлѣба.

Вотъ полегли цыгане спать. Вотъ всѣ цыгане спять и цыганки, и дѣти спять, а поповска дочка исъ своимъ мужемъ не спять. Ена все цыганчука перезывала, щобъ ѣхать жить вдвоихъ къ ее батьку попу. Но цыганчукъ хоть молодой бувъ чоловѣкъ, а хитры. Подумаетъ: екъ поѣду я съ Мотрою къ тестю на житте, то и менѣ буде такъ

худо жить съ попами, екъ моей жонкѣ съ цыганами. А цыганчукъ ее тоже вучить, якъ просить шо нибудь у людей.

И вѣсьма довго поповска дочка бичоваласе съ цыганами по шатрахъ, а дали разъ ена надумаласе: подожди, я напишу свойму батьку письмо, щобъ приѣхавъ коли нибудь по мене. Разъ ена ходила по селу съ цыганками, вотъ ена зайшла къ жидамъ, купила бумаги, чорнила и написала письмо свойму батьку, щобъ енъ приѣхавъ по ее. Вотъ черезъ нѣсколько дней получивъ попъ письмо и прочитавъ его и розказавъ матушцѣ, шо въ письмѣ було написано, то имъ обомъ такъ жалко стало свое дочки, шо ажъ заплакали. Вотъ попъ черезъ нѣсколько времѣ пославъ свого челядника де ще одного чоловѣка на пары конехъ ѣхать по его дочку. Вотъ сіе посланы поѣхали въ неизвѣсное мѣсто по попову дочку. Кое какъ допитались ены про те село, де стояли цыгане. Остановилисе ены въ селѣ, думаютъ, якъ бы подать письмо поповой дочцѣ, а потомъ попросили того хазяина, шо стояли въ его на кватери; сказали хазяину: «Передайте пожалуста оте письмо поповни, шо за цыганомъ замужемъ, де такъ, щобъ и цыгане не бачили».

Вотъ хазяинъ теѣ взявъ письмо и понесъ на цыганскіе шатры. Приходить на шатры, ажъ Мотры нема на шатрахъ. Вотъ такъ розговоруе съ цыганами про все, а про письмо имъ не каже. Ажъ отъ черезъ нѣсколько времѣ приходитъ и попова дочка. Вотъ теѣ чоловѣкъ передавъ письмо поповой дочцѣ и пошовъ обратно додому. Поповна думаетъ: якъ же бъ минѣ прочитать письмо, щобъ ништо не побачивъ. На другое утро старѣйшіе цыганки стали супъ варить, то шо, а молодую цыганку, поповску дочку, послали по воду. Вотъ ена пошла по воду и прочитала письмо, ажъ у письмѣ було написано, щобъ ена собираласе ѣхать додому. Вотъ попова дочка начала собираца додому и думаетъ: якъ же минѣ пойти отъ цыганей, щобъ ены не

побачили? Вотъ на третій день по полученію писма ище вельмы рано, всѣ цыгане спали, напрунула цыганка, попова дочка, еку луччу одержу и взела свое кой еке добро и пошла въ те село, де були извожчики. Приходить попова дочка въ село, допиталась, де були извожчики. Вотъ поповъ челядникъ. Запресли скоро пару лошадей, поскладалнсь все, шо було въ поповой дочкѣ и поѣхали додому.

Вотъ приѣхала попова дочка на свою родину въ поповскіе комлаты. Батько ее такъ срадувавсе, шо ажъ заплакавъ.

Вотъ поѣставали цыгане, начали супъ варить; вотъ стара цыганка екъ закричить на попову дочку, ей баца, шо ена ще спить: «Пора тобѣ вставать! Се ты видно забуваешсе, шо ты на цыганскихъ шатрахъ. Тобѣ видно баца, шо ты въ поповскихъ комлатахъ. Уставай де иди по воду!»

Ажъ ее уже давно нема въ шатрѣ. Разглядѣлисе цыгане, ажъ поповской дочки нема. Вотъ ены тоды скидались шукать. Пошукали близъ шатра, ажъ ее нема. Старый цыганъ и каже: «Не шукайте ее, ена вже видно утопиласе».

Записалъ Яковъ Бондаренко, крестьянинъ с. Деревини Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

288. Жыдъ-выхрестъ.

У одного выхреста жыда родився сынъ. Пойихавъ винъ до попа, щобъ охрестыты. За це пипъ просе карбованця.

— Якъ такы мозна, батюска, карбованця?.. Авде зъ якъ вы Моску хрестылы, то взяли карбованця; сцо тому зъ десять годъ, а цей вдесятеро менций, то за його десять копійокъ.

Х.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Богданъ та Юрій Хмільныцьки.

— Се Хмільныцького гора *)), на вѣй и замокъ його бувъ.

— Що жъ то за Хмільныцький?

— А хто його знае: князь, чы панъ якийсь. Винъ церкву у Суботови поставывъ, а сынъ його верхъ избывъ; пишовъ на батька да зъ нашоїи горы и почавъ палыть. Бувъ бы чысто усю побывъ; такъ уже старшый бачыть, шо лыхо, та зъ йимъ и погодывся.

Г. Чыгиринъ Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ. Изъ брошюры М. Александровича: «Изъ Канева въ Чыгиринъ и обратнo» (Черниговъ, 1860).

290. Б. Хмільныцький та король.

— Ніякихъ гайдамакивъ я не зазнаю. Булы, кажуть, колысь, та давно. Отъ москали, такъ тѣи жыда заризалы и корову укралы да за горою и облупмы, а жыдивка ледви утикла.

---

*) Чыгиринъ расположенъ на мысѣ, образуемомъ Тясминою и болотами; предѣломъ его съ сухого пути служитъ Чыгиринская гора. На ней прежде стоялъ замокъ и, командуя городомъ и окрестною мѣстностью, дѣлалъ Чыгиринъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Объ этой горѣ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ. *Объясненія записывателя.*

Я не сталъ разспрашивать, зачѣмъ москали сдѣлали такую глупость, и навелъ розговоръ на прежнюю тему.

— Ни, сього ничего не знаю,—отвѣчалъ онъ,—а кажутъ, що якъ була война, то якыйсь Хмильницькый збунтовавъ и довго шкоду робывъ, одначе не втикъ; (де вже втикты!) Отъ и привелы його до короля; винъ навколяшки и впавъ, а король и каже:

— Ой, Хмилю, Хмилю! Высоко ты вився, а нызько стелесся!—Та й помылувавъ його.

Съ того часу Хмильницькый покаювся, вже годи турбоваться, осадывъ село коло Чыгрына, церкву збудовавъ да тамъ и вмеръ. Бачывъ я людей съ Чыгрына, такъ кажутъ, що й доси видно те мисце, де його замокъ бувъ, а церква цила стойить.

Г. Каневъ Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

291. Про Хмильницькыхъ. Про Мамаю.

Старшый Хмильницькый зъ ляхама бився и вельмы багато грошей у церкви (отъ у сій) поховавъ; а сынъ його не въ батька бувъ, ополячывсь, побусурманывсь да и прыйшовъ пидъ Суботово да зъ горы Валкы збывъ вежу, шо на церкви була, одначе грошей не досягъ. За те винъ и доси сновыгае по гаяхъ да байракахъ, гадюка ссе його сердце.

— Хыба то все одно, шо пополячтысь, шо побусурманытысь?

— Воно не одно, та, бачте, ляхи тоди укупи зъ тарамамы воювалы. А се вже чы не пилса Хмильницького було, якъ прыйихавъ у Суботово Мамай зъ запорозцями и ляхамъ багато шкоды наробывъ. Тутъ у лиси неподалечку е дубъ невысокий да рясный, Мамаемъ зветься. Кажуть, шо буцимъ то Мамай на йому казанъ вишавъ, да якъ задзвонить, то його хлопци и бижать. А инши

кажуть, що через те, що и Мамай бувъ нывькый, та дужый, якъ той дубъ.

С. Суботово Чигиринск. у. Кіевской губ. Записаль М. Александровичъ отъ крестьянина, владѣвшаго въ то время усадьбой Хмельницкаго. Оттуда-же.

292. Орда въ Ведмедивци.

— Якъ я родывсь, то вже той замокъ *) бувъ, тилко пали були товщи. Колысь прыйшла Орда, спалила мисто, а люде позбигались у замокъ. Довго думалы татары, якъ бы добуть його; піймалы якогось ляха,—забувъ уже якъ винъ прозывався,—и обещалы йому грошей, щобъ винъ одчынвѣ хвиртку, що була надъ ставомъ **). Винъ и одчынвѣ, вони вночы и влизлы. А тамъ у замку була попада. Вона якъ почувла, що татарва у замку, то вхопыла шаблю и була бѣ не пустыла татарь, да ништо йій пидмогы не давъ; вона втомылась, такъ йійи и зарубалы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. М. Александровичъ отъ старика лѣтъ семидесяти. Оттуда-же.

293. Про Палія.

Йо, знавъ я колысь хорошу писню про Семена Палія,—да забувся, усе позабувавъ... Колысь було стари люде и спивають, и розказують про козацьке лыцарство, а теперь и не почувешъ,—хыба часомъ, да дуже ридко. Десь воно такъ за панамы, що боронылы перше, чы шо?

*) Замокъ этотъ—пространство окопанное рвомъ и обнесенное полисадомъ при вѣздѣ въ с. Медвѣдовку. Въ 1858 г. онъ былъ еще почти въ цѣлости. *Объясненіе записывателя.*

**) Задней стороной замокъ прилегаеть къ пруду. *То-же.*

Отто и про Палія то колысь то я чувъ, казалы одъ чого то пишло, що його прозвано Паліємъ.

Ось слухайте лышень, я роскажу, що ще пам'ятаю, а то забувсь багацько.

Якъ завивсь винъ зъ Мазепою, то це вже послы, а першь слухайте.

Разъ зъ рушницею бувъ Семенъ на полкованни. Колы гляне,—ажъ на берези рички, на скели, чортъ грається. Семенъ пидійшовъ до його бльжче, а той и почны зъ Семена кривытыся та дратуватыся. Отъ Семенъ нацильвъ на його да й стрельвъ,—зъ нечыстого тилькы полум'я бльснуло, а винъ самъ такъ и розлився по скели смолою. Одъ того часу й почалы уже Семена зваты Паліємъ,—бо чорта, бачъ, спалывъ.

— Ну, а чого жъ винъ зъ Мазепою завився?

— Про тее у насъ писню спывалы, дакъ забувсь писню, а такъ роскажу.

Отто, вважаєте, воювавъ Палій, воювавъ, а дали гуляты почавъ; до воювання винъ добрый бувъ, да й коло чаркы маху було не дасть. Дакъ уже такъ загулявъ, такъ загулявъ, що килькы у його було сриблвлота, такъ усе тее збувъ, гуляючы да частуючы мыръ хрещений. А дали й до того дійшло, що гуляты ни-за-шо. Що тутъ робыты? Заставляе винъ у жыда Мошка свою сыву кобылу. А що то за сыва тая кобыла була,—кохавъ винъ ййи надъ усе.

Довидався Мазепа, що Семенъ не мечемъ, а чаркою побрязкуе, ажъ зрадивъ, бо никого не боявся винъ, якъ того Семена Палія. Отъ Мазепа й забунтовавъ тоди проты царыци.

— Проты якои царыци?

— Да вже жъ не проты якои, якъ проты Катерыны. Шле тоди царыця висько на Мазепу. А винъ висько побывае, генераливъ у полонъ забирае. Шо тутъ робыты? А Потьомка ййи и каже:

— Не вправытыся намъ зъ Мазепою—хыба Палій по-
доливъ бы його, а мы—ни.

Шле царыця за Паліемъ на Украйину. Шукалы його, шукалы, насылу найшлы у корчми п'яного. Выслухавъ винь, чого хтятъ одъ його, шобъ то до царыци у Петербургъ йихавъ. Отто сивъ винь изъ тымъ посланцями да й пойхавъ.

Прыйиздыть до царыци, а вона йому каже:

— Таке й таке дило. Поможы, голубчыку!

А сама такъ уже йому кланяється.

— Ну, гараздъ, каже, дайте жъ мени коня доброго, бо у мене й коня нема уже.

Прыводяць йому коня. Винь выйшовъ, глянувъ на коня—кинь задрижавъ; узявъ коня за гриву,—кинь за-
мертво упавъ.

Звелила царыця, шобъ привели коня що есть найкращый зъ усихъ коней самойи царыци. Прыводяць. А кинь то тамъ такый, що й не сказаты: ведуть його штыри чоловикоы, а винь ирже да выбрыкуе. Пидійшовъ Палій до того коня, а винь и уши опустывъ,—стойить якъ укопанный. Поклавъ винь йому руку на гриву, а кинь такъ и упавъ на вси штыри ноги.

— Ни на чимъ йихаты,—каже Палій,—а пишки не йду.

— Охъ, голубчыку!—якъ заголосыть царыця,—шо воля твоя—усе тоби дамъ, пивъ царства тоби оддилю,—утыхомиръ тилькы мени того клятого Мазепу.

— Ну, гараздъ,—каже,—нехай же идуть до жыда Мошка да выкуплять у його мою сыву кобылу.

Послала царыця до Мошка, привели тую сывую кобылу. А кобыла та така мизерна, що сами кисткы да шкура. Якъ сивъ же на ейи Палій, якъ стрепенеться вона, якъ заграе лидъ нымъ—такъ и понесла його по-пидъ лисамы, по-пидъ облакамы, по-пидъ хмарами. Прылетѣлы воны ажъ до поля, де Мазепа стоявъ зъ виськомъ. Дождався Палій ночи, взявъ свого спыса да й устроимвъ

коло самого намету Мазепыного, а до спыса да ще й короговъ свою прывязавъ. Прочынае вранци Мазепа да якъ глянувъ на корогву Паліеву, да ажъ зблидъ.

— Эхъ,—каже,—лѣхо! Тутъ Палій бувъ, отсе и корогва його. Теперъ ничего не вдіешъ, бо Палій уже лыбонь пыты-гуляты переставъ.

Тоди вже то и годи вохваты, пишовъ винъ на замырення зъ царницею.

— Ну, а Палій же що?

— Що? Що жъ йому? Мазепу смырывъ да й по-йхавъ соби до Мошка, або що.

Отъ мельника Уласа въ с. Городищахъ на Роси, версть 15 выше Бѣлой Церкви. Запись неизвѣстно чья.

294. Мазепына хрещеныця.

Стоявъ разъ коло Мазепыного дому часовый; пидходить до його якась жинка и такъ жалосливо почала просыть, щобъ винъ давъ йій свій хрестъ.

Часовый, чы злякався, чы такъ чому, тилькы хреста йій не давъ, и та жинка черезъ кожни симъ рокивъ зновъ приходыть на землю и усе просыть хреста. Се, кажуть, Мазепына хрещеныця.

С. Выбли Черниг. у. Записаль М. Шумьга. Сообшила М. С. Чудновская.

295. Гайдамакы.

Въ той часъ въ Лытви, трохи ты не въ Виленській губерніи, бувъ атаманъ кашавый—той, шо державъ Сичъ Запорозьку. Вынъ ихъ,—своихъ хлопцивъ—каторомъ на Днепру зновъ у Сичъ провадывъ; ы въ той часъ зновъ вылазыть на берегъ у Мальгавахъ; ы выла-

зыть вынъ,—а у насъ диты валы паслы; ы вынъ вылизышы изъ катера ы пытае:

— Хадить, диты, сюды! Нате вамъ па шагу!

Дакъ катри дурны—утиклы, а катори розумнишы—прыйшы. Ы пыта вынъ, у котрого батько, у котрого матка е; а въ насъ сырота була—Гордій Саповычъ; ы говорыть на його:

— А пры кымъ ты живешъ?

— Пры тютци.

— А паидьмо,—каже,—за мною.

— Якъ ихать, пане, дакъ ы паиду: мыни ы тутъ худо жыть, ы тутъ ровно служу!

А кашавый атаманъ лацынныкъ бувъ,—шо яго нычого ны вызме, ны куля, ны шо. Ы говорыть:

— Будешъ ты такимъ паномъ, якъ я!

Вынъ ы наахотывсь. Той часъ йому веливъ одержу дати ы зъ собою взяти; а тую адежу тютци обратно аддати, ы тютци бумагу пысати, шо такой узавъ ы не сподиятьса яго! Ы вынъ праслужывъ тамечкы семнадцать гадуывъ; ы псыма вывчывъ, ы лыцыны всякои вывчывъ... Идутъ катыромъ па ахоти; ы намирывся другый стрелять; а лукавый заступае,—де утва седила, тамъ на лапки ы зопьявсь; дакъ вынъ, сыдячы на корми—Гордій Саповычъ,—шо узятый выдсилъ,—да й усмихнувсь...

Ы теперечкы на счотъ то уремя було у кашавого атамана тры такыхъ хлопивъ прегарныхъ; ы кашавый атаманъ ставъ помирять, ы зыбравъ увесь свй кишъ, ы въ його тры лацынныкы було: первый бувъ *Гордій Саповычъ*, другый—*Бондаренко*, шо Чернобыль воювавъ, шо ляхамы гребли гатывъ, третій бувъ *Рацьовъ*. Теперечкы вынъ кишъ изобравъ ы говорыть:

— Ну, ребята! Кто буде въ насъ кашавый атаманъ?

Той говорыть:

— Буде Рацьовъ!

А другый:

— Бондаренко.

А кашавый атаманъ сказавъ, що буде Гордій Саповычъ, що вынь буишь мене знае, що усмихнувся, издячы на ахоту.

Ну, теперечкы кашавымъ атаманомъ ы остановылы Гордія Саповыча. Паслужывъ вынь саби симъ ліетъ ы тымъ часомъ не захотивъ тамъ служыть: нажывъ соби тамъ, що Богъ йому давъ, або що,—не захативъ служыть! Выйшовъ у сваю господу. У насъ тутъ е Чумакова Гряда, де тутъ вынь живъ ы усе... А Рацьовъ чумаць хотивъ чумаковать; тридцять возивъ мавъ, самъ мазавъ ы въ трое сутокъ тры часы спавъ. А Бондаренко забравъ соби хлопивъ ы пишовъ у Полшу Ляхувъ ы жыдуувъ розбывать.

Гордій Саповычъ бувъ ахотныкъ; пашовъ за ахотою, а тымъ часомъ узято яго жуынку: Татары узялы ы зъ жинкою узялы дочку старшу ы сына меншого ы везуть: ы тутъ протывъ Ковалевого города ы Дуба, въ урочыщи Маставымъ везуть, а вона галосыть:

— Гордій Саповычъ! А ты казавъ, що ты лацынныкъ, а намъ теперь прыйшлось прапасты зъ дитымы.

Дакъ вынь якъ стельвъ з-за Дуба—потому, що вынь лацынныкъ бувъ такыи—да напустывъ на ихъ шуму, москалювъ,—ы воны напужалысь, ы вси у текы пошлы; той часъ вынь атбывъ свою жуынку ы диты прывизъ дадому. Диты перелякалысь обойко ы померлы. Вынь поклавъ на ихъ дорогоценны уряды,—одъ того, що вынь дуже багатый бувъ. Люде ы сказалы:

— Не кладите дорогыхъ нарядивъ! Вашымъ дитямъ не буде спокою! Хтось небудь одкопае!

Вынь палаживъ каминня, ы то каминня хто бере выдтиль пидъ поригъ на ступенькы,—семъя обнедужае. Теперь той каминь укочуть, було, хлопци у воду, а вынь выкотычься на землю ы на тымъ мисци зновъ буде лежать. А теперь Богъ його зна, лита перейшлы не можемъ знать симы часамы, а ще литъ за десять бачылы—

Марусы (у насъ были такыи люды; вони пашлы на слободы у Карсунську губерню)—ти брали камень: дакъ обнедужае семъя, дакъ вызьмутъ ы одвезутъ обратно назадъ.

Бондаренко—шо йому зробыть— выйшовшы зъ нымъ втрюхъ,—набравъ хлопивъ ы пишовъ просто до Ходкевича, а Ходкевичъ гусары мае. А Бондаренко хадывъ на польскы, усе копався по малности: хто до мене прыстае, на того куля не йметь, ни шо такее! Ёсю Чернобыльщину глумить. Ходкевичовы гусары понасыпали у чоботы земли ы прысягли: на чый земли стоимо, тому будемъ Богу ы вировать!—Ы ходылы зъ Бондаренкомъ два года. На третій покумовався вынъ у Чернобыли изъ кумомъ; той гаворыть:

— Ызложитесья мыни, щобъ я мавъ яго угостыть, кума!

Ы вынъ яго угостывъ; дакъ Бондаренко сказавъ:

— Хлопци! куды угодно! хто шо нападе, то й ваше!

А гусары зрадылись—нарада ихъ у те була давня—пистолы, шаблы, мечы поодбиралы. Поодбиралы мечы—прокынетесья вынъ, ажъ беда. Теперь ти прыбигають—одынъ иднымъ—а ихъ повъязалы, а котори на втыкы, шо бачуть—не сыла: у самого кашавого атамана орудіе адыбрали. Вынъ и гаворыть:

— Куме мый, Галаганду! Збавы ты мене наглою смертю!

Ы тымъ часомъ смертю яго адынацать сутокъ мучылы, а на дванадцаты одъ царыци прыйшло: шо не можете такого лацынныка збавыть! Дакъ вынъ самъ соби смерти пожелавъ; пославъ у поле найты, де той прыпилокъ, шо земля йде, шо орють—зриже землю:

— Отимъ мыни горло одпыляйте, а то ни чымъ мене—ны секирою, ни мечемъ, не зрубите,—тылько сынякъ зробыте, шо зобъете мене крипко.

Ращовъ чумакъ на 30 возоувъ хадывъ, самъ и возы мазавъ, ы волы пасъ, ы запрягавъ. Ы хадылы за нымъ гайдамакы: ы яго колеи знать кого Сапоновой Гуты,

де його вбыто; той закопав коло Мельниковыхъ Вылокъ три возы зализа ы кожу грошей.

Бондаренко бувъ чаловикъ-лацнныкъ, а у Якыменка хороша була жуынка, дакъ вынъ гнавъ Якыменка (ще не вбымшы, быть:)

Ой пойхавъ Якыменко до млына зъ возамы;
За нимъ, за нимъ Бондаренко густымы лозамы.
Ой ы погнавъ Якыменка по зеленымъ лузи—
Стала жъ його голывонька въ пъянимъ выди й въ тузи.

—Ой одпрягай, Якыменко, сывую кобылу!
—Ой не дпращу, Бондаренко, хочъ самъ тутъ загну!—

Ой ы побигъ Якыменко да въ лнсь утекаты,
Зачепывся за колоду да ставъ помираты.
Прылетила зозуленька да стала коваты:
—«Ой Якыме, Якыменко! Може ты хочешъ йисты?»—
—Леты, леты, зозуленько, давай маткы віесты!—
Прылетила зозуленька, сила на воротахъ;
Выйшла жъ яго матусенька въ червоныхъ чоботяхъ...

С. Сорокошичи Остерск. у. (?) Черниг. г. Записаль А. М. въ 1853 г.

296. Гайдамакы у Каневы.

Ото вже було дуже давно, ще мій батько бувъ хлопцемъ, якъ тии гайдамакы прийшлы у Каневъ, усе мисто спалылы чысто и церкву гречеську, що стояла отъ на цій гори,—ненарошне.

А то якъ було прыйдуть до якого чаловика, то й кажуть заразъ:

— Веды насъ до жыда або до пана, у якого грошей багато.

А якъ хто скаже, що не знаю, то прыставить пйштолетъ або рушныцю та й выпалыть; багато ляхивъ и жыдивъ пропало! А якъ повибывалы усихъ, мисто

чысто спалылы, тоди зибралы мужыкывъ та й дали имъ грошей може рубливъ съ тысячу та й кажуть:

— Поставте отуть, де мы жыдивъ и ляхивъ побылы, крестъ!

Такъ люде и поставылы, и стоявъ той крестъ ажъ до велькойи пожежи *). Довго тѣи гайдамакы блукалы коло Канева, ажъ покы прыйшли съ того боку гетьманци и привезлы съ собою чотыри пушкы; тоди гайдамакы втикатъ, и ось тутъ, може верстовъ п'ять буде, у лиси окопалысь и былысь зъ гетьманцями и чоловика може съ чотыри вбылы, а дали въ распорошку пишылы да по лисахъ и поховалысь.

Тѣи гайдамакы таки булы характерныкы, шо якъ хто въ його зъ рушныци выпалыть, то винъ тому чоловику кулю назадъ и кыне: «На тоби, може ще згодыться!» А иншый то й рушныцю заговорыть, такъ шо той чоловикъ вже до вику не стрелятыме.

Булы у нихъ сотныкы и атаманы, а надъ усимы бувъ Хмильницькый, полковныкомъ прозывався, и довго зъ ними гулявъ. Якъ було спытають гайдамака, хто вашъ батько, то винъ и каже:

— Хмильницькый, — мы уси Хмильницького козака.

А нисля той Хмильницькый осадывъ слободу въ Херсонській губерниі на ричци Ягорлыци, и багато у його людей було.

Г. Каневъ Кіевск. губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Изъ брошюры «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

297. Золота грамота.

Отъ зъ чого почалась та гайдамаччына. Ляхы пановалы и дерлы народъ, а ченцямъ и промытой воды

*) Пожаръ былъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1818 г.
Прим. запис.

не було. Запорозци якось и приехали до Мыколаевського монастыря на прощу. Ченци жъ и кажутъ имъ:

— Поможить намъ, бо ляхы скоро зъ иасъ и шкуру здеруть!

Запорожци жъ кажутъ:

— Якъ намъ царица Катерина дастъ позволеніе, то и лядського духу въ Польщи не буде *).

Однѣмъ зъ ченцивъ бувъ у царицы пысаремъ и руку їи знавъ, то пидъ їи руку и пидпысавсь и показавъ запорознямъ; вони якъ побачылы, то й почалы ляхивъ бытъ, а разомъ зъ ими и нашъ братъ пиднявся. Ляхивъ усихъ за суччу ричку проперлы. Одначе якъ тїи запорозци поповерталысь у Сичъ, то ляхы ще горій почалы народъ дерты:

— Вы,—кажутъ,—суччи диты у гайдамакахъ булы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. Записаль М. Александровичъ. Оттуда-же.

298. Понятовський та царица Катерина.

У великый пистъ прыйхавъ винъ **) у Каиевъ. Царица була тоди у Къиви, а якъ и вона прыйхала, то винъ и подарувавъ їй Польшу, вона й узяла, такъ и войны не було. А Понятовського зробыла мынстромъ у Петенбурси; такъ винъ не схотивъ быть королемъ, а бувъ у їи мынстромъ.

*) Западную Украину жители Херсонской губ. и теперь (запись напечатана была въ 1860 г.) называютъ Польшею. Подъ словомъ ляхы слѣдуетъ разумѣть только дворянское народонаселеніе польскихъ провинцій. *Прим. запис.*

**) Станиславъ Августъ. *Прим. запис.*

— Черезъ що жъ не схотивъ винъ быть королемъ?

— А черезъ те, що паны його не злюблы и хотилы
вбыть, такъ винъ и подаровавъ Польшу царыци.

Г. Кавевъ Кіевской губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика
Алекся Гребенника. Оттуда-же.

299. Конфедераты.

Я швецъ, и мій батько бувъ швецъ. Винъ ще бувъ
парубкомъ, якъ паны збунтовали на свого короля. До
короля далеко, такъ вони тимъ часомъ почалы людей
мурдовать. Пьяни понапиваються та й издать, и вже де
молодыця гарна, або дивка то ніякъ не вбережешъ. Разъ
до дида прийшлы уночи та й кажуть батькови:

— Де у васъ тутъ Польша?

А въ насъ одинъ ривъ Польщею прозывается.
Батько бачыть, що вони пьяни, и не схотивъ весты, такъ
одинъ якъ вриже його шаблюкою по руци!—руку и роз-
рубавъ. Мусывъ батько йти. А якъ дойшовъ до Польщи,
то пидъ гору и втикъ, а вони на коняхъ, то йимъ и
не можно його наздогнаты.

С. Медвѣдовка Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ отъ Сте-
пана Опанасенка. Оттуда-же.

300. Запорожци на Кубани.

(ПРИКАЗКА).

Лежить Запорожець у своимъ курини пидъ во-
зомъ и не може головою знести, якъ изъ рички изъ
Ковбани воды принести: вйдра не було, бакла не слу-
ччлося... Пишла жинка у сыривуватыхъ постолахъ воды
принести та й спиткнулась, пидковзнулась та й упала,
та й прийшла, та й плаче: «Лучче бъ було панщину ро-

быты, якъ отакъ на воли жыты».— Не журься, жоно, объ томъ, есть у мене голова Антонъ нашъ Гладкый— винъ головъ и поголыть, та усе жъ намъ козацькую славу зробить!—

Г. Тульча въ Добруджѣ. О. Кондратовичъ отъ вдовы Маріи Михайловой.

301. Про смерть козака Половаго.

Изъ письма П. А. Лукашевича къ В. П. Горленку, 19 марта 1855 г., изъ м. Березани.

«Нѣкоторыя пѣсни я записалъ мимоѣздомъ, ѣдучи въ Крымъ, тоже въ 1832 году на мѣстѣ бывшей Запорожской Сѣчи въ селѣ Покровскомъ Никопольскаго уѣзда. Недалеко отъ сей слободы, принадлежащей барону Штиглицу, до моего туда приѣзда года за два, размѣщены были для расквартированія въ Никопольскомъ уѣздѣ остатки запорожскихъ козаковъ, которые вышли во время турецкой войны изъ Турціи съ атаманомъ своимъ Гладкимъ; онъ, какъ извѣстно, переправлялъ Императора Николая Павловича чрезъ Дунай. О нихъ тогда мнѣ разсказывали слѣдующее:

Въ числѣ этихъ козаковъ былъ прежній служилый запорожскій столѣтній козакъ, по фамиліи, помнится, *Половий*; предвидя свою кончину, онъ приказалъ двумъ козакамъ вывести его въ поле и, поддерживаемый ими подъ руки, спросилъ:

— А гдѣ то мисто, гдѣ була Запорожская Сичъ съ Покровскою церковью?

Его поворотили къ тому мѣсту. Умирающій сталъ на колѣни, взглянулъ на это мѣсто, читалъ молитвы и умеръ въ такомъ положеніи».

Сообщилъ В. П. Горленко.

302. Звидкы узалась панщина.

Ото разъ давно ще, за Катерины, зибралыся паны на сеймыкъ та й говорятъ промижъ себе:

— А зробимъ но, панове, панщину!

— Добре, кажуть, давай, зробимъ!

Ото кожний панъ (якъ напрыкладъ грапъ нашъ) склыкае зъ кожного села по дванайцять чоловика. Зъ того села дванайцять, зъ другого дванайцять, зъ третьего дванайцять... Ото чы въ хати, чы на двори въ пана поставылы столы, наварылы всячыны, поставылы йисты й пыты, горилкы, усього... Просытъ панъ:

— Сидайте, добри люде, йижте, пийте, контентуйтесь!

Найлыся люде, напылыся, музыка грае—нагулялыся. Дякуютъ панови:

— Спасыби вамъ, пане вельможный, що такъ уконтентувалы насъ до скочу, спасыби!.. Чого жъ вы видь насъ хочете?

— Ой, люде добри, хазяйи чесни! Небагато зъ васъ хочу! Тяжко мени зъ велькымъ господарствомъ. Я й наймаю людей, и гроши плачу, та все нема ладу. Не вспиваю хлиба зибраты: осыпається. Якъ бы диты ваши спромоглы мене—подарувалы йиденъ день на тыждень.

— А, Боже нашъ мылосердный! Пане нашъ ласкавый! Щобъ диты наши та не послухалы пана йиденъ день на тыждень! ну-ну!.. Даруемо вельможному панови йиденъ день на тыждень: чы то велька маця?

Ото може черезъ пивроку, ба, може й скорище знову паны склыкають по дванайцять чоловика зъ села, знову закладають бенкетъ... Господы, чого тамъ нема? Усього, усього понаставляно: и пыты й йисты, и йисты й пыты... Веселяться люде. И зновъ просятъ паны людей, щобъ подарувалы ще йиденъ день на тыждень... Добре, най ще день. За третымъ разомъ—ще йиденъ день да-

рують. Такъ вони бенькетували, ажъ поки людямъ не лышлось и одного вільного дня. Отъ якъ выдурили паны одъ людей вильнисть—пышуть велику бомагу до царицы Катерины: Такъ и такъ,—кажуть,—люде добре-охотно згодылися робыты на насъ шисть день на тыждень. Цариця глянула на те пысьмо—бачыть, що люде добре-охотно згодылися, та й прыклала свою руку. Отъ и минулася воля.

Въ понедилокъ раненько—стукъ-стукъ у виконце:

— Добрыдень!

— Дай, Боже! а чого?

— На панщину!—забула?

— На яку панщину?

— А на пана робыты!

— Оце але, маю и свои роботы доволи, а то ще на пана. Не хочу!

Ги-и! Якъ вытягли на вулицю, якъ почалы лупцюваты,—то й мусыла йты на панщину. А стари батькы, що запродали панамъ дитый своихъ—зо страху поховалыся. Згодомъ трохи зибралыся на раду—радылы, радылы—та й напысалы й соби прошеные до царицы, що ось такъ и такъ—не хочемо пидъ панамы буты. Глянула Катерины на те пысьмо, та й видпысуе людямъ: «Що жъ, люде добри, на вищо жъ вы добре-охотно згодылися робыты на панивъ? На що жъ вы за чарку горилкы голову свою застромылы? Теперь ничего не вдю, руку свою прыложила». И справди ничего не помоглося. Якъ настала панщина, то терпили наши праиды, диды, батькы—та й мени, старому, довелося скоштуваты того добра. А оце й воля прыйшла, якъ у Вынныци чагунку насыпаты стали.

Въ 1890 г. записалъ М. М. Коцюбинскій отъ 94-хъ лѣтняго нишаго Василя Вихля, изъ с. Стадницы, Винницк. уѣзда, Подольской губ.

303. Кармалюкъ.

I.

Отъ шо я чувъ, то и вамъ скажу про Кармалюка. Кармалюкъ, кажутъ, дуже любивъ въ лиси сьдиты. Отъ разъ иде Кармалюкъ лисомъ и мавъ переходыты черезъ дорогу; але це було въ недилю рано, и ставъ Кармалюкъ край дороги, але дывыться ийде баба до миста. Якъ встритылась зъ нымъ, то каже йому:

— Добрыдень пане!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай Боже здоровья!

Та баба скоро бижытъ, але я не знаю, чы вона на ярмарокъ спишыться, чы Кармалюка бойиться.

Кармалюкъ бабы пытається.

— Ты не бойишся Кармалюка?

А баба йому видказуе:

— Нехай його гримъ забъе, бодай винъ не дочекавъ дитей!

Такъ дуже клене, шо ажъ страхъ. Кармалюкъ каже:

— На тоби, бабо, тры гроши, и якъ будешъ у мисти, то купы мени цъвашкивъ, но не забудь, купы!

А баба каже:

— Добре, добре, куплю.

И пишла та баба своєю дорогою до миста; а Кармалюкъ ще стойить надъ дорогою; але иде друга баба и каже Кармалюкови:

— Добрыдень!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай, Боже здоровья!

Пытається ийи Кармалюкъ:

— Ты не боишся Кармалюка?

А та баба йому каже:

— Чого його боятысь? Хыба винъ не такой самый чоловикъ хрещеный, якъ и мы? Винъ справедливый, винъ

бидныхъ людей не обижае, винъ богатыхъ обдырае, а биднымъ виддае,—то чого жь його бояться?

Кармалюкъ выинявъ зъ къщени сто карбовонцивъ и давъ ти баби въ руки та й каже:

— Я есть самъ Кармалюкъ, йды зъ Богомъ, колы ты не бойишся Кармалюка.

И та жинка пишла до миста. А та баба, що давъ йй Кармалюкъ тры гроши на цвашкы, пишла до миста, купыла цвашкивъ и йде назадъ тою самою дорогою, а ййи вже давно чека Кармалюкъ. Якъ вона стрилася зъ нымъ, то Кармалюкъ ййи пытається:

— А що, купыла цвашкивъ?

— Купыла.

— Давай йихъ сюды!

И баба выняла зъ за пазухы цвашкы въ папери завенени и дала йихъ Кармалюкови. Кармалюкъ взявъ у руки и зновъ пытається:

— Боишся Кармалюка?

А та баба зновъ стала його прокlynаты на чимъ свить стойить, а нарешти каже: Боюсь.

Тоди Кармалюкъ звернувъ ту бабу и на-бывъ йй тыхъ самыхъ цвашкивъ, котрыхъ вона купыла въ мисти, въ п'яты и каже:

— А то не бййся Кармалюка! Я есть самъ Кармалюкъ.

Та й пишовъ у лись, а жинка налякалась и лежала такъ якъ нежива, докы ййи не взяли.

II.

Одынъ разъ гнавъ чоловнкъ до миста козу продаваты. Але його здыбае Кармалюкъ и пытається.

— Куда ты женешъ ту козу?

— На ярмарокъ продаваты.

— Отъ на тоби сто карбованцивъ, иды, наймы музыкы и накупы йисты, и справляй у себе балъ.

А чоловнкъ каже:

— А якъ будс мене панъ быты?

А Кармалюмъ видказуе:

— Не бійсь, не буде быты; а якъ схоче быты, то скажешъ, шо казавъ тоби баль робыты Кармалюкъ.

Той чоловикъ послухавъ Кармалюка, пишовъ до миста, наймывъ музыкы за двадцять карбованцивъ и сказавъ, щобы на вечоръ до нього прыйшлы граты. А вже ввечери панъ слухае, десь музыкы панськи грають. Винъ сказавъ фурманови запрягты кони и йихаты, де то грають музыкы. И прыйихалы до того бидного чоловика и ставъ на подвиру,—ажъ минуться, чекае, закымъ поросходяться гости.

А тымъ часомъ якъ панъ стоявъ у того чоловика, а Кармалюкъ прыйихавъ до нього на подвира съ своїмы козакамы; козакивъ лышывъ на подвиру, а самъ пишовъ въ покойи, и якъ прыйшовъ въ покойи, то заставъ въ покояхъ тилько стару паню и каже до нейи:

— Давай гроши!

А вона не хочытъ, а кажытъ, шо нема. А Кармалюкъ крыкнувъ до козакивъ, щобъ ишлы. Козаки попрыбигалы и давай пани пидошвы ризаты; паня не вытерпила и сказала, де гроши. Кармалюкъ забравъ гроши, и якъ выходывъ, то напысавъ на брами, шо: «Никого, пане, не вынуй, бо то я забравъ гроши, и чоловика того не зачипай, бо якъ прыйиду, то живой не будешъ». Кармалюкъ забравъ гроши и пойихавъ, а панъ якъ прыйихавъ, то тилько почухався та й мовчытъ, бо никому жалуватысь.

Записаль парубокъ крестьянинъ Андрій Дулякъ въ с. Лопатинцахъ Ямпольскаго у. Подольской губ. въ 1892 г. Доставиль М. М. Кошубинскій.

304. Писня про Кармалюка.

— А я люблю оцю писню (про Кармалюка), та въ насъ ййи не спивають.

— Не вміють?

— Ни, вміють, та не можна: вона въ насъ заклята.

— Якъ то заклята? Хто ййи заклывъ?

— Батюшка. Го, знаете, у насъ изъ цієї писнею така штука була. Я сама не знаю, а це вже розказували matka й сестра старша. Це не въ нашій церкви. У насъ церкви нема, а мы ходимо въ Смолынъ. Такъ це не въ Смолынській церкви було, а въ Пакульской. Тамъ, значть, такъ стало, шо якъ правыть ся служба, такъ воно й спивае цю писню про Кармалюгу. Батюшка служыть, а воно спивае.

— Та хто жъ спивае?

— Я не знаю... Кажуть, шо нечыстый, чы шо. Да такъ, кажуть, люде страхаються, ажъ изъ церкви выходють. Такъ батюшка обявывъ, шо буде його заклынять.

— И заклывавъ?

— А якъ же, заклывавъ. Людей насходилося—и—и багато! И моя сестра старша ходыла.

— Ну якъ же батюшка заклывавъ? Сестра чула?

— Шо тамъ вона розбере! Значть, якосъ тамъ вычитувалы.

— Шо жъ, не стало спиваты?

— Одъ того дня не стало. Такъ теперь и не спивають у насъ цієї писни. Батюшка незвеливъ,—сказавъ, шо вона заклята.

С. Жеведь Черниговскаго уѣзда. М. Н Гринченко отъ дивчины
въ 1899 г.

305. Крипакы дожыдалы воли.

Моя матка розказувала, шо якъ ище булы панськымы, то оце було орють на поли, а старецъ иде, то вони й бижать до дороги та пытають старця:

— Дидусю, чы скоро воля?

А винь каже:

— Скоро вже, диточки, скоро.

То вони пооддають йому свои лусточки, а самы увесь день голодни. А якъ иде старецъ изъ бандурою, то те жъ попрыбнгають та просятъ заграты, та повиддають йому лусточки за те, шо грае, поставляютъ плугы, а самы якъ заходються танцюваты. Ну вже жъ якъ и попадутся, то й пудъ розкамы потанцюють добре.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1899, отъ дивчины.

---

306. Про Т. Шевченка.

Тарасъ является людямъ трычи на день: рано хлопцемъ, удень чоловикомъ, а ввечери дидомъ.

Записаль въ 1880 г. на Шевченковой могилѣ отъ селянъ Е. С. Грибинюкъ.

XI.

Преданія о лѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ „Буковище“.

въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго у. Черниг. губ.

— Не пагнѣлуйся, Оедька Трахимовичъ, я маю папитаць, чи нѣма нашайи рѣчки Буковища у книзи? Вы людзи хотъ и млады, да на чужбини пабували, нехристьянъ павидали и нашимъ Юрнавцамъ то то, то сьо, бачъ, па письменному карпаяце: то чи не бачили ейо тамъ па вописи?

(Записыватель сказалъ, что рѣчка не важна, чтобъ быть извѣстной).

Няважна?

Да вы нязапаятуяце, — вана кались була — и Божачка мой, яка правялика, що и вокамъ ня скинишь! Нѣ, вы смяетесь, — наша рѣчка йость на бумази.

— Не знаю.

— Якъ ня знаете? Стала быть вы ня всьо въ бумази перечитали. Вы папытайця у малаго дятъоначка, и той зная, да й дякъ нашъ, Иванъ Кузьмичъ (бачъ, вонъ письмака, да ище якій ловкій), — той разъ разказувавъ... Бачъ, вонъ найшовъ у церкви — у книзи, а вы нѣ.

— Слухайтя жъ, кали не гнушяетесь! Се було, — рас-

казувавъ майму бацку башкинъ бацка Антипъ, а бацка мини,—за Бѣлага царя Петра, за Святаго Өядоса, шо просвятывся въ Чарнигови и пракятаго мацапуру—Мазепу, шо змянивъ Бѣлому за хлѣбъ-соль и передався Швейцамъ и англискимъ людямъ, — да ише тады, кали наша Юрчавка була падъ манастыремъ. Бачъ, жила у Юрнавци маладыца вѣдъма ише съ хвостомъ, звали яйи Степанида, а у яйи була дачка Хадора. Вотъ такъ лѣтамъ, не скажу вамъ кали, — чи передъ Петромъ, чи передъ Спасамъ святымъ,—Хадора пашла купаться—да й утопись... вонъ тамъ—подъ вербами, супративъ шинку. Канечна, такъ було на раду написана, такъ Богу святому угодно; но якъ пачула акаянная matka, такъ и взбялянилась, будцомъ дурнапъяну абыѣлась, — кричить да вищить, галосе и кляне рѣчку; да изъ сердца взяла и швирула у яйи горячую, якъ жарь, сковараду, примовивъ: вотъ тябѣ.

(Тутъ старикъ остановился, снялъ съ головы еломокъ и, перекрестясь набожно три раза, какъ бы нехотя, шепотомъ сказаль: «Сказана, не при насъ говорено, съ нячистымъ зналась,—ей не жаль було православнаго народу». Далѣе продолжалъ уже громко):

— Тади рѣчка изъ Юрнавки перешла въ Бялицу; а сама вѣдюга, надѣлавъ много пакасти православному народу, згинула безъ святаго сакрументу лютою смертію: яйи скорчнло, языкъ выперло, раздуло, — и канчилась три дни, пакуда людзи не дагадались да не сняли столи, не ототкнули верха и не разбили балонокъ. Бацка казувавъ, шо вана акаянная хадила мертвая дадому и часто хлопци, якъ пасли на начлѣжкахъ каньовъ, то бачили, якъ вана галасила тамъ, идѣ утопилась яйи Хадора. Да й вашъ прадзедъ, якъ прабивавъ акаянную асиновымъ каломъ, то бачивъ, шо ляжала ниць и рягала. Такъ вѣрна Богъ наказавъ акаянную.

— Нѣтъ, — сказалъ я ему, — все, что говорятъ люди про рѣчку—это басня, ложь.

— Якъ!— какъ бы въ ужасѣ вскричалъ онъ. — Ахъ вы жъ якія! Да вы папитайтя у млада и стара, и тая вамъ скаже, шо правда. Да и Тимохавъ бацка Забалотный расказувавъ, якъ пахавъ кала Деряжни, то бачивъ, шо ишла изъ Юрнавки наша рѣчка въ Бялицу дѣвкою—въ красной плахти, съ манистами, личманами и червоными стьожками на шийи, въ пригожихъ сяръожкахъ, въ панчохахъ и чорявикахъ, съ растрепанай касой и вельми плакала, выла и галасила, ажъ дуброва стогнала! Бачили хлопци, бачили дѣвчата, бачивъ пакойный Качубей, якъ вана сядѣла на цамри, шо на криници, вокала бялицы, и часала касу сваю,— а якъ вонъ кашлянувъ, такъ въ воду и згинула. Ну, и тяперь няимитьо вѣры? Да пажалуста, я вамъ вялю, пашукайця ка у церкви, у книзи; да кали найдице, тади и мяни скажице!

С. Юриновка Новгородсѣверскаго у. Черниговск. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинаріи Ѳеодоръ Богуславскій. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

308. Озеро Синее.

Въ Новгородсѣверскомъ уѣзлѣ, между селомъ Каменкою и деревнею Дупликовкою, на полѣ, есть озеро «Синее». Оно окружено со всѣхъ сторонъ непроходимымъ очеретникомъ и лозою, и ведетъ къ нему только одна узенькая тропинка, проложенная, вѣроятно, для водопоя. Окрестные старожилы говорятъ, что никогда лодка самаго искуснаго пловца, достигнувъ середины этого озера, не возвращалась назадъ, и что не одинъ уже смѣлый парубокъ сдѣлался жертвой своей отваги. Под-

шучивая надъ храбростью какогонибудь хвастуна, говорятъ:—А вже жъ ты храбрый, и мы се знаемъ: може ще й Сынее переплывешъ?—Или:—Ты бъ переплывъ и Сынее!

Изъ этого озера идетъ, какъ бы нарочно вырытый ровъ, на пространствѣ около трехъ верстъ и оканчивается въ лѣсу, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Желѣзница», у подошвы одного небольшого холма. О немъ разсказъ полуслѣпного старика:

— Вы може коли чули про Залезницу? Тамъ и доси е — слыветъ вже зовсимъ зравнявсь — бугоръ. Вотъ калысь ще не въ запамятныйн годы, тоды нехристи въ притузи держалы православныхъ, и люде спасалысь, де хто попавъ; а набальшь хавалысь у лиси. И отъ въ тые крутые годы жылы два чаловика и у насъ тамъ въ лиси, що теперацки зовуть Жалезница; тады ще не звали ййи Залезницаю, а такъ сабы — пуца та й пуца. Нихто навирну не скаже, якъ йихъ звали — хто каже Кузьма и Демянь, а хто — инше. Да й дякъ, бачъ, гаманивъ, що не ваны, а хтось другой живъ, — бачъ вонъ па книзн все вѣдае. Ну, да се дарма... се друга казка... Тилько воны булы ридные браття; жылы въ симъ лиси, малились Богу и выкапавни зъ земли кузню на бугарку, що казавъ я, начали кавать железо да прадавать православнымъ и симъ кармить себе. Зъ тыхъ поръ сей лисъ якъ «Зализница», такъ «Зализница», — и теперь кали хто пытае тебе: Куда идешъ? — Въ Зализницу. — Гдѣ будемъ орать? — Въ Зализницы. — А косить? — Въ Зализницы. — Такъ отъ разъ литомъ, откуда ни наявись, чи вана галына, чи то така звярука — хто вже яйи зна, тилько вона ни давала пропуску ни чалавику, ни бѣдной скатынцы, — такъ цѣлыкомъ всяку всячину и ковтала. Папужалысь бѣдны люде, никуды ни ходять, ни вѣзять — ни па грибы въ дуброву, ни па дровы, и въ хати трясутця, ажъ кожа ходаромъ ходе, — мовъ отъ лихоманки. Ска-

тына зъ голоду на загороди пухне, бо сино въ дубровы. А дали пошла ся змяюка на сихъ братьявъ, шо спасались въ Зализницы. Ваны якъ забачили, то й спужались; вбегли въ кузню, яка вона тамъ була вже въ йихъ,— та й заперли двери; а вана акаянная, подбѣгла и давай гризть йихъ. Шо дѣлать въ такой притузи? Порадилися та й рѣшилися зкавать саху и запрегти, бо вже ничимъ помогты горю:

— А може жъ Богъ и поможе уходить ей акаянную!—гамоне братъ брату.

— Охъ, навдаку, братику роднынькы, — отзывается други—се, кара.

— А вже жъ шо буде, то буде! — промовляе старшій,—а свое будемъ дилать,—давай ковать!

Вже саха гатова, и вана двери прагризла и языкъ въ шелку прасунула. Одинъ братъ,—не скажу вже вашій милости сяго—чи старшій, чи малодшій—распекши клещи, да хватъ за языкъ!. Вана суды—туды,—никуда небораку и повырнутыся—языкъ клещами вывертають; а други атчинывъ квартиру, выскочивъ да й запрегъ въ саху, — таку пакуту на яйи налажили... Тады вже кой якъ ваны зправились, забриталы яйи небогу, да адынъ клещами за языкъ веде, а другый одною рукою хутка соху въ землю запырае, а другою зелизнымъ кнудомъ наяруе. Отъ вана оттуда проарала, ажъ до сіого балота,—вонъ до тыхъ поръ иде вото плавъ. Тады ще не було балота, а була невеличка лужа... Да якъ змарнила акаянная, впала са всѣхъ ногъ и давай жрать зъ сыйи лужи воду; жрала, жрала, да й тамъ лопнула: такъ згинула

Тады атъ вони довго повзъ се озеро нельга було ни пройты, ни пройхать; вода адъ сыйи погани праванялась и зробылась сыньюю. Зъ тыхъ поръ се озеро и началы звать «Сынее» та й «Сынее». Патъ канецъ вода начала въ йомъ прибувать да прибувать,—такъ, шо и близко нельга вже здѣлалось полайти, и стало вано та-

кее жъ пражирливе, якъ тая гадина, шо втапилась въ йомъ. Отъ аткуда взялось «Сынее»,—взялась канава и лись назвали «Зелезныцею».

Теперь, паничу, не въ пагнивъ будь сказано, хоть ваша милость и знае «Зелезницу, да вже вана далеко не та, шо була — и сотойи доли нема! Кались я запамятую ще тилько небо да земля,—и, Божа!—яка правялика була пуца,—теперачки зкаренилы; знавъ иде и кузня була братьявъ; бувало тамъ зъ хлопцами жужаль и зелезьяче кой яке збираймъ, якъ пагонимъ було каньовъ пасти. Да й народъ було—чи хто занеможе, — скорей жужали одъ братьявъ да напоють чаловика въ притузи: його лыхо й праходе марно на сухи леса. Теперь вже и сяго нема.

Новгородсѣверскій у. Черниг. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинариі Феодоръ Богуславскій.— Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

309. Про Глуховъ.

Разсказъ старожила *).

Башта була Московська и Киевська и крипость кругомъ. Башта Московська разобрана билшь двадцаты годовъ, Киевська стоить, а була проты ей на другимъ конци города, де теперь крамни лавкы камьяни, розійшлысь, за Спасомъ: трохы бльжчть, на тры сажени сказать, одъ произду мыжъ лавками; поставлена була та башта Московська не прямо на сей шляхъ, шо въиз-

*) Разсказъ знакомить нѣсколько съ прежнимъ видомъ Глухова, до пожара 1784 года, и дополняетъ живыми красками очевидца официальную картину этого пожара, переданную публикѣ благодаря извѣстному почетному любителю отечественной старины, въ 30 № Ч. Г. В. (Всеподаннѣйшія донесенія Гр. Румянцева). *Примѣчаніе редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1852, № 32), откуда заимствованъ этотъ разсказъ.*

дять у городъ зъ того боку, а мовъ бы на яръ укрьвылась и одъ еи ишовъ шляхъ такъ, якъ стоить теперь домъ Котлярова, черезъ двирь, а сей домъ якъ ставылы (годъ дванадцять буде вже), яму саженой въ дванадцять одкопалы, мо, погребъ який бувъ за дедивъ. Башта була въ валу, бо и изъ сего боку йшовъ валъ наливо надъ яръ, а направо на путывльський шляхъ, и по гори по краечку зверта въ обаполы на Киевську башту; за валомъ шинковая продажа була: Вынокурки жылы (такъ и прозвыще имъ було—Вынокурки—хазяины таки), за городомъ, за валомъ, на ливо одъ Спаса. Пры Куракыну выганялы насъ, плата —звисно—була, тамъ уже якъ усимъ платылы: отъ мы валъ розривнялы... березкы въ пушу сажалы, булеварты робылы; скотъ заганялы и свиной, и на острогъ бралы, щобъ не хадылы. Було такъ годывъ чотыри, а потомъ того булеварты розвалылыся.

Нашъ увесь городъ выгоривъ назавтра Спасъ, тому вже годъ шесдесятъ; с. Билополовка, Виригень и Усовка осталысь, а городъ на гори ввесь; зъ Поганого-Ставка почало, въ городи тилько духовне правленіе осталось: лавкы, дома, церкви— все якъ не було. Кладбыська-помынальная церковь Вознесенія не згорела. Церква Михаила Архангела оттуть, де Хаменко живе, надъ валъ, стояла; якъ пожаръ бувъ, престолъ перенесли и колокольную перевезлы сюды у Тройци. Манастирь Дивычій тогди жъ згоривъ, а сыльна була постройка страхъ, не одынъ десятокъ и не два престоалы стины, дакъ якъ довелось разбивать, оце годъ пъять, яму щобъ засыпать, дакъ мы не прывмили що казать имъ, рубалы якъ камень-щырець... — Тогди вольна продажа була,— дакъ горилкы на Спаскій улыци розлылыся: Боже мій!—земля горыть... Бочки зъ дегтемъ, де лавкы булы; пудъ валомъ, дакъ ихъ зорвало на воду и на води горилы... Одъ поганои хаткы завелось ото, баба стовпци пекла,

одъ Поганого-Ставу; на городъ саме витерь бувъ изъ Москвы...

На казенній гребли машина за Кыевскою баштою стояла и два млына. По однимъ лотоку тры колеса ходылы, подсобойни булы, а не наливныи;—то вже мельницы якъ поставылы, дакъ по тры колеса булы наливныи. Ии не вырвало бѣ (машины), дакъ греблю роскопалы—черныговскый Бахуровъ спустывъ воду, якъ мостъ строили. Тутъ рыбы шо було народъ пообравъ...

Государевъ дворець стоявъ, де теперь лыпки, де Куксынъ домъ. У ему Румянцевъ живъ.

Ярмалкы становылысь: Троицкая, Ильинская по Путивльскому шляху, де теперь манежи и Салдатска Слободка,—воно часомъ и теперь Старе-Ярмалкове зветця, по улышньому;—а Михайловъ день и Новый годъ—Васильевская ярмалкы булы у самому городи. А теперь уси по Кыевскому тракту на Виригени.

Подымне платылы трыдцять копйокъ зъ двора.

На Билополовци поставлена камъяна церква до мене ше.

Г. Глуховъ Черниговской губ.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ разсказывають среди мѣщанъ, что церковь св. Иліи выстроена каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья. Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ и его каменщики то-же начали брать шабашки—кирпичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хотѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но

атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.

Черниговъ, 1896.

311 О м. Красномъ Колядинѣ.

(Черниговской губ. Конотонскаго уѣзда *).

I.

Давно, ще якъ я бувъ маленькымъ, живъ у мого батька старый престарый дидуганъ; винъ не злазывъ зъ печи и ходывъ зъ оселедцемъ, якъ стари люде ходылы. Такъ винъ намъ, малымъ хлопцямъ, и росказуе, було, про наше село. Казавъ ще винъ, що зазна Ромень чистою и бигучою ричкою, що по йому байдаки и стругы велики ходылы **).

А теперь чортъ-зна-шо, просты мене Господы болото—не болото, а такъ шось таке. Ще я зазнаю:

---

*) Въ углу, образуемомъ изгибомъ р. Ромна, стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, прислонясь другойстороной къ вѣчному лѣсу, мѣстeko Красный Колядинъ, посрединѣ мѣстечка находится неглубокой прудъ, называемый *Краснымъ ставомъ*, черезъ который проходитъ широкій ровъ соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда съ р. Ромномъ. За новою деревянною церквю находится возвышенность изъ взгроможденныхъ одинъ на другой кургановъ,— это мѣсто называется *замкомъ*. Замокъ этотъ представляетъ видъ острова, потому что здѣсь р. Ромень обтекаетъ его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находится глубокой яръ, который, очевидно, былъ прежде рукавомъ Ромна и обтекалъ этотъ островъ и съ четвертой стороны. На этомъ островѣ и теперь видны остатки вала, составлявшаго крѣпость. *Изъ описанія записывателя.*

**) Слова стараго рыбака подтверждаются тѣмъ, что недалекъ отъ города Ромна нашли остатки кормы большого судна, кажется, барки. *Записыватель.*

якъ Ромень дуже була гарна ричка, якъ вырвала уси гребли, ще тоди утопився хлопецъ Очеретянчыхъ; а теперъ весною у бридъ можна перейты. Такъ тоди по Ромну стругы ходылы. Ромень, вы знаете, тече поузь Соснивку; тамъ жыла пани Покорська съ сыномъ. Сынъ бувъ такый гарный панычъ. Винъ бувъ разъ у гостяхъ у айвороньского пана. Ото якъ ставъ винъ плысты на пороми додому, пиднялась велька хвыжа, — поромъ и одирвало зъ вирьовкы. Отъ винъ бачыть, шо лыхо, узявъ та й кынувсь посередъ ричкы зъ конемъ у воду зъ порома. Отъ, маты, стара Покорська, якъ почувла се, дакъ такъ росердылась, шо й Боже! Прокляла Ромень! А клятва та слёзы матерынськы—звисно яки. Ото воны стали сушыть Ромень. Дакъ съ того часу и начала ричка пересыхаты, а теперъ зовсимъ стала болотомъ. Дакъ уже передъ самою смертю стара Покорська сказала, шо тоди буде чыстою ричкою, такою, якъ була першъ, якъ хлопецъ семылитокъ на кони, тожъ семылитци, найде у болоти очеретянку: половынка волота, а половынка срибна, та й вырве ййи; дакъ вода и його, и коня його залле, а ричка упъять зробыться чыстою и бигучою.

II.

Ще колысь, не за нашойи памъяты, розказувавъ мени старый дидъ, шо у насъ живъ, шо на цьому мисци, котре й теперъ замкомъ зветься, стоявъ велькый замокъ, кругомъ которого стоялы высоки стины, на стинахъ було крый Боже скильки гарматъ! Опимъ усимъ замкомъ владивъ ляхъ Коляда. Винъ бувъ дуже багаты и дуже злы, — багато перемучывъ народу. Гайдамакы дознались о такыхъ неправдахъ Коляды и пидплылы у темну ничъ пидъ замокъ. Сталы збираться на стины, колы ляхы й побачылы гайдамакивъ. Заразь давай одбываться одъ нихъ; а наши, котри булы у замку, змо-

вылысь та й одчынылы вороты. Отъ Коляда якъ побачывъ се лыхо, дакъ заразы насыпавъ багацько возивъ зѣлотыхъ та срибныхъ грошей и одправывъ на село тайныкомъ, который выходывъ ажъ у село, на долыну де теперь ставокъ. Отъ Коляда и звеливъ выкопаты три колодязи и высыпавъ туды гроши; потимъ звеливъ розгатыты греблю, дакъ вода зъ Ромна и пишла, и затопыла всю долыну. Ти колодязи теперь е въ ставу, тилькы ихъ неможна знайти, бо занесло муломъ.

III.

Мени старый росказувавъ, що якъ було йому, примирно, литъ п'ять, дакъ уси люде, опричъ старого батька, котрый лежавъ на печи—нездужавъ, пишли на Велькдень до церкви. Отъ, якъ стали такъ якъ на Дстойне дзвонить, щось якъ загуркотило!... Мы выбиглы зъ хаты, колы наша церква сидае въ землю, тилькы мы й побачылы хрестъ святой,—церковъ зо всимъ народомъ провалылась крузь землю. Тилькы на тому мисци, де церква стояла, инколы люде чують, що звонить пидъ землею.

М. Красный Колядинъ Конотопск. у. Черниг. губ. Записаль Н. Трубицкій отъ рыбака 90 лѣтъ. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1858.

312. М. Понорница.

(Кролевецкій у. Черниг. губ.).

Давно вже ся штука була, добродію, що ще я вамъ казатему; ни дѣдъ муой, ни прадѣдъ сього не зазна. А все таки и теперь у насъ е чималенько людей, що тее жъ расказують — видно таки тутъ не безъ правды.

Тутъ де наша таперь Панарныця, була колысь, зволте знать. пуца, гушина да еры булы, кажуть, такіе, що безъ хреста на шійи да безъ добрайи дубыны на плечахъ и прайты було страшно. Було, кажуть, чиѣде хто, чи йде тою пушаю, некому не пруйдыще безъ пришты: або засвыще що по лѣсу, або засмеецце, або чупырсне пудъ коней да коней злека, такъ що не адному, прасля ціѣ дароги, прыходылось сорочку надѣвать пазухою на спину. Отъ хто його зна и адкуль не вазьмись—хто каже палякъ, хто—такъ екась невѣра, збудававъ въ туой пуши хату, да й пасельвсь наче въ батькавшини. Спершу людцѣ Божи думалы, що то нечиста сила ека, а деле пригледылись—чалавѣкъ, туольки, звѣсно, на хрешеныхъ не пахожи. Вадкуль вуонъ узьявсь, чего вуонъ тутъ живъ, що вуонъ тутъ рабывъ—усѣ бажалы знать да пудступитъ до його не въ кого фабрости не було. Такъ прайшло гадуовъ два, чи й лучче. Негде вуонъ не бувавъ, не зъ кимъ не гомонѣвъ, живъ собѣ у лѣсѣ неначе вавчуганъ тей та й годи; зустрѣне було, кажуть, чаловѣка и насупыть пику въ въ землю; чи магайбу хто, чи шо друге—вуонъ не пары зъ устѣ, наче не до його. Спершу то людцѣ хрешенные и геть, кажуть, баялысь ціѣ невѣры, а якъ пригледылись да разшалопалы, що вуонъ самъ баицце людеи—давай глузовать. Именья його нехто не знавъ, спитать нѣ у кого, а сусѣду не жить же безъ именья—його и прозвалы—панура, за те, бачъ, шо, наче та панура, пику держитъ у землю. Ну, панура, панура—й мала нужды. Чи астапранцяватѣло то паляку таму жить такъ, чи шо друге, туольки вуонъ взьявсь присля за розумъ—обчалавѣчивсь трохи, ставъ гомонѣтъ зъ людми, хадыть па селахъ, а деле и кунпанню вадыть зъ сусѣдами. Да шо, кажуть, за бестыя була! усе вуонъ знавъ, про всячину гомонѣвъ до кожного ласкаве слово умѣвъ приладать—його, кажуть, усюды и вподобалы. Скуольки

такъ прашло гадовъ—не знаю, туюльки, кажуть, скоро людцѣ Божі разшалопали, що тей палякъ—вовкъ въ авечуой шкури; що вонъ хочъ и гарна про все гомонить, да правды въ його бесма. Ходить, було, кажуть, у жупанахъ, а плаче, що хлѣба нема да наровить, якъ бы въ кого мешочокъ барашенця выдурить. Звесты людей на лайку да на буюйку йому падай; прапыть чалавѣку астанню капѣйку—вуонъ паможе! обцыганить кого, обдурить—його дѣла; а якъ да чого дуойдыще, вуонъ и правъ; зъ усього й выкрутеще, наче його негде и духу не було — звѣсна кательцька натура! Якъ разшалопали, що за птыця палякъ цей, дакъ то звалы Панура, а то прибавили ще ницій за те, що лукавить усюды. Такъ и пашло: Панура-ницій, або Ницій-панура; стали звать и старе, и мале, другого ему и имения не було. Асвуйчилильсь людцѣ съ тымъ лѣсамъ, де живъ Панура, да и сабѣ де яки бѣдалаги стали тамъ куренѣ будавать,—зробивсь хуторецъ, а въ йому Панура слыве атаманомъ екнмѣ. Прасля, не скоро, кажуть, зробилось сельцо, Пануры вже и духу не було, а йде було кажуть, чыѣде чаловѣкъ у те сельцо:

— Куды?—спытай.

— До Пануры—ниці!

У насъ теперечка мѣстечко наше величаютъ Понорница, або ще й Понѳорница, да тыльки жъ шо въ насъ, а дея не бувъ, дакъ його усюды зовуть Панурныця.

П. К. въ Поворницѣ Кролевецк. у. Чернитовск. губ.

313. Легенда о Поганомъ полѣ.

Колысь*), якъ ишовъ войовать шведъ на Билого нашого цара и ставъ на симъ поли да й пославъ гонцивъ

---

*) Жаль только, что записавший эту легенду о Трифонѣ Стефановскій передаетъ ее не въ такомъ видѣ, въ какомъ она

до цара, що винъ иде до його въ гости и жде витаться зъ йимъ на симъ поли; а до Мазепы пославъ другихъ, щобъ и винъ, и його козацтво якъ йому приста-лы иты вмисти на билого цара. Дакъ не такъ зробылось. Билый царъ позвавъ його въ друге мисце да й давъ йому и Мазепи табаку такъ, що не обыраючысь насылу попали у Бендеры. А якъ стоявъ винъ на тимъ поли, то жывъ тогда у Плоскому отаманъ Мирьунъ Билыменко, чоловикъ сукретный и письменны. Въ його була дочка Катра, да така прегарна, така хороша, що якъ краля, якъ намульована. Самъ хорунжий хотивъ ййи сватать, якъ бы лыхо ййи не спиткало. Якъ заговорыть, дакъ мовъ щебече, а заспивае, дакъ пречъ твй и соловейко!

Отъ вона разъ изъ товаришкою своею, Фесею Шевченковою, пйшла въ гай за губамы. Де не возьмысь чотыры шведы! Заразъ йихъ поймалы, и такъ якъ Катра була прехороша, то вистымо, щобъ угодыть своему старшому, повелы ййи въ шатеръ, а Фесю хотилы одпустыть. Дакъ Катра вчепылась за нейи и каже:

— Колы мене ведете, то ведить и мою товаришку.

Воны туды и Фесю. Продержалы йихъ у шатри може изъ тыждень. А батькы да маткы сумують, плачуть и не знаютъ, де дивалысь йихъ дочкы. Колы жъ вони и приходять. Пытають йихъ, а вони, вистымо, тее лыхо зъ ляку, давай брехать да божытця, що ходылы до родычывъ у Кукшынь*) и Хотыновку въ гости. Ну, такъ йому и быть, да ни—шыла въ мешку не втайишь! Все наши дивчата охкають да сумують, не ходять на улыцю, до храму Божого не витають и ховаютця одъ людей,

---

разказывалась старожиломъ, а подѣлалъ нѣкоторыя свои измѣненія для плавности разказа, въ чемъ и самъ признается. Впрочемъ редакція усердно благодарить его за этотъ памятникъ народности.
Прим. редактора Ч. Г. В.

*) Сосѣднее селеніе. *Записыватель.*

мовъ зазуля по крапыви. Дакъ де вже схватця! Стало гласно по всьому селу, де воны були, а парубкы, гуляючи на улыци, взялись сміятця да гукать:

— Передай кодолу! (?)

Другый крычыть:

— Котору?

— Катру развору!

— Кому?

— Поганцямъ шведамъ!..

А инчи писеньку спивае:

Пошовъ Мирьунъ до млына,

Миرونыха спать лягла,

А Катруся—люба донька—

Къ шведамъ тягы дала.

Прылетила зузуленька

Да й стала коваты,—

Затужыла Катрусенька,

Не выходыть съ хаты.

Не плачь, не плачь, лебедыно,

Така твоя доля:

У гай иты за губамы

Була твоя воля.

Крыкнувъ пивень опивночи,

Въ поли завыхрило,—

То шведонькы въ походъ идуть—

Катри занудыло.

Прощай, прощай, Катрусенько,

Прощай, сира утко,

Изъ-за моря далекого

Шведъ вернется хутко.

Ударылы изъ гарматы

На пилтавскимъ поли,

Полетили зъ плечъ головы

Въ шведовъ по неволи.

Летыть гонецъ зъ пидъ Пилтавы,

На-взаводы скачѣ,
 Що вси шведы леглы лоскомъ—
 И Катруся плаче.
 Плачь, Катрусю, плачь, небого,
 Такъ тоби судылось;
 Щобъ не вернувсь шведъ николю—
 Тоби се й не снылось.

А ще гирше стали говорыть да сміятця Катри и Феси, бо до году обыдвизробылись накрыткамы. Фесья жъ свою дытynu на роду утлунула *), а Катра на свить Божи пустыла. И де то вже такее лыхо сховать!

Заразъ йихъ обохъ на громаду. Вони, ничого вже робыть, признались де булы, що и якъ. Громада й прысудыла:

— На обохъ живцемъ сорочки спалыть!

А посля того кажуть:

— Ни, Феську простыть, що вона на свить Божій поганойи крovy не пустыла, а Катру одвесты до отца-батькушы—яку винѣ наложыть покуту, такъ тому и бутъ.

Отъ Мирьунѣ слухавъ, слухавъ да й каже:

— Ни, панове громадо, не такъ, а ось якъ буде: я свойму дытяти батько,—моя сыла, моя й воля!

Прывѣйивъ Катру додому, роспытавъ хорошенько—шо, де и якъ? а посля взявъ заступъ да лопату и пошовъ на те мисце, де поганого старшого стоявъ шатеръ; выкопавъ яму да изновъ вернувсь додому, забравъ Катру зъ дытynюю, прывѣйивъ до ямы да й каже:

— Не спомынай же мене, моя дытynю, лыхымъ словомъ... оце тоби хата!

Катря въ голосъ, до Бога руки знимае, за ноги батька хватае, крычыть и рветця, у груды бьетця, а Мирьунѣ ничого того не чуе, мовъ лозакладало, да въ могылу ййи прямуе. Отъ, ставъ ййи закъдатыть землею,

*) Уморила. Запис.

дакъ неякъ не засыпле: усе Катра пудныметься вгору. Що робыть? Звисно, чортяка заразь йому указавъ. Винъ вырубавъ колокъ, застругавъ його, ускочывъ у яму, убывъ той колокъ посередъ ямы, звязавъ Катри ноги й руки да й прывъязавъ до колка. Оттуть то Катри уями и повернутця не можно. Засыпавъ ййи живуую зъ дытною землею. И прышовъ додому опивночи, да хотивъ лягты спать. Отъ задремавъ... Якъ схопытця бура, якъ пудныметця выхоръ—хоромы трещать, двери въ синьцяхъ и въ хати росчынылысь, гремыть, реве, блискавыця смальть, а пидъ викнамы усе щось неначе тужыть да голосыть. Винъ—що робыть?—давай передъ образами страсну свичку ставыть,—свичка тухне; давай хрестытця—хрестъ не кладетця; давай молитця—слова не промовыть...

Стало свитать... Винъ боржій до отця Ивана, все йому, якъ на папири розказавъ. Отець Иванъ, выслушавшы, йому и каже:

— Поганю жъ ты, пане Мыроне, зробывъ; аже жъ не такимъ гришныкамъ, а ще гиршымъ, мылосердны Богъ прощае, а ты молодій людныи, свойій дытныи, не простывъ и дви души въ свиту стребывъ. Воны не по своей воли такий пидпалы доли, за сее тоби мій судъ такий: симъ литъ нема причастя, симъ годъ у храми не бувать и хвалы Божойи не слухать, а въ Воскресенные (свѣтлый праздыкъ) якъ уси мыряне будутъ иты на всеношну до храму, то ты боржій бижи на ту яму, де закопавъ свою дытну, и якъ почувешъ, що вона тоби скаже: «Воистыну воскресь!» тогда й покути твойій конецъ. Богъ и я тебе прощаю.

И щожъ послы сього? Нашъ Мыръунъ не выживъ и трохъ дней: бигавъ, гукавъ, сміявся, казывся да пидъ тыномъ звалывся и Богу духъ отдавъ...

Якъ бы да теперь хто умеръ, то бъ полежавъ руськи мисець, выглядаючи станового да дождыдаючиьс ликара, а то Мыроныха заразь до пан-отця и дяка... Прыхо-

дять, зобрались люде на похоронъ, кладуть його въ домовину и понесли, спиваючи *Святый Боже...*

День ангельски тогди бувъ: не було на неби и маленькойи хмаркы. Якъ прынесли до ямы и стали його упускать туды, — де не возьмысь хмара, насупыло, якъ ничъ, схопылась бура, выхоръ, выкинуло Мырона зъ домовины и закотыло не знать куды. Гледять, ажъ у домовини лежить той колокъ и верьовка, шо винъ привъязувавъ дочку, якъ ййи закопувавъ. Оттуть то уси полякались и розбиглись—куды хто попавъ, тилькы отець Иванъ билиа маръ усе хрыстытця да чытае: Святъ, Святъ, Святъ!..

На другый день Мыроныха поклыккала де-яку родню, бо зъ чужыхъ людей усякъ боявсь туды прыступыть,— знайшлы Мырона за повверствы одъ ямы: лежить, чубъ стрымыть дыбомъ, зубы выскальвъ, очи вытрещывъ и чорны, якъ сажа. Изновъ уси полякались и не знаютъ, шо тутъ робыть, а посля перехрестылись, напылись горилкы, якъ и теперь водытця на похоронахъ, выкопалы коло його яму, положиы на друче и внеслы зъ домовиною у яму. Сталы закыдать, дакъ нивидъ щось стогне да тужыть. Прыслушаютця, ажъ мертвецъ зубамы скрыгоче и нимо мовляе:

— Просты мени, моя доню, простить уси, добри люде!

Що жъ посля того? Якъ наложывъ отець-батюшка покуту на симъ литъ, то симъ годъ усе у тую ничъ, въ яку Миръунъ закопавъ дочку, пуднымалась велика бура и выхоръ, и булы такйи смильчаки изъ паробкивъ, шо якъ тилькы пудныметься бура, то ходылы на ту могылу, де Катра захована да ледви видтуля до дому допихалысь. Такъ усе за нмы шось вые, плаче, тужыть, а инколы крычть: «Просты мини, мій тату, простить уси, добри люде!» Отъ, одъ тыхъ поръ и по сей день якъ началы, дакъ и началы те поле *Потанымъ* звать.

С. Плоское Нѣжинск. у. Черниг. губ. Записалъ священникъ
Трифонъ Стефановскій въ 1856.

314. Могила Деречыха.

При истокахъ р. Удая, на границѣ Борзенскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, съ востока на западъ, вдоль южнаго возвышеннаго берега рѣки, идетъ рядъ холмовъ, между которыми мѣстное населеніе выдѣляетъ «могилу Деречыху», расположенную нѣсколько въ сторонѣ, еще далѣе на югъ. Деречыха—большая могила съ двумя глубокими котловинами посрединѣ. Вокругъ нея въ разныя стороны радіусомъ расходятся распаханныя, но еще замѣтные валы. Вотъ какое преданіе сохранилось объ этой могилѣ въ с. Рожновкѣ, Борзенскаго у.

«На Деречыси, кажутъ, жылы колысь шведы н велику обиду робылы нашымъ людямъ: було поймають чоловіка, закынуть у ляхъ та й годують канхветамы та волоськымы орихамы, ажъ покы стане такой сытый, шо урижъ пучкы, то й кровь не йде; тоди заколють якъ кабана та й йидять. Мою бабу тежъ поймали. Пишовъ дидъ изъ бабою, молодымы ще бувшы, на Удай по опенькы. А по Удаю тоди рослы гайи та лозы здорови. Бачыть дидъ, шо шведы наскочылы, пидирвавъ михъ та й сховавсь пидъ михъ. Баба и соби туды, дакъ дидъ: «Куды ты,—каже,—заберуть и тебе, й мене». Баба тилько закрыла дида, ажъ тутъ и шведы. И взяли ййи.

Дойшла чутка до гетьмана у Батурынъ, шо шведы обыжають народъ. А винъ саме затявъ війну велику,—дакъ війська у його зовсимъ не було. Трохы зибравъ и хотивъ иты на шведивъ. А сынъ його каже:

— Пиду я, тату, прожену шведивъ.

— Э, молодой ще ты, сынку, гетьмануваты: одурять тебе шведы.

— Ни, не одурять.

— Ну, йды!

Отъ пидходыть гетьманенко до Деречыхы. Шведы выйшлы йому на зустричъ, просятъ до себе на родыны.

Винъ пишовъ до йихъ у замокъ. Справди: и жинка стогне, и дытына крычыть. Сталы його частувать, та й пиднеслы такого, що винъ тамъ и сконавъ. Выйшлы тоди шведы до козакивъ та й кажуть:

— Идить, люде добри, додому почеськи, бо вже вашъ гетьманенко на .... *) лежить.

Козаки не вирять—якъ шо? Вынеслы йимъ шведы гетьманенка. Узялы його козаки та й повезлы у Батуринъ. Заплакавъ гетьманъ, поховавъ сына. А тутъ же вйська нема! Отъ винъ зробивъ млынъ, до валу привязавъ довбешкы, попрычилювавъ барабаны та й повизъ той млынъ до Деречыхи. Витеръ віе, барабаны пиднялы торохняву таку, шо якъ зачулы шведы, то подумалы— хто його зна й яка до йихъ сыла прыступае—злякалысь та й втекли ажъ за Чорне море.

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ 70-лѣтняго козака Омелька Бондаря, въ 1898 г.

315. Ричка Роменъ.

Жыла соби одна удова козачка въ сыномъ. Ничого на свити вона такъ не любила, якъ свого сына; да й берегла вона його, якъ свое око. Однакъ, якъ вона за нымъ ны глядила,—не вберегла його, и винъ утонувъ у ричци Ромни. Маты, якъ почувла се, давай тужыть; усе тужыть да й тужыть. Росердившысь на ричку, вона узяла да й забыла тее жерело, видкиль вона текла, а дали узяла да й прокляла ййи. Отъ послы сього ричка й стала тее жъ болото. Якъ не стало ричкы, дакъ люде якыйись хотилы одбыть ййи, а маты сына, того, що утонувъ, сказала тымъ людянь, шо вони пропадутъ, якъ

*) Слово не разобрано.

изроблють те, що думаютъ, бо вода вырветься и затопить ихъ тамъ. Одъ тыхъ поръ никто не смивъ и подумать, щобъ одбыть жерело.

С. Голянка Конотопск. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

316. Г. ЗИНЬКОВЪ.

(Полтавск. губ.).

Жывъ чоловикъ Зинець тамъ, де теперъ кузни,— одъ його й прозвалось мисто Зиньковомъ.

Записъ неязвѣстно чья.

XIII.

*Сказки фантастическія, игра словъ и
остроумія.*

317. Ракова скоро работа.

Кольсь ище, якъ дрижожи були таки риденки, якъ водичка, такъ ракъ пишовъ по дрижожи и ходывъ симъ годъ. Отъ прыйшовъ винъ додому, ставъ черезъ поригъ перелазыть, упавъ и глечыкъ зъ дрижожами розбывъ та й каже:

— Скоро работа, такъ нагла смерть.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у.

---

318. Про хлопця, що ничего не боявся.

Булы соби чоловикъ и жинка, и бувъ у йихъ такый сынъ, що ничего не боявся. Ходыть сынъ за батькомъ та усе й просыть:

— Тату, покажи мени, що воно за страхъ!

А дякъ почувъ та й каже:

— Хай же я його злякаю.

Попросывъ винъ того хлопця звонить на утреню, а самъ упередъ злизъ на звоньцю, одягся у билу довгу сорочку, ростопырывъ руки и стойить.

— А шо се,—пытае хлопецъ,—стойить?

Дякъ мовчыть. Винъ у друге:

— Кажы, що стойить, а то што вхону!

Дякъ думает, що винъ злякается, и зновъ мовчыть.

Тоди хлопецъ якъ што вхоне: дякъ и покотывся зъ звонници, и зломывъ соби ногу. А сынъ зновъ прыстае до батька:

— Покажы, та й покажы той страхъ!

— Веды його,—кажуть люде,—у гай: тамъ висыть ажъ симъ висилныкывъ,—хай винъ йихъ стереже.

Одвивъ батько сына у гай. Розложывъ хлопецъ огонь, та й давай тыхъ висилныкывъ грить: зниме, погріе, та й зновъ повисыть.

— Ну,—пытають люде,—спужався?

— Ни,—каже,—не спужався: воны мовчале, а я йихъ гривъ, та й зновъ вишавъ.

— Поведы ще його,—кажуть люде,—у тей домъ, що никто не живе.

Одвивъ батько сына туды у кимнаты, а у тыхъ кимнатахъ, та таке страхитте! Спершъ побачывъ хлопецъ багато голодныхъ котывъ, и давай воны його дряпать. Узывъ хлопецъ и поодрубывавъ йимъ лапы. А потимъ якъ почало тамъ стукотить та кыдать каминюкы,—и чого, чого винъ тилькы тамъ не бачывъ! Лигъ винъ на м'якый услонъ, и якъ почало його носыть по комнатахъ, та стукотыть, та гуде, а винъ лежыть соби и ничого не бойиться. Такъ и переночывавъ.

Якый бы ще тоби страхъ показать?—думаетъ батько. Отъ разъ хлопецъ заснувъ, а батько возмы та й лыны на його видро холоднойи воды. Сынъ якъ схопыться, та такъ испужався. И съ того разу годи вже пытать, що то за страхъ.

Записала отъ крестьянъ с. Б. Муравейки. Черниг. у.

М. С. Чудновская.

319. Негода.

Одынъ чоловікъ заколовъ свиню та й ставъ обривувать сало, та де товще—само соби, а тонше—само соби, а жинка и каже:

— Чоловиче, на що це ты одкладаешъ?

А чоловікъ и каже:

— Та це тонше негоди, а товще намъ.

А жинка и пыта чоловіка:

— А яка то негода?

А чоловікъ и каже:

— Та, шо въ сынъому халати, то й негода.

Ото чоловікъ пойхавъ на поле, а жинка була дома и дывыться, колы йде жинка въ сынъому халати по вулицы, а вона выбигла та й каже:

— Жинко, жинко! Иды сюды, на сало!

А жинци шо жъ одказуваться? Ото прийхавъ чоловікъ до дому та й каже:

— Изжарь сала!

А вона й каже:

— А-ге! Я оддала негоди.

Ото чоловікъ росердывся та й каже:

— Ну, ходимъ наздоганять!

Ото вони й побиглы... (Отрывокъ).

С. Исакова, Славяносербск. у. Екатеринославской губ.

Б. Д. Гринченко.

320. Нужда.

Жылы соби дидъ и баба. Дидъ и каже баби: «Збирай, бабо, гроши про нужду!» Стала баба одкладувать гроши и назбирала цилый рукавецъ.—Зайшовъ разъ до йихъ москаль,—дида не було дома. «Чого се ты такой обидраный?—пытае у москаля баба. «Охъ, бабка, нужда,—

потому и ободраный.»— «А у насъ,—каже,—е гроши про нужду.» Унесла вона той рукавецъ и оддала москалю. Трохы згодомъ приходять дидъ, вона йому и похвалылась, шо уже оддала нужди гроши: Дидъ на коня, та за москалемъ. Бачыть москаль, шо беда,—ставъ коло кривойи березы и держыть ййи рукамы. «Чы не бачывъ,—пытае дидъ,—нужды?»—«А ось тилькы шо пройшла; подержы березы, а я заразы на кони дожену.» Сивъ москаль на коня, та й бувъ такый.

Записала въ д. Гусавкѣ. черниг. у. отъ Адриана Мольки
М. С. Чудновская.

321. Маты зрадныця.

Жылы у лиси чоловикъ и жинка. Чоловикъ занедужавъ и вмеръ. Тоди жинка заховала його. И скоро у тейи жинкы народылось двое дитей. И лежыть та жинка и дума: «Господы! хто мени оцыхъ дитей охрысте, якъ я не знаю ни слободы, де вона есть, ни люде сюды не заходятъ,—хто мени йихъ перехрысте?» Коны дывыться—иде двое: Святыи Петро и Богъ. Перехрестылы: Святыи Петро дивчынку, а Богъ хлопчыка; Святыи Петро давъ имъя дивчынци Настя и ще давъ ййи гребенкы и дныщечко. А Богъ давъ имъя тому хлопчыкови Петро и ще давъ жупанокъ и рушныцю. И той хлопчыкъ прегарный бувъ стрилецъ, такый, шо якъ нацилься, такъ и вбье. А дивчынка якъ сяде було на дныщечко, такъ и зна, де шо робыться. И той Петро було якъ пиде на охоту, набье птыци, звиру всякого и назбиравъ стилькы шкуръ, шо нигде йихъ диваты у хати вже. Ото одынъ разъ йидуть чумаки по шляху, а Петро и каже чумакамъ:

— Купить у мене шкуры!

А тн чумаки й кажуть:

— Де воны у його взялысь, ти шкуры?

А Петро й каже чумакамъ:

— Ось трошки подождить, я заразъ принесу вамъ шкуръ.

Ото пишовъ Петро, принисъ багато шкуръ, що стало уси возы понавалювать, ти люде тоди пойихалы, а Петро пишовъ додому. Прийшовъ винъ додому и каже матерн:

— Мамо, дывиться, мени чумаки дали грошей за шкуры.

Ото сколько тамъ годъ промынуло. Петро усе бывъ зайцивъ, птыць, вовкивъ, лысыць, усе, усе. Одынь разъ Петро пишовъ на охоту, а маты осталась дома. Колы це иде чоловікъ якыйсь, прыйшовъ у хату:

— Здрастуйте!

А маты каже:

— Здрастуйте!

Отъ, той чоловікъ и каже:

— Давай сына твого стребымо, а съ тобою будемо жыты.

И вподобався той чоловікъ матерн, а то бувъ змій, и пытається вона:

— Якъ же його стребыты?

А той чоловікъ и каже:

— Якъ прыйде винъ изъ охоты, такъ ты пристався, наче хвора и кажы:—Сынку, якъ бы ты мени привизъ дыкойи поросятыны, то я бъ може одужала бъ.

Отъ, прыходе сынъ, змій заразъ пидъ кровать и сыдыть, а маты и приставылась, наче хвора; сынъ пыта:

— Чого вы, мамо, хвори?

А маты й каже:

— Та хто його зна, чого я нездужаю; якъ бы ты мени, мій сыночку, пойихавъ та привизъ дыкойи поросятыны.

Отъ, Петро узявъ свого конька и пойихавъ, та

просто до сестры, (а сестру тоди уже замижъ оддали).
Отъ, прыйхавъ Петро до сестры и каже:

— Послала маты мене за дыкнмъ поросямъ.

А сестра й каже:

— Ой, братнику! У нашойи матери есть уже другой чоловикъ, такъ хотять тебе стребить. (А вона така, що якъ сяде на дныщечко, такъ и зна, що и де робыться).

А Петро й каже:

— Ни, нема, сестрычко, никого у хати.

Тоди й каже:

— На, братнику, оцього мого коня, та гляды жъ ты мени, що я тоби буду казать: не бери одного поросята, а то свиня якъ нажене, такъ иззистъ, а хапай двое; якъ двое ухапышь, такъ якъ бигтыме свиня, такъ ты одно кынешъ, а зъ однимъ прыбжышь.

Отъ Петро пойхавъ. Прийиздыть, колы дывыться,— лежать поросята, а свини не було, паслася десь. Отъ Петро ухопывъ двое поросятъ и подався. А свиня якъ почула, що хтось поросятъ забравъ, давай бигты, давай бигты,—отъ отъ нажене; а Петро узявъ и кынувъ одно порося, а зъ однимъ побигъ до сестры. Прыбигае до Насти, тоди Настя оставыла те порося, а свое дала. Тоди Петро пишовъ додому. Прыходыть додому, а той змій заразы пидъ лижко, а маты на лижко и упъять хвора. Прийиздыть до матери Петро й дае порося. Маты його спекла, попойила трошки й каже:

— Отъ, сыну, наче я трошки одужала; тилько якъ бы ты, мій сыночку, ще доставъ дыкого яблука, то тоди бъ я, може, и одужала зовсимъ.

Треба тоди упъять йихаты Петрови. Переночувавъ винъ дома и пойхавъ упъять до сестры. Прийиздыть винъ до сестры и каже:

— Упъять мене послала маты, щобъ я ище привизъ яблукъ.

А сестра и каже:

— Гляды жъ мени, братику, тамъ птыця изъ залізнымы носамы, такъ ты якъ будешъ рваты яблука, такъ не рвы одного, а рвы такъ, щобъ уси осыпалысь, бо якъ не попадають воны, такъ птыця тебе нажене и заклые.

Тоди Петро узявъ коня ййи и пойхавъ.

Прыйиздыть Петро до тійи яблунни, дывытсья, колы нема птыць; винъ ухопывъ одну, та якъ трусне, такъ и осыпалысь. Птыця до тыхъ яблукъ, почала збирать, а Петро уже втикъ далеко. Прыйиздыть винъ до Насти. Настя тоди узяла ти яблука, а свойихъ дала. Тоди Петро пойхавъ до матери. Прыйиздыть, оддавъ. Маты иззила, тоди и каже:

— Отъ, сыну, якъ иззила я оци яблука, такъ наче я не хворала.

Походыла такъ маты недиль тры, тоди Петро упъять и пыта:

— Чого вы, мамо, нездужаете?

— Та хто його знае, чого я нездужаю. Мабуть уже коса за плечыма. Якъ бы ты мени, сынку, привязъ воды сцилюшой и живушой. Десь за тры-девъять земель въ иншимъ царстви есть така гора, що вона на одынъ часъ росходытсья, и съ тиейи горы льетсья вода сцилюща й живуша, — такъ ты мени привези тиейи воды, може бъ я одужала тоди.

Пойхавъ Петро упъять до сестры и каже:

— Ну, сестро, упъять мене маты послала, щобъ я прынесъ воды сцилюшой и живушой.

Тоди сестра и каже братови:

— Ну, на, братику, тоби оцього коня (а той кинь бувъ такый, що пробига у часъ 400 верстовъ) та на ише тоби, братику, оцей глечычокъ, та гляды жъ мени, не жды, помы набереться повно, а то задаве гора.

Тоди Петро пойхавъ до тиейи горы.

Прыйиздыть винъ до тиейи горы, гора ише не росходылась; винъ пидождавъ, помы гора розийшлась.

Тилькы гора розійшлась, винъ заразь туды,—колы дывьтсья, вода сцилюща й жывуща; винъ заразь тоди пидставывъ кубушечку, и не набигла половынка, винъ заразь и гайда назадъ. Бижыть винъ и бижыть, а та гора завдовшкы 400 верстовъ,—отъ уже й сходытсья; винъ бижыть, ажъ пылява стовпомъ иде, насылу, насылу выскочывъ; тутъ заразь и гора изійшлась.

Прийиздыть винъ до сестры, сестра тоди узала ту воду соби, а своєї дала. Тоди Петро пойихавъ до матери, оддавъ воду. Маты узала ту воду и выпыла и наче уже зовсимъ одужала. Отъ маты и змій бачуть, шо ничего не зроблять, то тоди уже и не посылали никуды.

Петро шо-дня ходывъ на охоту, бывъ звиривъ, птыць,—усе чысто. И той Петро якъ надине жупанокъ той, шо Богъ йому давъ, такъ такый сыльный, шо дубы ирве. Ото одынъ разъ той змій каже жинци:

— Ты ще спробуй такъ: якъ прыйде винъ зъ охоты, такъ ты кажи: сыночку мій, а ну давай, я въ тебе спробую сылу.

Та й навчывъ ййи, шо робыть. Отъ прыйшовъ Петро зъ охоты, а маты й каже сынови:

— А ну, дай я, сыночку, сылу твою спробую.

Винъ давъ. Маты умотала усього у дритъ, той якъ надувся, такъ и лопнуло. Тоди маты й каже:

— А ну бо, сынку, исынъ жупанокъ.

А Петро тоди й каже:

— Та ни, мамо, не треба скидаты.

А маты:

— Та скынь бо, сыночку, я спробую сылку.

Отъ винъ тоди скынувъ, маты умотала його шовкомъ,—отъ винъ якъ надувся—не перервавъ. Колы дывьтсья Петро, лизе съ пидъ кровати такый мацапура,—надивъ заразь жупанокъ, а тоди каже:

— А ну, давай теперь бытсья!

Тоди винъ заразь убывъ Петра, порубавъ на шмат-

кы, привъязавъ до коня и пустывъ. А той кинь побигъ та просто до сестры. Сестра побачыла, шо братъ убитый та заразь до його:

— Охъ, мій братику! Я жъ тоби казала тоди, шо убьють, а ты мени не вирывъ.

Узяла його тоди сестра, збрызнула водою сцилюшою, винь исцилвся; збрызнула вона водою живушою, винь оживъ. Тоди уставъ и каже:

— А й заснувъ я крипко!

А сестра й каже:

— Заснувъ бы ты навикы, якъ бы не я.

Тоди Петро zostався жыты въ сестры, и живъ винь у нейи годъ девъять. Разъ сестра й каже:

— Оце, братику, зробься ятлыккомъ, полеты до йихъ у садокъ, — вони теперь тамъ гуляють, такъ ты прылети та такъ наче смрыною птычкою.

Отъ винь перекинувся птычкою и полетивъ. Прылетивъ винь и сивъ билиа йихъ, а въ йихъ була вже дытна. Отъ маты й каже:

— А ну, старенькый, пймай оту птычку дытны.

А та птычка узяла й сила на дереви. Винь полизь за нею на дерево, а жинка каже:

— Та скынь бо, старый, жупанокъ, а то порвешъ.

Отъ винь искинувъ, а птычка усе выше, а винь за нею. Доманывъ його ажъ на самисинькый верхъ дерева ятлыкъ, а тоди пурхъ на нызь та перевернувся та й зробься чоловикомъ, ухватывъ жупанокъ, надивъ, а тоди каже:

— А ну, излазь сюды!

Винь злизъ, а Петро тутъ заразь и зарубавъ його. Тоди матирь узявъ до сестры, и живутъ поживають та добра наживають.

Славяносербскій у. Екатериносл. губ. записаль Б. Д. Гринченко.

Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1858, № 21, стр. 161—162) напечатанъ слѣдующій вариантъ этой сказки, записанный С. Д. Носомъ.

Якъ бувъ соби дидъ та баба; дождалы соби дочку и сына. Умеръ батько и маты, довелось йимъ—нигде жыть. Отъ вони узялы и пишы зъ свого дому:

— Ходимъ, сестро, на заробиткы!

Идутъ та йдутъ, колы стойить хата у гайи; вони тамъ стали жыть. Жывуть та й жывуть, дакъ до тоейи сестры и парубка унадывся змій. Теперь вони жывуть та й жывуть, хочуть брата зъ змиємъ зъ свита згубыть. Отъ:

— Якъ його,—каже змій,—зъ свита згубыть?

Сестра и каже:

— Послать його заячого молока достать, такъ його зайци зйидять.

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала зайчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти!

— Дамъ тоби молока, а старшого сына на послугу.

Прыньсь те молоко, оддавъ сестри, вона взяла, на чернь высыпала та й каже:

— Не помогається! Иды,—каже,—лысычого молока достань!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала лысыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ прийшовъ, загнавъ ту лысыцю зъ зайцемъ у хливъ, прыньсь молоко. Вона вылыла на черинь, каже:

— Не помоглося! Пиды лучче вовчого прынесы!

Винъ прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала вовчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажалось сестри вашого покорму!

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ узявъ, прынись те молоко, вовка загнавъ у хливъ. Вылыла вона й те на черинь:

— Не помоглось! Пйды,—каже,—ведмежого достань!

Прышовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала ведмедыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти.

— Дамъ я тоби покорму и старшого сына на послугу.

Винъ прынись те молоко, отдавъ, загнавъ ведмедя въ хливъ. Вона вылыла на черинь, каже:

— Пйды, легового достань молока!

Прышовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала левчыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, старшого сына на послугу.

Прынись, отдавъ йй. Вона вылыла на черинь:

— Не помоглося! Пйды,—каже,—достань млынця того, що на мори машына стойить, що самъ и мелеться, и мисыться, и самъ выкыдається, и въ тй машыни дванадцятэро дверей.

Винъ пишовъ зъ тымы хортымы, ускочывъ у машыну, ухватывъ млынецъ, оглянеться, ажъ хорты осталыся тамъ, у тй машыни.

Ото йде, а сорока билобока летыть:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ: уже твойи хорты двое дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты четверо дверей прогрызлы! Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твойи хорты

шестеро дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты восьмеро дверей прогрызлы!..

Летыть та й летыть сорока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты десятеро дверей прогрызлы!..

Изнову летыть сорока билобока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты одынадцати двери прогрызлы!..

Прийшовъ додому, прынись млынця. Загадала йому сестра окропы грить, ножи гострыть. Сорока билобока каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, мокрець (мокрыи дрова, щобъ не швидко горило).

Знову каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, сухыйи дрова (що хорты бижать).

Кыпляют окропы, ото вже його зовсимъ ризать.

— Пождить,—каже,—пйду на дуба свысну!

Винъ свыснувъ,—бижать хорты. Хорты попрыбигалы, излизъ изъ дуба, увйшовъ у хату, хорты за нымъ повбигалы и полягали пидъ лавою; отъ-отъ вже зовсимъ, вже його рубать, то й каже на хортивъ:

— Беры, левко!

Той якъ ухватывъ змя, дакъ такъ и рознись його. Тыйи кынулись, дакъ и ничего. Такъ винъ узавъ сестру, у погребъ заперъ и сказавъ йй:

— Наплачь бочку слизь, тогда выпущу!

Вона плакала, плакала, да тамъ и зотрухла. Той братъ узавъ ружья да зъ тымы хортамы и пишовъ у лись.

322, Про хлопчика Пожотыгорошка.

Жылы собъ дѣдъ де баба, не було въ ихъ дѣтей. Ены хоть старые уже були, но скучали сами жить на свѣти. Вотъ начали ены хадить до ворожокъ, щобъ ены

посоветовали имъ еке нибудь средство, щобъ и у ихъ було дитя. Вотъ разъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Хадемъ, бабо, ше куда нибудь до ворожки.

Приходятъ до ворожки въ другее село. Вотъ ворожка имъ и каже:

— Здѣлайте вы такъ: екъ знесе курка ейцо, то возмите его завергѣте въ тряпку и положите его въ печерку и ней лежить въ печеркѣ да тыхъ поръ, закуль родица изъ его мальчикъ Покоти-Горошко.

Вотъ дѣдъ зъ бабою заплатили ворожкѣ шо слѣдувало и пошли додому. Приходятъ додому, живутъ день, живутъ други,—курка не несе ейца. Вотъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Бачъ, пене бабо, екіе мы шасливые, шо вотъ и курка наче знае,—не несе ейца.

Ажъ отъ послѣ того, екъ сходимъ дѣдъ до ворожки, пройшло десеть дней,—знесла курка имъ ейцо. Израдувалисе, завернули ейцо въ тряпку и положили его въ печерку. Ждутъ дѣдъ да баба собѣ дитяти и ниякъ не дождуца.

Вотъ вишло петнадцать недѣль послѣ того, екъ положили ены ейцо въ печерку, ажъ отъ проявивсе мальчикъ Покоти-Горошко. Израдувалисе дѣдъ да баба. Вотъ живутъ ены, ниякъ не налюбуюца на его. Вотъ разъ дѣдъ поѣхавъ оратъ на поле, а на бабу каже:

— А ты, бабо, принеси минѣ обѣдать.

Такъ поѣхавъ дѣдъ оратъ. Вотъ орае дѣдъ утро, а баба готовица нести обѣдать. Вотъ сынокъ ее каже:

— Понесу, мамо, и я съ тобою обѣдать.

А баба каже:

— Якъ же тобѣ, мой сынокъ, нести обѣдать, шо ты совсѣмъ маленечки.

— Дарма, пене мамо, шо я маленьки. Я буду съ тобою ити.

Баба каже:

— Ну, понесемъ.

Собралисе и понесли обѣдать. Несуть обѣдать, и баба ніякъ не надивуеца на свого сынка. Принесли ены дѣду обѣдать.

Вотъ хлопчикъ и каже:

— Давай, тато, я буду орать, а ты иди обѣдай.

Дѣдъ каже:

— Якъ же ты будешъ орать, що ты не достанешъ и за соху держать?

А ень каже:

— Дарма, пене тато, що не достану за милицу, я и такъ буду орать.

Вотъ дѣдъ и каже:

— Ну, ори!

Вотъ малчикъ сѣвъ волю на роги и оре, покрикуеть на ихъ, а дѣдъ пошовъ обѣдать.

Вотъ ѣде въ те время дорогою панъ и чуе, що хтось ле воловъ и кричить, и волю ходять съ сохою якъ слѣдуе. Вотъ панъ и питае у дѣда:

— Хто се у тебе воре? И нема никого ле воловъ, а хтось кричить.

Дѣдъ каже:

— А се у мене есть таки малчикъ, що сидить у вола на рогахъ и воре собѣ.

Вотъ пану завидно стало на такого малчика, вотъ ень каже дѣду:

— Продай минѣ сего мальчика.

А дѣдъ и самъ радъ, що дождавъ малчика:

— Нѣтъ, баринъ, я сего малчика не продамъ, ень минѣ самому годящи.

А малчикъ подбѣгъ къ дѣду да и каже тихенько:

— Продавай минѣ, тато, я утеку отъ пана.

Вотъ мужикъ тоды и согласилсе продать малчика. Вонъ панъ давъ мужику тимало грошей за малчика, забравъ малчика и поѣхавъ домой. Вотъ привозить панъ додому малчика и каже:

— Погляди, барине, екого я малчика привезъ.

Барине погледѣла на малчика да екъ закричить:

— На що ты его привезъ, щобъ минѣ покою не дававъ?

Панъ и каже:

— Ты не гледи, що енъ маленьки, а енъ уже и орать умѣ.

Барине каже:

— Якъ же енъ воре—таки маленьки? Енъ не достане и за соху держаца.

— А енъ сяде волу на голову де воре.

Вотъ живе малчикъ у пана день, живе други, а потомъ разъ урани вставъ, подѣвъ хорошенько да пошовъ домовъ до свого батька. Пришовъ малчикъ додому, дѣдъ израдувавсе, що малчикъ утѣкъ одъ пана.

Повставали панъ и съ панею, челядки приготовили имъ обѣдать. Вотъ барине и зове малчика обѣдать, ажъ его уже и въ дому нема. Побѣдкалисє паны, да нечего дѣлать... А потомъ панъ разъ и каже своей баринѣ:

— Се нашъ малчикъ видно утѣкъ до свого батька.

Барине и каже пану:

— Дакъ ты коли нибудь їдъ, забери його опять къ собѣ.

Вотъ панъ запрогъ коней и поѣхали съ челядникомъ въ те село, де живъ малчиковъ батько. Приѣхали къ тому дѣду, що панъ купивъ у его малчыка, ажъ малчыкъ гуляеть по двору. Вотъ увишевъ въ дворѣ панъ, а малчикъ сейчасъ побѣгъ у хату и сказавъ батьку, що приѣхавъ панъ. Вотъ мужикъ виходивъ на встрѣчу пану. Панъ якъ стрѣвъ мужика, такъ начавъ питать у его, ти не втѣкъ малчикъ къ ему. Мужикъ каже:

— Хотъ и втѣокъ, дакъ я тобѣ вже не дамъ малчика.

Дакъ панъ тоды и каже:

— Якъ же минѣ не даси малчика? Я жъ тобѣ гроши заплативъ за его.

Мужикъ каже:

— Заплативъ, дакъ було берегти, щобъ не втѣкъ.

Ажъ отъ входить и малчикъ до пана. Дакъ панъ и питае у малчика:

— Чего малчикъ, отъ мене втѣкъ?

А малчикъ каже:

— Въ тебе я не хочу жить. У тебе нечимъ орать, а я гулять не хочу.

Вотъ мужикъ и каже пану:

— Ну, забери малчика, де больше не пускай, щобъ не втѣкъ.

Вотъ панъ забравъ малчика и поѣхали додому. Прывезъ малчика додому да тоды и каже:

— Ну, теперь уже не втечешъ.

А малчикъ каже:

— Нѣ, екъ захочу, то изновъ утеку.

Панъ каже:

— Нѣ, вже будешъ въ одной комлати проживать.

— Дакъ що, що въ одной хати? Я у вокно утеку.

Вотъ панъ тоды росердывсе на мальчика да и каже:

— Я тебе зарубаю, екъ будешъ лѣзти въ вокно.

Вотъ малчикъ надумавсе: подожди, я тебе обманю опять. Вотъ разъ гулявъ малчикъ на городи и найшовъ тамъ екусь костку изъ коня и забравъ зъ собою. Принесъ додому, положивъ въ ту комлату, де начовавъ съ паномъ. Дождавсе малчикъ вечера и ввечери и каже пану:

— Вотъ я екъ захочу, то я и сю ночь утеку.

А панъ самъ собѣ и думаетъ: погуляй же, я тебѣ шаблюю голову отсѣку. Вотъ часовъ у десетъ вечера легли панъ съ малчикомъ спать. Вотъ малчикъ собѣ не спитъ, не спитъ да думаетъ: якъ бы утекти? Отъ а панъ вставъ тихенько съ постели, взявъ шаблю, пошовъ на дворъ и сѣвъ подъ вокномъ съ шаблюю. Вотъ малчикъ уже знае, що панъ его стереже подъ вокномъ. Вотъ

малчикъ взявъ костку и ладица, якъ бы утекти. Придивисе тихенько, подъ екимъ вокномъ стоявъ панъ съ шаблюю. Вотъ малчикъ взявъ костку де попередъ посунувъ ее въ окно. Вотъ пану думалосе, що се мальчикъ у вокно лѣзе, дакъ панъ тоды екъ сѣконувъ костку шаблюю, дакъ и пересекъ пополамъ, де тоды и кричить:

— Барине, неси свѣтло, я уже малчика зарубавъ.

А малчикъ тоды вылѣзъ въ вокно да и пошовъ додому. Принесла барине свѣтло, розгледилнсе ены, ажъ то панъ не малчика пересекъ, а костку. Малчикъ тоды живе собѣ въ батькомъ да въ маткою, живутъ и красуюца.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревини Городняцкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

323. Про багатого купця дочку.

У одного купця було трое дитей: два сыны и одна дочка; сынивъ винъ оставивъ дома торговать, а дочку отдавъ учыться до одного далекого попа; а у того попа учылось багато дивчатокъ, тилько красывишойи одъ дочкы того купця не було. Учылась купцивна у того попа три годы, вела себе чесно и розумно. Тилько той пипъ бувъ ще молодой и задумавъ привезты на безумье ту купцивну, а вона на те не согласылась; пипъ дуже росердывся на нейи и напысавъ ййи батьку, що дочка його не учыться, а балується и робыть негарно. Гирко було сее чуты батьку, дуже винъ росердывся и прыказавъ своыймъ сынамъ пойхаты до дочкы и одризаты ййи голову, выняты изъ нейи серце и його йому, купцю, привезты, а тило щобъ спалылы на огни и попелъ пустылы на воду. Сыны пойхалы до своейи сестры и чутъ тилько уйхалы до попа у двирь, якъ йихъ стрила сестра, зрадила здорово

такъ, що не знала, що и сказать йимъ одъ радости. Браты тежъ порадили побачившы сестру, признались йй, чого прыйихали, потимъ заризали собаку, выняли зъ його сердце и те сердце повезлы до батька, а сестру оставлы жыву. Зажурылась та купчивна и пошла у лиса да горы и тамъ ходыла ажъ симъ годивъ. Ходыть соби та й ходыть, йистъ кориння, а сама хороша, хороша. На сьомый годъ стричае ййи охотникъ—купецъ; распытавъ ййи и взявъ соби ййи зажинку. Пойиде було сей купецъ за моря за товаромъ и прыйихавшы розкажуе, що бачивъ тамъ, що чувъ. По розказкамъ догадалась вона, що винъ буває у ййи батька. Черезъ скилько то годивъ той купецъ заболивъ, а треба було йихать за товаромъ. Отъ винъ и пославъ свою жинку изъ кумомъ за море. У йихъ уже була и дытынка. Пойихали вони кораблемъ. Кумъ захотивъ призвесты на безумъе купчыху и ставъ ййи пидговарувать, тилько вона не согласылась. Кумъ росердывся и вкынувъ ййи дытынку у море, а потимъ укынувъ и ййи. Дытынка потонула, а вона выплыла на берегъ и пошла у той городъ, де живъ ййи батько. Прышла до батька и нанялась до його. Ни батько, ни браты ййи не позналы. Годивъ черезъ тры, або чотыри прыйизжае туда до батька и ййи чоловикъ. Батько и пытае його, чого довго не бувъ? Той розказавъ свое горе, що винъ заболивъ, пославъ за товаромъ свою жинку зъ кумомъ. Дорогою дытына умерла, а жинка його зъ гора утопылась у мори. Слухае йихъ мову наймычка, бачыть, що ниhto ййи не познае и говорыть тоди все те надогадъ, що зъ нею було ще змалечку и до того, якъ вона наймычкою стала. Догадався тоди старый купецъ, що сая наймычка—його ридна дочка, а молодого купця жинка. Зрадилы вси, що вона жыва и здорова. Молодый купецъ узявъ ййи съ собою и, прыйихавшы додому, одризавъ голову тому паганючому куму. Отъ грамотнаго крест. Гавриила Вѣрича въ селѣ Русановѣ, Остерскаго уѣзда Черниг. губ., записаль И. Е. Коввалъ.

324. Шептуха.

Була соби стара баба и така вона була вбога. Отъ пишла вона до батюшки та й пытається, що їй робить, що вона своєї души не прогодує, бо сама вона не здужає робить, а люде не дають. Отъ батюшка їй и каже:

— Ты окажысь шепетухою.

Вона й пытається въ його:

— А якъ же мени, батюшко, казать?

— Ты,—каже,—кажы: я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и' духъ у тоби, а якъ я одъ тебе, такъ и духъ изъ тебе.

Отъ та баба и оказалась шепетухою, и вси їй несутъ и везуть, и стала вона багатою. Теперкы у батюшки у горли зробывся нарывъ, винъ забудъ, що винъ ту бабу вчывъ, та й поклыкавъ їйи до себе. Отъ вона й стала йому шептать, винъ и пытається:

— Якъ же ты кажешъ?

Вона каже:

— Я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе такъ и духъ изъ тебе.

Батюшка зареготоввся, нарывъ прорвався, и батюшка одужавъ.

Черниговскій уѣздъ. Записала Н. Г.

325. Бачылы очи, що куповалы.

Чоловикъ мавъ тилькы одну копійку; ходыть винъ по базару, выбирає, щобъ його купыть. Побачывъ хринъ. Пытає, килькы стойить. «Возьмы,—каже передерійка,—за копійку.» Узявъ, ставъ йисты—не йистыся: гиркый, слъозы

Идутъ. «Ни,—каже,—плачте скильки хочете, а йижте, хочъ повылазьте: бачылы очи, що куповалы.»

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черн. у.
М. С. Чудновская.

326. Кавунъ-Рябчыкъ,

Насадывъ чоловикъ баштанъ. Добре вродылы кавуны. Бильшь усихъ бувъ одынъ рябый кавунъ, котрого хазяйинъ дуже кохавъ и прозавъ «рябчыкомъ». Кавуны поспилы; хазяйинъ наклавъ визъ добрыхъ кавунивъ, зверху положывъ «рябчыка» и повизъ на продажъ. Йиде соби и курить люльку, замыслывшысь. Коло дороги була могила, на котрій поросла гарна травця. Воны звернули до могилы попастысь, и хазяйинъ тоди огледивсь, якъ воны вже зйихалы на могилу. «Пабе! пабе!» крычыть... Але вже було пизно. Визъ пйшовъ шкаребертъ, и кавуны покотылись зъ горы на дорогу. Самъ хазяйинъ тежъ полетивъ зъ воза, але не пускае люльки зъ зубивъ; дывыться, якъ кавуны котятся, да й каже: «А рябчыкъ усихъ попереджа».

Борзенскій у. Г. В. Дорошенко.

327. Смерти спужалась.

Одна жинка мала чоловика пъяныцю и усе просыла соби у Бога смерты. Якъ прыде було чоловикъ изъ шинку, та почне ййи быть та нивечыть, то вона:

— А, Господы, пошлы мени скорищъ смерты!

И почувъ сее москаль, що стоявъ у йихъ на кватери. Пйймавъ винъ индыка, обскубъ пире, и якъ пъяный чоловикъ, попобывшы жинку, захрьопъ, а жинка стала прычытатъ: «А, Господы, пошлы мени скорищъ смерты!»—москаль упустывъ у хату индыка та й каже:

— Молодка, вотъ смерть за тобой идьотъ.

Молодыця тоди якъ кинеться, та якъ закрычить:
— До чоловіка иды, смерть, до чоловіка!
Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ульяны Ключицкой
М. С. Чудновская.

---

328. СКУПЫЙ ЧОЛОВИКЪ.

Однѣ чоловікъ та загубивъ у лиси кобылу. Блукае винъ по лисови, шарить кобылы, бидкається й за ушыма шкребе, а нигде не знайде—мовъ кризь землю провалылась. Отъ ставъ винъ, здѣнявъ шапку, утеръ питъ та й каже:

— Господы! Якъ бы мени оце знайти кобылу, то купивъ бы на цілого пивкарбованця воскову свичку до божого дому.

Не встыгъ чоловікъ останнихъ сливъ сказаты, колы кобыла якъ заирже на весь лисъ. Вдаривъ винъ по кышени рукою та й каже:

— Отъ слава Богу, и полтынникъ не пропавъ!
В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Каневск. у.

---

329. Дрова.

— Отъ, кумочко, яки въ васъ дрова: повну пичъ наклады и вси горять, та ще й якъ жарко. А въ мене такы прѣкляти, що однимъ-одне полинце положу, та й те не горять.

Записала М. Н. Гринченко.

---

330. Розмова.

Два селяныны йидучы на волахъ зустрѣлися въ

степу пидъ хуртовину:

- Здоровъ будь!
- Здоровъ!
- Ты видкиля?
- Хто, я?
- Э-жъ!
- А ты видкиля?
- Хто, я?
- Э!
- Я зъ Чепеля.
- О, ба—и я видтиля.
- Хто жъ ты такый?
- Хто, я?
- Э-жъ?
- А ты хто?
- Я?
- Э!
- Я Чепеливъ сынъ.
- О, ба, а я його зять.
- Тпру! Закуримъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Кіевской губ.

331. Добре, та не дуже.

- Здоровъ!
- Здоровъ!
- А що нового?
- Ничого; шага тилькы знайшовъ.
- Це добре.
- Не дуже то й добре, бо щербатый.
- Це погано.
- Не дуже то й погано; бо хоча й щербатый, а мирку гороху за його купивъ.
- Це добре.

- Не дуже то й добре, бо зь червоточною.
  - Це погано.
  - Не дуже то й погано, бо хочь зь червоточною,
а свиню цымъ горохомъ выгодувавъ.
  - Це добре.
  - Не дуже то й добре, бо вовкъ свиню вкравъ.
  - Це погано.
  - Не дуже то й погано, бо я вовка вбывъ.
  - Це добре.
  - Не дуже то й добре, бо панъ шкуру виднявъ.
- Г. В. Дорошенко въ Борзевскомъ у. Черниг. губ. 1897.

332. Чого хоче.

- На шага.
- Не що.
- На два.
- Не бачу.
- На три.
- У торбу пры!

333. Нисенитныця.

То жь бувъ я колысь поганимъ хазяйиномъ и було въ мене худобы стара собака та коза та кобыла, шо якъ положишь два мишки, до зь горы ще й бижыть. То жь пойхавъ я у бирь по хмызъ. Дывлюсь—вельчезна купа хмызу, а зь нейи злетивъ здоровенный ведмидь. Я туды—ажь тамъ дванадцатеро яецъ. Давай я ти яйця на визь котыть. Котывъ-котывъ, одынадцатеро скотывъ, а дванадцате не мистыться. Я тоди йихъ уси въ шапку. Набрывъ хмызу та й додому. Прийижджаю, ажь моя свиня заквоктала. Я ти яйця пидь комору, и высе-

дила мени свыня дванадцять паръ воливъ якъ соколивъ.

Треба, думаю, погоньча наймать; колы дывлюсь — у мене батько родився, а дида ще й на свити не було. Пойихали мы зъ батькомъ ораты. Оралы, оралы, а дели якъ нападе на волю опадъ — уси до одного повыздыхали. Що тутъ його робить? А тутъ поля-поля, — дакъ и окомъ не скинешъ: усе те мисце, де собака качався та одъ мухъ одганявся. То жъ мени батько й рае:

— Не беры ты кобылы, а нумо мы ораты козою та собакою.

Запрягли мы козу въ соху, а собаку впередь. Собака лягла, а коза бойиться йты. Що тутъ робить? Огъ батько й прыдумавъ: «Запряжемъ козу впередь, а позадь, у саму соху, собаку». Запрягли та ще й шматокъ хлиба на рогы кози привъязали. Собака за хлибомъ, а коза на втьокы. Батько бижыть та поганяе, а я навскачъ за сохою. Тры дни бигалы якъ неприкаяни, та такы выоралы поле. Сталы оддыхать. Дывимось — дровъ нема, та й сокыры забульсь. Малый батько якъ насыплеться на мене! Лаявъ, лаявъ та й пославъ по сокыру ажъ додому. Йиду я, йиду, прыйхавъ до ричкы: нема броду, а тутъ и перевозу не дають. А йисты хочеться и не приведы, Господы! Дывлюсь я — верба, а въ тій верби щось пыщыть. Прыслухаюсь — ажъ то жарени курчата. Я въ дупельце, а воно манюсеньке-манюсеньке. Я туды пальцемъ — не лизе; я руку — не потовпыться. Я розигнався та й ускочывъ у дупло. Найився, назадъ треба лизты — не можна: розйився та потовщавъ, до й не вылизу вже. Що тутъ його почать? Побигъ я додому, ухопывъ сокыру, прорубавъ дупельце, вылизъ та й пойихавъ за тымъ, за чымъ батько пославъ. Вертаюсь на поле — захнувъ сокыру за поясъ. Моя кобылка тюпъ-тюпъ, а сокырка ййи по спыни цюкъ-цюкъ! Ото прыйихалы до воды, ставъ я кобылку нойить. Пъе моя кобыла, пъе, — някъ не напъеться. Що воно таке? Оглянувся назадъ — ажъ у мойи кобылы заду нема: одрубала сокыра. Верта-

юсь я назадъ, дывлюсь—ажъ задъ пасеться. Облупивъ я вербу, сшивъ лыкомъ задъ ись передомъ и пойхавъ. Йиду, йиду, колы моя кобыла стала. Я ййи пугою, я ййи пугивьямъ—не йде. Оглянувся, ажъ изъ лыка выросла верба, вчепылася въ небо, та й нема намъ съ кобылою ходу. Полизъ я обрубать шытъ. Ставъ обрубувать гилля та якъ зацижу у небо—такъ дирку й прорубавъ. Излизъ на небо:—товару тамъ, товару—и окомъ не скинешъ. Пытаю у пастуха: «Що вы зъ цымъ скѳотомъ робыте?»—Э,—кае,—мы його на комари та мошки миняемъ. Бачъ, у пекло багато сѳойи пакосты треба, такъ отъ и приходыться минять.—Злизъ я та въ болото. Наловывъ цилый кившъ и хутній на небо. Наминявъ добру отару—до диркы, а вербы пидъ диркою чортмае. Моя кобылка попасалась, попасалась та й одыйшла. Я й туды, я й сюды—нема ходу. Ото лыхо! Узявъ я вола, зачепивъ рогамы за небо, узявъ я другого та прывъязавъ до хвоста першому та й пойшовъ изъ скоту верьовку плесты. Усихъ воливъ упливъ, спустывъ той канатъ зъ неба—лизу та лизу,—до кинця долизъ, а до земли ще далеко. Я хутенько до неба, канатъ одъ неба одирвавъ, а внызу на пальци повисывъ. Отъ-отъ земля! Якъ издыметься жъ витеръ, якъ розгойдае мене зъ воламы—литаю я одъ Одесу та ажт до Беремецького *). Обирвався та въ болото по самисиньки уши. Сыжу та горюю. А тутъ гемоньска чапля на голови кубло мостыть. Терпивъ я, терпивъ, а тутъ и терпячки не хватае. Колы це унадывсь вовкъ чаплыны яйця йисты. Приходыть винъ одного разу, а я за хвистъ: «Тю!» крычу. Вовкъ якъ рвонеться та й вытягъ мене зъ болота.

Прыхожу додому, ажъ тамъ гульня. Пытаю: «Що це таке?»—Э,—кажуть,—у тебе дидъ найшовся!—Роска-

---

*) Беремецьке—хуторець била оповидачового села.

завъ я йимъ усе, шо було. Дидъ якъ учувъ це, та скопиться съ колыскы та за чуба мене! «А чому ты,—каз,—сучый сыну, не привъязавъ кобылы?» Бый, думаю соби, бый, це жъ на те ты й дидъ! А батько й каже: «Иды жъ да гостей на хрыстыны зовы. Та щобъ бильше назбирать, до ты одну хату мыны, а въ другу не йды, одну хату мыны, а въ другу не йды». Сталы мы частуваты гостей: у безодній бочци горилкы прынесли, у безбоки барыла розльвалы, а недобанымъ ковшемъ обносылы.

Писля хрестынъ давай мы за казайство браться. На тимъ поли, шо козою та собакою оралы, уродыло такого проса, шо й чысла нема. Пойшовъ я одтыкать тійи копы: «Це чуже, це не наше; це чуже, це не наше». Наодтыкавъ такого, шо й страхъ.

Давай мы радыться, куды його складать. У клуни? Не зложышъ. У скырты?—погны. Дакъ уже дидъ старою головою, спасыби йому, надумався: зибравъ полукошкы въ рукавецъ та на коменъ. И просторо та й сушка жъ не абы яка.

Багато було бъ корысты съ поля, та десь не судывъ Богъ розбагатить намъ. Унадылысь вражи мышы та й точатъ пашню. Надумалысь мы одъ мышей кота посадить. Сыдыть кить у горшкахъ та въ макитрахъ. Якась мышка—шкрябъ, шкрябъ! Кить туды та штовхнувъ наше просо, а воно зъ комена та въ помыйницю! Отакъ и розвѣялось наше хазайство прахомъ!

С. Евминка Остерскаго у. Г. С. Неводовскій.

334. Нисенитныця 2.

То жъ пойшовъ я ходыть по базару. А въ мене грошей була одна дурна копійка. Отъ выбиравъ, выбиравъ я соби товару та й купывъ кручене дурне порося. Збираю колійивъ. Колють колійи те порося—не зако-

лють,—уже зъ десятокъ голокъ поламалы. Де не взявся добрый чоловикъ—однымъ ножемъ одразу заколовъ. Бачу я: треба порося пекты. Укутавъ я його кожухамы та въ холодну нетоплену пичь—хай, думаю, упріе; а самъ пойшовъ у церкву поблагословытысь порося йисты. Де не взявся паламарь: «И такой ты, и сякий ты! Иды додому: твое кручене дурне порося по печи бигае!» Прийшовъ я додому. Хочу я йисты, нигде мени систы. Посадылы мене за плечыма та дали мени пыригъ изъ очыма. Я за той пыригъ та за поригъ. Де не взялася вража оса, да хватать мене за волоса да понесс на небеса. Излетивъ я на небеса—дывлюсь—стежечка. Пойшовъ я тією стежкою—дывлюсь церковця, изъ калачыка дверци, попрянычкомъ пидперта, бублычкомъ заперта. Укусывъ я бублычка, церковця одимкнулася; укусывъ я попрянычка, церковка прочынылася; укусывъ я калачыка, церковця розчынылася. Увійшовъ я у ту церковцю—стойить пипъ, якъ грецькы снопъ. Укушу я... дакънемае някого прысмаку.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

335. Нисенитныця 3.

Бувъ соби та не мавъ соби, затесавъ соби тесана, та нетесана... То жъ подарувавъ мени дидъ вола. Якъ пойшовъ я тымъ волемъ ораты, та наоравъ на прыщечку на тры горшкы кваши. Та вродылы вербы, та зацвилы ракы, та поспилы уюны. Якъ полизъ я тыхъ уюнивъ трусаты: трупу та трушу та натрусывъ папушу тютюну. Повязавъ я той тютюнъ и продавъ по тры копійкы голова въ голову. Та купывъ я руно вовны, та покройивъ заступомъ свыту, та прыставывъ изъ подушкы комирь, дакъ выйшлы такі штаны, що й не пидоймешъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

336. Нисенитныця 4.

(Видкиль вздзась Смолянка, болото била Вергійявки).

Давно було це, колысь, якъ бувъ я ще маленькымъ, а дидъ уже парубкувавъ, батька жъ не було на свити ще. Достатки въ насъ звисно яки: чортмало ничего. Отъ пошлы мы зъ дидомъ на Дуинь на заробуиткы. Заробуиткы трапылысь правда, добри, заробылы страхъ кунль-ко: якъ бы прыложывъ копійокъ тры, такъ мабуть набиралося бъ шагуивъ шистъ. Ото жъ, вештаючысь по тыхъ заробуиткахъ, розсмакувалы мы, що земля тамъ дуже добра, такъ мы и надумалысь зъ дидомъ розвесты и въ себе такойи земли. Ну, порадылысь, набралы шаньку и пошлы. Прыходимо додому, колы жъ батько самє народывся, на прыпичку сыдыть и вже порядкуе намы: пославъ у лисъ по дрова на хрестыны. Идемъ, колы жъ пидъ лопухомъ на «Ташлыку» ведмиць лежить. Мы до його, а вуинь на втикы, мы пидъ лопухъ, ажъ тамъ кубло, а въ кубли шестеро яецъ, та ніякъ не выкотымо зъ кубла та вже я ледьве въ шапку забравъ. Прыходимо додому, ажъ у насъ свыня квокче, такъ мы й пидсыпалы тійи яйця пидъ свыню, такъ вона высидила шистъ волунвъ-соколуивъ,—пять парыстыхъ, а одынъ шосты. А въ насъ уже и земли донськоїи доброй розвелось чывало. Налагодылысь орать мы, прыиздымо, ажъ льхо тяжке! Вовкы внадылысь и выносилы всю землю, а на тимъ мисци верстовъ на двадцять гныле болото, гнояка чорца, смола неначе. Отъ дидъ объ полы: «Осе Смолянка!»

М. Веркiевка, Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

337. Прыказы.

Доставлены: Е. Н. Гаврилевъ—изъ Нѣжинскаго уѣзда, В. П. Горленко—изъ Прилуцкаго у., Б. Д. Гринченко—изъ Сумскаго, Харьковскаго и Черниговскаго уѣздовъ, М. Н. Гринченко—изъ с. Жеведи Черниговск. у., Т. А. Зиньковскимъ (одна), М. М. Коцюбинскимъ—изъ Винницы, Лопатинешъ и Балты Подольск. губ., Оробіевки Прилуцк. у. и Рени Бессарабск. г., Г. С. Неволовскимъ—изъ Остерскаго у., В. В. Полуботковою—изъ Осняковъ Черниг. у., В. Ф. Степаненно—изъ Каневскаго у., В. П. Цымбаломъ (свои записи и Т. Галушки)—изъ г. Звенигородки и Звенигородскаго у., Кіевской губ. и М. С. Чудновской—изъ с. Выбель Черниговск. уѣзда.

1. А бреше!—и въ землю ны дывытєся. Г. Звенигородка.

2. Абы голова—буде й борода. Нѣжинск. у.

3. Абы медъ, а мухы нализуть. Нѣжинск. у.

4. А щобъ тоби дыка коза прыснылася! Звенигородка.

5. Безъ прымхы (прышты) смерти не буває. Нѣжинск. у.

6. Безъ хлиба и куска не зйисы. Нѣжинск. у.

7. Бидному куды не кынь—то все догоры диркою. С. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣз.—Чуб., I, 232.

8. Бидность не грихъ, а неволя не смихъ. Нѣжинск. у.

9. Благодареньки за вареньки: борщу не йивъ, каши не бачывъ та й такъ выбачывъ. Каневск. у.

10. Блызенька солумка лучче далекого синця. Нѣжинск. у.

11. Бодай чорты въ дядька служылы, якъ бы дядько въ мене! Нѣжинск. у.

12. Борода по колина, а дровъ не полина. Нѣжинск. у.

13. Борщъ, каша, кисиль, кваша, мамалыкга зъ молокомъ, прысыпана табакомъ. Каневск. у.

14. Будьмо, та цуръ никого не гудьмо! Каневск. у.

15. Бытому собаки не показуй палкы, бо заразъ удере. Прилуцкій у.—Номись, № 5800.

16. Василь баби сестра въ первыхъ, а бабына Гапка—сама соби титка. Каневск. у.

17. Васылю! Я нароблю тоби на шыю, ще й шкурлатомъ прышыю, умрешъ, а не оддерешъ. Звенигородск. у.

18. Вашъ вуизъ—вамъ и везты. Нѣжинск. у.

19. Велька птыця, якъ горобецъ. Сумск. у.

20. Весилля тры дни, а цилый викъ змыдни. Г. Винница Под. губ.

21. Весна очи краде. (Кажуть, що передъ весною якъ увійдешъ у хату, такъ поночи. Я помитыла, що це звичайно въ соняшний день кажуть). С. Жеведь Черниг. у.

22. Весною—насиння, а въ осены купуй кориння. Звенигородка. (Зъ приводу, що черва пойила насиння).

23. Видчынняйтеся врата—чортъ несе тата. Лопатинцы, Ямп. уѣзд. Под. губ.

24. Винъ такъ живе, якъ гуся на води. (Ни о чемъ не заботясь). Прилуцкій у.

25. Владыка! мылость твоя велька, та чарка мала. Звенигородка.

26. Вона тоди винчатиметься, якъ собаки лынять-муть, а ложки гулятьмуть. С. Жевель Черниг. у.

27. Въ умилогъ руки не болять. Нѣжинск. у. Номисъ, №№ 6021 и 6022.

28. Выйде, ляше, на наше. Звенигородка.

29. Гарбузь струплеваты — безъ молока пранцеваты. Нѣжинск. у.

30. Гарный, якъ свиня въ дощъ. Звенигородка.

31. Гобидайте ротато, бо завтра съято. Звенигородка.

32. Говоры на волю! Каневск. у.

33. Говоры та годуйся. Каневск. у.

34. Горе вашымъ, горе й нашимъ, але вашымъ все такы лучше: хочъ картопля своя. Звенигородка.

35. Горе въ роскоши можна забыть, а роскоши въ гори никола не можна. Прилуцкій у.

36. Горивонько мученице! перешлась безъ вогонь, безъ трубы, не попадайся въ мойи зубы! Пашпортъ-есть?—«Нѣтъ, нема.»—Вотъ тоби и тюрьма!—Хлопъ та й выпывъ. Подольск. г. Кіев. Стар. 1892, XI, 179.

37. Горохъ по дорози качається,—поповъ челядникъ высыпається. Выбли Черниг. у.

38. Гындыкъ думавъ та й здохъ, то й ты здохнешъ, якъ будешъ думать. Звенигородка.

39. Дай же, Боже, щобъ ваши ворогы рачкы лазылы, а вамъ очи повылазылы (здоровкаются шуткуючы). Каневск. у.

40. Дай, Боже, диты, да у дитяхъ щастя! Выбли Черниговск. у.

41. Дай, Господы: хлиба, соли, всего доволи. Звенигородск. у.

42. Дай тоби, Боже, здоровья повенъ жывить. (жинци). Каневск. у.

43. Дай тобі, Боже, повни груди здоров'я, щобъ никуды було й дихаты. Каневск. у.

44. Де днявавъ, хай тамъ и ночує (про мертвого). Осняки Черниг. у.

45. Де стари кони диваються? У бидного на шыйи чепляються. Нѣжинск. у.

46. Диду, диду, я тобі въ поле пойду. Звенигородск. у.

47. Дило робить—голова болыть, а за скокы обибью й боки. Остерск. у.

48. Добра пряха й на скипку напряде. Нѣжинск. у.

49. Добре въ дурныкахъ буты. Каневск. у.

50. Добре слово—не полова. Винница, Под. губ.

51. До зла шыроки ворота ввиты, та узьки выты. Нѣжинск. у.

52. До свого роду хочъ черезъ воду. Нѣжинск. у.

53. Достанеться и въ хвистъ, и въ грыву. Остерскій у.

54. Дрита-дрита середъ лита, прыйшла зима—хлиба нема. Сумск. у.

55. Дурни чудеса не йдутъ пидъ небеса. Прилуцкій у.—Чуб., I, 279.

56. Дурный такый якъ сорока. Звенигородка.

57. Жинка до пояса—чужа. Лопатинцы, Ямпольск. у. Подольск. губ.

58. Зажурывся, шо молодымъ оженився. Звенигородка.

59. За ткачемъ хлибъ зъ плачемъ. Нѣжинск.

60. Здоровый якъ быкъ. Звенигородка.

61. Зерко до зерка, та й выйде берко. Звенигородка.—Чуб. I, 245.

62. Зъ кого сміються люде,—съ того й Богъ буде. Нѣжинск. у.

63. Иванъ - барабанъ, Семень - бусурмень и Каленыкъ - вареныкъ напъялы соби куреныкъ. Каневск. у.

64. И вже! мертвого личыть, або вченого вчыть. Нѣжинск. у.

65. А. Избавы, Боже, огня, меча, села Бигача, Вересоцькойи гребли и березенськоїи жинкы. Выбли, Черниг. у.

Б. Щобъ ты не мынувъ окружного суда, кошелывського бога, або вересоцькойи гребли. Нѣжинск. у.—
Номись, стр. 72 и 285, № 3674.

66. Изъ дужымъ не борысь, а зъ добрымъ не судысь. Нѣжинск. у.

67. И клипае очыма, якъ кить на глини. Каневс. у.

68. И совається, якъ Марко голоколинный. Кан. у.

69. Йивъ бы вуиль и нежарь, та хазяйинъ лежень. Нѣжинск. у.

70. Йижте, люде добри, годуйтесь... Якъ бы вы зналы, скилькы то стойить! Каневск. у.

71. А. Йижъ, покы ротъ свижъ, а якъ зовъяне тоди не стане. Звенигородка.

Б. Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ помрешъ, то й коломъ не вобъешъ. Нѣжинск. у.—Номись, № 5932.—
Гринченко, II, № 61.

72. Йижъ, Хома, та хлиба нема. Выбли Черниг. у.

73. Йому це робыты такъ, якъ дурному пирря драть (легко). Черниг. у.

74. Назавъ чортъ: Кузьму соби озьму,—та й доси не бере. Черниг. у.

75. Козы не товаръ, а дивкы не люде. Выбли Черниг. у.

76. Колоть - колоть да й на плотъ! (Якъ хто пога-
но пере або купається). С. Жеведь Черниг. у.

77. Колю голова обляже, тоди всякъ докаже. Выбли Черниг. у.

78. Колю пыты, то не мутыты. Балта Под. губ.

79. Колясь и нашъ богъ проспытыся (поталаныты и намъ). С. Жеведь Черниг. у.

80. Кому служишь, того й слухай. Нѣжинск. у.

81. Корова въ двори, а середа въ хати. Нѣжинск. у.

82. Кумынойи свахы наймыты. Черниг. у.

83. Курка на сидало,—жинка додому. Сумск. у.

84. Кыдай сапку, та полы грядку. Звенигородск. у.

85. Летивъ крукъ черезъ сукъ, черезъ безверхе дерево. (Скороговорка). Нѣжинск. у.

86. Лизь у пекло, тамъ буде тепло. Каневск. у.

87. Линывому що дня празныкъ. Нѣжинск. у.

88. Лучче пропыты, нижъ солы купыты. Нѣжинск. у.—Номись, № 11718.

89. Люде—божи собаки. Каневск. у.

90. Люде хотили, щобъ бувъ зъ мене хазяйинъ, та не диждуть. Каневск.

91. Мовчанка не пушыты,—де положишь—тамъ лежыты. Нѣжинск. у., и Харьковск. губ.—Номись, № 1117.

92. Може, кумо, вы будете дуже на горилку сылуваты (якъ просыты у гости, такъ одмагаются) — я бильшь не выпью, якъ пьыты -десяты, а пьытнадцаты найбильшь. Каневск. у.

93. Мынулыся диды, мынулыся й меды. Лопатинцы, Ямп. уѣзда Под. губ.

94. Мыши пойилы лемешы. Каневск. у.

95. На днуей гради, да тры биды. Нѣжинск. у.

96. Найився, напывся—лигъ та й укывся. Звенигородка.

97. Налетѣлы горобци, зговорылысь про крупци, не про крупци, та про пракрупячко. (Скороговорка).—Нѣжинск. у.

98. На очы не несы, а въ ротъ не надасы. Прилуцкій у.

99. Наче бѣ и не Хома, та й миста нема. Выбли Черниг. у.

100. На що тоби гроши, якъ ты самъ хороший Звенигородка.

101. Не бійсь крыкльвого, а нышкльвого. Нѣжинск. у.

102. Не бійсь, та стережись. Звенигородка.

103. Не буде зъ пивачкы багачкы, а зъ ткача багача. Лопатицы, Ямпольск. уѣзда Подольск. губ.

104. Не все й макъ,—нехай буде такъ. Черниг. у.

105. Не доведеться свини на небо дывыться. Нѣжинск. у.—Номысь, № 3830.

106. Не завсигды якъ на диды: по тры ложки меду. Выбли Черниг. у.

107. Не карай, Боже, ничымъ, якъ борщъ ни съчымъ. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 232.

108. Не кыдай дровъ—до печи знадобыться.—Нѣжинск. у.

109. Не лай старого, самъ старый будешъ.—Нѣжинск. у.

110. Нема дурныхъ: поженылысь. Звенигородка.

111. Нема ключа—якъ у тань утонувъ. Жеведь, Черниг. у.—Номысь, № 10818.

112. Не напяла пидъ дымкомъ (у зимку) та напяла пидъ танкомъ. (Багато напядешъ, якъ лито-почнеться!)

113. Не пры дитяхъ кажучы. С. Осняки Черниг. у.

114. Не родывся ше той на святъ, щобъ себе гудывъ. Сумск. у.

115. Не родыся краснымъ, та родысяш асенъ (шаснымъ) Черниг. у.
116. Не сердься на Бога: самъ выноватъ. Нѣжин. у.
117. Не ты хлибъ носышь, а винъ тебе носыть. Прилуцк. у. См. № 245 этой книги.
118. Не хвалы самъ себе—естъ лучши тебе. Нѣжинск. у.
119. Не хвалысь, рано вставшы, а багато наробывшысь. Нѣжинск. у.
120. Не хватайся попередъ батька въ пекло лязты, бо не знайдешъ, де й систы. Каневск. у.
121. Ни гысь, ни брысь (ни на шо не способна) Выбли Черниг. у.
122. Нихто не баче й не чуе, якъ сырота плаче й горюе. Каневск. у.
123. Ну, дай же, Боже,—чуешъ, куме, и ты, небоже,—помершымъ чаркы та пляшчата, а намъ, живымъ, горилка й дивчата (здоровкаются). Каневск. у.
124. Ну та й морозъ прыпикае! — За те мухъ та комаривъ немае. Каневск. у.
125. Обидравсь, якъ цыганъ пидъ ярмалкомъ. Нѣжинск. у.
126. Облышь, Катре, нехай твое на завтре. Чернигов. у.
127. Одведы въ монастырь,—вона й сама кгыкгне. Каневск. у. См. № 284 этой книги.
128. Одынь годокъ подвойила, другы потройила, а на трети зблзныла—одно. Нѣжинск. у.
129. Охота не сердыться. Нѣжинск. у.
130. Оце твоя дочка ходыла праты, бо и праныкъ у загати. Каневск. у.
131. Парася, Парася, на все ты здалася—и у панстви панувать, и якъ лыхо—горювать. Выбли Черниг. у.—Номись, № 5733.

132. Пеня не пье, а (имъя) пье. (Кажуть частуючы). Остерск. у.

133. Першый хвистъ кобыли. Каневск. у.

134. Пойихавъ по сино, та й у души посило. Нѣжинск. у.

135. Покиль позычышь грошей на нови чоботы, то въ смакъ находишься въ старыхъ. Нѣжинск. у. — Гринченко, П, № 131.

136. Покрыдида, поты й хлиба: якъ бувъ дидъ, бувъ и хлибъ, була й рыба на обидъ. Каневск. у. — Номысь, № 9137—Гринченко, П, № 129.

137. Получывъ: два билыхъ, а третій якъ снигъ. Звенигородка.—Номысь, № 13824.

138. Пообидавшы хто не оддыше, того Богъ за гришныка пыше. Нѣжинск. у.—Номысь, № 11293.

139. Попередъ невода рыбу ничего ловыть. Харьк. губери.

140. А. Пора йой у Глыбовъ изъ дошкамы іѣхать. Б. Боюсь спать на дворіѣ, шобъ не пошуміѣтъ у Глыбовъ изъ дошкамы.—У який Глыбовъ? — На той свіѣтъ. Бо теперь уже холодно. С. Жеведь Черниговск. уѣзда.

141. Пошлы дурного, а за нымъ другого. Черн. у.

142. Про мене, сынку, хотъ свынку абы на мене не рохкала. Остерск. у.—Номысь, № 8926.

143. Пропало билше, нехай пропадае й менче. Звенигородка.

144. Прыходъ жыдуивськы, а расходъ попуивськы. Нѣжинск. у.

145. Пусты сусида у хату та й дай йому волю. Выбли Черниг. у.

146. Пьяны дурному братъ. Нѣжинск. у.

147. Пыво не дыво и медъ не хвала, а честь дорога. Нѣжин. у.

148. Рогожа на все згожа! (погордыво про людыну). Черниг. у.

149. Рукавичкы дороги, то на рукахъ берегы. Нѣжинск. у.

150. Рябий приходявъ до рябойи качаты бараболи. Каневск. у.

151. Сало скоро растало. Нѣжинск. у.

152. Свого дида якъ бы помъявъ до обида, а послѣ обида та зновъ до дида. Нѣжинск. у.

153. Свуй хлибъ лучче чужого калача. Нѣжинск. у.

154. Се добре жъясце, колы й дытына його сце. Каневск. у.

155. Серпъ—робота, коса—охота, а цнпъ—сухота. Звенигородка.

156. Скуилько не литай, а сидать треба. Нѣжин. у.

157. Слугы, на барыню пугы! Выбли Черниг. у.

158. Слушайте, громадо, що намъ панъ бреше. Каневск. у.

159. Слюсаривъ Гордій та ковалева Йивга були соби Мыкыта въ первыхъ. Каневск. у.

160. Смерть та родны такъ не ждуть добройи годыны. Нѣжинск. у.

161. Соби та мени, то не буде пени. Каневск. у.

162. Собъ, снри, бодай вы выдохлы,—черезъ вась, чортивъ, я й паскы не йивъ. Каневск. у.

163. Соломы жминька—копійка, а сина жмачокъ—пятачокъ. Черн. у.

164. Сонечко—золоте виконечко. Прилуцкій у.

165. Сохы та прысохы, та соломы трохы. Каневск. у.

166. Спасыби Богу, найився йй Богу, а якъ бы сивъ, до й вола бъ зивъ. Остерск. у.

167. Спасыби за обидъ,—найився дармойидъ. А божыться ййбогу не буду, бо ше десять разъ до вечора буду. Остерск. у.

168. Спасыби твоему батьку, що тебе такого гарного зробывъ. Черниг. у.

169. Старого учить, а кривого лечить. Выбли Черниг. у.

170. Стары, якъ песь, а бреше, якъ щеня. Оробіевка, Прилуцк. уѣзда Полтавской губ.—Номысь, № 6905.

171. Стережись, горилко-сывухо, бо буду пыты, псяухо! Каневск. у.

172. Суивки засуивки прыйикалы гости зъ Носуивки. (Якъ свитае). Нѣжинск. у.

173. Сяты Гаврыло побѣе й рыло (громомъ), Пантелемонъ вытопче й ромень (гридомъ), а сяты Илля наробыть гнылля (негоддю). Нѣжинск. у.

174. Така свыта, — тилкы не такъ шыта. Звенигородка.

175. Такой ты гарный, якъ комень навыворотъ. Нѣжинск. у.

176. Тато маму продае, бо му хлиба не стае. Дюпатинцы, Под. губ. Ямп. уѣзда.

177. Тилькы й не було, що гусыного молока. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 230.

178. Тоди винъ буде женытыся, якъ будуть бычки тельтыся.—Г. Рени, Измальск. уѣзда Бессараб. губ.

179. Тоди маты дурненька, якъ диткы маленьки. Остерскій у.—Номысь, № 9190.

180. Тоди соромъ загубыла, якъ ще безъ плахты ходыла.—С. Жеведь Черниговск. у.

181. Тоди це буде, якъ у поли ракъ свысне.—Черн. у.

182. Треба кебить и на печи сидить. Нѣжин. у.—Номысь, №№ 6580 и 6581.

183. Трудно, трудно Грыцькомъ звать,—та й Грыцько—гу! Выбли Черниг. у.

184. Туркы летять якъ цуркы, а наши безъ голивъ стоять.

185. Ты жъ мени, я жъ тоби, ты жъ пропъешь, на жъ тоби. Остерск. у.

186. Ты хочешъ упасты и не забытысь. Канев. у.

187. Ты хочешъ, щобъ чортъ та Богу молився. Каневск. у.

188. Тыше: кабанъ пыше, а свыня дыктуе. Звенигородка.

189. У безодню дижку воды не настачышь. Нѣжинск. у.

190. У Бога всего по многу. Прилуцкій у.

191. У Божу путь, де горилку п'ють. Выбли Черниг. у.

192. У діжку гребйонка впала (воды мало, кухоль объ дно черкається). С. Жеведь Черниг. у.

193. Укравъ та й побіѣгъ, зогнувшысь. С. Жеведь Черниг. у.

194. У лиси не безъ звира, въ болоти не безъ чорта. Прилуцкій у.

195. У осень и горобецъ м'ясо. Нѣжинск. у.

196. У понедилокъ родылась, у вивторокъ хрестылась, у середу злывки, у четвергъ допывки, у пятницю грихъ прясты, а въ суботу помыть да поместы и гребенюовъ у хату не несты. Нѣжинск. у.

197. Усе, усе наше, тилькы грихы не наши. Каневс. у.

198. Устряешъ не мижъ свойи лыка. Харьк. г.

199. Хай йому заморочыть! (Лаяно злодія). Черниг. у.

200. Хай йому очи грають, а зубы танцюють. Звенигородка.

201. Хлиборобъ полемъ живе. Нѣжинск. у.

202. Хоть мене родычи й не зовуть, такъ я знаю, де живуть. Нѣжинск. у.
203. Хоть нывку покынь, хоть свынку вбий. Нѣжинск. у.
204. Хочь дурный. та хытрый. Звенигородка.
205. Хочь крупнѣй, абы додому хутнѣй. (Якъ хапаяться поденищи полоты). С. Жеведь Черниг. у.
206. Хочь маты моя, абы не я. Нѣжинск. у.
207. А. Хочь не дойжно, такъ долижно. Сумск. у.
Б. Хочь не вбжно та влжно. Остерск. у. — Номись, № 10387.
208. Хочь поганый, такъ багатый. Каневск. у.
209. Хто бреше, тому лехше, а хто ны йме виры, тому въ голови дыры. Звенигородка.—Гринченко, I, № 234.
210. Хто знае й той умирае. Нѣжинск. у.
211. Хто потрудыться, —той натрубыться. Сумск. у. — Номись. № 7198.
212. Хто пытае, той не блуде. Харьк. губ.
213. Хто рано встае, тому Богъ дае, а хто пуизно ходыть, той самъ соби шкодыть. Нѣжинск. у.
214. Хто рано пидводыться, за тымъ и дило водыться. Каневск. у.
215. Худъ обидь, колы хлиба нить. Нѣжинск. у.
216. Хура не ходе здура. Нѣжинск. у.
217. Хы́ба свыня ззисть гарбузь, покы не вкача въ болото? Звенигородск. у.—Номись, № 12270.
218. Царь на слъозы не вдаря. (Що некруты хочь якъ плачуть, а йихъ у салдаты такы беруть). С. Жеведь Черниг. у.
219. Цыганови забожытьсь, що батогомъ ляснуть. Каневск. у.
220. Чого ты такъ пейсы попустыла, наче багатырка?—А чого жъ багатырки пейсы попускають?—Та йимъ

за багатствомъ и росчесаться николю). С. Жевель Черниг. у.

221. Чортъ його беры: пропалы вивци, пропалы й кони (а не помырюсь, позоваючысь). Звенигородка.

222. Чый ты? — Гапчынъ. — А Гапка чья? — Жинка моя. Каневск. у.

223. Чы прынесли (горилки), чы не прынесли, а васъ вже чорты й знесли. Каневск. у.

224. Чытае такъ, якъ бобомъ сыпле (гарно). Жевель Черн. у.

225. Шыстомъ-кыстомъ, да не великымъ пыстомъ. (Говорится, когда человекъ горячится или требуетъ чего имѣя права).

226. Щасливому по грибы ходыть, а нещасному на печи сидыть. Нѣжинск. у. — Гринченко, I, № 247.

227. Що вбѣшь, те и вйидешъ. (Что заставишь, только то и сдѣлаеть). Звенигородка.

228. Що въ поли выростае, все дома знадобыться. Нѣжинск. у.

229. Що иконка, то й молювка. Звенигородка.

230. Що майстеръ — то мошеникъ, що пысаръ — то пъяныця. Нѣжинск. у. Чуб. I, 266. — Ном., № 10411.

231. Якъ бере цыганъ сино, каже: я сокрыу насталю; якъ набравъ — ножа зроблю; а якъ за ворота вже пиде — и цього зъ його буде. Каневск. у.

232. Якъ будешъ йисты булки, то нападуть думкы. Звенигородка.

233. Якъ бы вси люде жылы, то бъ свитъ затьмылы. Лопатинцы, Ямпольск. у. Под. губ.

234. Якъ голоденъ, то йивъ-бы, а найився, то спавъ бы. Звенигородка.

235. Якъ гука ворвать, толи за хуру гроши по-
брать. Нѣжинск. у.

236. Якъ корыться постолу, лучче просыть чобота.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 1041.

237. Якъ любовь та совитъ, такъ и у пистъ
мясойидъ. Выбли Черниг. у.

238. Якъ не дастъ Богъ смерти, то не визьмутъ
черты. Звенигородка.

239. Якъ пасе (дывиться)—якъ китъ на сало. Зве-
нигородск. у.

240. Якъ пиде кому зранку, то й до вечора: Сум-
ской у.

241. Якъ пойидешъ навпростецъ, то николи дома
не будешъ. Прилуцкій у.

242. Якъ посылать до мыскы—такъ страму наби-
рається, а якъ до рота ведеться, то раднсть прыбавляеть-
ся. Прилуцкій у.

243. Якъ схоче, то й на гору выйде, а якъ не
схоче, то й зъ горы не зйде. Звенигородка.

244. Якъ удавнытьсе, то ще й пѣсня буде (якъ
довго побуде, то стане писнею). Жеведь Черниг. у.

245. Якъ щытать корову по вдою, то молока не
йисты. Каневскій у.

Загадки.

Доставлены: Е. Н. Гаврилеомъ (Нѣжинск. у.), Г. С. Неводовскимъ
(Остерск. у.), В. Ф. Степаненкомъ (Каневск. у.) и М. С. Чудиновскою
(с. Выбли Черниг. у.).

1. **Верства.** Самъ не бачыть, не чуе, а всимъ доро-
гу вказуе.—Нѣжинск. у.

2. **Видро.** Деревъяне, подвизане деревомъ—Нѣж. у.

3. **Виль.** Народыться—на дудку грае, вырасте—поля

копает, а вмере—прочыщает,—Канев. у. Номисъ, № 109.—
Гринч. II., 310, № 1.—Семент., 336.

4. **Выла.** Вызу рогы, а вверси хвистъ—Нѣжин. у.

5—6. **Вытушка.** 1. Прийихалы гости, стали на помости, розипьялы, розставылы свои руки-кости. Каневск. у.—

2. Въ одному гнзиди чотыри ярма.—Нѣжинск. у.

7. **Голка.** Кынувъ Орыну черезъ долину,—де впала, тамъ и пропала—Каневск. у.

8. **Жорна.** Чотыри стоятъ, одинъ верне.—Нѣжин. у.

9. **Замокъ.** Мовчанъ собачка всього дому стереже.
Нѣжинск. у.—Номисъ, № 274.

10. **Заступъ.** Изъ тюрьмы та въ тюрьму скаче.—Выбли Черниг. у.

11. **Звидъ до крыныци.** Журавель у нору, а яйца нагору—блысь!—Каневск. у.

12. **Каблучна и палець.** Сыдыть пани на майдани, прийшовъ панычъ, каже: — «Позычъ».—Вельке маешъ, у мое не вбгаешъ».—Остерск. у.

13. **Каганецъ.** Чорна мазнычка. а золоты пыпныкъ.—
Нѣжинск. у.

14. **Кинь: хвистъ, очи, уши.** Симсотъ свыще, чотыри тупоче, дви дывытъся, два слухае.—Нѣжинск. у.

15—16. **Ключъ и замокъ.** 1. Сандачыть, сандачыть, покы дирку побачыть, а якъ дирку знайшовъ, по шыю въ неи зайшовъ.—Каневск. у. — 2. Бижить гонецъ, выстро-
мывъ конецъ, якъ дирку побачывъ, туды й засандачывъ.—
Каневск. у.

17. **Колеса и кинь.** Чотыри браты та уси горбати, а пъятый Хома и той зъ хвостомъ.—Выбли Черниг. у.

18. **Колядки.** Загадаю загадку, перекрыну черезъ хатку, пошла загадка въ походъ, а вернулась черезъ годъ.—
Нѣжинск. у.

19. **Конопля.** Стоить верба, на верби много гилля.
Нѣжинск. у.

20. **Корова и овечна.** У рули чотыри кгули, а у стрыли дви.—Нѣжинск. у.

21. **Коромысло.** Бисъ на бабу полизъ, на баби впо- тивъ та на дивку схотивъ.—Остерск. у.

22. **Кропыва жалыть.** Олена зелена, поцилуй—свер- быть, болыть и чухаты хочеться.—Каневск. у.—Номысь, № 211.

23. **Нурка.** Бигае Мотрушка у ста кожушкахъ, якъ витерь повіе, то й спына замріе.—Каневск. у. Чуб. I, 310; Ном., № 75; Закр., 84; Семент., 360—361.

24. **Ложна.** Булава, а въ ротъ лизе.—Нѣжинск. у.

25. **Лысыци на викии.** Що саме лучче квиткы робыть?— Нѣжинск. у.

26. **Льонъ.** Стойить трава зеленая, а на верси 20 голуивъ.—Нѣжинск. у.

27. **Лянтва (?)**. Не гришнее, а повишене.— Нѣ- жинск. у.

28—29. **Млынъ.** 1. Крутыться, вертыться й Бога не бойтыся.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 425.—2. Дубъ-верто- лубъ, а на дуби хатка.—Нѣжинск. у.

30. **Молоко пыче.** Чого не було й не буде, а його называютъ люде? —Конотопск. у.—Нѣжинск. у.

31. **Мрець у труни.** Деревъяный пырожокъ начыне- ный мьясомъ.—Нѣжинск. у.

32. **Муихъ.** И въ васъ, и въ насъ поросюкъ завъязъ.— Нѣжинск. у.

33. **Небо, зирны, сонце, мисяць.** Розисланный кожу- шокъ, посіянный горошокъ, а на краяхъ хлибъ и пивъ хлиба.—Каневск. у.

34. **Нижъ.** Изъ кици колодочка, а на кинци гостре.— Нѣжинск. у.

35. **Нисъ и пальци.** Одынъ пыщыть, а пъять та- щыть.—Нѣжинск. у.

36. **Овоць.** Що безъ диркы нальвается?—Нѣжин. у.

37. **Очи, нись и ротъ.** Моргунъ, хапунъ и сопунъ.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 222. Закр., № 14. Семент., № 73.

38. **Павутыния.** А шо въ хати нетесане й чоловікомъ не роблене?— Каневск. у.— Номысь, № 329;— Чуб., стр. 313;— Закр., № 115;— Семент., № 250.

39. **Паперъ.** Кынь на землю—не розбѣється,—кынь на воду—росплыветься.— Нѣжинск. у.

40. **Перо.** Безъ языка, а все скаже.— Нѣжин. у.

41. **Пивень.** Родывся, не хрестывся, писнею Богу згодывся.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 72.

42. **Пичъ.** Злизъ на мене, поялозь мене,— я покрашаю.— Нѣжинск. у.

43. **Помело.** Прыйшла пани въ сыньому жупани, шаталася, моталася, пудъ пичъ заховалася.— Остерск. у.— Номысь, № 331 и 334;— Семент., № 239 и 240.

44. **Ратыще.** Изъ конца гостре, а изверху хвистъ.— Нѣжинск. у.

45. **Роснолына.** Шо въ хати само робыться?— Нѣжинск. у.

46. **Рыба.** Есть крыла,—не летаю, нуигъ нема, а гуляю, по земли не хожу, на небо не гляжу, зуйръ не шытаю, людей не знаю.— Нѣжинск. у.

47. **Самуваръ.** Стоить хлопечь на мосту, крычыть: «Усихъ оболлю».— Нѣжинск. у.

48. **Снипъ пашни.** Тысяча бративъ звязаны, на матиръ поставлени.— Нѣжинск. у.

49. **Сонце.** Стоить дубъ-вертолубъ, на туимъ дуби вертолуби сидитъ птыця-вертолыця, ни хто ййи не достане—ни царъ, ни царыця.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 17;— Семент., № 5.

50. **Соняшынь.** Стоить дубокъ, а на верси картузокъ, въ картузку много дитокъ.— Нѣжинск. у.

51. **Соплякъ.** Шо морозу не бойиться, а ще на верхъ вылазыть?— Нѣжинск. у.

52. **Сосульны на стриси.** Що вверху коринемъ росте?—
Нѣжинск. у.

53. **Стриха.** Що вышъ дывыться?—Нѣжинск. у.

54. **Телямъ.** Чымъ сперва вуиль ходывъ?—Нѣжин. у.

55. **Трое.** Ишли мужъ изъ жоною и братъ изъ сестрою, и шурынъ изъ зятемъ, найшли воны яблуко й розризали на четверо та й не подиляться: взять по четвертيني — одна остається; а взять по дви—одному не стае. Скуилько йихъ було? — Нѣжинск. у. — Номысь, № 257.

56. **Хата, покривля.** Основа соснова, пидткання соломъяне.—Каневск. у.

57. **Ципокъ.** Ни очей, ни плечей, а старцуивъ водыть.—
Нѣжинск. у.

58. **Ципъ.** Лишынка й дубокъ, въ середыни шкура-токъ.—Нѣжинск. у.

59—60. **Цыбуля.** 1. Марушка-семькожушка, якъ допече, то й вода потече.—Нѣжинск. у.—2. Сыдыть сыдуха въ семы кожухахъ, а ще посынила.—Нѣжинск. у. Номысь, № 184.

61. **Чоботы.** Дусели, дусели, лизте на мене.—Нѣжинск. у.

62. **Навищо жыто сіють?**—Бо садыть не можна.—
Каневск. у.

63. **На чимъ стойить викно?**—На дирци.—Канев. у.—
Номысь, № 281.

64. **По чому жыто сіють?**—По рилли.—Нѣжинск. у.

Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги.

Къ отдѣлу I-му.

339. Кишка.

1. Якъ киньмы йдешъ, такъ не можна кишку або kota на визъ браты, а якъ воламы такъ можно.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

2. Не можна кишку на визъ браты, бо хочъ вона и не важка, якъ ййи пидняты, а конямъ дуже важко, якъ вона на вози, такъ, шо й прыстануть. Хочъ такъ положи, шо кони й не бачытумуть и хочъ четверыкъ запряжы, такъ усе одно прыстануть.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

---

340. Мыши.

Якъ мышей багато заведеться, то выжывуть съ того мисця.

Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

341. Гадюба.

— Моя невѣстка такъ оце журытьсе: Кузьма вже чотыри дни хворый лежить.

— Шо жь йому таке?

— Погана штука йому случыласе: самъ собіѣ лыха здобувсе. Бачыте, вуонъ на поліѣ бувъ, оравъ и вже чы вуонъ выоравъ гадюку, чы де вона взеласе, я вже не знаю. Ну, туболькы бачыть вуонъ, шо гадюка и така здорова, а вуонъ излякавсе и давай йійѣ люшнею быть. Вуонъ же бѣе, а вона проты його такъ и зопнетъсе, такъ на хвустъ зопретъсе да такъ и зопнетъсе та такъ сычыть. А вуонъ йійѣ люшнею. Добре попоганявсе, покуль убывъ такы. Та съ того дня й лежыть: болыть усе и такъ наче пропасныця трусыть. И зовсимъ не здужае ничего робыть. Волочыть уже чоловіѣка одного попрахавъ за себе. Кто зна, шо йому й робыть теперь? И на шо було йійѣ займаты?

с. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

342. Жыве серебро.

И. Це озерце мабутъ одъ розльву зосталося? Довго якъ не vysыхае.

— Ни, це озерце не одъ розльву. Це таке озерце, шо може кольсь и Десна vysохне, а воно ни.

— Чому жь то такъ?

— Це, бачыте, якее озеро. Кольсь тутъ, кажуть, зовсимъ трохы воды було. А одынъ чоловікъ и вкынувъ туды жывого серебра. Не мало й укынувъ: хунтъ, чы може й два. Такъ воно якъ почало крутыть, якъ почало крутыть, та выкрутыло такъ, шо й дна не можна достать. Вы гляньте, якъ по йому витерь хвылю гоне. Такъ и выдно, шо глыбня.

— На шо жь той чоловікъ жывого серебра кыдавъ?

— Ну, значыть, уже йому треба було. То такыи чоловікъ бувъ, шо...

Звощыкъ озырнувся на озеро и не ставъ билше про його розмовляты.

М. Н. Гринченко по дорогѣ изъ Чернигова на вокзалъ. 1898.

II. Чы правда, шо живого серебра не можна у рі́чку кыдаты? У насъ кажуть, шо не можна.

— Чому жъ не можна?

— Кажуть, шо яму здорову выкруте. У насъ у рі́чціѣ не було ямы, а теперь стала та така глыбока. Такъ хлопци кажуть, шо то вони живого серебра вкынули, такъ воно й выкрутыло.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 году.

Нъ отдѣлу II-му.

343. Про годушу.

1. Качкы и горобци хлюпошуться на дощъ, а якъ дзюбки ховають пидъ крыла—холодъ.

2. Якъ у вуси свербыть,—буде дощъ.

Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

344. Дытына.

1. Якъ нарощенному завъязують пупокъ плоскинню, то не буде йому ладу у жытти.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

2. Якъ дытына стуляе кулакы, то скупе буде, а якъ растуляни долони держыть, то буде щедре.

3. Якъ пелюшка заночуе на двори, то дытына не спатыме.

4. По заходъ-сонця не вынось купелю на двуиръ—дытына неспокойна буде.

ЖЖ 2—4 записалъ въ м. Веркѣвкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

345. Хвороба. Смерть.

1. Не годиться личыть зубивъ у роти, бо падагы-мутъ.

2. Переступаты черезъ коромысло не годиться, бо спына болитыме.

3. Якъ несуть мерця, то не годиться у викно ды-выться.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко,

4. Хворы мисце перемина—на смерть.

5. Нисъ свербыть — на покойныка, а переносья на смерть.

М. Веркѣвка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

6. Якъ хто гукае уночи пидъ викномъ, такъ треба лаять: «Иды за чортовымъ батькомъ!» або «За лысымъ дидомъ!»... Воно й пиде. А обзыватися не можно, а то ще хто вмре.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ, Черниг. у., въ 1900 г. Харьк. г.

346. Йижка.

1. По заходи сонця не годиться почынаты хлиба ризаты.

2. Не годиться въ ножа хлибъ йисты.

3. Не годиться въ молоко крышыты хлиба ножемъ, бо корова захворіе на жывить.

4. Якъ умре хто въ сели, не клады въ той день ва-рева въ погрибъ—буде сныднты.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

347. Кваша.

— А то ще хоті́лося міні́ї дознатсье, якъ квашу звать, такъ matka, ажъ была мене, щобъ не дознаваласе.

— Та якъ же це якъ квашу звать? И за що жъ васъ matka была?

— Та знаете, въ насъ такъ кажуть, шо квашу якомь звать, ну не коженъ знае якъ, и не можна визнавати, бо якъ хто есть у хати такый, шо знае, такъ уже тоды хочъ не робы кваши, бо не властьсе. Такъ мене matka й была, щобъ я не визнавала, а то бъ и въ насъ кваша не вдаваласе.

— А есть же въ васъ у сели таки, шо знаютъ, якъ квашу звать?

— Ну, звісно есть. Тамъ у насъ одинъ чоловікъ, такъ вуонъ до безконешности квашу любить, ну знае, якъ йийъ звать, такъ у йихъ зроду не властьсе. Уже якъ схочуть, щобъ удаласе, такъ у сусі́дъ роблють, або хочъ и дома, такъ такъ, щобъ вуонъ не знавъ, бо якъ узнае, такъ усе одно хочъ заразъ геть выльй, бо не властьсе. Спасыбы матці́ї, шо мене тоды побыла, а то якъ бы знала, такъ и въ насъ бы не вдаваласе, а я жъ йийъ шо люблю!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко 1900.

348. Одежа.

1. На соби одежи не зашивай, бо й розумъ зашьешъ.

2. Хлопцямъ не годыться намыста надиваты, бо будуть вовка боятысь, а дивчатамъ—шапки, щобъ урокивъ не боятысь.

3. По дви шапки не годыться надиваты, бо дурнымъ будещъ.

Каневскій уѣздъ В. Ф. Степаенко.

349. Гарбузы.

I. Ты жъ гледы, у Переплавну середу гарбузы посады. Та не поленысь, раненько встань, щобъ до скуодъ сонца вже й посадыла. Такъ шо солодкійи будутъ!

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ с. Котовъ Черниг. у., въ 1900.

II. Треба пустоцвить зъ гарбузивъ позриваты та мижъ череду кынuty, такъ дуже багато гарбузивъ буде. И зъ огиркивъ такъ саме.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко 1900.

350. Свѣйсьба тварь.

1. Якъ собака потягнется на кого,-- той подарокъ получе.

2. Якъ собака вые, пиднявши вгору голову, то ам пожаръ, а якъ уиызь опускае—на мерця.

Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Не колядуй у пистъ, бо куры не нестымутъся.

4. Не перевертай куркы, бо не нестыметься.

5. На Благовисныка ничого не шля гребты, щобъ куры не греблы грядокъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

6. Вы знаете, шо якъ буобъ цвите та макъ, такъ гусятамъ тоды дужей погано бувае. Якъ попрыходють до дому, такъ якъ пьяныйи, такъ и валяютьсе, та дохнутъ. Я вже й сама незнаю, чога воно такъ, а туольки добре знаю, шо покуойна матка такъ було плаче, якъ макъ цвите, бо то вже знае, шо дохтымуть. Уже було вона йихъ и гнѣздомъ подкуруе, знарошне було гусяче гнѣздо зоставляе, и чога вона йимъ не робыть! И чога воно такъ? Шо вже жъ вони тоды й чымалыйи перостуть, а дужей йимъ нездорово бувае. Чы то може духъ такый одъ маку недобрый на йихъ бувае?

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1903 г.

351. Не годяться робыты на порози.

1. На порози не годяться зустричатысь.
2. Черезъ поригъ ничего не подаваты: не годяться.
3. Рубаты до порога не шля.
4. На порози йисты не годяться.

Каневскій уѣвль. В. Ф. Степаненко.

352. Що и колы не годяться робыты.

1. Проты пъятныци не годяться мыты ложокъ.
2. Винька не годяться кыдаты у пичь, — сажа займатиметься.
3. Жинкамъ топтаты помела не годяться.
4. Проты велького свята зъ свитломъ не годяться выходыты на двирь.
5. Понедилокъ та четверъ важки дни.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

353. Якъ продаваты.

Якъ несешъ або везешъ на базарь щось продаваты, такъ не треба ставаты на дорози, якъ хто хоче купыты, бо добре якъ купыты, а якъ не купыты та заторгуе, то вже ништо бильшойи цинь не дасть, а то й зовсимъ не продасы.

С. Жевель Черниг. у. М. Н. Гринченко.

354. Злагода.

1. Шобъ була злагода, треба суиль на хлиби передавать.
2. Ножа не даруй: посердышся.

Веркiевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

Къ отдѣлу III-му.

355. Ночныця.

Я бѣ хотила, щобъ на мене ночныця напала, щобъ не спаты... А то такъ сплю!

С. Жеведь, Черниг. у. Б. Д. Гринченко.

356. Золотуха.

Одъ золотухы помагають золоти сережки, куплени безъ торгу.

Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

357. Грызъ.

— Пришла до Одарку, щобъ нуогу погрызла. Оце прийшла въ городъ, а вона такъ дужей заболiла. Думаю, шо жъ воно таке? Уже жъ минiа не первына въ городъ ходыть. Коли слухаю, ажъ рыпыть,—ну, грызъ, значыть. Такъ оце й прошу Одарку, щобъ погрызла. Вона жъ послiдняя, такъ одъ йiа поможетьсе. Одъ первого й одъ послiднього помогаетьсе, а одъ сере-редульшыхъ уже нiа. И чога воно такъ?

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ Черниговск. у., въ 1900 г.

358. Отрута жабою.

— Ой Боже мiй! Така въ мене болють, шо вже ма-буть навикы я нещасна черезъ нейи буду. Хочъ бы вже и вмерты, такъ не дае Богъ смерты.

— Шо жъ у васъ болють?

— У животи болыть. Дано мени. Ось нате, полапайте, якый у мене жывить; а теперь прытулиться отуть^т вухомъ та послушайте. А що, чуете?

— Ничого не чую.

— Ой, Боже мій, якъ же такы вы не чуете? И шо жъ мени на свити Божому ись такымъ лыхомъ робыты?

— Та розкажить же, шо вамъ таке?

— Охъ, лышенько мое тяжке! Хазяйинъ мій, то жывъ якъ слидъ, а то й почавъ ходыты до однійи удовы, полюбовныця, значыть, вона йому була. Мени й сказано. Господы, шо я попомучылася! Уже жъ такы мы не молоденьки, сына оженыты диждалы, а винъ отаке надумавъ. Я вже ййи й не чипаю, бо такы жъ и проты свойихъ дитей, и проты людей соромъ, шо отаке на старистъ. А йому кажу нышкомъ, уговоряю. Такъ и не блызько, такымъ важкымъ духомъ на мене дыхаты почавъ. Ну, вже терплю, а винъ уже такъ почавъ носыты до нейи, шо вже й сынови видно. Такъ ййи же мало того: схотилося замижъ за його питы, шобъ уже все хазяйство посисты. Такъ вона й надумала мене зъ свиту звесты и сына. На весилли увъ одныхъ людей гулялы мы, и вона гуляла, такъ вона тамъ и дала и мени, й сынови.

— Чого жъ вона дала?

— Мени чоловикъ такый, шо знае, розказувавъ. Я, якъ сталося мени лихо, пойихала до його, такъ винъ и каже: «Це,—каже,—тоби дано, чорнява молодыця у горилци дала». А шобъ дала, такъ и казаты страшно. «Узяла,—каже,—жабу та съ чорнойи гадюкы голову, высушыла, зомъяла та въ горилци й дала. И я,—каже,—тоби не поможу, шукай людей». Я зновъ до бабы пойихала,—не пособылося. Нездужаю та й годи: сама сохну, а жывить росте. Бачыте, якый вырись, це його кубло такъ роспирае.

— Яке кубло?

— Та вони жъ выплодылыся тамъ. Та, Господы, якъ заворушуться, якъ почнуть крякаты, то вже, якъ бы гриха не боялася, то смерть бы соби заподіяла. Другый годъ оце мучымося и я, и сынъ.

— И въ сына жъ така хвороба?

— Ни, винъ тилькы сохне. Йому такъ и дано, щобъ сохъ. Де вже я не була, кого не пытала, такъ никто не пособляе одъ цього лыха. Оце прыйшла до святителя Феодосія, одговіюся, та може чы не напытаю людей, бо тутъ, кажуть, багато народу буває.

— Хотите, бабо, я поведу васъ до ликаря та попрося, щобъ прыняли васъ у ликарню, може тамъ пособлють?

— Э ни, спасыби вамъ, що клопочетеса, а тилькы я туды не пиду, не хочу.

— Чому?

— Мени вже давно казано: иды, бабо, до ликаря! а я не йду. Хыба я ликаревъ не знаю? Вони, звисно, ради булы бъ, якъ бы я до йихъ пишла ись такою болистю: «Отъ, бабка, харашо сдилала, що прыйшла, мы тебе выличымъ». А якъ бы бабка була дурна та послухала бъ йихъ, то вони бъ ййи швыдко выличылы. Дали бъ бабци такого, щобъ заснула та ничего не чула, та живий и розризали бъ жывить.

— На шо?

— На те, щобъ подывыться, що тамъ таке, бо така болисть не часто буває, такъ йимъ и треба роздывытыся. А тоди зварылы бъ бабку на кгокголь.

— На якый кгокголь?

— На такый, щобъ людей нымъ личыты. Та й нехай диты шукають тоди матери. Ни вже, спасыби вамъ, що клопочетеса, а я до ликаревъ не пиду. Уже якъ не найду соби людей, щобъ пособылы, такъ пиду додому та й дожыдатыму смерты. И выповидаюся, и запырчастюся, и поховаюць якъ слидъ. А то пишла бъ я до ликаревъ, щобъ

заризалы та зварылы, та й пропадай хрыстыянська душа...
Ой-ой-ой, уже заворушылыся!..

М. Н. Гринченко отъ прочанки изъ Полтавщины, въ 1898 г.

Къ отдѣлу IV-му.

359. Нечыста сыла у непосвяченій хати.

Була въ чоловіка хата непосвященная. Винъ бувъ самъ, а до його ходивъ небожь ночуваты. На ту ничь старшый небожь не хоче йты: — «Дидь, — каже, — говоритъ зъ кымсь». И меншый не хоче, вже сылоу його вытаскалы. Дидь спавъ на печи, а хлопецъ на полу. Ажъ влитае наче коршыкъ красный зъ верха. Дида заразы за глотку, перекусывъ йому глотку, подравъ бикъ, а хлопця давывъ, а той кынувся тикать, а хата защабнута (кто його знае звидкиль). Коло порога языка йому вытягъ, подравъ когтями груди...

Назавтра не одмыкаются, ничего не чутъ. Такъ люде зибралыся, одбылы двери, ажъ дидь совсимъ мертвый, а въ хлопця языкъ вытягнутый.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякакъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу V-му.

360. Москаль и упырь.

Ишовъ москаль зъ службы, ажъ у лиси стойить хатка, а у хатци лежить мертвецъ и всего наготовлено: и горилка на столи, и сало, и все... Винъ найився, напывся, та тилкы ставъ хрестытыся, ажъ мертвецъ и встает. Москаль перелякався и сивъ на лавци. И собака чорный

лежавъ тамъ. Такъ мертвецъ зсунувся, а москаль хотивъ зъ хаты; мертвецъ його за полу, повалывъ його та й задушывъ. Людей насходилося та москаля однесли въ церкву, одправылы надъ йимъ панахыду, а того мерця положиылы въ труну, обложиылы дошкамы, та тоди привели другого москаля, щобъ винъ штыкомъ пробывъ труну, щобъ и груди мерцю проколовъ. Пробывъ той труну, выскочыла кровъ, попала попу на рызы, пидняло його високо и той убывся.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

361. Щобъ видьма не влизла.

Протывъ Ивана застыркують кропыву за викна, щобъ видьма не влизла.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу IX-му.

362. Про жинку скупого чоловіка.

Бувъ соби на сели одынъ чоловікъ—такий скупый, що не дай Господы! Жинка його скільки не заробить, а все ходыть у драному и боса й гола, ще й голодна. Жалко йій дитокъ, та ничого не може вдіять, такий поганый у нейи бувъ чоловікъ: скрыню одъ нейи замыкае и ничого йій не дае, а самъ на себе тратыть. Пишла тая жинка до попа—росказала усе. А пипъ каже:

— А ты ось що зроби—умры. Я тебе наче поховаю, потимъ побачымъ, що буде. Нехай тилькы про це знае твоя кума, а бильшь ниhto.

Пошла тая жинка та й каже усе кумн, щобъ вона прыйшла, якъ вона вмирать буде. На другый день жинка тая лягла та й стогне. И кума ййи прыйшла.

— Идить, каже, куме, жинка ваша вмирае.

Вона певне знае, що то тилькы кумедія.

Прыйшовъ чоловікъ, подывывся, баче, що справди такы вмирае. А винь ййи не любывъ.

— Дайте жь хочъ билу сорочку на мертву надить,— каже кума.

Винь вытягъ зъ скрѣни таку драгу сорочку, що кума якъ надила, дакъ и соромъ дывыться: ажъ гришне тило свитыться. Закрѣла вона ййи рядномъ, поклала вже й у труну.

Тая жинка чуе, що била нейи диты плачуть. Якъ ййи, бидній, було лежаты! Але вона все терпила. Тоди була зима, то на кладовыще ништо не пишовъ: тилькы чоловікъ, кума, та тѣи люде, що неслы. Оце вже треба ййи ховать у яму, та ни на чимъ спуськать. Батюшка каже до чоловіка:

— Иды додому да прынесы полотно.

Винь пишовъ додому за полотномъ, а батюшка вже каже жинци:

— Вставай швядче!

Вона встала. Кума надила на неи кожушанку.

— Бижы,— каже пипъ,— до мене.

Побигла жинка до попа. Прынисъ чоловікъ тее полотно, труну порожню поховалы. Жыве тая жинка у батюшки, а чоловікъ зъ дитьмы бидуе: хата не топлена, диты голодни й не мыти. Не знае винь, що зъ нымы робиты. Клыче його батюшка до себе на роботу. Колысь увйшовъ тѣй чоловікъ у хату, баче— жинка коло печи пораеться.

— Якъ бы оце я самъ не бачывъ, батюшко, якъ вы мою жинку ховалы, то подумавъ бы, шо це моя жинка,— каже мужыкъ до попа.

А пипъ йому каже:

— Се удова зъ сусиднього села; вона въ мене другый рикъ живе, дуже гарна жинка: роботяща така.

Черезъ килькы днивъ приходить чоловикъ зновъ до попа.

— Се я,—каже,—хочу одружитися, та не знаю, чы пійде жъ хто за мене, що въ мене дитей багато?

— А може моя наймычка й пійде? Та тилькы я боюся йій и казаты про тебе, бо ты и зъ нею будешъ такъ жыть, якъ зъ першою. Ты въ гости и до шинку, а вона дома. Ты гарно вдягнутый, а вона въ драній спидици.

— Йій Богу, батюшко, теперь уже я такъ не буду, абы ся жинка пишла за мене.

— Та хто жъ його знае? Може й пійде? Я зъ нею поговорю—каже пипъ.

Дакъ у того чоловика ажъ очи загорилысь—такъ уже йому тая жинка подобалась. Винъ до нейи усе прыдвляється, а вона скаже слово, два, та й зновъ за роботу. Не дуже то на його й дывыться.

Зновъ приходить чоловикъ до попа, а його нема дома. А пипъ уже навчывъ жинку, що треба й казаты.

— Се,—каже,—я до васъ. — Та й ставъ коло порога и очей не зведе.

— Та чого жъ вы стали коло порога? Идять сюды,—каже його жинка.

Вытягла зъ педы млынцы, поставыла на стиль горилку. Винъ такый радый. Пойивъ, попывъ, потимъ каже:—«Се я прийшовъ до васъ, та боюсь, що вы й слухаты мене не схочете».

— Та кажить уже, може й послухаю.

— Чы не пійдете вы за мене замижъ? Въ мене дитей багато, та ще й мали.

— Дакъ шо жъ? Я дитей люблю.

Винъ такый радый, а вона ще бильшь. Повинчавъ йихъ батюшка. Якъ увишла вона въ хату, то старша

дочка думает:—Якъ вона похожа на нашу матинку, та чы буде жъ вона така добра, якъ маты?

Чоловикъ каже:

— Мы ляжемъ на пичь, а диты нехай доли сплять.

А въ нейи ажъ серце болыть, та вона йому ничего вже не каже. Винъ клыче старшу дочку:

— Нахылысь, нехай маты на твою спыну стане, щобъ на пичь злизты.

Бидна дытна думает: Якъ наступыть мачуха на спыну, то й кисты поламае. А вона легесенько ступыла— тилькы шо доторкнулась ногою.

Тоди диты лежать та нышкомъ розмовляють: «Мабудь и мачуха така буде добра, якъ маты». Зъ того часу взяла тая жинка все добро въ свои руки. Диты вже не спалы доли. Вона гарно одягнута. Шо хоче те й робыть. Чоловикъ зовсимъ другый ставъ. Выйдутъ диты на вулицю, дакъ инши кажуть: «Въ насъ мачуха лыха». А вони кажуть:—«А наша мачуха така добра, якъ ридна маты».—Такъ отъ якый чоловикъ зробывся, якъ удруге побрався зъ своею жинкою.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда, Черниг. губ., Василисы Нахонечной.

363. Стрыжено! Стрыжено!

Йихавъ чоловикъ зъ жинкою полемъ. Було се литомъ, саме о ту пору, якъ на поли такъ хороше, такъ весело та любо, шо й додому не хочеться. Йихалы вони дорижкою помижъ пашнею. Кобыла тыпае соби помаленьку, а лоша попереду—вскубне трохы травыци, зробыть выбрыка та й дали. Дывыться чоловикъ, хтось на ныви ячминь покосывъ.

— Дывысь, — каже, — жинко: вже й ячминь покошено.
А жинка каже: «Стрыжено».

Булы вонь вь кума вь гостяхъ, дакъ ще тамъ жинка чогось росприндылася. Чоловикъ подывывсь на нейи та й каже: — «Опъять?» — А вона закопылыла пысокъ та й одвитуе: — «Опъять». — «Жинко, — ставъ винъ изновъ каваты, — мовчы колы хочь!..» — «Чого я буду мовчаты?» — «А чого жъ ты перечышь: стрыжено, колы воно кошено.» А вона изновъ: — «Ни, стрыжено!» — «Ой, та будешъ быта, кажуть тоби: кошено!» — «Стрыжено!» Чоловикъ зопынивъ кобылу. Злизъ винъ зъ воза та й пытае, держучы батигъ наготови: — «Чы кошено?» — «Стрыжено!» — «Злизъ зъ воза!» — grimнувъ на нейи чоловикъ: А вона: — «Не ализу!» — «Геть зъ воза, кажуть тоби!» — «Не злизу я зъ воза... чого я злизу?» — «Злазь, тогда побачымо, чы кошено!» А вона изновъ: — «Стрыжено!» — «Брешешъ, кошено!» — закрычавъ чоловикъ та й почавъ ййи чустрыть батогомъ. Чустрыть та прыговорюе: — «Кажуть тоби: кошено! Кажуть тоби кошено! Бисова баба ажъ пыццать пидъ батогомъ та знай свое грае: — «Стрыжено! стрыжено!»

Кобыла, почувшы, якъ чоловикъ трактуе батогомъ свою жинку, стала комызтыся, грохы воза не перекрынула; побигла бь, дакъ хазяинь вь одній руци вижки держыть. Бачыть чоловикъ, що зъ сього дыва не буде пыва. сивъ на визъ та й пойихавъ дали. — «Ось потрывай, — каже, — суча дочко, прыйидемо до господы: буде вь мене кошено!» — «Стрыжено!» — «Буде й кошено!» — «Стрыжено!» — «Потрывай! потрывай! Буде й кошено!»

Прыихалы додому. Ставъ пытатъ чоловикъ жинку: — «Чы кошено?» А вона изновъ: — «Стрыжено!» Пиймавъ винъ ййи за космакы та й потаскавъ до коморы. — «Кажы, суча дочко, чы кошено?» — «Стрыжено!»

Роздягъ винъ ййи, прывъязавъ до стовпа та й почавъ частуваты батогомъ. Бывъ, бывъ, а потимъ пытае: — «А чы, що кошено?» — А жинка изновъ свое: — «Стры-

жено!»—«Ось постой же!—каже йій чоловікъ: я тебе, проклятушу бабу, втоплю!»—та й потягъ йійи до рички. А ричка була недалечко, заразь на городи.

Прывивъ до берега, пытае:—«Кажы, що кошено, бо втоплю!» А вона:—«Стрыжено!» Винъ йійи шубовть у воду!.. Подержавъ трохи въ води—вытягъ, пытае:—«А що, чы й теперь стрыжено?»—«Стрыжено!»

Винъ йійи изновъ у воду... Отъ-отъ пропаде дурна баба.. ажъ бульбашкы стала пускаты, а ще такы пидняла зъ воды руку та й стала выробляты пальцями такъ, наче кравецъ ножицями риже: се бъ то: — «Стрыжено! стрыжено!»

Бачыть чоловікъ, що нельзя здолаты завзятойи бабы, вытягъ йійи зъ воды та й плюнувъ.

Полтавская губ. Л. И. Глѣбовъ.

364. Чортъ посварывъ чоловіка зъ жинкою.

Бувъ соби на сели мужыкъ зъ жинкою, жылы вони гарно багато рокивъ, николи мижъ ными не було сваркы. Чорту ажъ нудно стало, що вони такъ гарно жыють. Винъ всякъ думавъ, якъ бы йихъ скусыть. Прыйшовъ винъ у хату до жинкы, вона саме пичку топыла. Самъ одягнутый якъ мужыкъ.

— Ось, каже, якъ ты гарно зъ чоловікомъ живешъ, а винъ сю ничъ умре.

А вона каже:

— Лышенько! Чого жъ се винъ умре?—Злякалась.

А винъ каже:

— Стій, молодьце, не лякайся! Ось я тебе иавчу, шо робыть. Якъ винъ засне, то ты йому пидъ шыєю одрижъ тры волосыны. Та якъ будешъ ризать, то не рижъ ни ножемъ, ни ножицями, а брытвою. Тоди твій чоловікъ буде живый.

Дакъ жинка не знала, якъ дождаты вечера. Приготовыла бритву, а чортъ пишовъ до ййи чоловика, що въ поли оравъ. Чоловикъ въ наймытомъ оддыхають писля обиды, и чортъ сивъ зъ нымы; попросивъ у мужыка воды. Выкресавъ вогню. Закурылы. Тоди чортъ каже:

— Отъ якъ ты гарно зъ жинкою живешъ, а вона тебе сю ничъ зареже.

А чоловикъ не йме виры.

— За що?—каже.

А чортъ каже:—Отъ побачышъ.

Чортъ попрошався та й пишовъ, а чоловикъ засмутився дуже.

— Чого жъ се вона мене вбъе? Мо въ нейи другий е? Ще й рано було, а винъ каже наймыту:

— Пойидьмо вже, сыну, додому.

А наймытъ каже:

— Та чого жъ, дядку, такъ рано додому? Може огонь дви ще проженемъ?

— Коны мени, сыну, щось не спокійно: руки трусютъся и плуга не вдержу.

— То й пойидьмо.

Прыйихалы до ворить, а жинка высочыла зъ хаты.

— Чого се вы такъ рано прыйихалы? Поламалось що, чы шо?

— Не поламалось. Утомився,—каже чоловикъ. А сердце въ його болыть, болыть, що отъ-отъ смерть.

Попоралы скотыну. Силы, повечерялы. Жинка скореньки послала постиль.

— Лягай, чоловиче, коны тоби недобре, а я ще горшки помыю та ложки писля вечери.

Винъ лигъ. Чуе жинка, що чоловикъ спыть (а винъ нарочыто прытайився), закачала рукава. Поставыла каганецъ бльжче, щобъ краще роздывиться, де тйи волосыны на горли. А въ його справди була тамъ бородавка зъ трома волосынамы.

Взяла жинка бритву и приступает до чоловіка зъ жахомъ. Серце въ ней затайлося, руки трусются. Тилькы простягла зъ бритвою руку, а чоловікъ ййи за руку:

— А що се ты хочешъ скойты? Надойивъ?

Та й давай ййи быть. Бывъ, бывъ—тилькы шо живу оставывъ.

Посидалы вони на лавци, та й плачуть обое. Жинка каже:

— За шо ты мене вбывъ?

А чоловікъ пытае:

— На шо ты мене заризать хотила?

Вона одъ болю та плачу не може говорить.

— Подожды, переплачу.

Отъ, потимъ уже, якъ выплакалась добре, тоди усе розказала, якъ було.

А чоловікъ и соби розказуе. Коны чують, шось якъ зарегоче въ синякъ, та заплеще въ долони.

— А шо, каже, и дождався, а то я вже засохъ пидъ пичкою сыдячы та дывлячыся, якъ вы гарно живете.

Сказавъ и щезъ.

Тоди мужикъ упавъ навколишкы и почавъ у жинкы прощеніе просыть: — Покры вмру, не буду тебе вже бильшь быты.

Записала Одарка Романова отъ Василисы Наконечной, крестьянки с. Филевки Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.

365. Якъ жинка чоловіка вбывала.

— Чы вы не чулы чого про Мытрохвана? Чы вуюнъ очуныавъ?

— Про якого Мытрохвана?

— Та про того, шо йому дивчына межи очы кислоты лынула.

— А! Кажуть шо очуныавъ, туолькы на одно око слѣпный zostавсе. А це зновъ, кажуть, дѣвка лежыть. Мо-

лодыца якась хоті́ла йой очи выпекты, да якась Буогъ давъ, шо не попала въ очи. а туольки видъ попалыла та руки, не въ мою мі́ру мі́раючы, отъ поты. Та ще, кажуть, такъ хытро: повночи лынула та й побі́гла, шобъ и не знали, хто, шобъ, значыть йой ничего за тее не було. Такъ дозналисє: ді́вка сказала, на кого вона думає. До йие, ажъ у йие юпка попалена. Вона, значыть, якъ лынула, такъ и собі́в на юпку та й попалыла. По тому й узналы, шо то вона зробыла. Якъ по вашому: я думаю, шо тую кыслоту скоро зовсі́мъ зныштожуть?

— А воно добре було бъ, якъ бы зныштожылы, бо таке теперь повелосє, шо якъ шо, такъ заразы кыслоту очи выпекты. Бо кожны пидє въ обтеку й возьме, абы гывенькъ.

— Ні́в, оцє въ насъ гомоні́лы людє про одну сторію, до кравца прый́здылы, такъ розказувалы. Кажуть, у Рабцахъ случылосє. Одъ насъ и Рабцы тые недалєчко. Дакъ розказувалы, якъ одна жуонка чолові́кови своему хорошей зробыть хоті́ла. Пошла, значыть, до дохтора и каже: «Дайте мині́в мышаку». Дохторъ пытає: «Нащо тобі́в мышаку?» Ну, вона вже тамъ шось исказала йому, зві́сно, збрехала. Дохторъ заразы и догадавсє та й думає: Ну постуой же, голубко, яжъ тебе выверу! И давъ йой, замі́сто мышаку, того, шо горло нымъ полощуть, якъ болыть. Ну, вона вже забрала тую суоль, чы шо воно тамъ такеє, и пошла, раді́е вже, шо одурыла дохтора. А дохторъ знавь, шо вона не въ согласі́и съ своимъ чолові́комъ живе. Заразы пославъ по того чолові́ка и каже: «Твоя жуонка въ мене мышаку просыла, то вона мабутъ тебе отруйить хочє. Такъ ты не бойсє—усє й́жъ, шо даватыме, бо я йой такого давъ, шо не отруиссє. Туольки примі́чай, шо якъ вона дасть тобі́в такого, шо сама не й́стыме, такъ ты послі́в його зробысє неначє хворый. Побачымо, шо вже вона тоды ро-

бытyme». Той чоловіккъ пошовъ додому и вже прыгледається до йие, приміѣчае, значыть. Отъ вона:

— Шо це въ мене ця курка така чогось смутная? Мабуть йие заріѣзати треба!

Заріѣзала, натерла тымъ мышакомъ, шо дохторъ давъ, бо вона жъ думала, шо то мышакъ, ижжарыла и подае. Подала, а сама не сіѣдае йѣсти. Чоловіккъ каже:

— Чому жъ ты сама не сіѣдаешъ йѣсти?

А вона: «Я, каже, впусти йѣстиму, бо теперъ мнѣ ніѣколи».

Ну, вуонъ самъ найѣвсе добре, тоды й почынае, такъ, наче йому вже погано:

— Охъ-охъ! Чогось у мене жывуютъ такъ дужей заболіѣвъ!—Такъ стогне и вже й піѣну зъ рота пустывъ.

—Охъ-охъ! Пойду въ хліѣвѣ ляжу!

Пошовъ, а вона радіѣе, шо вже його взяло. Туольки до хліѣва все біѣжыть, наслухуе, чы ще вуонъ живый. А вуонъ то дужей стогнавъ, а то вже тыхшей-тыхшей, а тоды вже й замовкъ. Вона думае:—«Ну, слава Богу, вмеръ уже». Заразъ узела вировку, пошла въ хліѣвъ, зачепыла його вировкою за шыю и тягне, шобъ повіѣситъ.

— На шо то ще й вѣшати, колы вже вона думае, шо вуонъ и такъ нежывый уже?

— Такъ шобъ не подумалы люде на йие, шобъ подумалы, шо то вуонъ самъ завіѣсивсе. Ну, значыть вона його зачепыла вировкою и хоче тую вировку перекрынуть угоріѣ та ніякъ не перекрыне. Кыдала-кыдала—ніякъ.

— Треба,—каже,—палку взяти, такъ палкою перекрыну.

Пошла палку шукать, а чоловіккъ уѣставъ, узывъ товкачъ изъ ступы и зачепывъ вировкою, заміѣсто себе, значыть, а самъ пошовъ у хату и люогъ на печи. А вона прыйшла съ палкою, тоды вже палкою перекрынула вировку и тягне його. А товкачъ важкый и повночи въ хлѣвѣ, такъ йой не выдко, и думае вона, шо чоловікка

тягне. Пові́сила той товкачъ и тоды вже голосыть и бі́жыть до сусі́дъ, крычыть:

— Ой ретуйте, муой чолові́къ заві́сивсе.

Сусі́ды позбі́гались, засві́тили сві́тло, пошли въ хлі́въ, ажъ тамъ товкачъ изъ ступы высыть. Вони въ хату, а той чолові́къ на печі́ лежыть та смеятысе:

— Дывытысе, люде добри, яка въ мене жуонка! То жъ вона мене и труйвила, и ві́шала!

Такъ йіе заразы и забрали. Кажуть, шо на ві́ки въ каторжну роботу пуойде.

М. Н. Григченко отъ молодыца Марыи Коваленковой изъ с. Пѣповъ Черниг. уѣзда, 1900.

366. Старшына.

Въ окружниимъ суди чытають ришинець одному старшыни: — Ришаемо всихъ правъ состояннѣя й видъ должности устрѣяемо.

— Покирно вамъ дякую, господа судди, за ласку; та ще бъ я васъ просывъ по ласци, шо-бъ ослобонныи й видъ сільського одбутку, та щобъ и на греблю не го-нено.

Нѣжинскій уѣздъ. Е. Н. Гаврилей.

367. Старцевы гроши.

Хто й зна, чы се правда, чы такъ брехенька. Кажуть, живъ у одного пана старецъ, и такыи винъ бувъ бидныи, ну зовсимъ старецъ. А тоди винъ умеръ. И осталася його свыта така погана, шо дворныкъ погыдувавъ ййи и въ руки взяты, а взявъ та выламы й закинувъ на хату. Отъ вона тамъ и лежыть. Ну, треба було хату перекрывать. Сталы тую свыту изъ хаты ски-

дать, а вона вже зогнула. Тильки взяли ййи на выла, а вона й распалася, зогнула значыть, а гроши зъ нейи такъ и посыпалыся. Воны тоди до пана:

— Такъ и такъ, гроши въ старцевій свыти найшлыся.

Ну, забралы ти гроши и думаютъ, шо зъ йимы робыты. Панъ людей избравъ и пытае:

— Шо съ цымы гришмы старцевымы робыты?

Люде присудылы, шобъ йихъ на вбогыхъ людей виддаты. А панъ каже:

— Ни, не можна на вбогыхъ отдаваты. Ти гроши зъ жадности, бо винъ якимъ старцемъ приставлявся та все йихъ збиравъ. Йихъ не можна на добре дило повернуты.

Думалы, думалы и надумалы за ти гроши купыты свыней и годуваты. Ну, купылы свыню й кабана и годують йихъ за ти гроши. Свыня поросятъ навела и йихъ годують. Отъ и не стало вже грошей. Панъ каже:

— Вже свыни вси гроши пойилы, шо жъ теперь изъ йимы робытымежь?

И присудылы такъ, шо нехай теперь свыни самы себе йидять. Якъ зачалы свыни самы себе йисты,—усихъ поросятъ пойилы, zostалыся тильки свыня то кабанъ. А тоди кабанъ и свыню ззивъ. Отъ иззивъ та й пишовъ. А панъ каже:

— Визьмите десятеро коней и йидьте за нымъ назырци,—куды винъ пиде?

Отъ посидалы на кони и йидуть за кабаномъ, назырци, звисно—не швыдко, бо винъ не швыдко йде, та ще й стане, и воны стануть—дожыдають його. Отъ винъ прыйшовъ на кладовыше и ставъ, старцеву могылу рыты. А панъ каже:

— Нехай рые!

Отъ винъ рывъ, рывъ, дорывся до труны, тоди расплатався на ййи та й здохъ.

Отаки то старцевы гроши. Такъ воны й пропалы.

С. Жезель Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1898г.

368. Про добру панію.

Звісно, всякіи паны бувалы... Отъ у нашуомъ селіѣ одна панія, К—ка, такъ, кажуть, дужей гарна до людей лабу. Вона знала, шой сама вона до людей гарна, и було каже своимъ уже панськимъ (я сама не знаю, а матка покуюйна було розказуе, шо було каже): «Молить за мене Бога, шобъ давъ меніѣ царство небесне, шо я до васъ добра». Такъ шо вы думаете? — и молылы Бога. Оце й за стуолъ посядуть, такъ молютьсе и спать лягають, молютьсе. Ще бъ не молылысь, колы йимъ куды жъ луччей було жыть, якъ у иншыкъ якыхъ пануовъ. И вона така була, шо все знала и людямъ розказувала. Оце вже хочъ и не панськи булы, а йдуть до нейи пытать, колы шо робить, колы тамъ шо сіѣять чы садить. Такъ вона й розказуе, бо вже вона знала. Отъ було не вельть кіяхи садить тоды, якъ у печи горыть; а то головня въ кіяхахъ буде. И-и-и багато було чого розказуе людямъ про хазяйство! Такъ шо вы думаете?— плакалы наши люде, якъ вона вмерла и Богу за йие молылысе.

С. Жевель Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

369. Догадавсь.

Ще за панського права одинъ чоловикъ та зробивъ соби парничкы и выкохавъ уже пару огиркивъ передъ Велькоднемъ. Отъ и понисъ до пана на подарунокъ. Зрадивъ панъ, шо такый у його хазяйноватый мужыкъ и подарувавъ йому за пару огиркивъ пару воливъ.

Зачувъ се багачъ та й думаете соби: «Ну, вже жъ я лучше зроблю! Я йому визъ огиркивъ повезу. Дастъ мени панъ не пару воливъ!»

Та диждавши лита, якъ зародылы огиркы, насы-
павъ йихъ визъ та й до пана.

— Такъ и такъ, пане,—прывизъ вамъ огиркивъ.

— Спасыби! спасыби! — каже панъ, — оддай тамъ на
кухни.

Стойть чоловикъ, не йде зъ хаты.

— Чого жъ ты стоишъ?

— Та дожидаюся—що ваша млыость пожалуете.

— За що?

— Та за огиркы-жъ... Онъ Мытрови за пару огир-
кивъ пару воливъ дали, а я жъ визъ прывизъ.

Якъ росердыться жъ панъ, якъ закрычыть на слугы:

— Визьмить його! прывязжитъ його до стовпа!

Заразъ його вхопылы та й прывязалы въ двори
до стовпа.

— Бернть огиркы, цыляйте въ його огиркамы, бййте!

Беруть слугы огиркы та й ну влучаты въ багача.
То оце тилькы который—лусь! то заразъ той: «Дога-
давсь!» Другый—лусь! а сей знову: «Догадавсь!» И такъ
за кожнымъ разомъ. Почувъ сее панъ, крычыть:

— Стрывайте! ведить його сюды!

Одязалы, прывелы.

— Що ты тамъ кажешъ? шо ты догадавсь?

— А вже жъ догадавсь! Жинка казала: визьмы,—каже,—
чоловиче! ще й кавунивъ, а я й не схотивъ узаты...
Хыба жъ и не догадавсь? Шо бъ то воно було, якъ бы
ще й кавунами почалы цыляты?

Зареготавсь панъ та вже й пустывъ його.

Харьковскій уездъ, Б. Д. Гринченко.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Цѣликомъ печатающаяся ниже рукопись представляетъ изъ себя тетрадку въ четвертушку сѣрой бумаги, въ которой заполнены только первыя 14 листковъ. Письмо начала XIX вѣка.

Копія сдѣлана небрежно, очень много искаженныхъ словъ. (Гдѣ могли, мы возстановляли въ скобкахъ первоначальный текстъ). Правописаніе непослѣдовательно; мы удержали его, сдѣлавъ лишь, для облегченія чтенія, слѣдующія измѣненія: а) разставили почти отсутствующіе въ рукописи знаки препинанія (кромѣ нѣсколькихъ испорченныхъ мѣстъ), б) отдѣлили союзы а и и, которые систематически стоятъ въ рукописи вмѣстѣ со слѣдующими за ними словами, в) раздѣлили нѣсколько словъ, случайно написанныхъ переписчикомъ вмѣстѣ (напр.: ботати, покриего), г) большія буквы, разставленныя въ рукописи случайно, безъ всякой системы, поставили только тамъ, гдѣ требуетъ современное правописаніе. Необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ рукописи отмѣчается йотированіе и, производится это тѣмъ же знакомъ, который обозначаетъ и краткость и, т. е. ъ, напр. «тийи, що дѣти свои стратятъ» написано такъ: тий, що дѣти свой стратятъ». Этотъ же значекъ (ъ) стоитъ иногда и надъ і.

Рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненкомъ изъ Каневского у Кіевск губ.

Сторія о мудромъ младенцу.

Былъ нѣкоторый младенецъ изпростого стану, барво мудрый и учоний внауцѣ своей и умудрости своей. Мовить: «пойду где воинное панство и пристану доякого цара, жемъ зласки Божой науки маю доброю». Але онъ неимѣлъ зашо сукнѣ справити. Теди продалъ оца,—купилъ коня, матку продалъ,—сукнѣ справилъ. И всѣвши наконя поехалъ вдалеку страну. Случилося ему зихатися здругимъ младенцемъ, которому онъ (конь!) присталъ, и дали собѣ добриденъ. Запиталъ его мудри младенецъ: «околь ти идешъ? Вижу, же тѣбѣ конь присталъ». И они мовить младенецъ: «иду доцаря злистомъ». Мовить м(у)дри младенецъ «дай мнѣ той листъ, я знимъ поѣду доцаря, бо мой еще конь добри». А они младенецъ уклонился и далъ листъ мудрому младенцу, а самъ пойшолъ додому. Мудрый мла-

дениць, взявши листь, и мслить себѣ: шобъ би втомъ листу написано? Отволилъ и почаль читати, и тамъ написано: хто той листь доцаря донесе, тому чоловѣку утъяти (голову) и напаль избити. Почитавши, подраль: «хвалю тя, Боже мой, шомъ о(т)безумія моего незгнуль!»

И приихаль дотого мѣста, которого о(т)чотирехъ странъ оточили води, и обачиль мудрый младенець около замки головы напаляхъ человѣчи. Барзо собѣ мслиль: Шо то запричина? Буду я того питати. И сталъ уедной жени ночовати, барзо старой. А второй жени биль единъ синь, и натои часъ умерь, и она уфрасунку била посвоему сину. И обачила того младенца и мовить: «сину мой, младенцу!» Увойшовши оній младенець удомъ ей и назваль ей маткою, и она его засина приняла. И мовить младенець: «матко моя, шото заголови напаляхъ позбитія?» И рече: «сину мой, то мѣсто царское, а утого царя только една дочка, барзо учона, нетолько, але и отецъ ей слухаетъ. Тая скаждимъ гадаеть, и нѣхто ей непрегадаеть, бо жадень человѣкъ неможеть ей о(т)казати нетолько, але всвѣтѣ ей ниhto неоткажеть что загадаеть и така есть красна и учона. Много младенцовъ ей скарбовъ показовали, а она натое негладѣла, только зними онаукахъ диспутовала, мовить: мнѣ скарби непотреба; хто хочеть мене взяти нехай отъкаже тую науку, чога я запитаю и коли би мене хто перегадае, той мене озметъ; а непрегадаеть мене, то кажу ему голову отяти и напаль избити». Жена мовить: «сину мой, то головы паничовъ тихъ; которіе царевнѣ неотповѣдали». А потомъ жена младенца запитала: «околь ти, младенче, приихаль?» И оповѣдѣль ей: «матко моя, я затвоимъ благословеніемъ пойду доцаревни обозьку науку гадати ѥ спробую шастя. Я тую науку добре знаю: за-божню помощію перегадаю ей и озму засебе». Мовить жена: «дляБога прошу я тебе, снну мой, дай тому по-

кѣй, бо жаденъ невийшовъ о(т)тоей царевне вцѣлости». Младенецъ мовить: «матко моя, хто боітся смерти, нѣколи добраго дѣла незробить». Жена мовить: «Богъ тебѣ впомощь».

А потомъ младенецъ пойшолъ доцаревни, пришолъ до вратъ царскихъ и обачилъ стражу стоячую и мовить младенецъ: «позвольте мнѣ доцаревни увойти!» И вийде первіе доцара и мовить: «найяснѣйший цару! позволь мнѣ с(с)воею цоркою поговорити». И риче царь: «нейди! мало ти науки знаешъ,—нинѣшняго дня страченъ будешъ». И рече младенецъ: «и я позволяю, тилько, цару, дай знати царевнѣ отомъ». И заразъ дано знати, и сказала прийти досебе. Младенецъ пришолъ доней и далъ ей добридень, а она, поздоровивши его, казала принести кресло злоцѣное. Сѣвши млденицъ безпечне, неглянулъ нацаревну и умисли своей гадае: «если буду нацаревну пилно глядѣти,—скваплюся ей красотѣ, той зийду зрозуму». Якъ сѣлъ, и мовить доцаревни: «питай мене чого хочешъ,—буду тебѣ о(т)казувати».

Царевна мовить: «уцѣмъ сидишъ?».

Младенецъ мо: «шати мой намѣнѣ, оусвоихъ сижу».

Царѣвна мовить: «хто такой безмеча воюе?»

Мла: мо: «риба вморѣ, же кораблѣ вивертае злюдами».

Ца: мо: «хто такой умогилѣ лежалѣ три дні?»

Мла: мо: Иона пророкъ вочревѣ рибномъ».

Ца: мо: «хто такой умогилу увойшолѣ, да гробной муки невидѣлѣ?»

Мла: мо: «той, котораго Богъ о(т) гроба четверодневнаго воскресивѣ».

Царѣвна мо: «хто такой родился безъ матки?»

Мла: мо: «1-й—Адамъ, 2-а—Ева, 3—барановѣ (баранок!), которій закланъ бистѣ вмѣсто Исака, 4—крестъ, накоторомъ Христось распятся булѣ».

«Которій ангели (лгали!) и посвари чинили?»

Младенца: «братій Иосифови, породавши (продавши!) его, оцу своему Иякову лгали».

Ца: мо: «которихъ Богъ дванадцять принялъ и грѣхи имъ прибачилъ? вмѣсто воини (?) изновъ вийшли шесть тысяць народу?»

Мла: мо: «Ияковъ здва надесятима вийхаль до Мисера мѣста и тамъ сина своего знайшолъ и радъ билъ, що его синъ Иосифъ уцарствѣ осѣлъ, потомъ тая шоста своего добра догала преведене пророка Моисея».

Ца: мислить собѣ: «кождое рече, що тилько запитаю, тое минѣ откажуе».

Мислить себѣ: «оБоже мой милостивий, аби мой младенець неперегалъ мене!»

И мовить царевна: «сего дня вѣлости о(т)мене видешъ, а заутра рожнихъ клопотовъ учиню тобѣ».

Младенець мовить: «сего дня Господь помогъ мнѣ и заутра поможе».

И потомъ, вставши, и пошолъ догосподи. Господиня мовить: «якъ вийшолъ еси отоей царевни здоровий?» Младенець мови: «хваляю Бога моего Спасителя, жемъ вишолъ.» Другаго дня вставши, пойшолъ зновъ доцаревни и далъ ей добридень, накрѣслѣ (сѣлъ).

И царѣвна почала гадати: «що то есть за древо, що внемъ есть 12 гѣлей и на каждой гѣлѣ потридцять листовъ, уверху древо болѣ (бѣло!), а усподѣ черно?»

Мла: мо: «латво мнѣ тое угадати: древо то есть рокъ, а дванадцять гѣлей, то есть дванадцять мѣсяцѣвъ, а вкаждомъ мѣсяцѣ потридцять дней, уверху бѣле, то есть день, а усподѣ чорне, то есть ноцъ».

Ца: мо: «що то з(а)птахъ: яйце несе, дѣтей неплодить?»

Мла: мо: «то есть рокъ: нѣпребуае, нѣодбуае».

Ца: мо: «много есть птаховъ именовъ названыхъ?»

Мла: мо: «1 ластовицу, 2 воронъ, 3 голубъ, 4 пчелѣ, 5 удождь, 6 соловей, 7 жайворонокъ».

Ца: мо: «скажи мнѣ, кому Богъ далъ прирожену науку?»

Мла: мо: «то есть пчелѣ».

Ца: мо: «скажи мнѣ двѣ речи: (кто)то есть двое людей, шо правду реклі и допекла пойшли?»

Мла: мо: «то есть тии люди едни есть умерене (вѣрмене!), а другѣ жици. (Жици) мовягъ: увѣр(м)енѣ вѣри нимае, урмяне мовягъ: ужидовѣ вѣри нимае». И блудягъ и допекла идуть».

Ца: мо: «Якъ Сатанѣ имя било?»

Мла: мо: «харисъ твой часъ, якъ билъ нанебеси; Адама и Еву прелстилъ еднимъ ото вещь и о(т)того часу сатаню ставъ».

Ца: мо: «много лѣтъ Адамъ жилъ насвѣтъ?»

Мла: мо: «девять сотъ тридцать лѣтъ и умерлъ».

Ца: мо: «кто такой нетворить (не говорить?), тѣла и кровѣ нейметъ, и особѣ вѣдомости даеть?»

Мла: мо: «то есть в(ѣ)теръ»

Ца: мо: «божѣе створеніе (шо) уводитъ допекла?»

Мла: мо: «кажди человекъ безбожни загрѣхи упеклѣ зостаеть».

Ца: мо: «язикомъ якимъ будемъ упеклѣ говорить?»

Мла: мо: «Жидовскомъ, а врай греческимъ».

Ца: мо: «пойди додому! хочай рицеромъ хочешъ бути,—заутра зновъ прийдешъ».

Младенецъ вставши и пойшоу. Царевна зостала увелікимъ фрасунку и младенцивимъ словамъ дивовалася. Другаго дня приходитъ младенецъ, далъ день добрий и сѣлъ знову накреслѣ. Ца: мо: «сегодня невидишь отмене вѣлости, бо смѣся намене и ругаеся, а если неотгадаешъ загадки моей, кажу тебѣ голову отяти и напалъ избити».

«Нинѣ мнѣ Господь поможе».

Ца: мо: «есть жена альбо пан(н)а,—много говорить непопански».

Мла: мо: «царевно, много есть губила паничовъ, а нехочешъ ся каяти!»

А той царевни имя било Сельгадка грецкими словами.

Мла: мо: «ну вже три дни гадаю стобою и все тобѣ отказую. Теперѣ я тобѣ запитаю одной речи, але якъ неоткажишъ, то я (скажу) тобѣ голову утяти и напаль избити, а если откажешъ, то будешъ мнѣ женою».

Ца: мо: «на я натое позволяю; любо твоя власть надомною, а мой надтобою».

Мла: мо: царевнѣ: «кто таки мудрый и уродою хороший и зотца учинилъ коня, а зматки учинилъ сукнѣ».

Ца: мо: «прошу тебе, младенце, вижу тебе предсобою якъ свѣшу свѣтлу, немашъ тилко, якъ ти много разумѣшъ! Прошу тебе, дай мѣне по(ко)й натую ночь, завтра прийдешъ, откажу тобѣ, а еслѣ неоткажешъ (не откажу!); волно тобѣ що моя (твоя?) мисль поднесе: хочъ голову отяти, хочъ жажену узяти».

Младенець далъ ей добривѣчоръ, а царевна зосталася звеликимъ фрасункомъ. И почала мислити: «ОБоже мой! дивуюся барзо, що неоткажу загадки тоей, тилько уставши и пойду дотого младенца, питаючися его озагадку (онъ мя невидѣлъ много, неп(о)знаеть мя), питаючися, чий онъ есть синь: если царскій, то пойду занего, а если простаго стану,—непойду занего. Вѣдаю я добре, же онъ мнѣ скаже свою загадку». И убравшия вшати дорогѣ: «кто намене гляне, то изрозуму зийдетъ!» И взяла ис(с)обою напитки дрого и пянїе, а младенца (младенцу!) Богъ напомощъ. И приїде царевна догосподи, закалатала и вийшла донѣи господиня и мовить: «небого дѣво, чога ти приїшла?» Ца: мо: «Матко моя, позволь минѣ увойти удомя свой: маю потребу подлюю (пилную?)»—И поблагословившия и поїде до младенца и мовить: «добривѣчоръ, младенце!»—Мла: мо: «здорова ходила,ясная! скоро (скажи?) очемъ приїшла?»—«Мисль твоя приїшла (привела?)мя дотебе»—

Младенець мовить: «якого ти роду?»—Она мовить: «естемь ковалѣвна, мой отецъ коваль и слюсарь. А ти, младенце, що маєшь запотребу унашомъ мѣстѣ? Тебе люди хвалять и рицаромъ називають».—Мла: мо: «естемь я такий, якъ мене бачишь».—Ца: мо: «якого ти роду?»—Младенець мовить: «непамятаю, божь уночѣ виїхавъ здому».—Ца: мо: «тебе люде хвалять, же царевну перегадалъ, немѣла тобѣ отказати: Отець мой приволилъ (прислалъ?) мя престерѣгати, я тежъ, просячи (милуючи?) тя приймалъ (прийшла?). Ца:

Отъ (онѣ!) бачиль ей красоту, немогль ся догадати. И почали напитки пити, царевна сама наливаєть. И стали между собою увеселятися и сидячи наложку его едно другого сѣловати. Царевна мовить: «мой мили младенце, прошу тя для Бога, скажи мнѣ, чого питала царевна тебе? Повѣдали люде, шо царевну перегадалъ».—Мла: мо: «я то власни отца продалъ,—коня купиль, матку продалъ,—сукню справиль и учужое панство служитъ пойхаль и того я запиталъ,—она мнѣ неотказала». Ца: мо: «мой милый младенче, я нѣзкимъ нѣила, нѣпила, а дотебе пю люблячи тебе».—Мла: мовить: «дай тобѣ, Боже, здоровіе и мисль долгу!»—Отакъ розмовляючи (зъ) младенцемъ и сѣлующися, ноцъ шося младенцу уподобало, то робили. Заразъ ся младенцежъ (младенець!) зпяничиль, а вона вставши злужка, заразъ пойшла до покоювъ своихъ, бо южъ близко день билъ.

И рано младенець ледво дорозуму прийшолю, зафрасовался барзо, нипозналъ, шо царевна била. Младенець уставши, глянулъ налужко свое и знайшолю ей золотий (перстинь), наверху перстня камѣнь аспѣшовий, имя ей напнсано било. И взявши той перстинь, пошолю доцаревнѣ, далъ ей добридень и сѣлъ накреслѣ. Царевна мовить: «я твою загадку отгадаю. Ти самъ той оца продалъ,—коня купиль, матку продалъ,—сукнѣ справиль,—ото твоя загадка, младенце!» И уволала слугъ своихъ

и мовить: «повидѣте его настрату, бо его перегадала».

И взявши его слуги повели доцаря наросудокъ. И мовить младенецъ: «найяснѣйши царю! маю одно слово мовити». Царь говорить: «мовъ смѣле!»—И рече младенецъ: «що то такое есть, же летѣвъ голубъ одцарского двора и прелетѣвъ навѣдовинъ дворъ яко нѣби чужоземичъ, надѣл того голуба хорошего и поймалемъ его, що хотѣлемъ, той изнимъ чиниль. Обезпечившися, привикъ домене и обознался зомною и полетѣлъ зновъ доцарского (двора). Але хвалю Бога моего, же стого голуба одно пиро zostалося оумене».—Царь питае: «що то запрична?»—Перстень показалъ: «отожъ, цару, перо, которое я знайшолъ насвоему лужку».—Царь обачиль, зафрасовался о цорцѣ своей и мовить: «о цорко! що той перстинъ чинить, утого младенца?»—Царевна мовить: «то перстень немой, але сей гдижъ перстень неподобеиъ моему, а вмене (мене?) онъ нецѣнотливи (не цнотливу?) передочима вашими вдаеть».—Царь мовить: «а чомъ я твоего невижу перстиня притобѣ?» Царевна вставши и пойшла и казала закликати и превести золотара, и превели. Ца: мо: «прошу тебе, золотару мой, изроби минѣ перстинъ загодину злоцѣсти, зроби камень аспѣсовий, имя мое напиши». И заразъ сталь робити. И дала ему кѣлка черво(н)ихъ и почала просити: «Мой мили золотару, невидавай мене оттого!» И взявши той перстинъ и пойшла доцара своего и мовить: «отожъ, отецъ, мой перстень примѣнѣ, а то немой, що умладенца, але его визволяю».

Отото часу били доца(ра) гостѣ далекіе, воеводи. И взяли воеводи оба перснѣ и приклали еденъ додругого и немогли зрозумѣти,—оба ровніе, только вцаревни новій билъ. Теди царъ мовнть: «одамъ я тебе, цорко моя, занего и будешъ въ мудрости царствовати». Цурка мовить: «я(къ) твоя воля, оче, билъ, и я рада що билъ (би-мъ?) клопоти болшъ немала». Учиниль царъ веселя,

а посмотри отримати (по смерти цара отримали) царство, и жили собою и потомъ болшу власть мужъ имѣть, нижели жена. Амѣнь.

Повѣсть о царѣ Филиментѣ.

повѣсть о агий оцару.

Бисть воградѣ Филиментѣ царѣ славенъ зѣло и богатъ. И прилучися ему стояти всоборной церкви въ престола божественной литургіи (литургии!), а чтуше иерей святое евангеліе, вънемже написано: «богатій обнищаша и нищій обогатиша». И слиша царь Агія они евангельскія словеса и размыслише воумѣ своемъ вой(с)тину ложь сие въсвятѣмъ евангеліи написано, понеже естемъ царь славенъ и богатъ, а нишему невозможно обогатѣти». А егда скончися святая евангелія, то царь Агѣя повелѣлъ иерей втемницу всадити, а взявъ евангеліе, листъ вонъ видралъ. И поиде царь Агѣя сомиогими боляри впарскія свої палати и началъ пити. Его вѣрній слуга и возвѣсти цару: «проявися вотвоихъ лукахъ елень вельми красенъ, и нѣкто его несмѣетъ безтвоего царского велѣнтя ловить». И слишавъ царь Агѣя, повелѣ предстоимъ осѣдлати коня своего и взявъ (съ) собою двадцять одного юношу, и поиде въ царскіе свої луга и увидѣлъ царь Агѣя еленя зѣло прекрасного и погна заеленемъ послѣдъ. И прибѣжа елень зарѣку, царь же Агѣя устремися заеленемъ и глагола кюношамъ: «стоите ви здѣ, азъ еденъ уловлю еленя». И скинувъ зсебе царскую одежду заеленемъ попли, препли рѣку и наеленя порегу вслѣдъ его жебѣ ради царь Агѣя вельми утомленъ бисть, ангелъ Господень вообразѣ царя Агѣя прииде креченимъ кюношамъ соонаго полу рѣки и рече имъ: «подайте мнѣ платѣ и коня моего! Елень бо убѣжа изочей моихъ». И одѣлся ангелъ Господень воодежду

Агѣя цара. Сядеть на коня и поиде вградъ Филимень сославою царскою.

Агѣя же царь гнавъ заселенемъ, елень же невидимъ бисть. И возвратися впячь, препли рѣку и невидимъ коня своего, ни платя, ни юношей, сталь нагъ, задумался и смотри съмо и овамо и видѣ пастуха, пасучи овци. И прииде к нему нагій просить: «пастуше-братія! гдѣ видѣлъ коня и юношей?» Пастухъ же глагола к нему: «ти хто еси?»—Царже отвѣша к нему: «азъ есть царь вашъ Агѣя, града Филимена». Пастухъ же рече к нему: «окаяни! како ти смѣешь царемъ наречися? Азъ видѣлъ царя Агѣя, приижалъ сославою вслѣможи и сомногими юноши, а ти окаяний нагій и нарикаешь себе царемъ Агѣемъ?» И началъ его бити долгимъ батогомъ и трубою, Агѣя же началъ бѣжати. Пастухъ же гнаше волци (овци!) вослѣдъ его и бѣяше кнотомъ и швиграя трубою. Егдаже Агѣя бѣжа далече о(тъ) пастуха и нача плакати и умильно каятися предбогомъ: «войстину согрѣшилъ и Бога прогнѣвилъ и святое евангеліе похулилъ и ерея втемницу посадилъ безвине и листь изевангелій видрахъ написаніе: богатий обнищаютъ, а нищій обогатѣють. Загрѣхи своя азъ жукшее (хужшее) всѣхъ неимущихъ: царствія своего лишися и царици». И воставъ поиде Агѣя царь, пойшолъ незнаемимъ путемъ и стрѣтоша его напути торговѣ люде, глаголя к нему: «человѣче, что ти еси нагъ? гдѣ твоя одежда?» Агѣя же поклонися имъ доземъли и рече к нимъ: «одежду мою разбойники похитиша».—Ониже даша ему худую одежду, вкаторою одѣяся царь Агѣя, поки (паки?) поиде путемъ и стрѣтишася снимъ нищія братія. Агѣя же поклонися нищимъ братіи: «возмите мене (съ) собою, азъ вамъ готовъ служить, понеже я работаѣть неумѣю, а просить стижуся». Онеже (они же!) воспросяше его: «ти хто еси таковъ?»—Агѣя же рече к нимъ: «азъ естемъ единъ отубогихъ и нищихъ». Взаяша его (съ) собою и даша ему суму засобою нести, и поидоша нищій во свояси. Агѣя же воспросиша оунищихъ: «братія моя,

скажете ви мнѣ: кто есть воградъ Филименъ царь
 есть?»—Ониже рекоша кнему: «безумни! или ти нина-
 шой земли, яко невѣси? унасъ царь Агѣя царствуетъ
 воградъ Филименъ, оуже тому пять десять и единъ
 годъ». Агѣя же воздихнулъ (воздихнулъ!) сосълезамы и ка-
 яся: «Господи Боже!» день и(но)шь освоенъ согрѣшений. И
 пристъ (И пребистъ?) Агѣя царъ впорабощеній, внишетъ два
 года, и услыша Господъ моленія его и покаяніе и теплія сле-
 зи. По третѣмъ же лѣтѣмъ ангель Господень сотвори пиръ про-
 убогихъ и пронищихъ братій и повелъ собѣрать повсе-
 му градъ Филименъ и покаждимъ силамъ и деревнямъ
 водворецъ царскій. И повелѣнію ангеловому поставиша
 трапезу изобильная пища. И снишею братію приде
 царъ Агѣя вовеликомъ оужасѣ и трепетѣ и стояше нацар-
 скомъ дворѣ и помишляше воумѣ своемъ: «како азъ
 окаяни лишень бистъ чертога своего царскаго з(а)грѣхъ
 свой!» И услыша Господъ воздыханіе Агѣя царя. Ан-
 гель Господень глаголя копредстоящимъ: «возмитъ ко-
 мнѣ снищія братій единаго мѣхоношу, котораго азъ
 самъ повелю, преведите вмой царскіе палати!»—Пред-
 стоящимъ же повелѣнію его превидоша Агѣя царя, (не)
 знаяше, что царъ ихъ есть. Ангель же Господень поятъ
 его сособою и его наказа, Агѣя царя, и научи его
 евангельскія слова нехулити, абистъ коротку и смирну
 доубогихъ и нищихъ милостивий и вручи ему царство
 и заповѣда ему никому осебѣ повѣдати сие, ангель
 Господень невидимъ бистъ. Агѣя же царъ попржеңму
 нача царствовати и вельми донищихъ много милостивъ
 и кротокъ билъ и тако сконча жизнь свою, воблагоду-
 шій. А: Ко: Жи:

Печатные варианты этого разсказа указаны въ «Этнографическомъ,
 Обзорѣніи» 1894, III, 126.

Чудо святителя Христова Николая.

Чапу одного ствятий Николай ишоль путемъ пищею (пушею) навидѣти святаго Макарія пустиножителя. И тамъ срѣтилъ его дияволъ напути, образомъ барзо страшнимъ, сталь великъ и космать, очи ему огненіе, зуби ему железніе, языкъ ему голи и просоховати, ноги ему якъ уведмедя, волоси ему наголовѣ, набородѣ—якъ стрѣли огненіе, огнемъ лютимъ и страшнимъ дише, изухъ его димъ виходить якъ спечи, и весь страшни показался, хотячи устрашити святителя Христова Николая правой тута (пути!). Видевшеего святи Николай, знаменается крестомъ сватимъ и рече: «Господи, оружіе надѣявола крестъ Твой даль еси намъ». Изнову рекохъ: «небоюся страха бѣса полуденаго». Потомъ приидеть нанего Духъ Святій и покри его и укрѣпилъ мощно Святителя Николая. Святитель Николай, ставше смѣле посередѣ пути, и риче кодияволу: «Ктоти еси, идолъ, идешъ, якъ имя есть тебѣ.» Дияволъ рече: «имя минѣ есть Вселзавишь и иду свѣта повѣжати и святихъ божинхъ посѣщати». Святи Николай рече ему: «але ти есть зли духъ неприязни, отийди отмене, сатано!» Дияволъ рече святому Николаю: «о Неколаю, якъ ти смѣшъ мовити такому ангелу великому, которому и весь свѣтъ кланяется и хвалить и вси людіе мнѣ повинуются». Тутъ Святи Духъ указался святому Николаю и повелѣъ узяти его вруцѣ свой и бити мощно того лютого диявола. И такъ святи Николай оузавъ его заволоса, извернулъ его наземлю и вложилъ ему мѣзинний вротъ палець свой и рече ему: «Повѣждь ми, сатано, отъколь ти ходишь и где ти идешъ и що твоя заробота?» И такъ дияволъ сталь молити святаго Николая: «о святителю Христовъ Николае! молютися, оче святи, ослабити мало и вийми святи свой палець изрота моего, онъ бо мя палеть, немогу терпѣти, и все тебѣ повѣмъ». И тако попустилъ ему святи Николай, и тако сталь повѣдати святому Николаю: «теперь естемъ избездний, амо едѣло таковое

есть: я сна сотцемъ звожу на свари, цорку изматкою
 невѣстку зосвекрухою, нагнѣвъ привожу врага, избра-
 томъ и систрою наблудъ привожу; и я дитину приотъ-
 цевѣ и приматцѣ сномъ твердимъ одавляю; я на все злое
 тий, шо дѣти свой стратятъ и живихъ вземлю закопа-
 ютъ, наводу вѣтопятъ, научаю, всякого злого дѣла чини-
 ти и труіти людей на(у)чаютъ, аби своіхъ власнихъ му-
 жей труіли и отрукъ ихъ умерали и мужи своихъ вла-
 снихъ женъ забивали и загубляли, въ корчмахъ и наго-
 сподахъ и(з)води чиню, шо единъ другаго забивае насмерть;
 я кума скумою наблудъ привожу; я навеселяхъ мижи свя-
 тими наймилишими приятелями изводи чиню безобитна-
 го руганя, крово пролитія и межи молодыми нелюбовъ
 укидаю, межкати (мешкати!) имъ недаю; я напразникахъ
 зводи и збойства чиню я вѣсего злого дѣла привожу; я
 тамъ, где хошетъ добрее дѣло изробити, то я тамъ, и
 перешкоду роблю, и тамъ где хто хошетъ рано доцерж-
 ви ити, то я его сномъ тяжкимъ пресипаю; я тамъ, где
 хто хошетъ офіру Богу принести, то тое згубить; я тамъ
 где хто хошетъ наотпустъ ити, тоя его и женою на-
 гнѣвъ изведу, альбо то(до!)смертельнаго грѣха приведу; я
 и тамъ где отецъ сина любить, альбо и matka дочеръ
 свою кохае, я тамо между ними осуругу въ кидаю еще
 забийство великое, которое неможется насвѣтъ показа-
 ти. Я теперьъ щобъ града кирскаго сина наотца изводи-
 ти, аби синъ отца своего роднаго забилъ, и еще стого
 града возвратившися назадъ догемона и тамо булаби
 мнѣ похвала вилика отнашего цара Фамадея и зплату се-
 бѣ затое дѣло отрималъ би иеще вознелся, а теперь ти,
 святой Николае, пости (пусти!) мя и(з)своихъ святихъ
 рукъ, боуже немогу отвоего страха видужати,пусти мя
 хочь ницѣла, аби жива и большъ забывама». И тутъ
 Духъ Святой показался Николаю и сказавъ его связати
 и бити и заклинати именовъ Господа Бога Творца, ко-
 торій оувесь свѣтъ сотворилъ. И тако роступайся зем-

ля, увернулъ его вбездну и тако яму Духъ Святый глагола: «иди во свой путь». А конецъ житѣя

Слово о смерти и рицери богатомъ и славномъ.

Слово осмерти. Билъ нѣкотори рицеръ веляможнѣй годний панъ и во всемъ рицерствѣ потежнѣй и грознѣй и моцнѣй, которѣй рицерствѣ своемъ много вѣску также потежне побивалъ и поражалъ кождаго дня (слово не разоб.) и пивалъ, гайновалъ а набога неуповалъ, непамяталъ. Еднаго часу самъ всобѣ: «шщоту люде много биваютъ, же яка смерть есть потужная и страшная, радъ я ей видѣти, щото она затакая рицеръ, щося ей люде боютъ и лякаются. Много, чую, людей и пановъ и кролевъ побираетъ, щото она затакая рицеръ. Гди би я ей хочъ окомъ накинулъ, нехайби зомною пограла, погралася бъ я ей? То глупіе що ея боютъ, або и дають побирати, я естемъ панъ славни, потежни и богати, а дотого и рицеръ моцнѣй и потужнѣй».

И трафилося еднаго часу, альбо еднаго дня, оубравшися рицеръ ведлугъ строю своего вовшелѣку зброю свою рицерскую и взявши оружие свое барзо подуфалое, шукаюче скимъ бися попограти або речи и побити, и заихалъ вполе далеко седнимъ хлопяткомъ своимъ и то не великимъ. А кди южъ издили пополю много, надибали смерть. Барзо страшнимъ образомъ ему показала: самие голие кости, худая, сухая, блѣдая, голенатая, кострубатая, зубатая, окатая, ногатая, во всемъ непристойная, головатая, плечистая, постредѣ барзо сунтелная, во всемъ зѣло страшная, косячи косою своею всѣ зброй, всѣ свой риштунки: косу кривую а острую, серпъ, пилу, мечъ, лопапу, заступъ, мѣтелъку, грабли, мѣтлу. Видѣвше рицеръ такую отособи страшную, непристойную, засмѣялся и до-

бывши своего меча, хоцетъ тости (тяти!) изближившися и рече: «хто еси такое, повѣждь ми, жесь такая ходишь оружиемъ непристойнымъ довольно? чого ходишь пополю?» Рече смерть ему: «человѣче, хочъ мое оружие здается непристойне, але я пристойныхъ людей тимъ оружиемъ посѣкаю и всего свѣта побѣраю, да не слухай ти коли предя осмерти, бо смерть бо я. Самъ потребоваль абымъ я видѣль, изомною ся побити,—отомъ готова зовсѣмъ своимъ риштункомъ». Глагола рицеръ: «да чи того смерть, що побираетъ краснихъ людей сего свѣта, даже шося люде боять и лякають». Рече ему смерть: «отож тою якъ мя видишь, яковая ся то здаю воочахъ твоихъ?» Глагола рицеръ: «тфу своимъ рицерствомъ, своимъ риштункомъ та своею уродою!» И риче ему смерть: «неплюй, але перше да спитай да спробуйся зомною, якъ видишь никрасную, але я людей мно(го) краснихъ сего свѣта побирала, и ато и потѣбе прийшла? Шо ти гадаешъ?» Глагола ей рицеръ: «шоти, страшилище, страшишь людей слабихъ, а дотого еще душнихъ охъ, бѣдо сухая, куструбатая, голѣватая, носатая, зубатая, окатая, головатая, та ти мене хоцешъ узяти а чи неслухала ти орицере вѣмоцномъ и славному и пану богатомъ, а неслухала ти омоей моци, якихъ я людей, войсковъ, рицеровъ позабиваль, порубиль, посѣклъ, накопие отой моей рицерской голови досвоего вобозу приношалъ? Ото то коли слухала овеликомъ пану—осимъ моимъ билитовимъ (булатовимъ) мечемъ посѣкаль, а ти мене хоцешъ оузяти! Есть умене мечъ рицерскій, копие надахъ остріе, стрильба барзо огнистая. Если хоце еще потомъ полю ходити та немного говорити, бо чого хоцешъ достати оумене, заразъ достанешъ».—Рече ему смерть: «да що ти ся хвалишь своимъ риштункомъ? тое все вмене врукахъ, маю я на тебе косу кривую, серпъ барзо остри, лопата, мечъ, долги пила, заступъ, граблѣ, мѣтла, отого штука, человѣче, отождь слухай шо тобѣ повѣдаю: хочъ оружие просте, але шляхетныхъ людей руба-

еть». Глагола ей рицерь: «що ти ся хвалишь своимъ неужитнимъ оружиемъ и непристойнимъ и нестройною зброєю своею, коси ти косою поболоту шувахъ, жни ти своимъ серпомъ полугахъ тростини, сѣчи ти своимъ долгимъ мечемъ сухии хаши, три ти своею пилою гнилие колоди, копа ти своимъ рискелемъ суху землю, мечи ти своею лопатою гной, загриба ти своими граблями солому, загрѣба ти, своею мѣтлою полову замѣта ти,—твои риштунки дотого подобній, а не довойни. Умене натебе мечь булатовий рицерскій, дотого подобни, а не довойни, а вмене натебе котори внемъ я возму потохъ сухихъ голенатихъ и високихъ вѣчимъ симъ умене стрѣли которий очи твой окатие повыстрилю, есть умене копіе дахъ остріе, котримъ я наскрузъ прободу, есть у мене стрила барво огнистая, копіе кости твой сухие, намя смотри и пойди отмене собѣ безбѣди, еще то мя догнѣву и доохоти рицерской и нерушися, о смерти и нерожважная да подобно и глупая, нетакимъ я рицаромъ сего свѣта погубихъ, да нетакихъ я головъ рицерскихъ постинахъ, а ти, смерте сухая, голенатая омнѣ ся видишь воочахъ яко муха изгинешъ; яколи хочешъ зомною грати, грай-же!»—Рече смерть: «человѣче, послухай перше моей бесѣди, которую я тебѣ повѣдати буду, и перше собѣ побесѣдуймо, то вжеса будемъ сѣчи хто будетъ знась лѣпши, альбо дужши».—Глагола ей рицерь: «южъ вижу, жися мя большъ (боишь) такого славного пана и рицера потужного и (з)витяжци моцнаго, вижу же трохи небудешъ ся озгоду умене просити. А втомъ—мовъ що маешъ, даю ти волю».—Рече ему смерть: «человѣче, що тиса хвалишь своимъ рицерскимъ, же много позвितязалъ, посѣкаль и войска побиваль? Отожъ то я знаю добре, що безмене тамъ небило, що есь тамъ возвахъ и втинахъ, стрѣлахъ, забивахъ, колохъ, топтахъ, которихъ пробивахъ, то я тобѣ помагала, иншихъ прибвала, хочъ ти мене невидѣль, а я тамъ завужди стобою била».—Глагола ей рицерь: «о смерти! тожъ иль-

жешъ, яко неправдивая и нецнотливая! Та ти зомною тамъ бувала? Нѣгди то неправда! Я разумѣмъ, ошосми (що сми!) мовити мешъ доречи, а ти плетешъ нѣте, нѣте. Я тебе нѣвидѣвъ ажъ донинѣ».—Рече смерть: «я хожду невидимо и некождому явни. Где кого застану, тамо его втомъ и озму, рече, забожимъ росказомъ. А теперъ а тобѣмъся показала явно, бо тяти згола хочу взяти, бо я по тебе додвора твоего неходила, самъ ти потребовалъ,—отожъ теперъ конечно ходи, южъ тобѣ впанскомъ домѣ небути и слугъ своихъ неоглядати и впалацахъ роскошнихъ негуляти, але тутъ натомъ чистомъ полю лежати, и звѣримъ будетъ ипташки тѣло твое около костей обѣрати и кости твой розносити, абися смерти могль бояти».—Глагола ей рицеръ: «а пойди собѣ, напасниче, прочъ отмене, бо достоися тутъ бѣди оумене, бо умене тилько жаль моего меча булатового, абомъ его обтвой голие и сухие кости непритупилъ, а шо больше стрѣлба огнистая, а зѣло певная, а сухи кости намуку потреть, копіе надахъ остріе мню и зельзо просадить,—обачимо чійся кости будутъ жмежи насъ валяти будутъ наполю». И южъ ся барзо рицеръ розгнѣвахъ, добивши мича, хочеть тяти наню,—сежъ ему рука всхла, альбо зомлѣла. Рече ему смерть: «шо ти, человекче, робишь? вижу, жеса розгнѣвахъ, а я твого гиѣву небоюся. Ти мя хочешъ нипорицерску, але позрадецку тяти. Постой, мощній рицеру и богаті пане, зачимъ ся будешъ бити волно ти (ми?) исобою и поговорити. Нехай тимъ булатовимъ остримъ мичемъ!—острѣшая моя пела, певнѣшая моя мотика albo рискель, неж твоя огнистая albo певная стрѣла, лучая моя лопата и мѣтла, нѣжъ твоя надахъ копіе остріе, нихъвалися самъ собою, albo силую твоею противъко моей уроди сухой, блѣдой, еще и гагеречь (на геречь?) зомною неиздиль, и южъ ти рука умлѣла».—Глагола ей рицеръ: «когожъ би то такіе слова поганѣ догнѣву незрушили, якъ ти

мовишь и ганишь нетилко мене самого, але оружіе, що мовлю надахъ остріе, коли хочешъ его дознати,—озмѣмся пробовати, южъ я багато такихъ страшнихъ пловихъ ялити тися натое взяла, що ми рука отмича умлѣла, недивуюся, бо живъ; южъ ти пополудню третя наспѣла».—Рече ему смерть: «щоже такъ ослабѣлъ, що килька годинъ неилъ? я мало коли що идаю, але прудко ся зсвоимъ отимъ всѣмъ оружіемъ убиваю. Южимся болше небавмо, далѣ южъ будетъ вечеръ,—що маешъ мовити,—мовмо».—Глагола ей рицерь: «твой слова пороженѣй и неуважній нѣгди мя непреприть и допокори мя претобою недоведуть, аться ти поколонихъ плетешъ, нѣсе нѣте правишь, о Адамѣ и потопѣ (слово не разобрано) тихъ копѣе твое будетъ вроботѣ». И то ся порветъ докопѣя. Рече ему смерть: «постояно, человекѣ! щося такъ розгнѣвахъ? послухайно, человекѣ, шоти мнѣ плотки завдаешъ о Адамѣ альбо о потопѣ? послухай, що повѣмъ! Еще отсотворенія свѣта амъ (я-мъ?) другая по Адамѣ родомъ, бо коли Богъ доАдама: аще будете воотцу (овошчу?) одревати заказного,—смертію умрети; скоро Адамъ воотцу (овошчу?) вкусивъ, я заразъ ся тамъ знайшла. Послуха(й)же: Адамъ вашъ прадѣдъ билъ,—того я взяла; Аврамъ билъ патриарха старозаконѣ,—того я взяла; тайже Исаакъ, Ияковъ, царей, крелевъ предпотомъ и попотопѣ—и тихъ я взяла; Ной билъ который животъ людски о(т)потопу у(ков)чезѣ заховалъ,—того я взяла; Александеръ крадмакедонскій (краль македонскій) и немензскій, барзо моцній и славній билъ,—и того я взяла; Моисей пророкъ божи, игаманъ игаманъ жидовский,—и того я взяла; и такъ ти иНавинъ, Самсонъ силний билъ, такій моцній, ижъ онъ самъ повѣдалъ мнѣ—такій найшолся майстеръ, жебы втой села(?) посродку руску управни абися некрушила тоби якъ млиное имъ каменемъ албо карповимъ и оберто,—и того я взяла, кромихъ и всякаго стану мужескаго и женскаго и малихъ

дѣтей краснихъ и некраснихъ, старихъ и молодыхъ
нешаду, але заровне косою своею кошу и граблями
загрѣбаю и лопатою закидаю, мѣтлою замѣтаю и сер-
помъ пожинаю и пилою потираю и рискелемъ приси-
паю, нѣкогося небою, нивстидаю и грози небою нѣ-
чией».—Тое вислухавши рицеръ зумѣлся, сердце внемъ
нача трепетатися и натѣлѣ почаль слабѣти, южъ сила
почала отступати

Притѣчанія и параллели.

№ 1.

См. Гринченко, Этногр. матеріалы, II, № 10: Гадюка.

№ 2—7.

По истолкованію крестьянъ, метеоры — это огненные змѣи, которые есть не что иное какъ тѣ-же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ, какъ нѣтъ любовники, или-же, чтобы носить деньги людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Поэтому рассказы о метеорахъ незамѣтно переходятъ къ рассказамъ вообще о чертахъ и специально о «перелесныкахъ» (см., напр., въ этой книгѣ № 120, стр. 94).

Различные рассказы, относящіеся къ этому предмету: Чубинскій, «Труды», I, Падающія звѣзды, Падающіе камни, 16—17; Перелестникъ, 193.—Гринченко, «Этнографическіе матеріалы», II, № 2: Змѣй (метеоръ).—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274: Огненный змѣй, Змѣй-любовникъ.—Манжура, «Сказки», 9: О змѣяхъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр. Новоросс. края, 78: Лятавецъ (перелесныкъ).—Данильченко, 21—22: Перелесныкъ.—Къ легендамъ о летающихъ змѣяхъ, И. Мавжуры (Этнографическое обозрѣніе, 1892, II—III, 254).—Этнографическое обозрѣніе, XXXV (1897), 126—128.—Сборникъ Харьковскаго историко-филолог. об-ва, V, 58—59.—Этногр. Обозрѣніе, XIII—XIV (1892), 81—82, 254; XXXI (1896), 153—154; XXXV (1897),

126—128; XXI (1894), 87, 91—94.—Сумцовъ, Культурныя переживанія, № 125: Украинскіе някубы и суккубы. (Кіевск. Стар. 1890, I, 68—73).—См. примѣчаніе къ № 125 настоящей книги.—Кіевская Старина, 1899, IX, 396—400.—Аванасьевъ, Зооморфическія божества у славянъ, III, 1, 98, 109—110, въ «Отеч. Запискахъ» 1852, №№ 1—3).—Nowosielski, Lud Ukrainiski, I, 251.—Ивановъ: Разск. о вѣдьмахъ, 216. (Сб. Харьк. и-ф. о-ва, III).—Руданський, Творы, II, 237.

№ 9.

См.: М. Васильевъ, Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа: Вѣтеръ—въ «Этногр. Обзорѣніи» 1892, IV, 159.

№ 10.

Этнографичный Сборникъ, V, 78, № 8: Градь.—Харьковскій Сборникъ, II, 88.—Чубинскій, Труды, I, 28: Градь.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 7.—Bartoś, Moravsky lid, 293.

№ 11.

Совершенно обратный взглядъ на климатъ земли: Гринченко» Этн. мат., II, № 1: Тепло въ старовыву.

№ 12.

Жыте и слово, III (1895), 386, № 21: Дытына зиму звила.

№ 14—18.

Разсказы эти перепечатаны изъ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1859 г., гдѣ они помѣщены въ №№ 23 и 38. Первые три номера передаютъ нар. вѣрованія въ то, что волками управляетъ или св. Юрій, или волчій богъ Полисубъ (Лисунъ); послѣдніе два не имѣютъ отношенія къ волкамъ, но ихъ связываетъ съ предыдущими образъ Лисува, почему мы и помѣстили

нхъ здѣсь, а не въ отдѣлѣ IV-мъ. Вотъ относящаяся къ предмету литература: Харьковскій Сборникъ, I, 75—76; VIII, 117.— Ястребовъ, Мат. по этн., II, 71.— Драгомановъ, Мал. пред., стр. 5, № 9: Волки.—Манжура, Сказки, стр. 147: Св. Юрій та вовкы.—Этнографическое Обзорѣніе, VII (1890), 85—86 (св. Юрій замѣненъ св. Петрошъ).—Кіевская Старина, 1887, XI, 405—408; 1894, XII, 495—497.—Чубинскій, Труды, I, 51—52: Волкъ; 171; II, 7, № 1.—Булгаковскій, Пичуки, 179: Св. Юрій.—Гринченко, Этн. мат., II, № 69: Вовкъ та св. Юрій (сказка, связывающая рассказы о волкахъ и волчьемъ богѣ со сказкою о чертѣ, отслуживающемъ краюшку хлѣба).—Номысь, Укр. прык, №№ 434 и 435.—Этнографичный збирникъ, II, Дикаревъ, стр. 12—13, № 11: Гр. Пободоносець, № 12: Про св. Георгія, еще стр. 34—35.—Ефименко, О Яриль (отд. брош. и въ «Запискахъ И. Р. Г. О-ва, II, 77).—Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій храбрый—въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1879, XII; 1880, I и II.—А. Н. Веселовскій, Разысканія etc., II, 1—227.—Н. Сумцовъ, Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольск. сказкахъ — въ «Этногр. обзор.», 1890 III, 18—20.—Аванасевъ, Поэтич. воззрѣн., I, 699—711.—Valjaves Krasmanov, Narodne pripowiedke, 93—94.—Черниговск. губ. вѣд., 1861, № 4: Ефименко, Нѣск. словъ о Поласуиѣ; № 6: Павловскій, Волчьи праздники.—Nowosielski, II, 225. ,

Къ этой темѣ близко примыкаетъ тема про *бидного вовка* (вовка-дурня): Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, 1—12, №№ 1—5: Бидный вовкъ, Кравецъ и вовкъ, Марко и убогий вовкъ, Кравецъ и вовкъ.—Чубинскій, Труды, II, 124, № 42: Про вовка; стр. 126, № 43: Куцый вивкъ та кравецъ.—Этногр. збирникъ, I, 25—26: Дурный вовцяга, Вовкъ и кравецъ; IV, 167, № 2: Про вовка, що не мавъ нигде щастя.—Черниг. Губ. Вѣд. 1861, № 21, стр. 159—161.—Записки наук. Т. и Шевч., XXIX (1899), Верхратскій, 149—150.—Аванасевъ, Р. в. сказки (1897), I, 31—43, № 24: Волкъ-дурень.—Даль, Повѣсти, сказки и разск. козака Луганскаго, II, 459.—Эзопъ, басня «О лошади и львѣ». —Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, перев. Д. Т. Москва (1792), стр. 36 и

348—350. — Haupt und Smolar, Volkslieder der Wenden (1843), II, 161—164: Des Wolfes glücklicher Tag.—Glin-ski, Bajarz polski (1853), III, 177—191.—Матер. для изуче-ніе нар. словесн., 42—47.—Библиотека для чтенія, 1836, томъ XIV, стр. 133.—Шейнъ, Матеріалы для изуч. быта и языка р. нас. сѣв.-зап. края, II, 344—348: Голодны воукъ, 262—263: Баранъ и волкъ.—Materyały antropologiczno-archeolog. i etno-graficzne, T. II, 2, стр. 61—62, № 33.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 267—269: Vuk-Rimljan. — Романовъ, Вѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. III, стр. 15—20.— Hahn, Griechische u. albanesische Märchen, II, № 92—93. — Wolf, Deutsche Hausmärchen, 419—421.—Руданскій, Творы, I, 146—148, № 90: Старый вовкъ.—Erben, Vybrané báje a povesti národní, 256—258: O hloupém vlkovi.—S. Barącz, Bajki, 215—219.—Видный вовкъ. Нар. казка, Харьк., 1885. (Пере-печатка № 1 изъ Рудченка).

№ 19.

Гринченко, Этногр. матер., I, № 192: Дрикъ та виль.—Кіевская Старина, 1888, VI, 359 (въ «Молотникахъ» Г. Бар-вивокъ).

№ 20.

Разсказчикъ очевидно забылъ легенду и напуталь.

№ 21.

Гринченко, Этногр. мат., I, 253, № 196.

№ 23.

Разсказъ взятъ изъ № 26 «Черниг. губ. вѣд.» за 1852 г. Иные разсказы о дятлѣ: Чубинскій, Труды, I, 61.—Гринченко, Этн. мат., I, № 155; II, № 5.—Ястребовъ, Мат. по этн., 164—165, № 24.

№ 24.

Подобное относительно журавлей и гусей: Драгомановъ Млр. пред., 7—8, № 24 и 25. — Ефименко, Млр. закл., 37, № 112. — Номысь, Укр. прык., №№ 327 и 13987. — Чубинскій, Труды, I, 62. — Правда, журн., 1867, № 13. — Етногр. збирникъ, V, 80, № 5: Журавель. — Nowosielski, Lud Ukr., II, 127, 128.

№ 25.

Данильченко, 16: Липа. — Чубинскій, Труды, I, 76: Липа.

№№ 27—112.

Указатели различнымъ примѣтъ, повѣрій, заговоровъ и пр. см.: Гринченко, Этн. мат., II, 27—30, 48—54, 355; — Сумцовъ. Заговоры, библиогр. указат. — въ Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, IV, 258—273; а также тамъ-же стр. 291—292.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» взяты: въ № 27 примѣты 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23 (изъ № 9-го 1863 г.), въ № 30 примѣта 1 (оттуда-же), въ № 33 прим. 6 (№ 46-й 1862 г.), въ № 39 пр. 9 (изъ № 9 за 1863), въ № 43 прим. 4 (изъ № 23 за 1859), въ № 68 средства 3 и 4 (изъ № 6 за 1860), № 85 (изъ № 23 за 1859), (въ № 36 прим. 13, въ № 38 прим. 4, №№ 48, 55, 59, въ № 60 средство 1, № 67, въ № 99 ср. 4, въ № 101 ср. 2—взяты изъ брошюры Исаенко: «Село Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860 (первоначально была въ №№ 43, 44 и 46 «Черн. губ. вѣд»).

Въ № 112, на стр. 80, слѣдуетъ исправить опечатку: въ строкѣ 6-й сверху должно быть: а; ѱ; в; і (1712).

№ 115.

Иной разказъ о появленіи черта въ видѣ паньча: Чубинскій, Труды, I, 184.

№ 122.

Изъ брош. Исаенка «С. Голенка», стр. 12—13.

№ 128.

Драгомановъ, Млр. пред., 54, № 2: Чертъ заводить чело-
вѣка съ дороги.

№ 125.

Гринченко, Этн. мат., 95, № 79.—Сборникъ Харьк. ист.-ф.
о-ва, III, 225; V, 58, 59.—Аванасъевъ, Р. в. сказки (1897),
II, 331, № 212: Вдова и бѣсъ.—Кіевская Старина, 1899, IX,
381—382, 384.—Казанскія Губ. Вѣдомости, 1859, № 7, стр.
62.—Podania i legendy Семенскаго, 36—37.—См. еще при-
мѣчаніе къ №№ 2—7 настоящей книги.—Харьк. Сборникъ,
VIII, 391—392.

№№ 127 и 128.

Различные рассказы о чертяхъ, слушающихъ музыку и тан-
цующихъ: Чубинскій, Труды, I, 186, 187, 190; II, 364, № 99.
—Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, V, 64—65.—Драгомановъ,
Млр. пред., 52—54, №№ 19 и 20.—Рудченко, Н. ю. р. сказки,
I, № 41.—Гринченко, Этн. мат., II, №№ 60 и 61.—Давиальчен-
ко, 20. Nowosielski, II, 32—34, 38—41.

№ 132.

Чубинскій, Труды, II, 379, № 105: Про бідного чоловіка
и чорта.—Эварницкій, По слѣдамъ запорожцевъ, стр. 117: Чо-
ловикъ у чорта на повычкаць; стр. 133—134.

№ 133.

Номысь, Украинскіи приказки, 284, № 1254.—Tausend
und eine Nacht, übertr. v. M. Henning (Leipzig, Verlag v.
P. Reclam), T. I, 35: Der Fischer und der Ifrit.—Этими сю-
жетомъ воспользовался Le Sage в своей книгѣ: «Le diable
boiteux».

№ 134.

«Малор. преданія» Драг., № 1,3.— Основа, 1862, V, 80: Якъ Анцыболоть дражнывъ Бога.—Этногр. збирникъ, IV, 147, № 31: Чому громы б'ють.—Харьковскій сборникъ, II, 87; VII, 441.—Жыте и слово, III (1895), 218, 372; II (1894), 180.—Добровольскій, Смол. сб. I, 226, № 2, 3, 5.—Revue trad. pop. I, 94; II, 269; X, 222.—Этногр. Обзор. XXVIII, 116.

№ 135.

«Малор. преданія» Драг., 48, № 13.—Сборникъ Харьк. ист. ф. о-ва, V, 61—63.

№ 140.

Чубинскій, Труды, I, 192.

№ 141.

Чубинскій, Труды, I, 49: Лошадь.

№ 145.

Сборникъ Харьковскаго историко-фил. о-ва, V, 67.

№ 155.

Различныя сказки о смерти-кумѣ и о врачѣ, находившейся въ союзѣ со смертью (иногда съ замѣной смерти чертомъ): Ивановъ, Изъ области млр. и легендъ—въ «Этногр. Обзорѣи» V (1890), 154; VII (1890), 83—84.—Чубинскій, Труды, I, 217, № 93; 428, № 130: Про пятницю.—Кіевская Старина, 1892, VIII, 147—148; 1899, VII, 71.—Жыте и слово, III (1895), 219, № 31: Смерть кумю.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 31—32.—Moszyńska, Bajki i zagadki, № 22: Якъ баба чорта голыла.—Шейковскій, Выть подолянь, II, 66—68: Смерть за куму.—Стороженко, Украинськи оповидання (Спб., 1897), 36—40: Жонатый чортъ.—Стихотворная передѣлка: Осташевскій, Piw kory kazok (Wilno, 1850), 116—124: Мартынъ Знахарь (то-же во второмъ изданіи той-же книги:

«Пявъ сотни казокъ», Кіевъ, 1869, стр. 199—204, № XXX). — Гринченко, Этн. мат., II, № 75. — Зоря, 1890, 151. — Стихотворная передѣлка по русски: Данилевскій, Украинскія сказки, 6-е изд., стр. 58, № XIV: Смерть. — Шалкаревъ, № 241. — Carrou et Nicolaidés, 144, 172 (ново-греческая). — Сборникъ за народ. умотворенія, VI, 162. — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1892, III, 299 (указаніе на слодное талмудическое сказаніе). — Добровольскій, I, 314. — Сотанинъ, Очерки с.-з. Монголіи, IV, 498. — Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, § 88, 92, 104. — Караджичъ, 145 (сербская). — Ciszewski въ IX т. «Zbiór wiadomości» (польская). — Потанинъ, IV, 498 (монгольская). — Фламандскія сказки, пер. Галибина (Спб., 1893), 59—71: Кухъ смерти; 201—215: Крестникъ смерти. — Kúnos, Oszmán török nép költésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецкихъ сказокъ, № 78). — О лубочношъ рисункѣ на эту тему см. въ «Кіевской Старинѣ» 1890, XII, 506—507.

№ 164.

Испорченная редакція. Подобное о вовкулакѣ см.: Гринченко, II, 126, № 93.

№ 166.

Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43—44. — Чубинскій, Труды, II, 416—417, № 122. — Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, III, 225. — Малор. преданія, 392. — У Ястребова (135, № 10) за дѣвужкою гналися черти, а она старалась спастись отъ нихъ при помощи такой хитрости, какъ и въ нашемъ разсказѣ.

№ 170.

Легенда эта относится къ Василию Борковскому, сотнику выбельскому, впоследствии полковнику черниговскому (до 1686.) и наконецъ генеральному обозному. О существованіи легенды сообщалъ еще Н. Маркевичъ въ своей книгѣ: «Обычаи, повѣрья...

малороссіянь» (Кієвъ, 1860, стр. 79). Кромѣ него см. еще: Кіевская Старина: 1883, VI, 376; 1894, III, 530 — 536; «Генер. обозный В. К. Борковский»; 1886, VI: Сълецкій, Колдовство въ юго-западн. Руси въ XVIII в., стр. 209—210; 1883, VI, 376: Ефименко, Уныря.—Иловайскій, Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ, 35—37.

№ 171.

Малорусск. предвнїя, 62, № 2: Мертвякова намитка.—Харьковскій Сборникъ, IX, 259—261, № 36: О тямъ, якъ давка пошуткувала.—Чубинскій, Труды, II, 422.—Кіевская Старина 1899, VIII, 203.—Аванасьевъ, Р. в. сказки, 314, № 205.—См. еще № 174 настоящей книги.

№ 172.

Объ обсыпанїи мертвецовъ и унырей макомъ: Ефименко, Заклинанїя, 70, № 221.—Зоря, 1890, 152.—Этнографичн. збирникъ, I, 5—8; № 2: Чоловикъ безъ страху и унырь.

№ 173.

О мертвецахъ, пребывающихъ временно среди живыхъ людей: Кіевская Старина 1889, VII; 88—89 (въ разск. Г. Барвинокъ «Русалка»); 1899, VIII, 198.—Вуслаевъ въ «Вибл. для чтенїя» 1864, III, 6.

№ 174.

Чубинскій, Труды, I, 91: Битье о закладъ; II, 422, № 125. Про копкакъ мертвца.—Данильченко, стр. 12: Битье о закладъ: Харьковскій Сборникъ, IX, 259: Якъ дивчына зняла хустку въ мары.—Аванасьевъ, Р. в. сказки (1897), II, 314—315, № 205: Разказы о мертвецахъ. А.—См. еще № 171-й настоящей книги.

№ 175 и 176.

Иные разказы на ту-же тему: Харьковскій Сборникъ,

VIII, 44, 289.—Кіевская Старина 1894, III, 553.—Сборникъ Харьков. и. ф. о-ва, III, 170—172, 175.—Чубинскій., Труды, I, 198—199.—Nowosielski, II, 84—85.

№ 177.

Кіевская Старина, 1889, V—VI, 505.

№ 178.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165. — Харьков. Сборникъ, VII, 449; VIII, 43, 290, IX, 245.—Манжура, Сказки, 135.—Малорусск. пред., 69 и 70.

№ 179.

Различные виды, въ которыхъ является вѣдьма: Гринченко, I, № 87.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 177—202, 220.—Харьковский Сборникъ, VII, 449, 451, 452; VIII, 44, 83, 288, 290—291; IX, 248, 250.—Чубинскій, Труды, I, 199.—Малорусск. преданія, 68, 69, 73 (№ 15).—Этнографичный збирникъ, V, 216.—Ястребовъ, Матер. по этн., 64.

№ 181.

Сборникъ Харьков. и.-ф. о-ва, III, 166,

№ 187.

Кіевская Старина 1899, III, 139.

№ 188.

Гринченко, I, № 87.—Сборн. Харьк. ист. ф. о-ва, III, 167.—Кулишъ, Записки о Ю. Руси, II, 38.

№ 189.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165, 166; V, 41—43.—Этнографическій сборникъ, V, 97, 3.—Харьковский Сборникъ, VII, 449; IX, 24, 310, 427.—Малолорусск. пред., 35, № 41;

70, № 9.—Гринчэнко, Этн. н., I, № 87 и 207.—Чубинскій, Труды, I, 198, 205.—Кіевская Старина 1889, VII, 38.

№ 192.

Харьковскій Сборникъ, II, 86.—Сб. Харьк. н.-ф. о-ва, III, 214.—Малор. пред., 68, № 3.—Манжура, Сказки, 134.—Кіевская Старина, 1890, I, 60.—Чубинскій, Труды, I, 17.

№ 193.

Спеціальное изслѣдованіе о противодемонопическомъ значеніи собаки (преимуществ. объ иранскихъ повѣрьяхъ) принадлежитъ В. Ө. Миллеру. См. также Revue d. trad. populaires 1890, «Кіевская Старина», 1895, V, 192—193. Объясненіе слова «Ярчукъ» см. у Потебни: «Этимологическія замѣтки» въ III вып. «Живой Старины» 1891 г., стр. 17.—Чубинскій, I, 53, 198.—Ястребовъ, 9.—Кіевск. Старина, 1894, III, 558.—Гринчэнко, Этн. мат., I, № 87.—Сборн. Харьков. н.-ф. о-ва, III, 177, 179—180.—Харьковскій Сборникъ, II, 93; VII, 451; VIII, 302.—Малорусск. пред., 69.

№ 194.

Сборн. Харьк. н.-ф. о-ва, III, 178.—Манжура, Сказки, 140.

№ 195.

Сборникъ Харьк. н.-ф. о-ва, V, 57.

№ 199.

Кіевская Старина, 1889, XII, 588.—Г. Барвинокъ, Перемогла (Першый винокъ, альм., стр. 54—55).—Осташевскій, Пявъ сотни казокъ, 15, № 3. Орендаръ.—Nowosielski, II, 103—108.

№ 201.

О летаніи вслѣдствіе колдовства: Кулишъ, Записки о Ю. Руси,—II, 39. Ястребовъ, Этн. мат., 69—70.—Квитка, Конопська видьма. Nowosielski, II, 147.—Wojcicki, Klechdy I, 24, 100.

№ 208.

Гринченко, Этв. мат., I, 283, № 208.

№ 208.

Малорусск. нар. преданія, стр. 79, № 3.

№ 214.

Чубинскій, Труды, II, 505, № 10 (вторая половина); 520 № 16: Скупый (первая половина).—Харьковский Сборникъ, IV 35.—Гринченко, II, № 97: Задра на гроши.

№ 217.

Вторая половина этой сказки, разрабатывающая мотивъ о путешествіи къ солнцу, входитъ въ составъ сказки о Маркѣ Богатомъ. Параллели для этой половины: Чубинскій, Труды, II, 11, № 2; 133, № 47; 290, № 76; 341—344.—Драгомановъ, Млр. преданія, 329, № 22.—Kolberg, Pokucie, IV, № 5 и 6 Этвографичн. збирникъ, I, стр. 3, № 1: Подорвжъ до сонця; стр. 81, № 21: Дубъ-береза и його подорвжъ до сонця; т. IV, 132, № 26. — Ивановъ—въ «Этн. Обзор.», кн. VII, 80—83. Moszyńska въ Zbiór wiad., кн. IX, № 1.—Давилевскій, Украинскія сказки, 6 изд., 76, № XIX.—Казки Игнатія зъ Някловичъ, 39—44 (то-же, что и въ «Млр. пред.»).—Обширная литература сказки указана М. Драгомановымъ въ статьѣ: «Славянскитѣ сказанія за рожденіето на Константина Великий»—въ «Сборникъ за нар. умотворенія», т. II, 132—184; т. III, 206—246; также Н. Сумцовымъ: «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ»—въ «Этвогр. Обзор.», XX (1894), стр. 9; см. еще IV томъ «Этнографичного збирника», стр. 136, при № 26-мъ. Národopisny sborn. csl. III, 5. sl., 118. sl. c. 55—Andrews, Contes ligures, № 52.

№ 219.

Гринченко, Этвогр. мат., II, 151, № 103.

№№ 220 и 221.

Чубинскій, Труды, II, 432, № 132.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 264. — Киевская Старина, 1885, XI, 186—187; 1887, XI, 415.—Этнографическое Обзорніе, XXV (1895), 147. — Руданскій, Творы, II, 223—225, 256, № 6: П'ятвиця и ведиля.

№ 225.

Гнатюкъ, Гал.-р. анекдоты въ VI т. «Этногр. Збирника», №№ 382, 482, 483. — Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 419. — Вук Врчевич, Срп. н. прип., 58—59, № 131.—Magazyn anekdotów, IV, 17—18.

№ 226.

«Записки о Ю. Руси» Кулиша, II, 30.—Драгомановъ, Малорусск. н. пред., 247, № II.—Номысь, Укр. приказки, 10, № 430.

№ 227.

Вместо ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Киевская Старина, 1886, III, 463: Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ укр. н. словестности.—La facescie del Piovano Arcotto ed Giuseppe Vacconi, Firenze, 1884, стр. 80.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ «Этн. Збирн.», VI, №№ 273, 274 и 298.—Жыте и слово, IV (1895), 366, № 4.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 434 ррр.—Насрадинъ-Ходжа, Београдъ, 1896, стр. 6—7, № 10.—Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 19, № 30.

№ 228.

Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, № 188: Смерть.

№ 230.

Вместо ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Этнографическій Збирникъ, I, стр. 10, № VI: Зъ подрыганіємъ; стр.

28, № V.—Рудченко, Н. ю.-р. сказки, II, 196, № III.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 274.—Mozuńska, Bajki, №28 (также въ «Zbiór wiadomości», IX, 142—146).—Сборникъ Харьковскаго и.-ф. о-ва, XI, 141.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 24.

№ 232.

Рудавський, Творы, I, 151: Пишъ зъ кропыломъ.

№ 234.

Сказка эта принадлежитъ къ циклу сказокъ объ удостовѣреніи вѣрности жены (невинности дѣвушки); сюжетъ этотъ часто сдѣлается съ другимъ: объ отсутствіи жены для выручки изъ неволи мужа и объ обвиненіи ее изъ-за этого въ невѣрности; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются иногда у супруговъ сорочки, остающіяся бѣлоснѣжными до тѣхъ поръ, пока сохранена вѣрность. Вотъ известныя намъ сказки этого цикла въ обоихъ его развѣтленіяхъ: Аванасьевъ, Русскія и. сказки (1897), II, № 194. Оклеветанная купеческая дочь, 195. Царица-гуслиаръ. — Вольфъ, Deutsche Hausmärchen, 98—115.—Zeitschrift für D. M., II, 377—384 (Die getreue Frau). — Нѣмецкая дѣсня: «Der graf v. Rom (O. Миллеръ, Илья Муромецъ, 638—639). — Московскій Наблюдатель 1837, XI, 350—352 («Германскія преданія»).—Янчукъ, Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ (въ «Юбил. Сборникѣ въ честь В. О. Миллера» 1900 г., ст. 353 и слѣд., а въ отдѣльн. оттискѣ 6 я слѣд.). Въ этой статьѣ приводится, какъ народная, «Дума про княгиню-кобзаря» и говорится: «М. С. Кононенко, пишущій малорусскіе стихи и перелагающій въ стихотворную форму нар. рассказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы «балладу» слѣдующ. ритмич. склада: «Не туманъ ото сьвіе |И не курява чорвіе, |И не хмара йде, |Ни, то лавою живою, |Вже зваражене до бою |Військо князя жде. (М. С. Кононенко, Княгиня Кобзарь. Баллада,

Кіевъ, 1893). На мой (г. Янчука) запросъ, откуда мнѣ взято содержаніе для этой баллады, г. Ковоненко отвѣчалъ мнѣ любезно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк. и Кіевск. гуд., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій. Харьковскій вариантъ и есть тотъ самый, который мы привели», (стр. 358 въ «Юб. Об.» или 11 въ оттискѣ). Но приведенный въ статьѣ г. Янчука текстъ думы есть не что иное, какъ *собственное стихотвореніе* редактора настоящей книги, написанное въ формѣ малорусской кобзарской думы на сюжетъ сказки Аванасьева, № 195. Царица-Гусляръ и никогда и нигдѣ не былъ записанъ отъ народа. Стихотвореніе это изданное въ 1891 г. въ сборникѣ «Колоски» (Одесса, 71—79), перепечатывалось потомъ въ журн. «Дзвинюкъ», 1891, № 10, и нѣсколько разъ въ сборникахъ стихотворнахъ передѣлокъ нар. сказокъ В. Гринченка (В. Чайченка), — см. «Книга казокъ виршошъ» (Львѣвъ, 1894, стр. 99 и Одесса, 1895, стр. 72) и брошурки львовскаго (1891) и харьковскаго (1893) изданія. — На тотъ же сюжетъ, но, съ значительно отличными подробностями написана (въ 1859 г.) поэма чешскаго поэта Vitezslav'a Hálek'a: «Krásná Lejla» (Spisy Hálkovy, porada F. Schultz, V Praze 1879, díl II, p. 67—80). — В. Миллеръ, Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, Этногр. Обзорѣніе, XVIII (1893), стр. 65—66. — Boccacci, II Derameron. La seconda giornata, Novella nona. — Tran Kurelac, Jacke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga, Zagreb, 1871, стр. 138—147: «Aleksander», — стихотворная поэма. Издатель (стр. LIII) догадывается, что хорватскій текстъ, найденный въ двухъ копіяхъ XVII в., представляетъ переводъ какой-то старовѣицкой поэмы, написанной вѣроятно въ Вѣнѣ и называвшейся должно быть: «Die schöne Juliane». Этотъ текстъ послужилъ основою для малорусской «Поэмы про білу сорочку» Ивана Франка, первоначально появившейся въ V-й книгѣ «Литературно-научнаго Вистныка» за 1899 г. (стр. 117—140) и повторенной въ сборникѣ стихотвореній Франка: «Поэмы». — См. еще «Кіевську Старину» 1900, VII—VIII, Библиогр., 39.

№ 235.

Номысь, Укр. приказки, 252, № 12827. — Грищенко, Веселая Оповидачъ, № 50. — Кошаровъ, Нова збирка н. и. приказокъ, № 1011.

№ 236.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ VI т. «Ет. Збирн.», № 168.

№ 237.

Иные рассказы о мнимомъ мертвецѣ: Ястребовъ, Матер. по этн. 172, № 32. — Чубинскій, Труды, II, 540, № 31. — Манжура, Сказки, 132: Наказанный скупецъ. — См. еще: Киевская Старина 1894, III, 440: Н. Сумцовъ, Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ; также Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 107—113, № XXXVI. — Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 26, № 45.

№ 238.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 697: Дурни люди. Тамъ-же указана и литература.

№ 241.

Указаніе на польскіе варианты у Ciszewskiego. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 89. — Вольвачивна, Кажы жинци правду, та не всю. Харьк. 1893.

№ 242.

Перепечатана изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1859, № 29, стр. 208.—Чубинскій, Труды, II, 530—537, №№ 25—28.—Сборникъ Харьковскаго ист.-ф. о-ва, VI, 177. — Киевская Старина 1883, XII, 701—703; 1894, XII, 395.—А. Торашвій, Жаръ птыця, Катерынославъ, 1884. — Cosquin, Contes popul. de Lograine, II, 317—322. — Бѣлорусская сказка у Шейна въ

«Матер.», II, болгарская, Шапкарева, въ VIII кв. «Сборника».
—Осташевскій, Пить сотни казакъ, 158, № 24: Иванъ.—Руданскій, Творы, I, 101, № 62: Чужая дытына не то, що ридня.

№ 245.

Пошысь, Укр. приказки, 183, № 9450.

№ 246.

Изъ № 2 «Черниговскіи губ. вѣдомостей» 1854, стр. 7—11.

№ 247.

Оттуда-же, 1857, № 4, стр. 28—32.

№ 250.

Разсказъ принадлежить къ циклу сказокъ о попыткахъ дурни жениться. См. сказки этого цикла: Ястребовъ, Мат. по этя., 163.—Квитка; Пидбрегачъ.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 145 (Сб. X. и.-ф. о-ва, XI, 262). — Сумцовъ, Квитка какъ этнографъ—въ «Кіевск. Старинѣ» 1893, VIII.

№ 252.

Мѣсто этой сказки собственно въ XIII отдѣлѣ; здѣсь она помѣщается какъ образчикъ приживленія сказочнаго мотива къ извѣстной нравоучительной цѣли. См. Манжура, Сказки, 143.—Аванасевъ, Р. в. сказки (1897), I, № 52: Морозко.—Жыте и слово, II (1894), 360: Морозъ.—Этнографичн. Збирникъ, VI, № 142.—Чубинскій, Труды, II, 434, № 133.—Сумцовъ, Сказанія о займѣ дней—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1891, № 3.

№ 253.

Чубинскій, Труды, II, 543—546, № 33.—Ястребовъ, Ма-

тер. по этн., 170, № 31.—Этнографич. Збирникъ, III, 189, № 27: Царь, пань и царивна (вторая половина сказки).—Стороженок, Укр. оповидання (1897), стр. 6: Вчи ливного не молотомъ, а голодомъ (то-же въ «Основѣ» 1861, № 1).—Илюстрована библіотека для молодежи, 1891, № 6, стр. 86—88: Малына, Хто ся колыше, най ся колыше.—Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, 359—361: Упрямая дѣвка.—Гомановъ, Вѣлорусскій сборникъ, III, 307: Празнишна жонка

№ 254.

См. стр. 365 настоящей книги, приказка № 117.

№ 255.

Разсказъ этотъ въ разныхъ селахъ прилагается къ определеннымъ людямъ. Въ дѣтствѣ составитель этой книги слышалъ его отъ своего отца, приуроченнымъ къ одному знакомому крестьянину на х. Немышля, Харьковск. у. Въ Черниговѣ отъ г. Зборовскаго составитель слышалъ его въ 1900 г., какъ мѣстное происшествіе. Вотъ еще вариантъ, доставленный Д. К. Лебедемъ изъ м. Беркиевки Нѣжинскаго уѣзда: «Два чоловікы йдуть уночи,—колы-жь вовкъ; посталы воны та й дивляться. Колыжь вовкъ проловавъ дырку у хливи та й полизъ туды. Отъ одынъ чоловікъ присивъ надъ дыркою передомъ до тыну та й заслонивъ дырку, а другій побигъ людей нагукаты. Чуе вовкъ, що люде бижать, та якъ розженеться у дырку, та головою у шатню чоловікови; чоловікъ и повмысь на йому, а вовкъ понисъ та й понисъ його. Але й вовкъ такъ перелякався, що тилькы за село выбигъ та й здохъ. Отъ тоби й піймавъ вовка; на що те сида та ружжв!»

№ 257.

Folklore de l'Ukraine. Украинскій фольклоръ. Extr. des *Kryptádia*, t V, 1898, Paris, p. 138—139: Tziganes.—M. Tewtik, Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reclam), 75, № 87.

№ 258.

Драгомановъ, Малорусск. преданія, 181, № 15: Сосѣдское добро.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 59.

№ 261.

Чубинскій, Труды, II, 647, № 108.—Этнографичныя Збирныкъ, IV, 187: Якъ цыганъ зъ паномъ обидавъ.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 204.—Жыте и слово, III (1895), 70: Якъ цыганъ штукою найився.

№ 262.

Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VIII; XIII, стр. 243
Линьва кума.—Этнографичный Збирныкъ, VI, № 201: Зюбрій.

№ 270.

Этнографичный Збирныкъ, VI, № 60: Хлопъ и нищухъ,
№ 93: Видтяла.—Жыте и слово, IV (1895), 364, № 3: Бога-
чи и бвднн. 2.—Насрадив-Ходжа, Београд, 1894, ст. 32, № 48.

№ 271.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 15—16, стр. 3.

№ 272.

Гринченко, Этногр. Мат., I, 89, № 115.

№ 275.

Этнографичный Збирныкъ, VI, № 237: Розмова (конецъ).

№ 276.

Тотъ-же анекдотъ составитель книги слышалъ въ дѣтствѣ въ Харьковскомъ уѣздѣ.

№ 277.

Этнографичный Збирникъ, VI, 194, № 441: Быколашъ.— Вотъ еще вариантъ, доставленный изъ Нѣжинскаго уѣзда Д. К. Лебедемъ въ 1900 г.: «Москали украли теля, заризали його та й шкуру зняли. А йихъ началникъ и потуравъ йинь въ снѣгъ. Колю-жъ поднялась трусанына, йдутъ трусыты й москаливъ. Вони положили теля на стиль, прикрыли його рядномъ, а одиень москаль сивъ у головахъ та й псавтырь чыта. Колю ввиходать и сюды трусыты; бачать — покойникъ. Ну, якъ же тутъ трусыты!—«Хто умеръ?—пытають.—«Бычковъ».

№ 278.

Различные рассказы о покражѣ солдатами масла: Рудченко Н. ю. р. сказки, II, 167, № 38: Чоловикъ зъ масломъ и москали.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 431 666.

№ 279.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 17—18.

№ 282.

Драгомавовъ, Малор. преданія, 195, № 38.—Гринченко, Веселый Оповідачъ, № 142.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 425 и.—Календарь Просвѣты на р. 1870, стр. 78.—Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VII, 3, стр. 32, № 84.—Этнографичный Збирникъ, I, стр. 13, № III: Грынджолы; VI, 175, № 390: Русынь и мазурь.—Ястребовъ, Матер. по этн., 186, № 3.—Билецкий-Носенко, Казки сліпого бандуриста (Кіевъ, 1871), стр. 34, № V: Лыцвынь да Украйинець.

№ 284.

Этнографичный Збирникъ, II, Дыкариувъ, 22, № 21: Цыгань-монахъ; IV, 185, № 6: Цыганъ у монастыри.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 410, № 248.

№ 289.

Записки Юго-Зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Об-ва, I, 295.—
Кулишъ, Зап. о ю. Руси, I, 277.

№ 290.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 114: Легенда о В. Хмель-
ницкомъ,

№ 291.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 295.—Кулишъ, Зап.
о Ю. Р., I, 277.

№ 292.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 299—300: Ведме-
дивська попивна.

№ 293.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Палиѣ: Rulikowski, Zapiski
etnograficzne z Ukrainy w Zbiór wiadom., III, 139—140.—
Легенды о Палиѣ въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, I,
115, 117, 123.—Записки Юго-Зап. Отд. Геогр. Об., I, 298.—
Основа, 1861, XII, 29; 1862, VIII: Замѣчат. варианты укр.
пѣсень,—Драгомановъ, Млр. пред., 201—208, №№ 11—13.—
Вл. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ бе-
регу Днѣпра, 61—73 (Архивъ юго-зап. Россіи, т. II, ч. III,
Предисл., 61—73).—Кіевская Старина: 1882, III, 611—615;
IX, 579; 1886, II, 405; 1888, V, 47: Легенда о
Палиѣ.—Черниговскія губервскія вѣдомости 1860, № 14.—
Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach—«Rubon»,
Вильно, 1845, VI, 169—174.—Чубинскій, Нѣсколько народ-
ныхъ ист. пред., Кіевъ, 1873, 8—9 (тоже, что въ Зап. Ю:
З. Об., I).—Полит. писни укр. н., т. I, вып. 2, 37—46.—Кіевля-
нинъ 1868, № 111: Комарь Хмыничъ, Коростышевъ.—Кіевля-

нянъ, 1870, № 57: Свидницкій, Легенда о С. Паліѣ.—Черниговск. Епарх. Извѣстія, 1868, № 7, ч. неофф., 256-257.—Черниговск. Губ. Вѣдом., 1888, № 11.—Новости. 1889, № 66, Мордовцевъ.—Этнографическое Обозрѣніе, II (1889), 80: Каллашъ, Палій и Мазепа въ нар. поэзіи.—Журналъ Мин. Нар. Просв., 1889, 5: А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, XII.—Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1888, № 10, Новвцкій.—Эварницкій, Запорожье, II, 233.—Кулишъ, Укр. нар. пред., Москва, 1847, отд. I.—Кіевлянинъ, 1888, № 34.—Якушкинъ, Сочиненія, Спб., 1884, стр. 312: великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ.—Лисенко, Збирн. укр. писень, II, № 1.—Кіевск. Губ. Вѣд., 1868, №№ 14 и 147.—Полтавск. Губ. Вѣд., 1860, № 14.

№ 294.

Гривченко, Этногр. Матер., I, № 149.

№ 295.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1853, № 10, стр. 69—71. — О Бондаренкѣ: Кіевская Старина, 1882. III, 530, XI, 393; 1886, II, 405; 1890, IV, 30, 31.

№ 296.

Кулишъ, Записки о Ю. Руси, I, 151 (иной рассказъ о похожденияхъ гайдамакъ въ Каневѣ).

№ 297.

Кулишъ. Зап. о Ю. Руси, I, 149.

№ 302.

Гривченко, Этногр. Мат., II, 233, № 173.

№№ 303—304.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Кармелюкѣ: Кіевск.

Старина: 1882, X, 183: Кармелюкъ; 1883, II, 466: Визить Кармелюка; VI, 393: Гнидко, вариантъ Кармелюка; 1884, IV, 698: Е. Маковскій, Изъ рассказовъ о Кармелюкъ; 1886, III, 495: Ролле, Кармелюкъ; VI, 371: Олтаржевскій, Воспоминанія старожила о Кармелюкъ; VII, 553: Венгрияповскій, Еще кое что о Кармелюкъ; 1887, XI, 588: Пѣсни о Кармелюкъ; 1889, VIII, 533: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ; 1892, X, 118: На родивѣ Кармелюка. — Этнографическое Обзорѣніе, XX (1894), 131: А. Малинка, Преданія о Кармелюкъ. — Основа 1862, VIII, Дневникъ Шевченка, 17: пѣсня. — Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1889, № 70: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ.—Зоря, 1894, № 11: В. Боржковскій, Нар. загадка про Кармелюка.—Литературная обработка: Марко Вовчокъ, Оповідання (Спб., 1865): Кармелюкъ (то-же въ «Правди» 1867, №№ 4 и слѣд.).—Чайка, альм. 1875, № 4.—См. еще: Гринченко, Этногр. Мат., III, 618—619.

№ 306.

Различные нар. рассказы и пр. о Шевченко: Кіевскія Старина: 1882, VIII, 371: Взглядъ народа на Шевченка; 1885, IX, 187: Нар. пѣсня о Шевченкѣ; 1887, VIII, 7: 1; 1894, II, 165: Н. Бѣляшевскій, Рассказы крестьянъ с. Пекарей о Шевченкѣ; 1896, II: А. Крымскій, Шевченко въ нар. рассказахъ; 1900, VI, 141: М. Васильевъ, Т. Шевченко въ легендѣ.—Зоря, 1891, № 5: Хв. Крымскій, Нар. память про Шевченка; 1892, № 5: М. Школыченко, Оповідання про Т. Шевченка (зъ нар. усть); 1895, № 3: Два анекдоты про Шевченка; №№ 5 и 6: Д. Писочынець, Шевченко и народъ.

№ 307.

Изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1854, № 15, стр. 102—103.—Соединено два мотива: а) Заклятiе рѣчки матерью за утопленіе дочери (сына); б) переходъ рѣки съ одного мѣста на другое. Параллели перваго мотива: Грияченко, Этногр. мат., I, № 153: Преданіе о болотѣ Заглай (то-же въ «Кіевской Старинѣ» 1893, VI, 521).—См. еще №№ 311 и 315 настоящей книги.

№ 308.

Изъ № 32, стр. 227—229, «Черниговск. губ. вѣд.» 1854.— Сюда вошелъ мотивъ о патавіи змѣвъ, имѣющей обширную литературу; къ нему примыкають рассказы о Кир. Кожемякѣ и змѣѣ: Рудченко, Н. ю. р. сказки, II, № 23; Поповичъ Ясать.— Манжура. Сказки, 24—26; Марко Сучченко.— Гринченко, Этнограф. мат., II, 233, № 175.— Киевская Старина 1898, X, 13; III, 95.— Осташевскій, Пивъ сотни вазокъ, 38, № 6: Змійивъ валь.— Moszynska, Bajki, № 10: Про Сучченка.— Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 196—197, № 85; въ томъ-же томѣ №№ 75 и 76.— Русская Бесѣда, 1856, III, статья Максимовича, 74.— Аванасьевъ, Поэтич. возвращенія, I, 560—562.— Кулишъ, Зап. о Ю. р., II, 27: Кир. Кожемяка.— Драгомановъ, Малор. пред., 248, № 1. Илья Швець и змій.— Nowoselski Lud Ukrainiski, I, 133—135; 254—284.— Москвитанинъ, XII, 146—149. Въ Малор. преданіяхъ Драгом., 248, указано еще: сербскую пѣсню о больномъ Дайчинѣ у Караджича, II, 460, № 78.— Древне-русскій рассказъ объ Услошведѣ см. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, I, 53.— Большой Георгій. Dozon, Chansons pop. Bulgares, № 40. О кракѣ и змѣѣ въ Вавелѣ см. San Marte Polens Vorzeit, 16.— Другіе примѣры у Буслаева: Клянообразныя надписи Ахеменидовъ, Рус. Вѣстн. 1873, № 12.

№ 311.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» 1858, № 51, стр. 400.— См. № 307 настоящей книги.

№ 312.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей», 1857 г., № 3, стр. 17—18.

№ 313.

Оттуда-же, 1856, № 48, стр. 372—374.— Стихотворныя.

обработки темы: П. Кузьменко, Погане поле (Черниговск. губ. вѣд. 1860, № 21;—Основа, 1861, II, 41;—Чайка, альм. 1876, стр. 9).—Осташевський, Пивъ сотни назокъ, 9, № 2: Гандзя кошового.

№ 314.

О вѣтряныхъ барабанахъ см. въ «Запискахъ о Ю. Руси» Кулиша, I, 114—115, гдѣ устройство ихъ приписывается Богдану Хмѣльницкому.

№ 315.

Изъ брошюры М. Исаенка: «С. Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860. стр. 4. (Печаталось первонач. въ Черн. Г. В. 1860 г.).—См. № 311 этой книги.

№ 317.

Гринчевко, Веселый Оповидачъ, № 31.—Номысь, Укр. прыказки, № 10970.

№ 318.

Сказка о безстрашномъ, желающемъ узнать что такое страхъ и отыскивающемъ его, существуетъ во множествѣ вариантовъ у различныхъ народовъ: Этнографичный Сборникъ, I, 5—8, № 2: Чоловикъ безъ страху и ушырь.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, 49, № 85.—Чубинскій, Труды, II, 366, № 101.—Kolberg, Rokucie, IV, № 30.—Манжура, Сказки, 60.—Ястребовъ, Матер. по этногр., 81.—Аванасьевъ, Р. нар. сказки (1897), II, 310—314, № 204: Безстрашной.—Kolberg, Lud, III, 119, VIII, 133 (здѣсь указаны польскіе варианты).—Kozlowski, Lud, 336, 358.—Ciszewski, Krakowiasy, 209, 210.—Шапкаревъ, Сборникъ за нар. умотвор., №№ 122, 248.—Верещагинъ, Вотьяки Соснов. края, 161.—Нѣмецкія сказки изъ Верхняго Пфальца указаны Кольбергомъ въ вышедш. мѣстѣ «Lud'a».—Grimm, Kinder- und Hausmärchen, I, № 4: Märchen von einem, der auszog

das Fürchten zu lernen и въ III т. примѣчанію къ ней (стр. 13—19 изд. «Univ. Bibl.»).—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 408—416.—Schleicher, Litauische Märchen, 79—83.—Gonzenbach, Sicil. Märchen, II, 237.—Hahn, 24, 32, 64.—Schott, Walach. Märchen, 27.—Cosquin, Contes pop. de Lorraine, II, 253—263, № LXVII. Jean sans peur (здѣсь указана литература).—Фламандскія нар. сказки, пер. Галибина, изд. Ледерле (Спб. 1893), стр. 95—116: Побѣдитель дракона.

№ 319 и 320.

Мотивъ объ отдачѣ обманщику женщиной предназначенныхъ для другого лица вещей и погонѣ за нихъ ея мужа, который въ свою очередь тоже оказывается одураченнымъ, разрабатывается въ двухъ версіяхъ: а) жена, не поймавъ мужа, отдаетъ обманщику вещь, предназначенную для сбереженія, б) жена отдаетъ человѣку, выдавшему себя за идущаго съ того свѣта, вещи для передачи умершему родственнику (вторая половина—о погонѣ мужа—обѣихъ версій сходна). Варіантъ первой редакціи: Майжура, Сказки, 108.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, XI, 110—111, 143.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 238—240.—У Цингерле—тирольскій варіантъ.—Етнографическій Сборникъ, III, 130, № 2. Дурна баба (литература къ этой сказкѣ въ т. IV «Етн. Зб.», 201).—Krauss, Sagen und Märchen d. südslav, II, 232.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 122, 147 (то-же въ Сборн. X. н. ф. о., XI, 239, 264)).—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 227 в, стр. 367.

Вторая сказка существуетъ или самостоятельно, или является частью болѣе обширной сказки объ исканіи даннымъ лицомъ людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его домашніе (плакавшіе о несчастной смерти возможнаго въ будущемъ ребенка). Излѣдованія (съ указаніемъ многочисленныхъ варіантовъ) послѣдней сказки (съ составными ея элементами), а также и сказки о передачѣ вещей умершему см.: Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 237—245, № XXII, Jeanne et Brimboriau.—Сумцовъ, Разскавія въ области анекдотической литературы.

Анекдоты о глупцахъ, стр. 28—56 (то-же въ Сб. Харьк. и. ф. о-ва, XI, 140—173, а также 110—111).—Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности (Кіевск. Старина, 1886, III, 445—450).—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 220. Вороватый мужикъ.—Clouston, The book of doodles, 204 и слѣд.

Кромѣ всего указаннаго, см. №№ 696—697 въ «Галицько-р. анекдотахъ» Гнатюка (VI т. «Етн. Збирчка»), гдѣ находятся и дополненія къ литературѣ предмета, а также Archiv für slavische Philologie, XXII Band, отдѣлъ критики, стр. 310.

№ 321.

Вариантъ очень распространенной въ Европѣ, Азій и Африкѣ сказки о матери-предательницѣ. См.: Kolberg, Pokucie, IV, № 17.—Мавжура, Сказки, 33—59.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57.—Гринченко, Этн. Мат., I, №№ 157 и 158.—Чубинскій, Труды, II, 285—290, № 75.—Халанскій о Маркѣ Кралевичѣ, I, 17.—Zawiliński, № 4.—Садовниковъ, 69, 133.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, XVIII, 18, 79.—René Basset, Berberes, 222.—Къ этой темѣ примыкаетъ тема о сестрѣ предательницѣ: Kolberg, Pokucie, IV, №№ 13 и 14.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 49 (перенечатана отдѣльн. брошурою въ Кіевѣ, 1890, подъ заглав. «Братъ и сестра»); №№ 50 и 51; II, № 22.—Чубинскій, II, 138—167, №№ 48—50.—Ciszewski, Krakowiacy, 89.—Kunos, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см. Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 71).

Литература входящаго въ эту сказку мотива о благодарныхъ животныхъ указана г. Сумцовымъ въ «Этногр. обзорѣни» XXII (1894), 103.

№ 322.

Драгомановъ, Малорус. пред., 355, № 33: Мальчикъ-мизинецъ.—Худяковъ, Влкр. сказки, II, № 64.—Hahn, Griechische und

albanesische Märchen, I, № 55; II, № 99.—Schleicher, Litauische Märchen, 7—8.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen (Verl. v. P. Reclam), I, 178, № 37: Daumesdick; 201, № 45: Daumerlings Wanderschaft; III, 72, № 37; 76, № 45.—Norweg. Volksmärchen, II, № 14.—Zeitschrift für D. M., I, 48—49 и 381.—Valjavec Kračmanov, Narodne pripoviedke, стр. 116—119.—Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, II, стр. 738—739.—Аванасьевъ, Р. и. сказки (1897), II, 225—228, № 168: Мальчикъ съ пальчикъ.—Vogl, Volksmärchen (slawonische, 1851), № 6.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, II, 147—155, № LIII: Le petit poucet.—Данилевскій, Укр. сказки (6 изд.), 49, № XII: Коротышки (стихотв. русск. передѣлка).

№ 323.

Kolberg, Pokucie, IV, № 9.—Kolberg, Lud, XVII, стр. 180; XIV, № 15.—Kunoš, Oszmán-török népköltésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 68).—Срвн. Cosquin, Contes popul., I, № XXVIII: Le taureau d'or; № LXXVIII: La fille du marchand de Lyon.

№ 324.

Чубинскій, II, 355, № 93.—Moszyńska, Bajki, № 24.—Этногр. Обзорѣніе, XXII (1894), 129.—Этногр. Збирникъ, VI, № 167.—Рудавскій, Творы, I, 106, № 65: Крыва баба.—Жыте и слово, II (1894), 359: Якъ бидна баба ворожкой стала; IV (1895), 357, № 22: Якъ баба пана вылычыла.—Zbiór Wiadomości do antr. Kraj., T. XI (3), стр. 62.—Календарь Просвѣты на рікъ 1872, стр. 61—62.

№ 325.

Изъ малорусскихъ вариантовъ намъ извѣстны только литературныя обработки сюжета: прозаическая у Квитки: «Шарикове сніданія» и стихотворная у Рудавскаго, Творы, I, 66; №

34: Цыганъ зъ хрономъ. —Сходная индусская сказка: Минаевъ, Инд. сказанія, 15. (см. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 41.

№ 328.

Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 248: Разказы объ инородцахъ. z.

№ 330.

Подобныя «Розмовы»: Гринченко, Этн. Мат., II, № 203.— Чубинскій, II, 679, № 146: Роспыталась.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 64 и 171.

№ 331.

Чубинскій, II, 677, № 142.—Руданський, Творы, IV, 15: Ни зло, ни добре.—Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 280: Хорошо да худо.

№№ 333—336.

Kolberg, Pokucie, IV, № 73: Кошалки-опалки.—Moszyńska, Bajki, № 29 и 30: Про мудрого дурня и Якъ то собі сынъ зъ батькомъ лаялинували.—Манжура, Сказки, 83—84: Брехня; 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатили, а батька ше на свити не було, Небылиця, Приказки.—Чубинскій, Труды, II, 83—85, 336. № 85; 517—519, № 13; 678, № 143.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 11—13: Одъ чого зайци кудя? 178—180, №№ 35 и 36.—Драгомановъ, Малоруск. преданія, 372—374, №№ 42 и 44; 338—339: Дурень на неби.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Об-тва, VI, 171—175.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 29, 114.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, №№ 176—179; II №№ 241—247.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, I, 228—233. (Отсюда перепечатано: Гринченко, Веселый Оповидачъ, Черниг., 1898, № 74).—Дзвивокъ, газета для дѣтей, 1890, стр. 47.—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, № 26, Сказка о трехъ братахъ Кондратахъ.—Этнографичный Сборникъ, IV,

157—161, №№ 37. Казка безъ правды, 38. Казка-небелыця.— Руданський, Творы, I, 126—133, № 85.—Этнографическое Обозрѣніе, 1894, I, 9; II, 176.—Wisła, 1890, стр. 76.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, IX, 70; XII, 93; XV, 47.—Добровольскій, 659.—Календарь «Просвѣты» на р. 1894, стр. 111.—Wunderbare Reisen und Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen (изд. Мейера, Реклама).—Этнографичный Збирныкъ, т. VI: Гнатюкъ, Галицько-руськи анекдоты, №№ 641—642, 645, 648—652, 657, 664, 665.—Этнографичный Збирныкъ, т. III, 49—51, №№ 16—17.—Литературная обработка въ стихахъ въ «Украинскихъ сказкахъ» Данилевскаго, 6-е изд., стр. 61, № XV: Сонъ въ Ивановскую ночь.—Пущанський-Кривый, Перлы фантазійи югового-руського народу, 1894.—Записки наукового т-ва им. Шевченка, XXIX (1899): Веркратскій, Знадобы до лизавия угорсько-руськыхъ говоривъ, 148—149.—Оставевскій, Пивъ сотни казокъ (Кіевъ, 1869), 314, № 50: Правда (стихотворная передѣлка).—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 117—118, № 112, Der Dreschflegel vom Himmel, 247, № 159: Das Dietmarsische Lügenmärchen; III, 208—210, 257—258.—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 424—425.—Haltrich, Deutsche Volksmärchen aus d. Sachsenlande in Siebenbürgen, № 56.—Wolf, Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, 201—203: Der Märchenerzähler.—Аванасьевъ, Р. в. сказки (изд. 1897), II, 374—383, № 231: Не любо—не слушай.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 74.—Нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай, пер. съ вѣмецкаго; было много изданій, по изданію И. Гурьянова (Москва, 1844) ст. 213 и 448—449.—Народ. сказки, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 24.—Труды Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 148—149.—Даль, Пословицы русскаго народа, стр. 1095.—Slovenski Glasnik, X (1864), 316, № 38.—Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, № 39 и 59.—Kylða, Moravske narodni pohádky a povesti, II, № 39 и 41.—Schleicher, Litauische Märchen, 37—38.—Stier, Ungarische Volksmärchen, № 18.—Norwegische Volksmärchen, I, № 1.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 264—265.—Mate-

gwały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, II, 2, стр. 95—96, № 68; стр. 112, № 85.—Wisła, IX, 329—330, № 12: Niepodobieństwo.—Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, I, 467—470: Абы старикъ—«самъ на кутѣ, вось на крыку, ноги на градкахъ»; 663—665: А мужикъ, што лоука урать умбу.—Рожановъ, Вѣлорусскій сборникъ, I, вып. III, 413—418: Не любо—не слушай.—Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣверо-западнаго края, II, 244—257: Не любо—не слушай; 167—168: Шавецъ и рыбаць.—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, III, 221—229.—Караджич, Српске народне приповijetke № 44: Лаж за опкладу.—Ciszewski, Krakowiacu, I, № 194—196.—Chelchowski, Powieści i opow. ludowe z okolic Przasnycza, № 6.—Kolberg, Lud., т. XIV, № 103.—Zbiór wiadomości do antrp. kraj, т. VIII, 299; IX, 3, стр. 146; XVI, 2, стр. 19 и 71.—Dobsinsky, Slov. pohadky, T. III, 33—38.—Świętek, Lud Nadrabski, 429—431, № 52.—Kolberg, Lud. Kujawy, I, 193—194: Dziwy.—Караджич, Српске нар. приповijetke и заг., стр. 73—81: Усудъ.—Erben, Vybr. báje a pov. nář., 73—75: Stesti a nestesti.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. На стр. 181—197 подробное указаніе мотивовъ «нисенитвыць» и литературы каждаго мотива.

№ 389.

Харьковскій Сборникъ, II, 93.—Ястребовъ, Мат. по этн., 10.

№ 358.

Объ отравѣ жабою см. еще: Гринченко, Этн. Мат., I, № 58.—Чубинскій, Труды, I, 136: Дання.

№ 359.

Разсказы о солдатѣ, боровшемся съ упыремъ: Гринченко, Этн. мат., I, № 86; II, №№ 83, 84, 85 и 88.—Аванасевъ, Р. и. сказки (1897), II, № 205.

№ 363.

Изъ Черн. Губ. Вѣдохостей 1858, № 16, стр. 120—121.—
Аванассевъ, Р. в. сказки (1897), II, № 237: Жена спорщица.—
Пыпякъ, Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ,
202, 268.—Русск. Вѣстникъ, 1857, IX, статья Забѣлина.—
Врчевич, Српске народ. приповѣд. [(1868), № 7.—Караджич,
Српске пословиц., стр. 159.—Гринченко, Этногр. матеріалы, II,
№ 113, Уиерта жинка.

№ 364.

Стороженко, Укр. оповидавня (1897), 1: Се така баба, що
чортъ вѣй на маховыхъ вылахъ чоботы оддававъ (первоначально
было напечатано въ Основѣ 1861, IX, потомъ отдѣльно и въ пер-
вомъ изд. «Укр. оповид.»).—Н. Сумцовъ, Повѣсть о томъ, какъ
чертъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П.
Стороженко «Се така баба» etc)—въ «Юбил. сборникъ въ честь
В. Ф. Миллера», Москва, 1900, стр. 169.—Добровольскій, Смо-
левскій Этногр. Сборн., I, 346.—Худяковъ, Великорусскія сказ-
ки, II, 131—Schleicher, Litauische Märchen, 50.—С. Wurz-
bach, Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert, Wien,
2 Ausg., 1852, pp. 178—182.—Puibusque, Le comte
Lucanor, 402—409.

№ 365.

Разсказъ этотъ намъ приходилось и раньше слышать, если
не ошибаемся, въ Харьковской губ. Мы сочли его тогда переда-
чею (быть можетъ, —искаженною) дѣйствительно случившагося
въ названномъ намъ тогда селѣ событія и не внесли въ свои
записи. Теперь онъ оказывается живущихъ въ устахъ крестьянъ
Черниговскаго уѣзда. Уже послѣ доставленія этой записи при-
шлося прочесть въ № 159-мъ газеты «Кіевлянинъ» за 1900 г.
слѣдующее:

Семейная трагикомедія. Въ ставкѣ Роговской, Кубанск-
обл., по словашъ «Крыма», разыгралась семейная драма. Жена

казака Люльки, Минодора, влюбилась въ фельдшера Пацюка и, чтобы избавиться отъ мужа, попросила Пацюка дать ей, для этой цѣли, яду. Фельдшеръ пообѣщалъ. Встрѣтившись на улицѣ со своимъ противникомъ, Пацюкъ, рассказалъ ему о замыслѣ жены его и предупредилъ, что когда онъ вечеромъ выпьетъ стаканъ чаю, въ которомъ будетъ заключаться не ядъ, а гофманскія капли, то пусть притворится больнымъ. Поступая по совету Пацюка, Люлька, послѣ перваго стакана чаю, сиватился за сердце и попросилъ жену вывести его на чистый воздухъ, въ сарай, гдѣ и притворился умершимъ. Жена, видя, что мужъ скончался, сиватила веревку и, надѣвъ петлю на шею, другой конецъ ея забросила на балку съ цѣлью повѣсить свою жертву для отвода глазъ. Когда Минодора доставала конецъ веревки, Люлька снялъ съ шеи петлю, надѣлъ ее на деревянный чурбанъ, а самъ спрятался въ углу сарая. Когда же она созвала сосѣдѣй и стала кричать, что мужъ повѣсился, сосѣдямъ пришлось только убѣдиться, что виситъ не человекъ, а деревянный чурбанъ.

№ 369.

Сочиненія Г. и С. Карпенко на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, Слб., 1860, книга II, стр. 31—39 (пересказъ по русски).—Въ № 174 «Харьковскія Губ. Вѣдомостей» 1900 г. перепечатанъ изъ газ. «Гражданинъ» тотъ-же анекдотъ (по русски), при чемъ рассказъ уже поуроченъ къ князю Потежкину, который является здѣсь въ роли пана. Въ ст. Кузьмичевскаго: «Турецкіе анекдоты въ украинской нар. словесности» (Кіевская Старина 1886, II, 213—220) указаны иностранныя параллели анекдота.

Сторія и мудроу младенцу.

«Сторія» есть вариантъ восточной сказки о царевнѣ Турандо; сказка эта вошла въ составъ сборника «Тысяча дней и одинъ» (см. Von der Hagen, Tausend und ein Tag, morgenländische Erzählungen, Prenzlau, 1886, т. I), сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Западной Европѣ въ XVIII в.

Малорусская редакція ея (съ рукописи) опубликована впервые въ журналѣ «Жыте и слово», II (1894), 136—142; затѣмъ, если не ошибаемся, въ черноведкой газетѣ «Вуковина» за 1897 г. (№ 144 ?) помѣщенъ былъ новый вариантъ.—См. еще: Moszyńska, № 25, Казка-загадка.—Kolberg, Pokucie, IV, № 49; польскій вариантъ послѣдней сказки въ «Wisła» 1891, I, 139, а сходная великорусская пѣсня въ соч. Хомякова.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 109—110, № 132: Царевна разрѣшаетъ загадки; I № 116а.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 127, № 114: Vom klugen Schneiderlein; III, 210, № 114.—Walachische Märchen, №№ 9 и 16.—Караджич, Српске народne приповijetke, № 45: Краль и чобанинъ.—Гоцци воспользовался сказкой для сценическаго произведенія, а Шиллеръ передѣлалъ пьесу Гоцци по нѣмецки.

Повѣсть о Агий царю.

Это вариантъ «Сказанія о Едномъ цесари Іовнанѣ». Литературную исторію обоихъ вариантѣвъ см. у проф. Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и «Разысканія въ области русскаго дуговаго стиха», гдѣ напечатанъ и текстъ разсказа объ Аггеѣ. Малорусскій текстъ «Сказанія о Іовнанѣ» см. въ «Запискахъ наук. Т. и. Шевченка», т. XVI (1897), Гнатюкъ, 20—27, гдѣ указана и литература. Къ ней прибавимъ наиболѣе близкій къ нашему вариантъ у Рудченка, II, 159, № 36: Гордый царь.—Moszyńska, Bajki, № 14: Про царя Іона. Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ г. Сумцовъ указываетъ литературу: Этвогр. Обзор. 1894, III, 126—127.

Слово о смерти и о рицери.

Рукописный вариантъ см. въ «Запискахъ наук. т-ва ни. Шевченка, XVI (1897), Гнатюкъ, Легенды зъ Хитарського збирника, 14—20. Здѣсь же и устный вариантъ, перепечатанный въ III т. «Этвогр. збирника», 120—121, № 46: Про рыцаря и смерть. См. еще брошюру для народа: Рыцарь и смерть. Коломия. Зъ печатни М. Бѣлоуса. 1894. (Второе изданіе).

Указатель содержания потъщенныхъ въ этой книгѣ записей.

I. Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. Солнце плачетъ, если бросить на виду убитую гадюку. 2.
2. Змій летивъ (*метеоръ*), неся деньги сапожнику. 2.
3. Змій носить гроши явкоюму П-чу. 3.
4. Змій якъ куль соломы летѣлъ по селу, неся деньги Б. 3.
5. Змій видѣмъ гроши носить и сидитъ у нея на крышѣ. 3.
6. Змій сныдае своимъ крыла. Змій леталъ въ хату, гдѣ
повѣсилась женщина, при чемъ оставлялъ своя крылья на дворѣ.
Наймытъ перекрестилъ крылья, и змій не могъ ихъ взять до тѣхъ
поръ, пока наймытъ самъ не отдалъ ему нѣкъ за кучу червон-
цевъ, насыпанную въ шапку съ дырой. 4.

7. Одуренный змій палывъ чоловина. Змій обязался нано-
сить чоловѣку шѣрку денегъ, но не могъ исполнить этого, такъ
какъ чоловѣкъ обманулъ его: желѣзную шѣрку безъ дна поста-
вилъ надъ глубокой ямой. Разсерженный змій приказалъ чело-
вѣку расписаться своей кровью въ полученія денегъ, а потомъ
ежегодно жегъ его; чоловѣкъ избавился отъ этого тѣмъ, что
началъ пристравывать ежегодно что либо новое; но все же обѣд-
нѣлъ. 4—5.

8. Визъ (зиркъ). Свѣтатъ начинается, когда *Визъ* пере-
вернется низомъ вверхъ. 6.

9. **Витеръ** сильно дуетъ отъ злости, что жена дала ему толстую рубашку. 6.

10. **Грядъ**—наказаніе людямъ за работу въ праздникъ. Обереги отъ него. 6.

11. **Зима** стае теплѣе. Прежде бывали такіе холода, что птица замерзала на лету, но земля поворачивается другою стороною и потому все теплѣетъ и теплѣетъ. 6—7.

12. **Чомъ зима безснѣжна**. Родился удивительный ребенокъ, который при крещеніи потребовалъ ѣсть. Ему дали снѣгу и потому будетъ семь (три) безснѣжныхъ зимы; а если бы дали хлѣба, то былъ бы голодъ. 7—8.

13 **Обизяны**. Бабы оставляютъ въ лѣсу лавты, въ которые обуваются любопытныя обезьяны,—тогда ихъ ловятъ. 8.

14. **Вовнамъ Св. Юрій** роздае що йисты. Св. Юрій указываетъ волкамъ каждое живое существо, которое они должны съѣсть. Три случая подслушиванья людьми на деревѣ распоряженій св. Юрія: одинъ окончился счастливо, а въ двухъ остальныхъ подслушивавшій былъ отданъ на съѣденіе волкамъ. 8—10.

15. **Вовчій богъ Полисунъ**—похожъ на человѣка, гоняетъ волковъ туда, гдѣ есть имъ пища, напр., на войну; онъ устанавливаетъ цѣну на ярмаркахъ. 10—11.

16. **Лисунъ** годуе вовкивъ. Вѣдникъ ночевалъ въ лѣсу на деревѣ и случайно видѣлъ, какъ Лисунъ раздавалъ волкамъ куски хлѣба, привезеннаго на возу; оставшуюся краюшку онъ отдалъ вѣднику; который разбогатѣлъ отъ этого. Его богатый братъ, отправившійся за такою-же несѣждаемою краюшкою въ лѣсъ, былъ разорванъ волками. Мѣсто жительства Лисуна и способъ узнать его. 11—12.

17. **Лисунка** выкупыла свою дытыну. Баба нашла въ лѣсу дитя Лисунки и возвратила послѣдней. Въ награду за это Лисунка подарила ей богатство, но по ея смерти, проплакавъ за ней три дня, сожгла ея жилище. 13.

18. **Лисунка** вирала чуму дытыну. Украденное Лисункою дитя человѣкъ случайно нашель въ лѣсу и возвратилъ родителямъ. 44.

19. Вилъ и имь. Конь и воля бѣгали въ перегонку, воля упалъ въ ровъ, подумалъ, что земля провалилась и съ тѣхъ поръ не хочетъ бѣгать. 14.

20. Чомъ еманъ схожий съ свинею. Освященный на праздникъ пасхи въ церкви поросенокъ превратился въ ужа. 15.

21. Сорона, начинаеть вить гнѣздо на Хресте. 15.

22. Бусоль. Поселившійся на хатѣ аистъ ежегодно выбрасываетъ изъ гнѣзда или аистенка, или яйцо: въ первомъ случаѣ будетъ урожай, во второмъ—наоборотъ. 16.

23. Дятель. Человѣка, рубившаго дрова по праздникамъ, Богъ обратилъ въ дятла, заставивъ его вѣчно рубить носомъ. 16—17.

24. Журавли вылетаютъ изъ ирія на двѣнадцатой недѣлѣ; они любятъ, чтобы ихъ называли не журавлями, а «веселями». 17.

25. Лыпа та осыка. (*Де дивається жоноча клятва*)—вся брань женщинъ, обращенная къ мужьямъ, падаетъ не на этихъ послѣднихъ, а на липу и осину, превращаясь тамъ въ наросты. 17.

26. Чого стали невромайм. Неурожай появились отъ неуваженія къ старымъ обычаямъ и отъ заводящихся новшествъ; также отъ неуваженія женщинъ къ работѣ ратаевъ. 18.

339. Кишка. Кошку нельзя брать на возъ: лошади не повезутъ. 377.

340. Мыши выживаютъ хозяевъ. 377.

341. Гадюна. Крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ. 377.

342. Жыве серебро, брошенное въ воду, вырываетъ въ двѣ глубокую яму. 378.

II. Примѣты и повѣрья.

27. Яка колы година бува—примѣты о погодѣ по растеніямъ, животнымъ и различнымъ явленіямъ. 20—22. № 343—379.

28. Весилля—примѣты о свадьбѣ. 22.

29. Дытына--приѣты о ребенкѣ. 22--23. № 344--379--380.
30. Здоровле. Хвороба. Приѣты. 23—24. № 345—380.
31. Сонъ—на какую сторону ложиться. 24.
32. Поганый на языкъ. Отъ поганыхъ глазъ или поганого языка человекъ болѣеть. Одинъ генералъ, «поганый на языкъ» похвалилъ утять, и всѣ они передошли. 24—25.
33. Смерть—приѣты о смерти. 25—26. № 345—380.
34. Мрець. Обычая при жертвѣ; приѣты. 27—29.
35. Той свить—приѣты о загробной жизни. 30.
36. Ймна, напытки. Приѣты о хлѣбѣ, блинахъ, варывѣ, огурцахъ, квасѣ, водѣ, ѣдѣ въ разное время. 31—32. №№ 346 и 347—380—381.
37. Одежа, обува—о времени шитья одежды и обуви, о пользованіи ею и пр. 32—33. № 348—381.
38. Хата. Погрибъ—о постройкѣ и пользованіи нии 33—34. № 351. Не годиться работы на пороги. 383.
39. Урожай—приѣты объ урожаѣ. 34.
40. Колы й якъ ораты й сїаты. 35—36.
41. Садъ. 42. Городъ. Приѣты. 36—37. № 349—382.
43. Свїйска тварь. Приѣты о скотянѣ вообще, о коровѣ, теленкѣ, конѣ, поросенкѣ, птицѣ, гусяхъ, пѣтухахъ, пчелахъ. 37—39, № 350—382
- 44 и 352. Колы не треба работы. 39—40, 383.
45. Съ краденого краще заведешъ, нежели отъ купленнаго. Поэтому крадутъ, для разведенія, сѣмена и птицу. 40.
46. Даваты—когда и какъ давать. 40—41.
47. Жылавый понедиломъ—приѣты о немъ. 41.
48. Зустричъ—нельзя проходить посрединѣ между двумя вдуцями. 41.
49. Що вищуе. О ногтяхъ, костѣ, глазахъ, носѣ, бородѣ, правой ладони, паукѣ, котѣ, углѣ, пѣтухѣ, ложкахъ. 41—42.
50. Злодій. Если громъ загремитъ когда еще деревья безъ листьевъ, то уворованное не будетъ отыскиваться. 42.
353. Якъ продаваты. 383.
354. Злагода. 383

III. Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго проживешъ. 44.—52. Угадать, чы вси у сийи будутъ живи. 44.—53. Щобъ быть здоровымъ. 45.—54. Щобъ шастыло на войны и на суди. 45. 55. Одъ усякой болизни. 45—46.—56. Передать болкъ другому. 46.—57. Одъ урокивъ. 46—47.—58. Видъ прыстриту. 48.—59. Одъ простуды. 49.—60. Одъ лыхоманны. 49—50.—61. Одъ жовтяницы. 50.—62. Голова. 50—51. 63. Одъ болячны у вуси. 51.—64. Одъ зубивъ. 51—52. 65. Якъ охрыпнешъ. 52.—66. Видъ очей. 52—53. 67. Одъ грудной боли. 53.—68. Одъ мывота. 53—54.—69. Якъ нудно. 54.—70. Одъ печайны. 54.—71. Одъ пияцтва. (55). 72. Щобъ не боллы руки и ноги. 55.—73. Одъ бежа, бешыкы и прыстриту. 55—57.—74. Опухъ. 58.—75. Огныкъ. 58.—76. Одъ бородавокъ. 58.—77. Раны. 58—59.—78. Кровъ замовляты. 59—60.—79. Дытячи хворобы. 60—61. 80. Щобъ довго не було дитей. 61.—81. Кумування. 61. 82. Змовленіе гада. 61—62.—83. Знахарка—ея лѣкарство. 62.—84. Позихання. 63.—85. Одъ вовкивъ. 63.—86. Щобъ плаваты гарно. 63.—87. Спать лягаючи, промовляты. 63. 88. Щобъ не посердытыся, дяючи. 63.

89. Любоци, сватання, весілля. 1. Пряники зъ любоща-мы. 2. Щобъ хлопци влязлы. 3. Ворожннн на сонъ (за кого замижъ.). 4. За якого пидешъ замижъ. 5. Старосты. 6. Сватан-ня. 7. Весілля. 8. Щобъ зъ чоловікомъ вйтыся. 64—66.

90. Варыво—щобъ не було слызьке. 66.

91. Дина—что дѣлать съ дижею, чтобы былъ вкусный хлѣбъ. 66.

92. Одежа—когда мыть, не надѣвать на изнанку. 67.

93. Чы гарна на мыття хата—способъ узавать. 67.

94. Щобъ у хати не велься прусы, муны, жабы—раз-личныя средства. 67—68.

95. Огонь у хати й на поли—закливанія огню, чтобы го-рѣлъ, способъ узавать время дня по огню. 68—69.

96. Скотына, щобъ пишла у руку. Яка масть буде у руку. Якъ годувать, берэгты и проч. 69—70.

97. Коровы. Купленная корова. Чтобъ корова больше молока давала. Вѣдьма учить, какъ нѣтъ хорошую сметану. Обращеніе съ молокомъ. Исправить испорченную корову. Лѣченіе перелоговъ. 70—72.

98. Конь. 1. Если въ возъ, на которомъ должны ѣхать «люди», положить съ приговоромъ три стрючка, въ которыхъ въ каждомъ по девять горошинъ, то кони не могутъ двинуться съ мѣста. 2. Какъ понять потную лошадь. 73.

99. Свины—средства для успѣшнаго разведенія свиней. 74

100. Ягнята. Способъ нѣтъ кудрявыхъ ягвять. 74.

101. Гусеняты да курчата. Средство отъ хищной птицы. 74—75.

102. Бджолы. Ловленіе роевъ; средство сдѣлать пчель злыми и сильными. 75.

103. Садъ. Средство нѣтъ урожай въ саду. 76.

104. Городъ. Уходъ за овощами. 76.

105. Поле. Средство чтобы не было «спору» въ хлѣбѣ, чтобъ былъ урожай, чтобы не напала птица. 77.

106. Щобъ дощъ ишовъ—вѣшать на плетень земляного рака. 78.

107. Бычь на ципь. Обрядъ отрѣзыванія его. 78.

108. Щобъ була удача. 78.

109. Щобъ була удача на охоти. 78.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа. 79.

111. Злодіевы одъ суда спосибъ. 79.

112. Изъ старой рукописи. Сказаніе о пчелахъ. Отъ укушенія змѣи. Перелогы у коня. Заговаривать кровь. Черви вышентывать. «Лекарство статчинъ». Вѣльмо у коня или вола. Гнидець замовити. Гостецъ. Рана ножная. Францѣ. Заговоръ отъ ружья. 79—87.

355. Ночныця. 384.

356. Золотуха. 384.

357. Грызь. 384.

358. Отрута жабою. 384.

IV. О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно: отъ черта вполне защищаетъ крестъ, а русалка и вѣдьма гораздо страшнѣе. 90.

114. Чортъ конемъ. Двѣ дѣвушки возлѣ рѣчки встрѣтили черта въ образѣ сѣраго коня. 90—91.

115. Чортъ паньчешъ на пасици. Чертъ въ видѣ паньча пришелъ къ пасѣчнику во время грозы, но когда тотъ перекрестился, бѣсъ исчезъ. 91.

116. Нечыстый на кони. Разсказчикъ видѣлъ черта, скакавшаго на сѣромъ пламенѣющемъ конѣ и бросившагося въ Десну. 92.

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ). Черти въ образѣ велосипедистовъ ѣхали прямо по водѣ черезъ Десну. 92.

118. Нечыста сыла голосыть. Нечыстая сила гоняла табунъ пасшихся лошадей и плакала, проклятая жизнь. 92—93.

119. Нечыстый просыть перевозу—у бабъ, ловившихъ бреденъ рыбу. 93.

120. Нечыста сыла несе гроши: а) въ образѣ огненнаго полотва и б) огненнаго ядьюа безъ головы. 94.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ. Чертъ хотѣлъ перевернуть будку пасѣчника, въ которой спало два человекъ. 94—95.

122. Чортъ коней гоня на ночлигахъ, не желая, чтобы хлопцы пасли ихъ на извѣстномъ мѣстѣ. 95.

123. Нечыста сыла возыла. Пары, ѣхавшіе въ каретѣ шестеркомъ, попросили встрѣтившагося крестьянина показать имъ дорогу къ парому. Онъ поѣхалъ съ ними и они, заплативъ ему за услугу, вдругъ исчезли, и оказалось, что это черти, завезшіе его въ чужое село, а вмѣсто денегъ они дали черепки. 95—96.

124. Чортъ лякае детей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ. Нечыстая сила ходила по ночамъ, стучала, бросала на дѣтей камнями, обливала ихъ и пр. 96—97.

125. Чортъ до молодыци ходыть йимъ чолвиномъ. Женщина нашла въ полѣ клубокъ ленточекъ и съ этого времени стала

къ ней ходить по ночамъ чертъ подь видою ея мужа, ночевавшаго на ночлегахъ. Узнавъ кто это, она набавилась при помощи средства, указаннаго знахаркою. 97.

126. Чортъ однявъ дытму. Черти отвяли у женщины въ лѣсу дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ этой женщины нашель свою, выросшую уже, сестру въ пустой хатѣ за селомъ и, по совѣту дѣвушки, привелъ священника посвятить хату. Но когда это было исполнено, — все провалилось сквозь землю. 98.

127. Парубокъ гравъ чортамъ. Черти мужскаго и женскаго пола заставили парубка играть себѣ на скрипкѣ и цѣлую ночь танцовали. Они представлялись ему парубками и дивчатами, но на утро все исчезло, а онъ увидѣлъ себя въ болотѣ. 99.

128. Чортъ платить за танци. Чертъ въ болотѣ сидѣлъ около сундука съ денгами и игралъ на скрипку. Человѣку, согласившемуся танцевать подь его игру, онъ заплатилъ такъ щедро, что тотъ разбогатѣлъ. 99.

129. Чортъ ченцемъ частуе человека. Чертъ встрѣтился человѣку въ полѣ въ видѣ знакомаго монаха и сталъ его угощать водкой; но когда тотъ перекрестился, все исчезло. 100.

130. Чортыци частують человека. Чертовки въ видѣ знакомыхъ бабъ угощали крестьянина водкой, но когда онъ, передъ тѣмъ, какъ выпить, перекрестился, все исчезло. 100.

131. Чортъ та русалки частують человека. Чертъ съ русалками пировалъ среди поля во ржи и угощаль крестьянина; но предъ крестомъ все исчезло. 101.

132. Позычае въ чорта гроши. Вѣднякъ занялъ у черта на годъ деньги и когда принесъ долгъ, то оказалось, что его кредитора разорвали волки, а другіе черти сочли себя не вправѣ брать чужія деньги и оставили ихъ человѣку. 101—103.

133. Чортъ у неволи въ глечыну. Чертъ искушалъ на разные лады пустычника и наконецъ превратился въ рыбку и прыгнулъ въ кувшинъ, которымъ набиралъ пустывникъ воду. Пустывникъ перекрестилъ кувшинъ, завязалъ и бросилъ въ воду. Черезъ тридцать лѣтъ мужикъ, поймалъ сътью кувшинъ, открылъ его, и чертъ очутился на свободѣ. Но мужикъ, посредствомъ хитрости, снова засадилъ его въ кувшинъ и бросилъ въ озеро. 103—107.

134. Стрелецъ застрельвъ чорта, дразнившаго Бога. За это Богъ далъ охотнику постоянную удачу на охотѣ. 108.

135. Водяныкъ дытыною. Рыболовъ вытащилъ изъ воды смѣющагося ребенка, который потомъ исчезъ отъ креста. 108.

136. Манея не пуснала. Манея не давала рыболову пройти, онъ прочиталъ молитвы, ударилъ весломъ, и все исчезло. 109.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на человека. Что-то, домовыкъ или манея, сѣло парубку на шею и заставило вести себя, а потомъ толкнуло его и исчезло. 109.

138. Домовыкъ душывъ мячиху разсказчицы. 110.

139. Домовыкъ не любить, якъ ночуютъ у хливи, давить и выбрасываетъ вонъ человекъ, ночующаго тамъ. 110—111.

140. Домовыкъ ныдае коня въ ясла, что и подсмотрѣлъ человекъ, спрятавшіеся въ конюшнѣ. 111.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня—путаеъ ему гриву и пр. 111.

142. Домовыкъ не дае работы вночи и пугаетъ работавшаго въ клунѣ ночью хозяина. 111—112.

143. Домовыкови треба окропу. Для домовыкъ нужно вить въ печи кипятокъ: они его пьютъ. За неисполненіе этого домовой сжегъ своего хозяина. 112.

144. Домовыкъ на ночамгахъ. Человекъ зоветъ товарищей, а домовой отвѣчаетъ ихъ голосомъ, а вѣтъкъ ночью душить спящаго. 113.

145. Дви чирточки зъ нашихъ русалокъ. I. Женщина «на Зелену недилю» видѣла въ полѣ множество поющихъ, скачущихъ и плещущихъ руками дѣтей—это были русалки. II. Плачущей за умершей матерью дочери явилась во снѣ дивчина и сообщила, что мать ея превратилась въ русалку. 114.

146. Русалки менуться за минною. Шедшая по полю женщина увидала во ржи двухъ дѣтей. Они сейчасъ-же превратились въ большихъ русалокъ и погнались за нею. Она убѣжала, но отъ страха заболѣла и умерла. 114—115.

147. Русалки не дали ловыты рыбы. Двѣ женщины «на Русалки» ловили ночью рыбу, за ними погнались двѣ русалки

и хоть не догнали, но женщины со страху долго потомъ были больны. 115.

148. Русалки прогнали человека съ работы. Крестьянинъ копалъ въ полѣ канаву на саранчу, за нимъ погнались двѣ русалки, изъ которыхъ одна была съ книжкою; онъ заболѣлъ со страху. 115—116.

149. У русальну недилу не можна роботы: мужъ и жена, поѣхавшіе въ это время полоть просо, выдержали нападеніе русалки, отъ которой избавились они тѣмъ, что мужъ очертилъ вовъ и воловъ кругомъ и отпачивался тѣпорожъ, а жена читала молитвы. 116.

150. Человекъ сховався видъ русальны. Отъ погнавшей за человекомъ съ поля русалки онъ спрятался въ клунѣ, въ которую русалка не вошла. 111

151. Русалка не може переступить круга. Русалка, вапавъ на человека въ полѣ, не могла сдѣлать ему вреда, такъ какъ не имѣла возможности переступить черезъ кругъ, которымъ онъ себя очертилъ. 117.

152 Русалки гойдаются на гильнахъ,—это увидалъ въ лѣсу человекъ, и тогда русалки бросились за нимъ и такъ его испугали, что онъ на другой день умеръ. 117.

153. Одавъ русалкамъ дытя. Человекъ, когда на него напали въ полѣ русалки, пообщалъ ихъ, за сохраненіе своей жизни, дитя. Возвратясь домой, онъ засталъ своего ребенка мертвымъ. 117—118.

154. Русалки залоскотали дытynu. На хлопцевъ и дивчатъ напали русалки; всѣ убѣжали, кромѣ маленькой дѣвочки, и русалки зачекотали ее. 118.

155. Добра смерть. I. Человекъ служилъ у хозяина за одинъ обѣдъ. Отлуживъ свой срокъ и, возвращаясь домой, встрѣтилъ Бога, затѣмъ смерть, которую онъ накормилъ, а она дала ему краюшку хлѣба, которую, когда онъ пришелъ домой, никакъ не могла съѣсть вся семья. Затѣмъ смерть пришла къ нему въ гости и сдѣлала такъ, что у него всѣ закромы стали полны хлѣба.—II. Человекъ покумился со смертью, и она ему

посоветывала лечить больных: если она будет стоять у больного в ногах, то пусть смѣло лечитъ, а если вь головахъ—большею умереть. Человѣкъ объявилъ себя знахаремъ, и много будто бы вылѣчилъ и разбогатѣлъ. Наконецъ смерть пришла за нимъ самимъ. Увидѣвъ ее у себя вь головахъ, онъ нѣсколько разъ заставлялъ переставлять свою постель такъ, чтобы лежать къ смерти ногами; но смерть переищдалась вмѣстѣ съ постелью, и человѣкъ долженъ былъ умереть. 118—124.

156. Смерть у выходе вь хату. Смерть вошла вь хату и вышла, и какъ разъ вь этотъ моментъ больное дитя умерло. 124.

157. Смерть домовною встрѣтилась двумъ женщинамъ, и одна изъ нихъ упала мертвою. 124.

158. Смерть застрила на вулицы. Женщина шла съ больнымъ ребенкомъ отъ знахарки, встрѣтила смерть, и дитя умерло. 125.

159. Маня звищаетъ смерть, встрѣчаяся вь черной одеждѣ съ людьми или плача. 125—126

160. Смерть голосыла, идя на кладбище,—это значить, что будетъ эпидемія. 126.

161. Моровыця трычи на ринъ ходыть вь видѣ коровы по улицамъ и вь какой дворъ войдетъ,—тамъ передохнуть всѣ коровы и собаки. 126.

162. Моровыця конемъ. Конскій скелеть, обтанутый шкурою трижды пробѣжалъ ночью по селу,—будетъ моръ животныхъ. 126—127.

163. Моровыця лякае молодижъ, явившись ночью хлопцамъ и дивчатамъ вь страшномъ видѣ, съ блестящими глазами; при ея исчезновеніи ударилъ громъ. 127.

164. Чудо. За то, что мужъ и жена работали на праздникъ Чуда, ово явилось ночью, а нечистая сила такъ сдѣлала, что мужъ съѣлъ жену. 127—128.

359 Нечыста сыла у непосвяченій хати. Дѣдъ съ племянникомъ ночевали вь неосвященной хатѣ. Ночью вылетѣлъ изъ печи красный «воршикъ», перекусилъ глотку и поцарапалъ бокъ дѣду, а племяннику изорвалъ когтями грудь и вытянулъ языкъ. 387.

V. О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылитае до сына. Мать-упырь прилетаетъ на крыльяхъ къ сыну въ мельницу. Ее откапываютъ и пробиваютъ осиновыиъ коломиъ. 130.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе. Дѣвущку, попавшую въ церковь въ то время, когда тамъ говѣли мертвецы, выводитъ оттуда крестная мать, чтобы спасти отъ родной, которая съѣла-бы дочь. Другая дѣвущка, въ подобномъ случаѣ, спасла себѣ жизнь тѣмъ, что, не переставая говорить съ родной матерью, уходила отъ нея, стоя къ ней лицомъ. 130—131.

167. Завишенный не мае на тмиъ свити спомою, — ходить по селу, поеть, плачетъ. 131.

168. Мертви говіють на второй недѣлѣ великаго поста. 132.

169. Мертвыхъ треба поминати. I. Къ жевциѣ, ничего не приготовившей на поминки «на диды», явились мертвецы, и она спаслась отъ нихъ только тѣмъ, что поставила ииъ на окно бутылку съ водою и ружью. — II. Умершая баба по ночамъ ходила въ свою хату и дѣлала всякія вепрїятности хозяевамъ; а какъ только стали ее поминать, — все это прекратилось. 132—133.

170. Панъ-упырь. I. Умершїй панъ вѣздаль по Чернигову. Архіерей заклалъ его на Красномъ мосту, и онъ провалился подъ мость. Затѣмъ его откопали и пробили осиновыиъ коломиъ. II. Тотъ же панъ пропалъ въ болотѣ на Трисвятской греблѣ отъ проклятїя встрѣтившагося ему человѣка. 133—134.

171. Не беры ничого эъ мертвяна. Дѣвущка, встрѣтила мертвеца и сняла съ него платокъ. Мертвецъ явился за ниъ, заставилъ дѣвущку надѣтъ на него платокъ, схватилъ ее за руку и провалился вмѣстѣ съ нею. 134—135.

172. Макъ держытъ мерця у труни. При похоронахъ за гробомъ мертвеца, въ которомъ предполагаютъ упыря, сѣютъ «макъ-выдуту», также и въ гробъ кладутъ узелокъ съ макомъ. Тогда упырь, отираваясь съ кладбища, долженъ предварительно посчитать весь тотъ макъ, который у него въ гробу и на дорогѣ, чего онъ не можетъ уснѣть сдѣлать. Но одна баба-упырь все таки уснѣва-

да и ходила въ свою хату до тѣхъ поръ, пока священникъ не закладъ ея. 136—137.

173. Мертва живе на землѣ. Мать молила Бога, чтобы хоть во свѣ увидѣть свою умершую дочь. Въ поминальный день она встрѣтила ее и увала съ собою. Дочь жила у нея цѣлый годъ и затѣмъ исчезла въ тотъ-же самый день, въ какой явилась. 137.

174. Закладъ. Биться объ закладъ—грѣхъ. I. Парубокъ бился съ товарищами объ закладъ, что пойдетъ ночью на кладбище и прибьетъ къ кресту хустку. Но прибывая, онъ, невѣдомо для себя, прибилъ и свой рукавъ, и умеръ тамъ же со страху.—II. Подобное же (прикололъ къ землѣ свою ногу) и съ тѣхъ же результатовъ случилось съ парубкомъ, который бился объ закладъ, что оббѣжитъ ночью вокругъ старой богадѣльни, гдѣ жила нечистая сила.—III. Парубокъ, побившись объ закладъ, принесъ ночью съ колокольни языкъ церковнаго колокола; но что то бѣлое погналось за нимъ; всѣ парубки отнесли навадъ и повѣсили на мѣсто языка; но невѣдомая сила потребовала, чтобы виновникъ самъ его привѣсилъ. Тотъ отправился на колокольню и больше не возвратился: провалился сквозь землю. 137—142.

360. Мосналь-упырь. Солдатъ заходить въ пустую хату, гдѣ лежитъ мертвецъ, ѣсть и пить тамъ. Мертвецъ всталъ и задушилъ солдата. Днемъ упыря положили въ гробъ, другой солдатъ пробилъ его штыкомъ. Брызнула кровь, попала на ризу священнику, его подбросило высоко и убило. 387—388.

VI. О людяхъ съ чудесною силою (вѣдьмы, ворожеки, волшебники и проч.)

175. Видьмы вчатся видьмыты. Костоправъ показалъ ѣхавшей съ нихъ женщинѣ, какъ двѣ вѣдьмы доучивались своей маукѣ, стоя надъ берегомъ рѣки среди множества гадювъ. 144.

176. Въ науки у знахарки. Молодая женщина попросила знахарку научить ее «видьмуваты». Подробности науки, которая оказалась такою страшною, что ученица, все бросивъ, убѣжала съ перепугу. 145—147.

177. Одъ видьомъ—обереги. 147—148.

178. Якъ побачыты видьму—пять способовъ. 148.

179. Чымъ видьма являється. Разказы о явленіяхъ вѣдьмы: въ видѣ челоуѣка, овцы, сороки, щенка, собаки, ката, сита, праныка, полотна, стѣны. 149—153.

180. Черезъ видьму убывъ чоловина. Вѣдьма вскочила на плечи одному челоуѣку, а другой, не зная того, что нужно бить не самую вѣдьму, а ея тѣнь, бросился бить ее и убилъ челоуѣка. 153.

181. Видьмы на Великденъ стараются прикоснуться къ ризѣ священника, но мужины отгоняють ихъ. Одна изъ вѣдьм отомстила отгонявшему тѣнь, что у него въ церкви опали штаны. 153—155.

182. Видьма на процессіи—не можетъ обойти вокругъ церкви трижды. 155.

183. Видьма вночи видьмуе. Дивчата заночевали у вѣдьмы, которая ночью раздѣлась и, съ пѣной у рта, начала бѣгать по хатѣ, ухвативъ «рубель и качалку». Испуганныя дивчата едва убѣжали при помощи ночного сторожа. 155.

184. Видьмыне молоко. Ночевавшій у бабы солдатъ видѣлъ, какъ она, возвратясь ночью, вылевывала изъ себя молоко. Утромъ онъ отказался его пить. 156.

185. Видьма продае масло. Вѣдьму, продававшую на базарѣ масло, панъ потащилъ въ поляцію. Вѣдьма убѣжала, а за нею убѣжало и все масло изъ горшка. 156.

186. Будякове масло. Панъ не далъ поденнымъ работникамъ въ поле ничего, кромѣ хлѣба. Тогда одна женщина начала крутить верхній цвѣтокъ бѣлаго будяка и накрутила много масла, а пани жаловалась потожь, что въ тотъ день не получила и капли масла отъ своихъ сени коровъ. 157.

187. Завитна и видьма. Когда крестьяне пригласили свя-

щенника вырвать въ житѣ завитку, прилетѣла вѣдьма и начала просить не трогать завитки, но ее не послушали. 158.

188. Вѣдьмамъ треба попилъ съ купалового вогну, по-чеку онѣ и приходить за нимъ, когда хлопцы и дивчата разойдутся отъ огня. Но разъ двое хлопцевъ застѣли около остатковъ купальскаго огня, и одинъ изъ нихъ проганялъ отъ него вѣдьмъ дозою. 158.

189. Вѣдьмамъ треба сыру зѣ варенына, що на загоины варють. Если этого сыру оставить на ночь за зубами, то, нѣтя его, можно на Велькдень увидать вѣдьмъ или вынѣнять за него неразвѣнный рубль. Поэтому вѣдьмы стараются всякими способами похитить этотъ сыръ. 159—160.

190. Вѣдьма рада нехрещену дытynu, а чтобы избѣжать этого, необходимо нѣтъ горящую свѣчу въ той хатѣ, гдѣ есть некрещеный ребенокъ. 160.

191. Вѣдьма выпльовуе часточку св. Даровъ, которая превращается въ пчелку и улетаетъ вверхъ. 160.

192. Вѣдьма здѣймае зирны зѣ неба. Одна вѣдьма это сдѣлала и запрятала звѣзду въ горшкѣ въ погребъ; но дѣти, играя, выпустили ее. Оттого и звѣздъ меньше стало, что вѣдьмы ихъ снимають. 160—161.

193. Вѣдьма бойиться йирчука и потому гдѣ таковой окажется, убиваетъ его. 161—162.

194. Вѣдьмы возылы вѣдьмана. Вѣдьмы, разсердась на одного человека, который постоянно на нихъ указывалъ людямъ, вывели его во время сна на возу «на разстанькы». Но человекъ этотъ былъ вѣдьмакъ и сдѣлалъ такъ, что вѣдьмы не могли уйти отъ воза до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не отпустилъ.

195. Дядьно Хведиръ знахарь—однимъ своимъ желаніемъ онъ останавливаетъ лошадей или мельницу, заставляя даже колесо ея вертѣться въ обратную сторону; если онъ захочетъ, то ружье не стрѣляетъ, рыба не ловится, дорога не находится, велосипедистъ падаетъ съ велосипеда. 163—166.

196. Вѣдьманъ занастывъ чоловина—за то, что тотъ вкосился въ его сѣно: только глянулъ на него, тотъ заболѣлъ и умеръ. 166—167.

197. Свеморъ ворожбыть. Невѣстка не змотѣла податъ свекру воды и ушла, но не могла найти дороги и должна была возвратиться назадъ; подавъ воду, получила способность находить дорогу. 167.

198. Янъ знахарь добувавъ горилану. Знахарь служилъ у еврея старшинъ рыбакомъ, и если еврей не давалъ ему водки, то онъ свистокъ свывалъ въ его хату гадовъ и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ водки. 167—168.

199. Янъ коняча шкура полизла у шыннѣ. Шинкарь, желая, чтобы богатый хозяинъ распялся, попросилъ его наймычку добыть ему волосъ козянна. Та принесла ему волосъ съ конской шкуры, которая сама собою ползла въ шинокъ. 168.

200. Гончаръ видѣмакъ. Хлопецъ прогналъ гончара съ его мѣста, а тотъ сдѣлалъ такъ, что у хлопца голова повернулась задомъ впередъ. По просьбѣ матери потерпѣвшаго гончаря возвратилъ ему прежній видъ. 168—169.

201. Лытвинъ поробывъ, ще мосналь летивъ. Солдатъ отказался поподчивать бѣлорусса водкою, за что тотъ такъ сдѣлалъ, что солдатъ полетѣлъ по воздуху. Знающій человекъ съумѣлъ спустить его на землю. 169—170.

202. Лытвинъ одъ чаривъ вызволяе. Въ Нѣжинѣ одинъ парубокъ носваталъ дѣвушку, которая не знала, что у жениха была другая и двое дѣтей отъ нея. Покинутая обсыпала «молоду» кашинъ то зельемъ при выходѣ ея изъ церкви, и та сошла съ ума. Случайно заѣхавшій въ хату бѣлоруссъ вылѣчилъ ее своими шентаньями. 170—173.

203. Янъ лытвинъ дывчину помаравъ. Дивчина украла два горшка у бѣлорусса-гончара, но онъ сдѣлалъ такъ, что она никакъ не могла дойти домой, а всю ночь и утро ѣдала отъ вѣса къ своему двору и обратно. 173—174.

204. Лытвинъ просывъ воды. Дивчата, идя въ поле жать, не дала воды бѣлоруссу-гончару. Изъ вода превратилась въ нѣбу и вылилась на землю. 174.

205. Вовнуланъ переводючь черезъ конуть. Оскербленый на свадьбѣ «боярыня» перевелъ «молодыхъ» черезъ конуть,

и они превратились въ вовкулаковъ. Одного изъ нихъ, жену, поймали и возвратили ей прежній видъ, переведа черезъ холуть, в другой, мужъ, и до сихъ поръ бѣгаетъ. 175.

206. Панъ вовнулавою робыть. Панъ превратилъ мужика въ волка; случайно этотъ волкъ забѣжалъ во дворъ къ прирожденному вовкулаку; послѣдній сорвалъ съ него шкуру и возвратилъ ему человѣческой видъ. 175—176.

361. Щобъ видьма не влизла—подъ Ивана Купала за-тыкають крапиву за окна. 388.

VII. О кладахъ.

207. Снарбъ парубкомъ явился къ женщинѣ въ хату подъ Велькдень, прося ѣсть, и разсыпался девьгами отъ удара кочергою. 178.

208. Снарбъ у скрынн появился ночью и надъ нимъ горѣла свѣчка. Хлопецъ дважды бралъ изъ него червонцы, а въ третій разъ скрыня захлопнулась и провалилась сквозь землю и вышла потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Иерусалимъ. 178—179.

209. Помаливъ табакъ и утеравъ снарбъ. Голосъ изъ оказавшейся въ лозахъ скрынн попросилъ у прохожаго понюхать, а когда тотъ отказалъ, кладъ провалился. 179.

210. Снарбъ—Мазепина карета. I. Увидѣвъ свѣчу въ полѣ, человѣкъ бросилъ на то мѣсто воясъ, но кладъ загрохоталъ внизъ и свѣча потухла. Это была или Мазепина золотая карета, или скрыня червонцевъ.—II. На мѣстѣ, гдѣ заблипана около Выбель Мазепина золотая корета, полная денегъ, подъ землею грохочеть и земля колышется; но на Велькдень, при извѣстныхъ условіяхъ, можно откопать этотъ снарбъ.—III. Черезъ каждые три года Мазепина карета выходитъ на верхъ и бѣгаетъ надъ Десною въ видѣ коня, котораго и видѣли бабы. 179—181.

211. Злянався снарбу.—Кладъ явился человѣку въ видѣ скрынн съ деньгами; оя хотѣлъ быль ихъ брать, но испугался и убѣжалъ. 181.

212. Снарбъ знымае одъ хреста. Человѣкъ выкопалъ два

сундука денегъ; предъ тѣмъ какъ брать ихъ, жена его перекрестилась, и сундуки съ деньгами превратились въ гнилыя колоды. 181—182.

213. Снарбъ коровою, а также и другими животными, а именно: а) коровою, которая разсыпалась деньгами отъ удара, б) бѣлымъ конемъ, — такой кладъ всегда на бѣду людямъ и его не слѣдуетъ брать; брать кладъ можно, когда онъ является медвѣдемъ, волкомъ, свѣчкою; а кладъ, являющійся въ видѣ бѣлаго коня, кладутъ недобрые люди, какъ и здѣсь, — Шведы во время Мазепы. — Три разказа о копавіи кладовъ, при чемъ въ одноиъ случаѣ знахарь находитъ кладъ палочкою, но кладъ проваливается, такъ какъ копавшіе разсердили его бранью. 182—186.

214. Шкарбъ и панська мода. Человѣкъ откопалъ кладъ, но кладъ былъ съ заклатіемъ: имъ могъ пользоваться только тотъ, кто съѣстъ лежавшія на котелкѣ человѣческія испражненія. Пришлось исполнить это, и человѣкъ разбогатѣлъ. Его жена захотѣла одѣваться по пански, но, вмѣсто панскаго платья, на дѣла воловью кожу съ рогами, за что ее и выгнали изъ церкви. 187—188.

VIII.

215. Каянова жѣунна была первою вѣдьмою и ходила донть коровъ Авелевой жены. Ей встрѣтился «богъ Валосько», но не могъ ей воспрепятствовать, а она заставила его стоять неподвижно на мѣстѣ. 190—191.

216. Громницы — праздникъ «на другой день після дарной недели»: когда воскресій Спаситель сошелъ въ адъ, то мертвецы отъ радости стали цѣловаться и обниматься; Господь, видя, что ихъ никакъ нельзя развести, загремѣлъ громомъ и только тогда они съ испугу разнялись. 191.

217. Чоловикъ у Бога. Вогъ былъ въ гостяхъ у человѣка Пылыпъ, пригласилъ его къ себѣ и прислалъ за нимъ бѣлаго коня. По дорогѣ Пылыпъ видитъ: а) человѣка, бьющагося объ стѣны, б) человѣка, стоящаго въ водѣ и просящаго пить,

в) человекъ, переливающего изъ ковша въ ковшъ воду. Богъ объясняетъ, что это наказываются три грѣшника: а) не пустившій прохожаго въ ятель въ кату, б) не давшій жаждавшему воды, в) шинкарь, подливавшій въ водку воду. 191—193.

218. Богъ лучше знаетъ, чего намъ треба. Человекъ угодилъ Богу, и за это Богъ ему далъ то, чего тому хотѣлось: возможности имѣть всегда, когда захочешь, дождь. Но хотя дождь и шелъ во время, однако человекъ забылъ попросить на время цвѣтенія пшеницы легкаго вѣтерка, и оттого пшеница уродилась безъ зерна. 193.

219. Камѣнный горохъ. Сѣявшій горохъ человекъ на вопросъ Божіей Матери сказалъ, что онъ сѣетъ камень, и выросшій горохъ оказался съ каменными зернами. Одну такую горошину принесъ человекъ изъ Іерусалима. 194.

220. Середа и пятница караютъ людей. Середа и пятница, въ видѣ двухъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ходятъ въ полночь по селу и спорятъ, какую кару на людей послать: моръ и пожаръ или голодъ и войну. 194.

221. Середа и пятница гниваются, що люде ихъ не шануютъ. Человекъ, заночевавшій въ пустой хатѣ, услышалъ жалобы пришедшихъ туда среды и пятницы на то, что первую колятъ, а вторую замазываютъ и засыпаютъ кострицею. Онѣ приказываютъ въ среду не шить, а въ пятницу не казать и не прасть. 194—195.

222. Середа штовхнула съ жѣста спавшаго человекъ за то, что онъ въ среду вечеромъ ѣлъ сало, заявивъ, что среда уже спать лягла. 195.

223. Про Ерусалимъ. Одинъ здоровый парубокъ возвратился изъ Іерусалима больнымъ, такъ какъ за созерцаніемъ чудесъ забывалъ ѣсть. Тамъ, на Афонской горѣ, живетъ и Божія Матерь. Туда не пускаютъ женщинъ; одна женщина переодѣлась мужичиною и начала всходить на гору, но сорвалась и свалилась внизъ. Божія Матерь питается лишь святымъ духомъ, съ нея срисовали и прислали къ намъ икону. 195—196.

224. Хлопецъ, монахи и сарбъ. На болотѣ Трубайлѣ

стояла статуя человека съ надписью о томъ, что кто попадетъ ей въ голову, тотъ найдетъ деньги. Мальчикъ догадался, что нужно копать тамъ, гдѣ капаютъ тѣнь отъ головы статуи. Выкопавъ чугунный сундукъ съ деньгами и не будучи въ состояніи его поднять, онъ обратился къ игумену Михайловскаго монастыря; послѣдній послалъ съ нимъ двухъ монаховъ. Монахи утопили мальчика, а деньги взяли себѣ. Но мальчикъ остался невредимъ и вышелъ подь престоломъ въ монастырь. Освобожденный оттуда, онъ обвинилъ монаховъ. 196—198.

225. Де больше празнымиъ—объ этомъ заспорили еврей и христіанинъ и рѣшили за каждый праздникъ вырывать по волоску изъ бороды: еврей за еврейскіе праздники у христіанина и наоборотъ. Побѣдителейъ остался христіанинъ. 198—200.

226. Чы Велындень велыный день? Это хотѣла узнать баба и пропрала цѣлый первый день праздника въ погребъ; день оказался такимъ же, какъ и въ филиповки. 200.

227. Непысьменный пипъ—находить каждый разъ причину не говорить проповѣди. 200—201.

228. Дви проповиди надъ покойникомъ—украинца и бѣлоруса.—201.

229. Помылявсь. Архіерей, услышавъ сильный голосъ плотовщика, сдѣлалъ его дячкомъ; но дячекъ какъ то разъ забылся и крикнулъ въ церкви вмѣсто «Многія лѣта»—«Причалья!» Былъ изгнанъ. 201—202.

230. Жарына. Пріѣхалъ священникъ въ село, гдѣ люди никогда не были въ церкви. Онъ велѣлъ имъ слѣдовать,—когда они находятся въ—церкви, его примѣру. Но случайно ему упалъ за голенище сапога горящій уголекъ изъ кадильницы. Онъ началъ топтать ногою, разуваться и проч., а кіряне подражали ему. 202—203.

231. Хытрый бляхаръ, желая на обѣдѣ самъ ѣсть курное мясо, котораго ему не доставалось за священникомъ, сказалъ послѣднему, что бабы для священника рѣжутъ издыхающихъ курей. Священникъ послѣ того никогда не ѣлъ принесеннаго прижанами мяса. 203—204.

232. Незвычайна хазяйка запряталась на печь (на чердакъ) отъ священника, пршедшаго съ молитвою, но такъ, что видны были ея ноги (юбка); священникъ (дiаконь) посовѣтывалъ ей брать съ собою, уходя, и ноги (не вѣшать юпки). 203—204.

233. Страшный судъ. Жгли жуковъ на свекловичн. плантаціи, а въ народѣ распространился слухъ, что уже земля горить и начинается страшный судъ. Ошибка обнаружена была осаулою, приказавшии идти ловить жуковъ. 205—206.

IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна дружна. Чумакъ и его жена дали другъ другу обѣтъ въ вѣрности и, на время отсутствія перваго, надѣли онъ и она бѣлыми сорочки: кто согрѣшитъ, у того сорочка почернѣетъ. Узнавъ объ этомъ, встрѣтившійся чумаку купецъ бѣется объ закладъ съ послѣднимъ, что онъ соблазнить его жену, ѣдетъ къ ней, принуждаетъ ее провести съ нимъ ночь, но она поддѣвила и виѣсто себя подставила вдову, у которой и отрѣзалъ въ доказательство своей побѣды косу. По возвращеніи чумака оказывается, что купецъ ошибся. 208—210.

235. Хытра жинка силится залутанныкъ счетовъ скрыть отъ мужа растрату денегъ. 210.

236. Ленива жинка не пряде. Жена все откладывала пряденье до самой страстной субботы. Чтобы избавиться отъ нареканій мужа, она положила въ чугуны, подъ видошъ полотна, ленъ и конопли и начала парить, а мужъ долженъ былъ не пускать собаки-кудлы, иначе полотна «покудлаться». Заманивъ хлѣбомъ кудлу въ хату, жена обвинила мужа въ порчѣ полотень. 211.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убирае. Мужъ укорялъ жену, не любившую прядь, что ей не во что будетъ и одѣтъ его на смерть. Притворился мертвымъ, и жена одѣла его въ сѣтъ. Онъ побилъ ее. 211—212.

238. Жинка безъ десятой клепмы. Жена, продала на базарѣ еврею яйца; деньги онъ долженъ былъ принести изъ

дому, а чтобы легче другъ друга узнать, онъ предложилъ ей одѣть свое негодное пальто, а самъ надѣлъ ея хорошия кофужу, съ которымъ и исчезъ. Услышавъ отъ мужа, что у нея нѣтъ «десятойи клепки», она упростила бондаря сдѣлать ее ей и заплатила за это большиимъ саломъ. 212—213.

239. Якъ минуу ярмаронъ налянаваъ. Жена, не бывъ никогда ва ярмаркѣ, все приставала къ мужу, чтобы онъ ее туда повезъ. Мужъ повезъ, но подговорилъ полицейскаго назваться «ярмаркомъ» и побить его жену. Увидѣвъ послѣ этого въ церкви солдата, испуганная женщина убѣжала, подумавъ, что это «ярмарокъ». 213—214.

240. Жоноча пошесть. Жена больна: лежитъ безъ просыну и ѣсть безъ пощады. 214.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты. Желая провѣрить свою жену, мужъ сказалъ за тайну, что у него вылетѣла изо рта ворона. Жена рассказала о двугъ воронахъ и въ концѣ концовъ дошло до разбора дѣла на стодкѣ по обвиненію мужа въ излетѣ изъ него 12 воронъ. 214—215.

242. Батькова правда. Умирая, отецъ приказалъ сыну съ паномъ не кумиться, съ евреями не брататься, женѣ правды не говорить, чужихъ дѣтей не усыновлять, собакъ не вѣрять. Сынъ сдѣлался у пана приказчикомъ и покумился съ нимъ; послѣдній, отъѣзжая, поручилъ ему своего сокола. Желая провѣрить отцову правду, приказчикъ сказалъ женѣ какъ тайну, будто бы онъ зарѣзалъ сокола; жена сообщила кумѣ и т. д. Панъ хочетъ повѣсить приказчика, но дозволяетъ ему попрощаться съ родичами. Приказчикъ идетъ изъ дому,—на него бросается собств. собака, еврей не отдастъ денегъ, а приемышь готовъ за деньги принять на себя обязанности его палача. Въ концѣ концовъ приказчикъ разъясняетъ все дѣло. 215—217.

243. Удова. Обычай бросать во дворъ вдовы дрова, дерево. 218.

244. Недогадлыва дочка, услышавъ отъ матери приказаніе мѣсить хлѣбъ, пока «съ стрихи почне капаты», все ходитъ смотрѣть стриху; а оказывается, что мать говорила о потѣ со лба. 218.

245. Якъ сыны мырылы батымьв. Сыновья хотѣли разнять дерущихся отца и мать, но потокъ рѣшили оставить ихъ, т. к. они сами родные братья, а тѣ «водни чертв». 219.

246. Батымьв прокльонь. Сынъ обращался съ отцомъ грубо, а когда тотъ заболѣлъ, оставалъ его голодать. Отецъ проклялъ сына, вслѣдствіе чего онъ постепенно обѣдвѣлъ, ояъ и жена распянствовались, самъ ояъ умеръ отъ голода, попавъ пьяный въ пашенную яму, изъ которой не могъ вылѣзть, а жена—отъ пьянства. 219—226.

247. Сила клятвы. Умирая, отецъ-вдовецъ поручилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и ихъ имущество пріятелю, который поклѣлся быть имъ вѣсто отца. Но, желая забрать итѣніе сиротъ, опекунъ отравилъ одного сына мышьякомъ, а другого рѣшилъ зарѣзать и отправилъ его на ночлегъ въ поле. Но сила клятвы покарала его: случайно вѣсто сироты похѣлъ собств. сынъ опекуна, котораго послѣдній и зарѣзалъ. 227—236.

248. Гарно, якъ батыно вирае—такъ говорилъ маленькій мальчикъ убогой семьи, т. к., по случаю поминокъ покойника, было вдоволь ѣды. 237.

249. Одурена дивчына. Глухая дивчына жаловалась, что ее никто не сватаетъ. Парубокъ подслушалъ и предложилъ ей сдѣлаться его женой, убѣжавъ отъ матери и забравъ все приданое. Увези дивчыну съ скрынками, онъ повозилъ ее по селу и снова привезъ къ ея же татѣ, которой она не узнала, а самъ скрылся съ скрынками. 237—238.

250. Брехливый староста. Сватъ посваталъ дивчыну для лѣнливаго парубка, выставивъ его работающимъ при помощи двузвучнаго выраженія, потомъ истина обнаружилась. 238—239.

251. Якъ невестна маныла свиней—не разобравъ указанія свекрухи, она звала ихъ фразою «якъ у васъ, такъ и въ васъ». 239.

252. Якъ невестка навчылася свекруху шануваты. Въ семьѣ жили двѣ матери: мать мужа и мать жены. По требованію жены мужъ отвезъ свою мать въ поле. Къ ней приходитъ Морозъ и за ея вѣжливыя отвѣты награждаетъ ее шубою, послѣ

чего она возвращается домой. Позавидовавъ шубѣ, жена отправляетъ въ поле свою мать, которую Марезъ за грубость заморозилъ. Невѣстка стала тогда уважать свекровь. 240—242.

253. Якъ навчено лмыну невметну роботы. Отець и мать лбаловали свою дочь, кот. ничего не хотѣла дѣлать. Когда она вышла замужъ, то въ семьѣ мужа ее приучили работать, обусловивъ полученіе пищи исполненіемъ работы. 242—246.

254. Хлѣбъ. Человѣку тяжело было нести хлѣбъ и онъ бросилъ его на дорогѣ. Проголодавшисъ, долженъ былъ вернуться за хлѣбомъ, сказавъ, что не онъ хлѣбъ несетъ, а хлѣбъ его несетъ. 246.

255. Якъ селянынъ пѣймавъ вошна. Ночью волкъ забрался въ кошару; когда хозяинъ пошелъ туда, то волкъ, выскакывая, поваль ему промешъ ногъ, и человекъ воѣхалъ верхомъ на волкѣ. Волкъ съ перепугу издохъ, да и человекъ перепугался. 246—247.

256. Человикъ, заваленый у глыныци. Человѣка завалило глинице, его сочли тамъ похороненнымъ и отслужили надъ нимъ похоронную службу. Но онъ былъ живъ, выбрался и пришелъ вочью домой. Тамъ всѣ испугались, думая, что это мертвецъ. 247—250.

257. Лмы лмыному. Крестьянинъ попросилъ доктора вылѣчить его воловъ отъ лѣности; докторъ помазалъ имъ подъ хвостами скипидаромъ, отчего волы любѣжали. Не будучи въ состояніи ихъ догнать, крестьянинъ попросилъ доктора и ему сдѣлать то-же. 251.

258. Выпытавъ. Посредствомъ хитрости хозяинъ узналъ, что просившій у него топора парубокъ рубить дрова на землѣ, и не далъ ему топора. 251.

259. Якъ чоловикъ гостей прѣймавъ. Хозяинъ такъ заговорился, что забылъ подчивать гостей и самъ съ женою выпилъ всю водку. 251.

260. Добри люде. Нѣтъ надобности въ собакахъ: люди «оббрешуть». 252.

261. Убогій за столомъ у попа. Бѣднякъ и богачъ держали пари, что священникъ приметъ первого лучше, чѣмъ вто-

рого. Вѣдникъ достигаетъ почетнаго приѣма, сказавъ священнику, что онъ нашелъ кладъ—боченокъ золота. 252—254.

262. Якъ кума куму не послушала. Кума просила куму помочь ей жать, но та отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что «жыбирь колеться». Но когда отказавшая въ помощи явилась къ кумѣ зинюю просить муки, то та отказала ей подъ тѣмъ же предлогомъ. 254—255.

263. Ланей и наймытъ не одно. Разговоръ, изъ котораго оказывается, что въ понятіи крестьянъ должность лакея унизительна. 255—256.

264. Злодій жалуется, что нѣтъ удачи съ тѣхъ поръ, какъ началъ водить вмѣсто лошадей воловъ. 256.

265. Про воровство. Кумъ укралъ у кума медь на пѣсѣкѣ, а другой человекъ подсмотрѣлъ и потомъ указалъ вора. 256—260.

266. Пысарь—требовалъ, чтобы отецъ ругалъ курицу словами: «Штобъ тебя писарь искушалъ». Отецъ привѣдиль это въ котенку. 260.

267. Судди. Вирша, описывающая несправедливый судъ волостныхъ судей-пьяницъ. 260—262.

268. Хытрый чоловикъ—заставлялъ пана ловкою фразою отдать захваченные паномъ волю. 262—263.

269. Добре росказавъ. Панъ нобиль не понимающаго словъ наймыта; послѣдній находитъ этотъ приѣмъ подобающимъ способомъ разъясненія. 263.

270. Скупый панъ заставлялъ новара покупать все подешевле. Тотъ ему купилъ «хлякивъ» и сдѣлалъ обидное предложеніе. 263.

271. Допытався. Малорусская передѣлка фаншинъ кн. Гогенлоге. 263—264.

272. Черезъ чай свариа. Панъ угощалъ мужиковъ чаемъ: одному далъ съ сахаромъ, другому безъ, а третьему съ солью. Первый гвалиль чай, второй былъ къ нему равнодушенъ, а третій находилъ его нукуда не годнымъ. 264.

273. Хто смильно чаю пье—выходить, что больше всѣхъ—мужикъ. 265.

274. Похвалывъ. Деньщикъ сравнилъ офицера со львомъ, при чемъ оказалось, что львомъ называется у него животное, на кот. вѣзжалъ І. Христосъ въ Іерусалимъ. 265.

275. Однова по щыроты. Деньщикъ разъясняетъ офицеру, почему прислали къ нему самаго плохого деньщика. 265.

276. Москали вкралы гусню и запрятали ее въ барабанъ, почему во время обыска ее и не могли найти. 266.

277. Москали вкралы морову, зарѣзали и во время обыска положили ее на столъ подъ шинель какъ будто покойника-солдата. 266—267.

278. Москалы крадутъ масло—у бабы на базарѣ. 267.

279. Козаки вкралы коець зъ гусьмы у еврея, который поэтому не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что они потомъ взяли Плевну. 267—268.

280. Два звоцныны—малороссъ и великоруссъ, заспоривъ изъ за пассажира, говорятъ оскорбительныя вещи относительно происхожденія «тохла» и «нацапа». 268.

281. Хохлу не давай объясняться а просто бей—это сказалъ панъ, ревизовавшій писаря, и старосту, которые очень удачно изворачивались во время объясненій. 269.

282. Не зрозумили. Бѣлоруссъ и малоруссъ, говоря объ одномъ (потерянной торбѣ), считаютъ, вслѣдств. непониманія языка, что говорятъ о различномъ. 269.

283. Литвыны помынають дидивъ и сильно объѣдаются при этомъ. 270.

284. Цыганъ у монастыри. Сперва ему тамъ повравилось, но потомъ онъ такъ отощалъ на постной пищѣ, что совѣтывалъ человекѣку, хотѣвшему повѣсить собаку, отвести ее въ монастырь: тамъ она издохнетъ отъ голода. 270—271.

285. Цыганъ зъ того свиту. Цыганъ совѣтуетъ, чтобы покойнику положили хлѣба, т. к. онъ самъ на тотъ свѣтъ былъ, но отъ голода долженъ былъ возвратиться. 272.

286. Обое кращи. Цыгану предоставили выбрать себѣ для ѣды что ему лучше: или сало, или поросятину. Цыганъ находитъ лучшимъ и то, и другое. 272.

287. Поповна за цыганомъ. Поповна влюбилась въ цыгана, вышла за него замужъ, но не могла жить цыганской жизнью и убѣжала къ отцу. 272—283.

288. Жыдь-выхрестъ находить, что за крещеніе его маленького сына слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за крещеніе старшаго. 283.

362. Про жинку скупого чоловина. Скупой мужъ плохо обращался со своею женою. По совѣту священника, она притворно умираетъ, скрывается у священника, а хоронятъ пустой гробъ. Мужъ узнаетъ всю тяжесть жизни вдовца съ маленькими дѣтьми. Встрѣчаетъ свою жену у священника, женится на ней какъ на второй женѣ и старается изо всѣхъ силъ ей угождать. 388—391.

363. Стрыжено! Стрыжено! Мужъ утверждалъ, что ячмень скошено, жена, что его острижено. Поссорились, мужъ бьетъ ее, желая заставить согласиться съ собою, бросаетъ въ воду, но она и утопая показываетъ изъ воды пальцами, что стрижено. Мужъ спасаетъ ее. 391—393.

364. Чортъ посварывъ чоловика зъ жинкою. Желая поссорить хорошо жившихъ мужа съ женою, чертъ сказалъ женѣ, что мужъ умретъ, если жена не отрѣжетъ ему бритвою подъ бородою три волоска; а мужу, что жена его хочетъ зарѣзать. Увидѣвъ въ рукахъ у жены бритву, мужъ едва ее не убилъ. 393—395.

365. Якъ жинка чоловина вбывала. Жена взяла у доктора мышьяку, чтобы отравить мужа. Докторъ его предупреждаетъ. Мужъ притворяется отравленнымъ, мертвымъ. Жена хочетъ еще и повѣсить его, на время уходить, а мужъ привязываетъ вмѣсто себя товчакъ. Въ темнотѣ жена вѣшаетъ его вмѣсто мужа и объявляетъ людямъ, что ея мужъ повѣсился. Все открывается. 395—398.

366. Старшина, котораго судъ лишилъ правъ состоянія и устранилъ отъ должности, благодарить и проситъ еще и объ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. 398.

367. Старцевы гроши Нищій умеръ и въ его святѣ нашла защитыми много денегъ, на кот. купили свиней. Свинья проѣли всѣ деньги нищаго, поѣли другъ друга. Оставшійся кабанъ разрылъ могилу нищаго и умеръ на его гробу. 398—399.

368. Про добру панію. Крѣпостные плакали о смерти доброй помѣщицы, учившей, кромя того, ить хозяйничать и постоянно за нее молились. 400.

396. Догадавсь. Соблазненный тѣмъ, что бѣднякъ за два выращенные зимою огурца получилъ отъ пана пару воловъ, богачъ повезъ къ послѣднему лѣтомъ возъ огурцовъ. Панъ велѣлъ его бить этими огурцами. Мужикъ находить, что оны были очень догадливы, не привезя еще и арбузовъ, взять которые совѣтывала ему жена. 400—401.

Х. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Б.-та Ю. Хмельницын. Ю. Хмѣльницкій возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ отцовской церкви въ Суботовѣ. 288.

290. Б. Хмельницкій та король. Б. Хмѣльницкій взбунтовался, но былъ пойманъ и приведенъ предъ короля, кот. его и простилъ. 287.

291. Про Хмільныцныхъ, про Мамаю. Сынъ Хмѣльницкаго по бусурманился, возсталъ противъ отца и сбиль верхъ съ церкви въ Суботовѣ, желая найти тамъ деньги. За это оны и до снѣгъ поръ бродить въ лѣсахъ, и змѣя сосеть его сердце. Послѣ Хм. былъ съ занорожцами козакъ Мамай, въ честь его названъ Мамаевъ дубъ, подъ кот. былъ его лагерь. 287—288.

292. Орда въ Ведмедивку вошла при помощи камѣнника; село обороняла попадьа. 288.

293. Про Палія. Палій застрѣлилъ (сжегъ своимъ выстрѣломъ черта), за что и прозванъ былъ Паліемъ. Онъ сталъ пьянствовать и заложилъ у Мошки свою сивую кобылу. Когда Мазепа возсталъ противъ царицы Екатерины, Потемкинъ посовѣтывалъ пригласить Палія. Палій перебираетъ лошадей, отыскивалъ свою кобылу и выставляетъ свое знамя, увидѣвъ которое Мазепа смиряется. 288—291.

294. Мазепина хрещеныця. Къ стоявшему у Мазепина дома въ Черниговѣ часовому подошла женщина, прося креста. Онъ не далъ. Это Мазепина крестная дочь, выходящая на землю черезъ каждыя 7 лѣтъ. 591.

295. Гайдаманы. Разсказъ о кошовомъ запорожскомъ (?), вербовавшемъ гайдамакъ и трехъ гайдамацкыѣ атаманатъ его ученикахъ: Гордіѣ Саповичѣ, Бондаренко и Рацьовѣ; плѣнь семьи Саповича татарами, освобожденіе и похоронѣ ея; набѣги Бондаренка на поляковъ, пѣсня о немъ и Якименкѣ, смерть Бондаренка. Рацьовъ былъ и чуакомъ. 291—295.

296. Гайдаманы у Каневи. Сожженіе и разграбленіе Канева гайдаманами; битва гайдамаковъ съ гетманцями; гайдамаки—«характерныки»; Хильницкій—гайдамацкій полковникъ. 295—297.

297. Золота грамота. Притѣсненія поляковъ; монахи Николаевского монастыря поддѣлали и дали запорожцамъ золотую грамоту отъ имени царицы, съ позволеніемъ рѣзать поляковъ. Возстаніе и еще худшія притѣсненія со стороны поляковъ. 296—297.

298. Понятовскій та царица Катерина. Понятовскаго паны хотѣли убить; онъ не захотѣлъ быть королемъ, подарилъ Екатеринѣ Польшу, а она сдѣлала его министромъ въ Петербургѣ. 297—298.

299. Конфедераты. Паны взбунтовались противъ своего короля, а такъ какъ до него далеко, то они мучили народъ. 298.

300 Запорожци на Кубани. Насмѣшка надъ черногорскими козаками, жаловавшимися на свою плохую жизнь. 298—299.

301. Про смерть козана Половаго, возвратившагося съ Гладкихъ изъ Турціи. Онъ приказалъ вывести себя въ поле и умеръ, обратившись лицомъ къ мѣсту бывшей Сѣчи. 299.

302 Звидны узялась панщына—о томъ, какъ паны постепенно обратили свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. 300—301.

303. Кармалюнь. I. Баба, встрѣтивъ въ лѣсу Кармелюка и не зная его въ лицо, бранила его. За это онъ подковалъ ее. II. Кармалюкъ далъ бѣдняку денегъ и велѣлъ ему устроить балъ, на который обѣщалъ явиться. Панъ, узнавъ о балѣ у мужика

отправился туда съ дѣлюю наказать мужика, а Кармелюкъ тѣмъ временемъ ограбилъ пана. 302—304.

304. Писня про Кармалюка будто бы заклета въ Пакульской церкви, т. к. ее пѣлъ печистый. 305.

305. Крипаны домыдали воли и даряли чѣмъ могли того, кто предвѣщалъ имъ скорое освобожденіе. 306.

306. Про Т. Шевченна. Шевченко является людямъ трижды въ день: мальчкомъ, взрослымъ и старикомъ. 306.

XI. Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ Буковище въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго уѣзда. Въ рѣчкѣ Буковище утопилась дочь вѣдьмы; вѣдьма заклала рѣчку, и послѣдняя, въ видѣ дѣвушки, перешла въ Бѣлицу. 308—310.

308. Озеро Синее. Въ лѣсу жили братья кузнецы Кузьма и Демьянъ. Появилась змѣюка, пожиравшая людей и звѣрей. Она напала на кузню братьевъ и прогрызла дверь. Братья ухватили ее за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ соху и проорали ею ровъ до озера; здѣсь она начала пить воду и лопнула, отчего вода въ озерѣ провонялась и посинѣла. 310—311.

309. Про Глуховъ. Разсказъ старожила о расположеніи и постройкѣ Глухова въ прежнее время, о пожарѣ 1784 г., о ярмаркѣ и подымной подати. 313—315.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи. въ Черниговѣ, выстроенной будто бы по праздникамъ каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. 315—316.

311. О м. Красномъ Колядинѣ Конотопск. у. I. Рѣка Ромень высохла отъ проклятія пани Покорской, сынъ которой утонулъ въ Ромнѣ.—II. Нападеніе гайдамаковъ на жившаго въ Колядинѣ поляка Коляду; спрятанный имъ подъ воду кладъ.—III. О провалѣ церкви сквозь землю. 316—318.

312. М. Понорница Кролевецк. у. Объясненіе названія мѣстечка прозваніемъ основателя поселенія. 318—320.

313. Легенда о Поганомъ полѣ. Во времена Мавелы шве-

ды поймали двухъ дивчатъ: Катрю и Фесю; продержавъ недѣлю, отпустили. У обѣихъ родились дѣти, но Феся уморила своего ребенка и поэтому ее оставили безъ наказанія за пребываніе у шведовъ; а Катрю родной отецъ Миронъ живую закопалъ вѣстѣ съ ребенкомъ въ землю. Ночью сдѣлалась страшная буря, напугавшая Мирона. Терзаемый совѣстью, онъ умеръ. Земля его не принимала, пока не заклалъ его священникъ; но семь лѣтъ ежегодно въ ночь его преступленія поднималась буря и изъ могилы Катри слышалась мольба о прощеніи. 320—325.

314. Могила Деречыха. Во время нашествія шведовъ послѣдніе забирали народъ. Гетманъ выслалъ противъ нихъ своего сына. Они его отравили. Не имѣя войска, онъ устроилъ на Деречихѣ мельницу съ барабанами, которые такъ напугали шведовъ, что послѣдніе ушли. 326—327.

315. Рична Роменъ высохла оттого, что мать утонувшаго въ ней сына забила ее источникъ. 327—328.

316. Г. Зиньмовъ названъ такъ по имени его основателя — Зинца. 328.

XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Рамова скоро работа. Ракъ семь лѣтъ ходилъ по дрожжи и въ концѣ—разлилъ ихъ. 330.

318. Про хлопца, що ничего не боявся. Сынъ все просилъ отца показать ему страхъ; его пробовали испугать: а) дьячекъ на колокольнѣ, нарядившись мертвецомъ, б) оставивъ его ночью въ лѣсу около висѣлицы съ трупами, в) оставивъ ночевать въ пустомъ домѣ, гдѣ обитала нечистая сила. Все напрасно. Наконецъ, отецъ испугалъ его, плеснувъ на соннаго голодною водою. 330—331.

319. Негода. Зарѣзавъ свинью, мужъ оставилъ часть сала «Негоди». Жена приняла за негоду женщину въ синей одеждѣ и отдала ей сало. 332.

320. Нужда. Мужъ откладывалъ деньги «про нужду». Жена передала деньги нуждѣ черезъ солдата. Узнавъ объ этомъ,

мужъ бросился догонять солдата верхою на лошади, но солдатъ хитростью получилъ отъ него и лошадь. 332—333.

321. Маты зрадница. Вдова имѣла двухъ дѣтей, Петра и Настю, окрещенныхъ Богомъ и св. Петромъ; послѣдній подарилъ Петру жупанокъ, дающій ему силу, и ружье, благодаря которому онъ былъ превосходнымъ охотникомъ. Сойдясь съ змѣею, мать притворяется больной и даетъ сыну опасныя порученія, въ которыхъ онъ долженъ лишиться жизни; она ему велитъ: а) добыть дикой поросятины, б) добыть дикаго яблona, в) добыть «сцилющей и живущей» воды. При помощи сестры, уже вышедшей замужъ, Петро все исполняетъ. Подъ предлогомъ испытанія силы, мать заставляетъ сына снять жупанокъ и связываетъ его шелкомъ; змѣй надѣваетъ жупанокъ и убиваетъ его. Сестра оживляетъ брата «сцилющою и живущою» водою. Подъ видомъ птички онъ прълетаетъ къ матери. Змѣй хочетъ поймать птичку для своего ребенка и сбрасываетъ жупанокъ, который надѣваетъ Петро и убиваетъ змѣя.—II. Варіантъ той же сказки. 333—341.

322. Про хлопчина Покоти-Горошка. У бездѣтныхъ дѣда и бабы, при помощи ворожки, изъ яйца появляется крохотный сынокъ Покоти-Горошко. На полѣ онъ сѣлъ воу на роги и оралъ. Увидѣлъ его панъ и купилъ у старика. Мальчикъ убѣжалъ домой. Панъ снова его взялъ, но не могъ и на этотъ разъ уберечь. 341—346.

323. Про богатоге купця дочну. Купецъ отдалъ дочь въ науку къ попу, который напрасно дѣлалъ ей нечистыя предложенія. Онъ оклеветалъ ее предъ отцомъ. Отецъ послалъ двухъ сыновей съ приказаніемъ привезти сердце сестры. Пожалѣвъ сестру, братья привезли отцу сердце собаки. Дѣвушка бродила въ лѣсу гдѣ ее встрѣтилъ купецъ и женился на ней. Однажды онъ заболѣлъ и послалъ жену вмѣстѣ съ своимъ кумомъ на кораблѣ за товаромъ. Она отвергаетъ нечистыя предложенія кума, который бросаетъ ее съ ребенкомъ въ море. Ребенокъ утонулъ, а она выплыла на берегъ, случайно набрела на домъ своего отца, гдѣ ее не узнаютъ и она нанимается тамъ въ услуженіе. Туда звѣзжаетъ ее мужъ, дѣло разъясняется, куму отрѣзываютъ голову. 346—347.

324. Шептуха. Не имѣя средствъ къ жизни, баба, по совету священника, сдѣлалась шептухою. Случайно она была позвана къ тому-же священнику лѣчить его отъ нарыва въ горлѣ. Увидѣвъ ее, священникъ расхохотался, и нарывъ прорвался. 348.

325 Бачылы очи що купувалы: вѣште, хочъ повыважьте— такъ говорилъ человекъ, купившій на копейку хрѣна. 348—349.

326. Кавунъ-рябчыкъ былъ любимцемъ хозяина. Когда хозяинъ везъ арбузы, возъ опрокинулся, арбузы раскатились, а хозяинъ радуется, что рябчыкъ впереди всѣхъ. 349.

327. Смерти спужалась. Жена пьяницы призывала смерть. Солдатъ пустилъ ей въ хату ошипаннаго индюка, сказавъ, что это смерть. Испуганная жена посылаетъ смерть къ мужу. 349—350.

328. Скупый чоловікъ. Ища пропавшую лошадь, человекъ даетъ обѣтъ оставить въ церкви свѣчу за полтинникъ и во время произнесенія этихъ словъ находить лошадь. Радуется, что полтинникъ остался цѣль. 350.

329. Дрова плохіе: одно полѣно положить въ печь, и то не горить. 350.

330. Розмова. Неподдающійся пересказу разговоръ встрѣтившихся крестьянъ. 351.

331 Добре, та не думе. Разговоръ, въ которомъ все хорошее, что ни случается, оказывается имѣющимъ дурную сторону. 351—352.

332. Чого хоче. Нищій не видитъ ни одного, ни двухъ грошей, но беретъ три. 352.

333—336. Нисенитныци. 352—357.—**337. Приказки—** 358—372.—**338. Загадки.** 372—376.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Сторія о мудромъ младенцу. Мудрый и ученый младенецъ для покупки платья и коня продаетъ отца и мать и ѣдетъ къ

царю. Получивъ отъ встрѣтившагося младенца письмо къ царю, прочитываетъ въ немъ, что подателя его должны казнить, и уничтожаетъ его. Вокругъ замка царя головы на кольяхъ. Усыновившая младенца вдова разъясняетъ причину этого: прекрасная дочь царя только за того выйдетъ замужъ, кто побѣдитъ ее въ диспутахъ; въ противномъ случаѣ долженъ потерять жизнь. Младенецъ хочетъ добыть царевну. Три дня щастливо отвѣчъ еѣ на ея вопросы и задаетъ ей вопросъ: кто отца превратилъ въ коня, а мать въ одежду. Царевна проситъ отсрочки до утра, неузнанная приходитъ къ младенцу, опьяняетъ его напитками и поцѣлуями и вывѣдываетъ отвѣтъ. Но она забыла у младенца перстень со своимъ именемъ. Когда ведутъ его на казнь, онъ показываетъ перстень царю. Царевна отрицаетъ принадлежность ея перстня, утверждаетъ, что ея перстень у нея и представляетъ поддѣльный. Царь выдаетъ ее замужъ за младенца. 402—410.

Повѣсть о Агій о царю. Царь Агій нашелъ ложными евангельскія слова о томъ, что богатые обнищаютъ, а нищіе обогащаются, вырвалъ листъ съ ними изъ Евангелія, а священника заключилъ въ тюрьму. На охотѣ царь погнался за оленемъ, сбросилъ одежду, чтобы переплыть рѣку. Ангель принялъ на себя видъ царя, взялъ его одежды и царствовалъ вмѣсто него три года, Агій-же три года былъ нищимъ, послѣ чего царство было снова ему возвращено. 410—412.

Чудо святителя Христова Николая. Св. Николаю явился въ дорогѣ въ страшномъ образѣ дьяволъ. Укрѣпленный св. Духомъ, св. Николай повергаетъ дьявола на землю и заставляетъ признаться въ его нахвреніяхъ, затѣмъ ввергаетъ его въ бездну. 413—415.

Слово о смерти и о рыцере богатомъ и славномъ, который не боялся смерти и искалъ ее; встрѣтилъ, ивасталь своею силою, а смерть доказывала свою. Оружіе не помогло ему, и онъ умеръ. 415—420.